

ТАЙНЫ

Век XIX–XX

П. Е. Щеголев

ОХРАННИКИ,
АГЕНТЫ, ПАЛАЧИ

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век XIX–XX

П. Е. Щеголев

ОХРАННИКИ, АГЕНТЫ, ПАЛАЧИ

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
2004

УДК 947
ББК 63.3(2)
Щ 34

Составитель Ф. Лурье

Щеголев П. Е.

Щ34 Охранники, агенты, палачи/Состав., вступит. ст.,
примеч. Ф. Лурье. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб,
2004. — 288 с. — (Тайны истории в романах, повестях
и документах).

ISBN 5-275-01092-3

Выдающийся пушкинист и историк освободительного движения в России П. Е. Щеголев (1877—1931) четверть века занимался изучением деятельности подразделений Министерства внутренних дел. Его книги, посвященные политическому сыску и полицейской провокации, не переиздавались с 1930 года и давно представляют чрезвычайную редкость. В предлагаемый читателю сборник вошли наиболее интересные работы П. Е. Щеголева о руководителях тайной полиции, жандармских офицерах, филерах, секретных агентах и провокаторах.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

**УДК 947
ББК 63.3 (2)**

ISBN 5-275-01092-3

© Ф. Лурье состав, вступительная статья и примечание, 2004
© ТЕРРА—Книжный клуб, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) — выдающийся ученый, филолог, историк, человек разностороннейших дарований. Он известен как исследователь, издатель, публицист, один из редакторов журнала «Былое».

Выходец из крестьян, Щеголев был близок к революционным кругам и несколько раз подвергался репрессиям со стороны правительства. В 1899 г. его арестовывают в первый раз за организацию крупного студенческого выступления. Вплоть до 1903 года он находится в ссылке. В 1909 г. Щеголева за издание журнала «Былое» приговаривают к трем годам тюремного заключения. В Петропавловской крепости, где он отбывал срок, была написана известная монография об «утаенной любви» Пушкина.

Диапазон научных интересов Щеголева велик — от Древней Руси до начала XX века. Известный труд «Дуэль и смерть Пушкина» (1916 г.) является классическим в пушкиноведении. Щеголев известен и как драматург («Заговор императрицы», написан совместно с А. Н. Толстым) и как литературный мистификатор («Дневник Вырубовой» опять же с Алексеем Толстым). Он автор двухтомной «Книги о Лермонтове», исследования об «Алексеевском равелине».

Среди его работ выделяются три темы, которые привлекали ученого всю жизнь: декабристы, Пушкин и «потаённые» архивы.

Его увлечение архивами началось в мае 1905 года. Именно тогда сотрудники Департамента полиции совершили чудовищную ошибку: они разрешили «...окончившему курс Университета Павлу Елисеевичу Щеголеву ознакомиться для целей литературного труда с хранящимися в Архиве бывшего III Оделения собственной его императорского величества канцелярии документами и материалами, представляющими интерес для истории русской литературы и общественной жизни в эпоху императора Николая II». Именно во время работы с документами архива у Щеголева и появилась мысль об издании журнала, посвященного истории освободительного движения в России. Журнал начал выходить в январе 1906 года и был запрещен осенью 1907 г. Издатель оказался в

тюрьме. С 1911 г., выйдя из тюремной одиночки, П. Е. Щеголев продолжил активную литературную и научную деятельность. Уже через два года ему была присуждена Пушкинская премия и начали поговаривать о баллотировании его в Академию наук. Настал период благополучия. С первых дней Февральской революции по всей России запылали костры, в которых горели документы охраны: полицейских участков, жандармских управлений и других служб Министерства внутренних дел империи.

Слишком многие желали уничтожить секретные документы!

В марте 1917 г. Временным правительством была сформирована Чрезвычайная следственная комиссия для «расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц». В ее работе участвовало довольно много людей, в т. ч. П. Е. Щеголев (кстати, главным редактором стенографических отчетов пригласили А. Блока). Материалы, собранные комиссией, были обработаны, отредактированы и изданы Щеголевым в 1924—1927 годах под названием «Падение царского режима» (в семи томах).

В начале лета 1917 г. была создана еще и Особая комиссия для обследования деятельности бывшего Департамента полиции и подведомственных департаменту учреждений. Председателем ее был назначен П. Е. Щеголев. Задачи Особой комиссии были сформулированы так:

«1. Выяснить наличный состав секретной агентуры при всех учреждениях, занимавшихся политическим сыском с 1905 по 1917 г. И приготовить список секретных сотрудников...

4. Составить детальный отчет о положении политического розыска в России в эти годы».

Надо ли говорить, что благодаря этому назначению, П. Е. Щеголев стал крупнейшим знатоком политического сыска и политической провокации в России.

В томе, который мы предлагаем Вашему вниманию, помещены основные труды П. Е. Щеголева по этой теме: «Агенты, жандармы, палачи», 1922 г., «Охранники и авантюристы», 1930 г. и отдельные статьи из журнала «Былое», который Щеголев продолжал редактировать до 1926 г.

УЧРЕЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА И ИХ ПЕРВЫЙ ИСТОРИК

Более шестидесяти лет миновало со дня кончины Павла Елисеевича Щеголева. Его имя несколько затушеввалось в глубинах минувших десятилетий, но никогда не исчезало вовсе. Сегодня оно засверкало с новой силой — начали переиздаваться его книги. Большинство трудов П. Е. Щеголева сохранили актуальность, они и сегодня читаются с неослабевающим интересом. Список его работ насчитывает более семисот названий и включает исследования по русской литературе, истории освободительного движения, пьесы, киносценарии и даже либретто¹. Он — автор знаменитой «Дуэли и смерти Пушкина», двухтомной «Книги о Лермонтове», «Алексеевского равелина», редактор всех семидесяти номеров журнала «Былое», первого легального журнала, посвященного истории освободительного движения в России. Трудно поверить, что все это сделано одним человеком за короткую пятидесятилетнюю жизнь.

Современное пушкиноведение немыслимо без фундаментальных исследований П. Е. Щеголева, но и история русского освободительного движения не может быть написана без использования его многочисленных трудов и опубликованных им ценнейших архивных документов. Литературоведы считают П. Е. Щеголева историком русской литературы, выдающимся пушкинистом, историки — крупным исследователем освободительного движения в России, непревзойденным знатоком царской охранки и полицейской провокации. Труды П. Е. Щеголева распределяются примерно поровну между историей литературы и историей освободительного движения. Начиная с литературоведения, истории русской литературы и не оставляя их до конца жизни. Чуть позже появились его работы по освободительному движению. Быть может, в другое время Павел Елисеевич не проявил бы себя как историк освободительного движения, но сама жизнь и, конечно же, убеждения подтолкнули его к этому. Многие исследования П. Е. Щеголева по истории русской литературы предприняты им лишь в связи с тем, что они теснейшим образом связаны с освободительным движением. Поэтому в его занятиях

историей и литературой тему освободительного движения следует признать главенствующей.

Изучать историю освободительного движения в России, не затрагивая политического сыска и полицейской провокации, невозможно. Очень часто важнейшие исторические события начинались с глубинных толчков, зарождавшихся в кабинетах руководителей Министерства внутренних дел. Павел Елисеевич превосходно понимал это уже в самом начале своей исследовательской деятельности. Впервые ему пришлось познакомиться с учреждениями политического сыска не по документам — он ощутил их действия на себе; дальнейшие жизненные обстоятельства побудили его стать первым историком российского политического сыска.

Дед П. Е. Щеголева, Никифор, безграмотный николаевский солдат, отбывал на Кавказе долгую воинскую повинность, отец окончил полковую школу для солдатских детей и служил в гарнизоне по писарской части. Подневольная воинская повинность, предусмотренная происхождением, отличалась тем, что крестьянский сын при рождении приписывался к помещику, а солдатский сын, кантонист, — к Военному министерству, и судьбой его безраздельно распоряжалась оно и только оно. Лишь коронационным манифестом от 26 августа 1856 года Александр II, в ряду прочих милостей, освободил солдатских детей от принудительной принадлежности к военному ведомству.

Дядя Павла Елисеевича, Иван Никифорович, продиктовал любопытные воспоминания, в которых описал возвращение Щеголевых на родину отца:

«В январе 1861 года отец за выслугу 20 лет военной службы получил чистую отставку с обязательством — волосы стричь, бороду брить, по миру не ходить, приискать себе род жизни и приписаться к свободному податному сословию.

Продав дом с надворными постройками и простившись с нашей родиной, друзьями и знакомыми, в конце марта месяца того же года мы двинулись в путь: мать с тремя детьми сидела в повозке с кибиткой, запряженной в одну лошадь, отец шел сбоку лошади, а я и брат шли сзади кибитки. Так мы из Грузии направились на родину своего отца — в село Верхнюю Катуховку Воронежского уезда, к которой отец пожелал приписаться и заняться хлебопашеством»². Далее следуют красочные описания длительного, неспешного путешествия через половину России с юга на север, встречи с родней, деревенского родового щеголевского дома, непривычной гражданской жизни.

В Верхней Катуховке 5 апреля 1877 года родился Павел Елисеевич Щеголев. Его отец, как человек редкой для деревни грамотности, служил по «письменной части при мировом посреднике». В 1883 году мировой посредник пошел на по-

вышение. Оказавшись в Воронеже мировым судьей, он вызвал из деревни Елисея Никифоровича.

В 1886 году П. Е. Щеголев поступил в подготовительный класс Воронежской гимназии. Время его обучения совпало с самыми мрачными годами гимназических реформ. После выстрела Д. В. Каракозова и наступившей в связи с этим реакцией Александр II в 1866 году назначил министром народного просвещения графа Д. А. Толстого, человека, прославившегося крайне консервативными взглядами. 30 июля 1871 года, вопреки мнению большинства членов Государственного Совета, ему удалось добиться высочайшего утверждения нового устава, по которому изнурительному заучиванию латинского и греческого языков отводилась почти половина учебного времени, а уроки русского языка заполнялись зубрежкой правил церковно-славянской грамматики. Изучение русской литературы ограничивалось весьма формальным знакомством с творчеством Пушкина, Лермонтова и Гоголя. На развитие творческих начал, на размышления у гимназистов времени не оставлялось специально. Именно эту основную цель преследовал толстовский устав. В 1880 году просветительская деятельность Толстого закончилась. На посту министра просвещения Толстого сменил А. А. Сабуров, а его в 1882 году — И. Д. Делянов. После попытки цареубийства 1 марта 1887 года министр просвещения издал пресловутый циркуляр о «кухаркиных детях», по которому от директоров гимназий требовалось всемерно ограничивать доступ в гимназию детям «кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детей коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, вовсе не следует выводить из среды, к коей они принадлежат»³. Кроме того, в гимназиях резко возросла плата за обучение.

За все время учебы в Воронеже П. Е. Щеголев был единственным гимназистом из крестьянской семьи, и не выгнали его из классической гимназии благодаря редкостным способностям.

«Воронежская гимназия, — писал он в неопубликованной автобиографии, — была в это время типичной «толстовской» гимназией, в которой классическая система в полной мере выполняла поставленную ей политическую задачу обезличить учеников и подавить в зародыше инстинкты общественной деятельности. С внешней стороны все обстояло как будто прилично: гимназический режим не был резким и жестоким, но он был бессмысленным и тупым, он даже не мог привить любви ни к науке, ни к литературе. Образование можно было получить только за стенами гимназии, и могучим средством образования явилось, конечно, чтение книг, к которому я пристрастился с детских лет. Читал я преимущественно классиков — Пушкина, Гоголя, Жуковского, Тургенева и, нако-

нец, Достоевского и Л. Толстого, читал запойно, целиком полные собрания. Как это ни странно, возбуждал и поддерживал мою страсть к чтению не кто иной, как мой отец, «солдатский сын», не сильно грамотный, веровавший, может быть, даже суеверно, в силу просвещения⁴.

Учась на «медные деньги» отца, Щеголев с седьмого класса прирабатывал рецензиями на «театральные сезоны» и репетиторством. Одним из его учеников был сын Г. А. Русанова, восторженного почитателя Л. Н. Толстого. 1 апреля 1894 года Толстой приезжал в гости к Русановым. 34 года спустя Павел Елисеевич вспоминал: «Разговор шел общий, главным образом на литературные темы. Лев Николаевич интересовался, что читали мы, подрастающее поколение. Читали мы все много, я в особенности. Некоторое время Льву Николаевичу не удавалось назвать ни одного произведения, которое было бы нам не известно. Но на Диккенсе мы были пойманы... — Ну, я вам завидую, — сказал Лев Николаевич, — какое вам предстоит удовольствие, а я уж прочел. <...> Когда на другой день Лев Николаевич уезжал, мы, школьники, приступили к нему с просьбой написать «на память». Он исполнил просьбу и много читавшему гимназисту написал на клочке бумаги: «Желаю Вам думать самому. Лев Толстой». Это наставление оказало на меня значительное влияние»⁵.

Через пять лет, сидя в мрачной одиночной камере столичной тюрьмы, П. Е. Щеголев с грустью вспоминал уютную гостиную в воронежском доме Русановых, неторопливое чтение вслух чеховского «Черного монаха», его героя Коврина, восторженные восклицания Л. Н. Толстого⁶. Позже университетский студент и великий писатель встречались еще, а в 1908 году обменялись письмами. Л. Н. Толстой высоко оценивал литературно-редакционную деятельность П. Е. Щеголева⁷.

В 1895 году П. Е. Щеголев закончил гимназию с серебряной медалью и в том же году поступил на санскрито-персидско-армянский разряд факультета восточных языков Петербургского университета. Что повлияло на крестьянского сына при выборе этой экзотической специальности, он и сам объяснить не мог. Однако тяга к русской литературе побудила его к одновременным занятиям на историко-филологическом факультете, ставшими для него основными.

В университетские годы для заработка П. Е. Щеголев писал рецензии на книги и статьи по русской истории и литературе, что явилось превосходной школой для его дальнейшей научной работы. За 1897 — 1899 годы им написано почти пятьдесят рецензий — большая работа для студента, посещавшего лекции на двух факультетах и занятого самостоятельными исследованиями. За первое оригинальное сочинение «Очерки истории отечественной литературы: Сказание Афродитиана», посвященное древнерусской письменности и напе-

чатанное в «Известиях русского языка и словесности Императорской Академии наук», П. Е. Щеголеву 26 января 1899 года Совет университета присудил золотую медаль. Медаль торжественно вручили 12 марта, а на другой день талантливо-го студента исключили из университета как активного участника противоправительственных выступлений.

«Общественное возбуждение, — вспоминал П. Е. Щеголев, — открывшее эпоху последнего подъема к первой русской революции, не могло не затронуть университета, оно-то и прервало мои занятия наукой. Это было время легального выступления марксизма и победоносной его борьбы с народничеством; время оживления борьбы рабочих с капиталистами, сопровождавшееся крупной победой (фабричный закон 2 июня 1897 года), время деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», окрашенной в эти годы в цвета «экономизма». В среде студенчества тоже шла борьба между социал-демократами и только что народившимися социалистами-революционерами»⁸.

8 февраля состоялось избиение студентов полицейскими, спровоцированное начальником столичного охранного отделения. Комиссия под председательством генерала П. С. Ванновского, назначенная для расследования студенческих беспорядков, не смогла отрицать провокационной роли полиции. П. Е. Щеголев был одним из руководителей студенческих выступлений и пострадал за это дважды: один раз за участие в них, второй раз за публикацию в журнале «Былое» рецензии на доклад генерала П. С. Ванновского.

24 марта в 9 часов вечера у П. Е. Щеголева начался обыск, в 7 часов утра 25 марта обыск закончился и его отвели в Полицейский дом Спасской части, 29 марта переместили в С.-Петербургскую одиночную тюрьму («Кресты»), где в камере № 862 он просидел до 7 мая и был отправлен в Дом предварительного заключения.

В Доме предварительного заключения П. Е. Щеголев сделал первый шаг в изучении карательных учреждений царской охранки. Там он подготовил два коротких наброска: «Заметка о местах предварительного заключения»⁹ и «Заметка об одиночном заключении»¹⁰. Наверное, Павел Елисеевич не имел намерения их публиковать, они так и остались в его гигантском архиве — три развернутых листа из толстой ученической тетради. В конце первой рукописи проставлена дата — 9 мая 1899 года. Заметка содержит подробное описание Полицейского дома Спасской части, Петербургской одиночной тюрьмы и Дома предварительного заключения с размерами камер и условиями жизни подсудимых. Двадцатидвухлетний автор успел изучить Устав уголовного судопроизводства и сопоставил реальную тюремную жизнь с предписываемой уставом. Вторая рукопись отразила наблюдения и переживания П. Е. Щеголева.

После двухмесячного скитания по столичным местам предварительного заключения П. Е. Щеголева освободили по подписке о невыезде из Петербурга до назначения наказания за участие в студенческих волнениях. Это ожидание он использовал на противоправительственную пропаганду среди рабочих Путиловского завода, за что восемь месяцев провел в уже знакомом ему Доме предварительного заключения.

Бывший студент напрасно ожидал следствия и суда над ним за совершенные противоправительственные действия. У полицейских властей имелся более простой способ наказания провинившегося. Об этом позаботился еще император Александр III, — 14 августа 1881 года он утвердил Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия¹¹. Положение об усиленной охране, так его называют для краткости, просуществовало до Февральской революции. В заключительной его части регламентирована процедура высылки неугодных лиц в административном порядке. Согласно Положения об усиленной охране полицейские власти, «убедившись в желательности высылки частного лица, представляют об этом министру внутренних дел» доклад с «объяснением оснований к принятию мер»¹². Министр внутренних дел передавал «представление» на рассмотрение Особого совещания при Министерстве внутренних дел. Пункт 34 Положения об усиленной охране гласил: «Представление этого рода рассматривается в Особом совещании, образованном при Министерстве Внутренних дел, под председательством одного из товарищей министра, из четырех членов — двух от Министерства внутренних дел и двух от Министерства юстиции. Постановления сего Совещания представляются на утверждение министра внутренних дел»¹³. Особое совещание заочно выносило решение об отправке в ссылку сроком до пяти лет, а в случае необходимости могло продлевать этот срок сколько угодно раз.

Из Дома предварительного заключения П. Е. Щеголева в административном порядке отправили в Полтаву в ссылку. Там впервые проявилось его исключительное чутье на разыскание документов. Это свойство П. Е. Щеголева впоследствии поражало исследователей. В Полтаве Павел Елисеевич обнаружил остатки семейного архива Гоголей-Яновских, материалы из которого позволили ему опубликовать четыре статьи, посвященные молодому Н. В. Гоголю. «В Полтаве я прожил 1900—1901 годы, — писал Щеголев. — Тут подошло разрешение моих дел: приговор по студенческому делу (два года полицейского надзора) был погашен приговором по рабочему делу — три года ссылки в Вологодскую губернию. Уже после моего отъезда в Вологду я был привлечен к новому, третьему, дознанию при Полтавском жандармском управлении — о распространении «Южного рабочего» и «Искры». По этому дознанию в 1902 году я был арестован уже в Вологде, просидел

четыре месяца в Вологодском остроге, но дальнейшего развития это дело не получило»¹⁴.

Вологодская колония политических ссыльных в бытность там Павла Елисеевича «представляла любопытнейший и красочный конгломерат». Одновременно со Щеголевым в ссылке находились А. В. Луначарский, А. А. Богданов-Малиновский, Б. В. Савинков, А. М. Ремизов, Н. А. Бердяев, группа членов киевского «Союза борьбы» и другие. Несмотря на существенные расхождения в убеждениях, политические ссыльные часто собирались вместе и слушали доклады Луначарского, Бердяева, Ремизова, взаимно обогащая друг друга.

Но ссылка есть ссылка, и П. Е. Щеголев всеми силами рвался из нее в Петербург, он считал необходимым закончить университет и продолжить научную работу. Сохранилась его переписка с академиками А. Н. Веселовским и А. А. Шахматовым с просьбами помочь возвратиться в столицу. Основная трудность заключалась в том, что П. Е. Щеголев наотрез отказался писать прошение о помиловании. Наконец, хлопоты успешно завершились, и он весной 1903 года сдал экстерном за университетский курс по историко-филологическому факультету. Глубокие знания и известность в академических кругах — до 1903 года он опубликовал более ста работ (большинство рецензии) — давали Щеголеву право на зачисление в Университет для подготовки к преподавательской деятельности. Но профессор И. А. Шляпников воспротивился его оставлению на кафедре русской литературы. С мечтой об академической карьере пришлось расстаться, и Щеголев поступил на службу в редакцию журнала «Исторический вестник», но от научной работы не отказался.

События 9 января 1905 года оказали на П. Е. Щеголева сильнейшее влияние. Он с известным историком Н. П. Павловым-Сильванским наблюдал прицельную стрельбу по мирным людям¹⁵. Под впечатлением виденного Павел Елисеевич решил приступить к изучению истории русского освободительного движения. Н. П. Сильванский и П. Е. Щеголев сразу же после 9 января начали подготовку к изданию «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева¹⁶. После завершения работы над «Путешествием» П. Е. Щеголев перешел к чтению документов, связанных с восстанием декабристов. Для получения разрешения на работу с материалами архива III отделения он обратился за ходатайством в Академию наук. 17 мая 1905 года на имя председательствующего по Отделению русского языка и словесности академика А. Н. Веселовского из Департамента полиции пришло следующее письмо:

«Вследствие отношения от 5 мая за № 214 о разрешении окончившему курс университета Павлу Елисеевичу Щеголеву ознакомиться для целей литературного труда с хранящимися

в архиве бывшего III отделения собственной его императорского величества канцелярии документами и материалами, представляющими интерес для истории русской литературы и общественной жизни в эпоху императора Николая I, Департамент полиции имеет честь уведомить названное Отделение императорской Академии наук, что к удовлетворению изложенного ходатайства препятствий не встречается»¹⁷.

Перед Щеголевым открылся архив III отделения, пошла захватывающая работа с делами С. И. Муравьева-Апостола, А. С. Грибоедова, В. Ф. Раевского, П. И. Пестеля, П. Ф. Шаховского, Н. И. Тургенева, П. Г. Каховского, И. И. Горбачевского, материалами о женах декабристов М. Н. Волконской, Е. И. Трубецкой, К. П. Ивашевой, А. Г. Муравьевой, Е. П. Нарышкиной. От декабристов П. Е. Щеголев перешел к делам, по которым в открытую, легальную печать не просачивалась ни одна публикация, основанная на документах. Он читал и копировал документы сыска, дознаний и судебных процессов петрашевцев, С. Г. Нечаева, народовольцев... Перед ним раскрылись тайны тайн, богатейшие материалы по недавним событиям, очевидцы которых были еще живы, но темы оставались запрещенными. Павел Елисеевич познакомился с новейшими материалами, о которых знал лишь понаслышке или вовсе не знал, он стал обладателем достоверных сведений об участниках освободительного движения, сведений, которые строжайше скрывались многие десятилетия.

При каждом посещении архива III отделения П. Е. Щеголев не переставал удивляться тому, что его пропускали в хранилище и давали работать. И он торопливо копировал бесценные документы, делал заметки, описания. Конечно же, власти совершили опрометчивый поступок. Выражаясь современным языком, произошла утечка информации. И какой! И в какие руки она попала! Работая в архиве, П. Е. Щеголев впервые натолкнулся на едва различимые черты полицейской политической провокации, обнаружил ее влияние на ход исторических событий, понял, что революционное движение не может быть изучено в отдельности от действий политического сыска и полицейской провокации.

Материалов собралось столь много и такого содержания, что даже в 1905—1906 годах появились непреодолимые трудности с публикацией, — никто не хотел их печатать, опасаясь преследования властей. Напрасивался единственный выход — самому приступить к изданию журнала, посвященного истории освободительного движения в России. Именно во время работы с документами архива III отделения у П. Е. Щеголева появилась эта мысль.

«Со времени моего возвращения из ссылки, — писал П. Е. Щеголев, — я не принимал активного участия в революционном движении, но с ним были связаны мои научные интере-

сы, мои занятия в области, как тогда выражались, «освободительного» движения. 1905 год дает новое направление моей деятельности, дает толчок к широкому массовому распространению знаний истории революционного движения. С этой целью В. Я. Яковлев-Богучарский и я разработали в подробностях план издания журнала, посвященного истории освободительного движения в России»¹⁸. Журнал «Былое» начал выходить в январе 1906 года и был запрещен в октябре 1907 года. С названием «Былое» пришлось расстаться, и редакторы весь 1908 год, скрываясь от Главного управления по делам печати под чужой фамилией, выпускали журнал «Минувшие годы». После Февральской революции П. Е. Щеголев один возобновил издание «Былого» и редактировал его до 1926 года. Одновременно с журналом «Былое» Щеголев участвовал в редактировании сборников документов «Русская историческая библиотека», посвященных также истории освободительного движения в России и выходивших в 1906—1907 годах.

В журнале «Былое» печатались воспоминания участников революционного движения, статьи и документы, относящиеся к политическому сыску, полицейской провокации, методам борьбы Департамента полиции с революционным движением. Впервые в легальной печати журнал открыто разоблачал тайных полицейских агентов, публиковал документы, полученные нелегальным путем из секретных архивов Министерства внутренних дел. Из номера в номер «Былое» печатало материалы о противозаконных действиях царской администрации. Временные рамки журнала распространялись от конца XVIII века до 1905 года включительно. П. Е. Щеголев неутомимо выискивал и бесстрашно публиковал свидетельства о мерах, применявшихся политическим сыском против тех, кто осмеливался вступать в борьбу с самодержавием. Абсолютное большинство этих материалов появилось на страницах «Былого» впервые и впоследствии никогда не переиздавалось.

Журнал выходил тридцатитысячным тиражом и «зачитывался до дыр». «Былое» в Смоленске имеет большой успех, — писал П. Е. Щеголеву народоволец М. Ю. Ашенбреннец, — все экземпляры в книжных магазинах берутся нарасхват и каждая книжка делает множество оборотов»¹⁹. Громадный успех журнала объясняется тем, что «в области историко-революционной «Былое» явилось своего рода откровением для массового читателя, но и для ветеранов революции «Былое» давало много нового материала, как мемуарного, так и документально-официального, извлеченного из сокровеннейших правительственных источников»²⁰. Новое о прошлом узнавали и чиновники Министерства внутренних дел, и жандармские офицеры охранных отделений, занимавшиеся политическим сыском.

Напряжение в стране, вызванное революционным подъемом, заставляло власти терпеть существование журнала, на-

полненного ярко выраженным противоправительственным содержанием, и они терпели. Приведу отзыв о журнале «Былое», принадлежащий крупному деятелю политического ссыла, основателю московской школы филеров Е. П. Медникову. «Если прочесть несколько книг «Былого», — писал он своему бывшему начальнику и другу, известному охраннику С. В. Зубатову, — то можно сделать заключение, что это не история революционного движения, а просто святцы и житие святых мучеников и сподвижников»²¹.

Первые полгода журнал выходил почти беспрепятственно, но в Петербургском комитете по делам печати за ним наблюдали с опаской и раздражением. Каждый номер внимательно прочитывался действительным статским советником А. М. Андрияшевым, фактическим цензором журнала. Наконец, ему удалось найти материал, на основании которого, как ему казалось, можно расправиться с враждебным монархии журналом. В седьмом номере «Былого» П. Е. Щеголев поместил свою статью без подписи «С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине в 1873—1883 гг.».

3 августа 1906 года состоялось заседание Петербургского комитета по делам печати, на котором А. М. Андрияшев сделал доклад об июльской книге «Былого»²². 5 августа Главное управление по делам печати отправило в С.-Петербургскую судебную палату постановление о привлечении П. Е. Щеголева к ответственности по статьям 107 и 128 Уголовного уложения²³. «Судебная палата, — писал в 1917 году П. Е. Щеголев, — вознаградила усмотрение г. Андрияшева не в полной мере: она отвергла статью 128 и присудила по статье 107 одного из редакторов Щеголева к заключению в крепости на 2 месяца. Этот приговор по ст. 107 едва ли не был единственный в судебной практике»²⁴. Статья 107 Уголовного уложения 1903 года предусматривала наказание «Виновного в оскорблении памяти усопших Царствовавших Деда, Родителя или Предшественника Царствующего Императора <...>»²⁵.

В 1903 году завершились репрессии против П. Е. Щеголева за его участие в революционном движении, в 1906 году начались репрессии за распространение сведений из истории революционного движения в России. Октябрьский номер «Былого» за 1907 год оказался последним. Лишь в 1912 году редакторам стало известно, что «Былое» закрыли по настоящему требованию провокатора Е. Ф. Азефа, узнавшего, что один из фактических редакторов журнала В. Л. Бурцев располагал некоторыми сведениями о нем и намеревался их опубликовать.

Против редакторов «Былого» возбудили судебное преследование. До решения дела П. Е. Щеголева выслали из столицы, и он поселился в Сестрорецке. При очередном нелегальном посещении Петербурга его задержали и посадили в арестантское отделение Коломенской полицейской части, затем постанов-

лением Особого совещания выслали в Юрьев (Тарту) под негласный надзор полиции, оттуда — в Любань. После слушания дела о журнале «Былое» 13 января 1909 года Петербургской судебной палатой П. Е. Щеголев был осужден на три года заключения в крепости. Не без использования связей удалось поместить Павла Елисеевича в «Кресты», где ему предстояло просидеть в одиночной камере два года и четыре месяца.

П. Е. Щеголеву, известному историку и литературоведу, тюремная администрация создала необычные условия — ему, политическому заключенному, разрешили пользоваться книгами в неограниченном количестве. Он смог продолжать научную работу. В тюрьме им написан ряд выдающихся исследований, что дало повод для неуместных шуток о пользе для него одиночного заключения²⁶.

Одиночное заключение разрушало нервы и убивало трудоспособность, голова заполнялась тревожными мыслями, волнениями о близких, о будущем, появлялись мнительность, необоснованные предчувствия, страх. 7 апреля 1911 года тюремный врач признал состояние здоровья Павла Елисеевича неудовлетворительным. Академики В. Ф. Корш, Н. А. Котляревский, С. Ф. Ольденбург, Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов обратились с очередной просьбой к министру юстиции И. Г. Щегловитову о досрочном освобождении П. Е. Щеголева. «Высочайшее соизволение последовало в Царском Селе 3 мая 1911 года»²⁷.

Выйдя из тюрьмы, П. Е. Щеголев продолжил литературную и научную деятельность. В издательстве «Огни» он выпустил несколько книг мемуаров декабристов, сотрудничал в прогрессивном журнале «Современник» и газете «День». 19 октября 1913 года за исследования в литературоведении Академия наук присудила ему Пушкинскую премию, на соискание премии рассматривалось тридцать девять работ. Во время 1-й мировой войны он участвовал в издании журнала «Отечество», летом 1916 года вышла в свет долгожданная «Дуэль и смерть Пушкина». П. Е. Щеголев сделался знаменитостью, поговаривали о баллотировании его в Академию наук. Наконец, отступила постоянная нужда, семья переехала в просторную пятикомнатную квартиру.

В первые дни Февральской революции почти одновременно по всей России запылали костры, в которых горели документы охранных отделений, жандармских управлений Департамента полиции и других служб Министерства внутренних дел империи. Пламя поглощало бесценные для истории материалы. Разъяренные толпы петербуржцев подожгли здания Окружного суда на Литейном проспекте и старой тюрьмы — Литовского замка — у Театральной площади. Они сгорели дотла. Пожары вспыхнули в помещениях Департамента полиции на Фонтанке у Пантелеймоновского моста и на Мытнинской набережной, там громили и жгли столичное охранное от-

деление. Эти два здания с их содержимым подожгли умышленно. Многие желали уничтожения секретных архивов охранного отделения и Департамента полиции, им требовалось забвение прошлого как гарантия будущего существования.

«Правда, кое-где жандармским офицерам удалось уничтожить списки провокаторов, — писал публицист С. Г. Сватиков, — кое-где толпа, подстрекаемая агентами охраны, не понимая смысла происходящего, разгромила Охранные отделения и сожгла их архивы и делопроизводства. Так, например, погибла значительная часть архива Петроградского охранного отделения»²⁸. О происходившем на Фонтанке в здании Департамента полиции сообщили в Пушкинский дом Академии наук. Непременный секретарь Академии Наук академик С. Ф. Ольденбург сумел раздобыть несколько лошадей, запряженных в сани, и экспедиция, состоявшая из П. Е. Щеголева, Б. Л. Модзалевского, Н. А. Котляревского, А. С. Полякова, А. А. Шилова, В. П. Семенникова и других, отправилась на спасение ценнейших архивов²⁹. Все, что удалось спасти, 3 марта погрузили в сани и свезли на Васильевский остров в Академию наук.

В Москве 1 марта 1917 года во дворе по Гнездниковскому переулку, 5 запылали костры. Горели документы охранного отделения. Кто-то носил бумаги в костры, кто-то брал на память папки, фотокарточки, брошюры. «Трудно было понять, — писал известный архивист В. В. Максаков, — кого в этой толпе было больше — любопытствующих или бывших охранников, стремившихся, пока не поздно, по возможности скрыть в огне костров следы своего участия в охране рухнувшего самодержавного строя. Что в толпе немало было бывших охранников, можно убедиться из того, что при проверке дел «охранки», в особенности ее так называемого «агентурного отдела», впоследствии выяснилось отсутствие, главным образом, личных дел секретных сотрудников, «агентурных записок» и тому подобных документов, по-видимому, не случайно исчезнувших во время «стихийного» разгрома охранки и полицейских участков»³⁰.

В провинции охранные отделения запылали одновременно со столичными. В первую очередь жгли личные дела секретных сотрудников и документы, регламентировавшие методы работы политического сыска. Слухи о происходивших повсеместных разгромах сыскных учреждений бывшей империи дошли до столицы, и 10 марта 1917 года Временное правительство учредило при Министерстве юстиции комиссию для ликвидации дел политического характера бывшего Департамента полиции. Ее возглавил один из первых историков русского освободительного движения бывший народоволец, известный охотник за провокаторами, В. Л. Бурцев. Увлеченный издательской деятельностью, Бурцев уделял Комиссии чрезвычайно мало времени, из-за этого часть архивов продолжала находиться на попечении их прежних хранителей — чиновников

Министерства внутренних дел. Временное правительство «отдало распоряжение об охране полицейских архивов только тогда, когда официальные хранители их покинули свои посты и когда много документов уже было расхищено и уничтожено»³¹.

Видя, что бурцевская комиссия бездействует, министр юстиции А. Ф. Керенский обратился к группе общественных деятелей, в том числе к П. Е. Щеголеву, с предложением «в кратчайший срок рассмотреть документы, захваченные в Департаменте полиции и в других учреждениях»³². Бурцевскую комиссию формально ликвидировали 15 июня 1917 года.

5 марта 1917 года Временное правительство сформировало Чрезвычайную следственную комиссию для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц, как гражданских, так и военного и морского ведомств. В ее работе постоянно участвовали: известный московский адвокат Н. К. Муратов (председатель), сенаторы С. В. Иванов и С. В. Завадский (заместители председателя), главный военный прокурор В. А. Апушкин, прокурор Харьковской судебной палаты Б. Н. Смиттен, прокурор Московского окружного суда Л. П. Олышев, академик С. Ф. Ольденбург, прокурор Виленской судебной палаты А. Ф. Романов, представитель Государственной Думы Ф. И. Родичев, от Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Н. Д. Соколов и П. Е. Щеголев, вошедший в ее состав несколько позже. Главным редактором стенографических отчетов комиссия пригласила поэта А. А. Блока, ему помогали журналист М. П. Миклашевский и писательница Л. Я. Гуревич, научную редакцию отчетов выполнил профессор Е. В. Тарле. По замыслу учредителей, Комиссии предстояло собрать доказательства преступных деяний высших царских администраторов и подготовить обвинительное заключение для предания их суду.

Чрезвычайную следственную комиссию обслуживало двадцать пять следователей. Они и члены комиссии допросили пятьдесят девять лиц, в том числе: министров внутренних дел А. А. Макарова, Н. А. Маклакова, А. Д. Протопопова, А. Н. Хвостова, товарищей министра внутренних дел С. П. Белецкого, В. Ф. Джунковского, С. Е. Крыжановского, Н. В. Плеве, министра юстиции И. Г. Щегловитова, крупных чиновников политического сыска С. Е. Виссарионова, А. В. Герасимова, М. С. Комиссарова. Обвинительного заключения комиссия не составила — все подследственные действовали в рамках основополагающих законов Российской империи. Таковы были законы и ведомственные инструкции, что они допускали беззаконие. Допрошенные в комиссии не отрицали применение политической полицией провокаторских приемов как основного средства борьбы с революционерами. Часть из подследственных отпустили, часть расстреляли в сентябре 1918 года.

Материалы, собранные комиссией, были обработаны, отредактированы и изданы П. Е. Щеголевым в 1924—1927 годах³³. Свидетельства, полученные комиссией, в значительной мере заполнили пробелы, образованные из-за уничтожения в первые дни Февральской революции архивных документов бывших учреждений политического сыска.

Временное правительство понимало, что архивы подразделений Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов необходимо срочно спасти и привести в порядок для использования в борьбе со сторонниками восстановления монархии. Поэтому вместо бурцевской комиссии оно решило образовать при Чрезвычайной следственной комиссии Особую комиссию для обследования деятельности бывшего Департамента полиции и подведомственных Департаменту учреждений. Председателем Особой комиссии министр юстиции назначил П. Е. Щеголева. В ее работе, кроме председателя, принимали участие еще 22 человека.

Проект положения об Особой комиссии написан П. Е. Щеголевым:

«1. Комиссия для ликвидации дел политического характера бывшего Департамента полиции, образованная постановлением Временного правительства от 10 марта 1917 г., упраздняется.

2. При Министерстве юстиции учреждается Особая комиссия для обследования, согласно указания Министерства юстиции, деятельности бывшего Департамента полиции и подведомственных Департаменту учреждений.

3. Комиссия а) исследует все дела, имеющие отношение к политическому розыску и сохранившиеся в архиве Департамента полиции и подведомственных ему учреждений; б) входит в сношения с исполнительными комитетами и комиссиями, работающими на местах по данным местных архивов <...>

4. Архив бывшего Департамента полиции передается в ведение Министерства юстиции, а управление архивом впредь до окончания работы Чрезвычайной следственной комиссии — временно возлагается на Особую комиссию <...>»³⁴

Все усилия Особой комиссии П. Е. Щеголев направил на спасение и сохранение архивов, на их научное описание и изучение. Он стремился собрать оставшиеся после разгрома документы, находившиеся в провинциальных учреждениях Департамента полиции, и сосредоточить их в одном месте³⁵.

Задачи, возложенные Министерством юстиции на Особую комиссию, сформулированы П. Е. Щеголевым в наказе:

«1. Выяснить наличный состав секретной агентуры при всех учреждениях, занимавшихся политическим розыском с 1905 по 1917 г. и приготовить список секретных сотрудников.

2. Рассмотреть все дела Особого отдела, 6-го делопроизводства и все данные о деяниях криминального характера,

совершенных чинами жандармского надзора, сообщить Министерству юстиции.

3. Принять меры путем личных и письменных сношений к выявлению и охране дел и архивов, упраздненных ныне учреждений, занимавшихся политическим розыском и подведомственных Департаменту [полиции], для передачи при ближайшей возможности в архив Департамента полиции. По выяснении дела представить Министерству юстиции общий отчет о положении всех столичных и провинциальных архивов указанного типа.

4. Составить детальный отчет о положении политического розыска в России с 1905 по 1917 г.»³⁶.

Во время работы в Особой комиссии и частично в Чрезвычайной следственной комиссии П. Е. Щеголев первым из историков русского освободительного движения подробно познакомился с архивами подразделений Министерства внутренних дел и главным образом с документами Особого отдела Департамента полиции. Именно тогда он стал крупнейшим знатоком политического сыска и полицейской провокации.

Чрезвычайная следственная и Особая комиссии прекратили свое существование в конце ноября 1917 года. За время их деятельности П. Е. Щеголеву удалось проделать огромную работу по сохранению, систематизации и изучению документов архивов учреждений Департамента полиции. После ликвидации комиссий все архивы оказались в руках новой власти. Первые годы ими пользовались некоторые историки и участники революционного движения, позже доступ к ним был прекращен. Но уже сразу после Октябрьской революции многие документы Особого отдела Департамента полиции были опечатаны, и есть основание предполагать, что они остаются до сих пор неизученными.

Полицейская провокация проникла в Россию из Западной Европы в начале XIX столетия почти одновременно с республиканскими идеями будущих декабристов. Провокация быстро пустила корни, но ее росту препятствовало либеральное окружение Александра I, видевшее в ней чрезмерно грязное орудие для поддержания спокойствия в империи. Политический сыск оценил провокацию не сразу — уж очень непривычными казались свойственные ей способы выявления преступников и добывания улики их виновности.

Прочную привязанность к провокации политический сыск приобрел лишь в начале 1880-х годов стараниями жандармского подполковника Г. П. Судейкина. Получив должность инспектора Петербургского охранного отделения, он первый в России наладил массовую вербовку революционеров, попавших в полицейские застенки. В активе инспектора охраны числится много жертв, но особенно прославился Судейкин

вербовкой С. П. Дегаева. Около года полицейский агент Дегаев стоял во главе народовольческих кружков, действовавших в пределах Российской империи. С помощью этого провокатора инспектору столичной охраны удалось полностью контролировать действия революционной партии. Судейкин и Дегаев разгромили «Народную волю», в тюрьмах оказались все, кого они сочли нужным туда отправить.

Успех Судейкина вскружил головы сотрудникам политического сыска. Если всех провокаторов, орудовавших в революционных кружках и партиях в 1820—1881 годах, можно пересчитать по пальцам, то начиная с Судейкина их количество увеличивалось в геометрической прогрессии и к Февральской революции достигло сорока тысяч³⁷. Особенно потрудились на этом поприще С. В. Зубатов и талантливый ученик Судейкина П. И. Рачковский.

Что есть провокация и кто же такие провокаторы?

Слово «провокация» появилось в русском языке в начале XVIII века и, имея латинское происхождение, пришло к нам из польского, немецкого или латинского языков³⁸. Долгое время слово это в России употреблялось лишь как синоним подстрекательства. С политической полицией понятие провокации начали связывать лишь в 1900-е годы. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона слово «провокация» разъясняется лишь как юридический термин: 1. «<...> апелляция в уголовных вопросах от магистрата к народу». 2. «<...> понуждение истца к предъявлению иска, вопреки общему правилу»³⁹.

Словарь современного русского языка не дает четкого определения понятий «провокация» и «провокатор»⁴⁰. Поэтому предложим следующие определения: провокация есть подстрекание к действию, направленному на достижение целей подстрекателей вопреки интересам подстрекаемого. Провокатор есть подстрекающий к действию, направленному вопреки интересам подстрекаемого (подстрекаемых).

Самым опасным и распространенным проявлением провокации является полицейская политическая провокация. Она заключается в том, что полицейский агент, находящийся в рядах противоправительственного сообщества, выдает его членов, разрабатывает и согласовывает со своим истинным начальством планы действий и в соответствии с ними подстрекает членов этого сообщества к противоправительственным поступкам (выступлениям).

Политические провокаторы бывают двух типов: полицейские агенты, вступившие в состав противоправительственных сообществ, и члены противоправительственных сообществ, завербованные политической полицией. Инструктивные документы рекомендовали вербовать агентов из революционной среды, но жандармские офицеры и штатские сотрудники политического сыска предпочитали работать с секретными

агентами, внедренными в противоправительственные сообщества: их знали по предыдущей службе и поэтому доверяли. Но полицейские агенты, внедренные в «обследуемую среду», чрезвычайно редко обладали знаниями и интеллектуальным уровнем профессиональных революционеров. Поэтому охранникам приходилось пользоваться услугами завербованных членов партий. Они вызывали у полицейских подозрение и как согласившиеся на сотрудничество — предателям никто не доверяет, — и как лица, которые могли пойти на сотрудничество, оставаясь верными своим убеждениям и, следовательно, превращались во внедренных в охранку вражеских агентов. Такое случалось не часто, но случалось.

Не следует смешивать провокаторов с осведомителями. Осведомители обычно вербовались из дворников, лакеев, официантов и других лиц, не принадлежащих к «обслуживаемой среде» неблагонадежных. Среди осведомителей встречались дипломаты, музыканты, офицеры, сановники, светские дамы... Разношерстную толпу осведомителей объединял общий для них признак — все они работали или регулярно посещали места скопления людей, где могли услышать нечто противоправительственное и о нем донести. Если в XIX веке далеко не все просившиеся в осведомители получали положительный ответ, например, в 1873 году писательнице Е. П. Блаватской, предлагавшей свои услуги III отделению, было отказано⁴¹, то в XX веке охранники не брезгали пользоваться услугами проституток, сутенеров, пьяниц, дебилов... Осведомители доносили обо всем, что им становилось известно и могло заинтересовать начальство, но никого не подстрекали к противоправительственным действиям. Если это случалось, то осведомитель превращался в провокатора.

Провокаторы и осведомители служили важнейшим и необходимым инструментом политического сыска. Главная цель политической политики — защита существующего государственного устройства. Все учреждения любой полиции делятся на две основные группы: полицейская стража и сыскная полиция. Цели, задачи и методы работы политического сыска напоминают контрразведку. И тот и другая пытаются не столько раскрывать преступления, сколько стремятся к их предотвращению. Чтобы предотвратить преступление, необходимо иметь своего агента в «преступном сообществе». Такой агент, если он эффективно работает на сыск, не может быть пассивным членом «преступного сообщества», иначе ему нечего будет сообщать своим полицейским хозяевам. Активный член «преступного сообщества», работающий в политической полиции, есть провокатор. Поэтому сыск по природе своей переплетен с полицейской провокацией, образуя единый организм, направленный на борьбу с революционным движением.

В Российской империи начала XX столетия политический

сыск осуществляли подразделения Министерства внутренних дел, Отдельного корпуса жандармов (военная полиция) и Министерства императорского двора. Для обеспечения безопасности монарха и членов его семьи начальник дворцовой охраны Министерства императорского двора имел своих секретных агентов. Иногда они сотрудничали с другими службами политического сыска. В состав Отдельного корпуса жандармов входило семьдесят пять губернских и тридцать уездных жандармских управлений с разветвленной сетью жандармских пунктов. Услугами секретных агентов жандармерия почти не пользовалась и осуществляла политический сыск лишь на тех территориях, где отсутствовали подразделения, подчиненные только Министерству внутренних дел.

Формально всем политическим сыском руководил товарищ министра внутренних дел, ответственный за работу полиции. Одновременно он являлся командиром Отдельного корпуса жандармов и председателем Особого совещания. Ему же был подчинен директор Департамента полиции, имевший от двух до пяти заместителей — вице-директоров, один из которых руководил политической частью, то есть являлся фактическим главой политического сыска империи.

Департамент полиции был образован в 1880 году из III отделения Собственной его императорского величества канцелярии и Департамента исправительной полиции Министерства внутренних дел. К февралю 1917 года его структура выглядела следующим образом:

первое делопроизводство — распорядительное, заведовало общеполицейскими делами, распределением кредитов и личным составом общеполицейской части;

второе делопроизводство — законодательное, занималось составлением полицейских инструкций, циркуляров и законопроектов;

третье делопроизводство — секретное, до 1 января 1898 года осуществляло политический сыск, гласный и негласный надзор, борьбу с политическими партиями и массовым движением, охрану царя, руководство заграничной агентурой, а также наружное и внутреннее наблюдение на территории России. После 1 января 1898 года большая часть функций третьего делопроизводства перешла в Особый отдел;

четвертое делопроизводство — наблюдательное, производило надзор за ходом политических познаний в губернских жандармских управлениях, после 1907 года — надзор за массовым рабочим и крестьянским движением, легальными организациями;

пятое делопроизводство осуществляло гласный и негласный надзор;

шестое делопроизводство следило за изготовлением, хранением и перевозкой взрывчатых веществ, реализацией фабрич-

но-заводского законодательства, выдавало справки о политической благонадежности лицам, поступившим на государственную службу или в земство;

седьмое делопроизводство наследовало у четвертого делопроизводства наблюдение за дознаниями по политическим делам;

восьмое делопроизводство заведовало сыскными отделениями — органами уголовного сыска;

девятое делопроизводство занималось контрразведкой и надзором за военнопленными.

Кроме перечисленных делопроизводств в Департаменте полиции имелись Инспекторский отдел (1908—1912) и Особый (политический) отдел (1898—1917) — главный штаб политического сыска, который состоял из: первого отделения, занимающегося общей перепиской; второго отделения по делам партии социалистов-революционеров; третьего отделения по делам социал-демократической партии; четвертого отделения по делам общественных организаций национальных окраин; пятого отделения по разборке шифров; шестого отделения, занимавшегося следствием; седьмого отделения, выдававшего справки о политической благонадежности; Агентурного (секретного) отдела (1910—1917); Секретной части (канцелярии). В составе Особого отдела находились специальная картотека, содержащая карточки со сведениями о пятидесяти пяти тысячах политически неблагонадежных, коллекция фотографических снимков двадцати тысяч лиц, проходивших по политическому сыску, и библиотека нелегальных и запрещенных изданий⁴². В 1910 году генерал-майор А. М. Еремин, возглавлявший Особый отдел, выделил группу жандармских офицеров, имевших в своем распоряжении секретных сотрудников, в отдельную группу и назвал ее Секретным (агентурным) отделом. Эти офицеры ведали главным образом секретной агентурой.

В формальном подчинении Особого отдела находились все охранные отделения империи. Основная их масса была образована в 1902—1903 годах, к 1914 году их количество достигло шестидесяти. Все охранные отделения состояли из трех основных подразделений: канцелярии, отдела наружного наблюдения и агентурного отдела внутреннего наблюдения. Канцелярии занимались общей и секретной перепиской, получением секретных циркуляров и инструкций, а также пополнением картотечных алфавитов на неблагонадежных лиц. Отделы наружного наблюдения состояли из заведующего, участковых и вокзальных надзирателей, а также филеров, выполнявших наружное наблюдение. Агентурные отделы внутреннего наблюдения состояли из заведующего, его помощника, жандармских офицеров и секретных сотрудников, занимавшихся внутренним наблюдением.

В подчинении директора департамента полиции находилось его особое подразделение — заграничная агентура, следившая за русской революционной эмиграцией, обосновавшейся в странах Западной Европы. Политический сыск вне России осуществляли главным образом агенты наружного наблюдения и незначительное количество агентов внутреннего наблюдения. Это объясняется трудностью внедрения провокаторов в эмигрантскую среду. С появлением в Европе в начале 1830-х годов первых русских полицейских эмиссаров центр заграничной агентуры находился в Париже, но его агенты орудовали в Германии, Швейцарии, Англии, Бельгии, Италии и на Балканах. Руководитель заграничной охраны имел свой кабинет в первом этаже русского консульства. Почти легальное пребывание сотрудников русской политической полиции в странах Западной Европы объясняется межправительственными соглашениями и традиционными связями политических сысков дружественных государств. Например, сотрудники французской тайной полиции официально служили в русской заграничной агентуре, префекты парижской полиции давали руководителям русской заграничной охраны всю имевшуюся у них информацию о революционных эмигрантах.

Политический сыск в империи и за ее пределами осуществлялся сотрудниками наружного и внутреннего наблюдения, состоявшими на службе в шестидесяти охранных отделениях, заграничной агентуре, Особом отделе Департамента полиции и дворцовой охране. Наружное наблюдение — слежка — производилась филерами (от *фр.* *fileur* — сыщик), руководимыми жандармскими офицерами. Филеры не имели права вступать в контакты с объектами наблюдения и добывали о них сведения путем скрытой слежки. Набирали филеров предпочтительно из отставных унтер-офицеров. Внутреннее наблюдение (изнутри «обследуемого общества») выполнялось секретными агентами, руководимыми жандармскими офицерами или штатскими чиновниками. Информация о готовящихся противоправительственных действиях в политическую полицию поступала от постоянных осведомителей, эпизодических доносчиков («штучников»), филеров или агентов внутреннего наблюдения и проверялась путем наружного и внутреннего наблюдения, а также негласных обысков и допросов подозреваемых.

Главное, наиболее эффективное звено гигантского механизма политического сыска империи — секретные агенты внутреннего наблюдения делились на департаментских, заграничных и местных. Департаментская агентура доставляла сведения о деятельности целых партий. Заграничная агентура информировала о русской революционной эмиграции. По возвращении в Россию агенты этой категории, как правило, переходили в ведение Департамента полиции. Местная агентура находилась на службе в охранных отделениях и доносила о по-

ложении дел в местных революционных кружках. Это разделение, регламентированное секретными циркулярами, следует считать условным. Например, Азефа в разные периоды его провокаторской деятельности можно в равной степени отнести одновременно к двум из перечисленных категорий агентов.

Все лица, занимавшиеся политическим сыском, действовали в соответствии с «Инструкцией начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения» и «Инструкцией по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях». Последняя инструкция давала следующие рекомендации по вербовке секретных сотрудников: «Для приобретения их необходимо постоянное общение и собеседование лица, ведающего розыском, или опытных подчиненных ему лиц, с арестованными по политическим преступлениям. Ознакомившись с такими лицами и наметив тех из них, которых можно склонить на свою сторону (слабохарактерные, недостаточно убежденные революционеры, считающие себя обиженными в организации, склонные к легкой наживе и т. п.), лицо, ведающее розыском, склоняет их путем убеждения в свою сторону и тем обращает их из революционеров в лиц, преданных правительству. Этот сорт сотрудников нужно признать наилучшим. Помимо бесед с лицами, привлеченными уже к дознанию, удастся приобретать сотрудников из лиц, еще не арестованных, которые приглашаются для бесед лицом, ведающим розыском, в случае получения посторонним путем сведений о возможности приобретения такого рода сотрудников <...>

При существовании у лица, ведающего агентурой, хороших отношений с офицерами корпуса жандармов и чинами судебного ведомства, производящими дела о государственных преступлениях, возможно получать от них, для обращения в сотрудники, обвиняемых, дающих чистосердечные показания, причем необходимо принять меры к тому, чтобы показания эти не оглашались. Если таковые даны словесно и не могут иметь серьезного значения для дела, то желательно входить в соглашение с допрашивающим о незанесении таких показаний в протокол, дабы с большей безопасностью создать нового сотрудника»⁴³.

Секретные сотрудники «приобретались» охранниками разными путями. Судейкин убеждал арестованных революционеров в том, что он сторонник либерализации самодержавного правления империей и желает примирения с народолюбцами. Он предлагал им посредничество в переговорах правительства с революционерами, а затем постепенно превращал в своих агентов. Тех, кто не соглашался на сотрудничество, инспектор охраны запугивал, если и это не удавалось, отправлял на каторгу или, в крайнем случае, в ссылку. Начальник Московского охранного отделения Н. С. Бердяев за уютным самоваром

в неспешной беседе легко убедил молодого радикала С. В. Зубатова согласиться на оказание помощи секретной полиции. Иначе ему за участие в революционном кружке предстояло идти по этапу в Восточную Сибирь. С. В. Зубатов, занявший место Бердяева в Московском охранном отделении и унаследовавший его самовар, превзошел в мастерстве вербовки агентов сначала своего учителя, а потом и самого Г. П. Судейкина. Ученики и поклонники Зубатова, охранники помельче, превратили самовар в необходимый атрибут вербовки, талисман удачи, а чаепитие — в некий ритуал ее проведения. В арсенале охранников имелись и другие ритуалы, например, запугивание, психическое отделение тюремной больницы (практиковал еще Судейкин), пытка⁴⁴.

Сформулировать причины, по которым совершаются предательства и соратники превращаются в изменников и провокаторов, невозможно — сколько предательств, столько причин. На сотрудничество с полицией соглашались из страха, предавали, чтобы избежать казни, предавали из-за денег, неудовлетворенного тщеславия, под натиском шантажа и угроз. Но встречались и энтузиасты, доброхоты, шедшие по призванию.

Все секретные агенты — сотрудники внутреннего наблюдения — имели своими руководителями жандармских офицеров или штатских чиновников, служивших в Департаменте полиции, охранных отделениях или заграничной агентуре. Чем больше агентов удавалось завербовать тому или иному сотруднику этих правоохранительных учреждений, чем лучшего качества они оказывались как информаторы и исполнители провокационных действий, тем легче он преодолевал служебные преграды, тем быстрее взлетал на верхние ступени иерархической лестницы полицейской власти. Сотрудники политического сыска распоряжением монарха получали чины и ордена вне очереди, установленной во всех других ведомствах Российской империи. Например, начальнику Петербургского охранного отделения А. В. Герасимову за пять лет службы в охранке удалось продвинуться от ротмистра до генерал-майора. Именно поэтому армейские и даже гвардейские офицеры охотно шли в Отдельный корпус жандармов и стремились оттуда перевестись в подразделения политического сыска. Чтобы попасть в жандармские офицеры, требовалось быть потомственным дворянином, окончить военное училище по первому разряду, шесть лет прослужить в армии, не быть католиком, иметь безупречную репутацию верноподданного и успешно сдать вступительные экзамены.

Но для получения дополнительных денежных вознаграждений, орденов, внеочередных чинов и наградных за особое отличие требовалось или предотвращать, или, в крайнем случае, раскрывать политические преступления. Очень скоро офицеры и штатские чиновники сыска обнаружили, что пред-

отвращать легче всего спровоцированные преступления. Например, можно создать динамитную мастерскую или еще лучше, так как менее опасно, типографию, а затем в нужный момент — «раскрыть». Можно попросить кого-нибудь из членов революционной партии спрятать у себя дома нелегальную литературу, а затем обыскать и арестовать...

Сотрудники политического сыска понимали, что они должны непременно и постоянно раскрывать преступления, иначе в Зимнем дворце усомнятся в эффективности их работы. Проще всего правоохранительным органам доказывать свою необходимость с помощью провокации. Сотрудники политического сыска понимали провокацию как удобнейшую форму их существования, позволяющую создавать видимость кипучей деятельности, связанной с постоянным риском и лишениями, погонями, ночными перестрелками, засадами.

Высшие руководители политического сыска империи позволили провокации поселиться в его учреждениях не для того, чтобы создавать с ее помощью типографии и большие политические процессы. Руководителей сыска влекли за собой не зависящие от их воли и знаний законы смертельной борьбы монархического строя за свое существование. Монархия порождает произвол, произвол толкает радикально настроенных молодых людей на борьбу с ним. Самодержавие не терпит никаких оппонентов, оно обрушивает на революционеров репрессии, загоняет в подполье, заставляет конспирировать свои действия, направленные на ниспровержение существовавшего политического устройства. Охранители императорской власти желают истребить крамолу любыми средствами и, поскольку революционные партии тщательнейше скрывают свои планы, им ничего не остается как узаконить засылку своих агентов в «преступные сообщества». «Но самой главной моей задачей, — писал А. В. Герасимов, — было хорошо наладить аппарат так называемой секретной агентуры в рядах революционных организаций, без такой агентуры руководитель политической полиции все равно как без глаз. Внутренняя жизнь революционных организаций, действующих в подполье, это совсем особый мир, абсолютно недоступный для тех, кто не входит в состав этих организаций. Они там в глубокой тайне вырабатывали планы своих нападений на нас. Мне ничего не оставалось, как на их заговорщицкую конспирацию ответить своей контрразведкой, — завести в их рядах своих доверенных агентов, которые прикидывались революционерами, разузнавали об их планах и передавали бы о них мне»⁴⁵.

Засылка полицейских агентов в революционные и оппозиционные партии и их вербовка из членов партий активизировалась актами политического террора, предпринимавшимися народовольцами, а затем социалистами-революционерами. Вслед за каждым покушением на императора Александра II

правительство предпринимало очередной шаг по пути ужесточения борьбы с революционерами. Любой тоталитарный режим действует особенно беспощадно во имя самосохранения, более важной задачи он перед собой не ставит, о благе народном он печется постольку поскольку. Тайной полиции позволялось все, что содействовало недопущению политических убийств и любых противоправительственных выступлений. Произвол вступил в единоборство с произволом, ибо революционный террор есть самосуд и отвратительнейший произвол, втягивающий в свою орбиту людей честных, но «не ведающих, что творят». Читая воспоминания народовольцев и эсеров, исследования о их деятельности, архивные документы, содрогаешься от простоты и легкости выносимых ими решений о жизни и смерти людей. Убивали членов императорской фамилии, министров, губернаторов, частных приставов, провокаторов, судебных следователей, квартальных надзирателей. Одновременно убивали лиц, случайно оказавшихся вблизи брошенных бомб. Народовольцам и эсерам казалось, что и эти их жертвы, абсолютно ни в чем не повинные, должны содействовать скорейшему приближению революции, что гибель несчастных людей должна ускорить грядущее торжество свободы. Их не только не смущало число жертв, они стремились к их приумножению.

Революционеры убивали без суда, власти чинили расправу по своему усмотрению. Соперничество в беспределе произвола нарастало вплоть до Февральской революции. Эпидемия преступных приемов вседозволенности перебрасывалась из одного противостоящего лагеря в другой, легко преодолевая баррикады и строжайшую конспирацию. Шел интенсивный процесс взаимного обучения.

Лидеры российских революционных партий, каждый готовя свою революцию, фанатически верили в неизвестно кем возложенное на них предназначение указать народам «единственно правильный» путь к построению самого справедливому обществу. Они отвергали эволюцию, не оставлявшую им надежд на сколько-нибудь видную должность в административной иерархии империи. Могли ли претендовать на карьеру недоучки Нечаев и Желябов, помощник присяжного поверенного Ульянов или литератор Чернов? Они понимали, что только собственная революция в силах возвести лидера на вершины власти и дать ему все. Именно это питало их веру в необходимость скорейшей революции, разжигало нетерпение и нетерпимость. Поэтому вожди революционных партий, создатели разрушительных сил спешили вдолбить в умы людей сомнительные теории и увлечь за собой доверчивых.

Трон и высшая администрация видели рост сил, стремившихся уничтожить созданное веками, как умели, пытались предотвратить катастрофу. Противоборствующие стороны не

стесняли себя в выборе средств, не осознавая, что средства должны соответствовать целям, ибо средство может обезобразить цель до неузнаваемости. Лишь сегодня мы видим результаты этой затянувшейся зловещей борьбы, в которой не было правых, и понимаем, что такая революция нужна не народу.

Вскоре после начала работы Особой комиссии П. Е. Щеголев решил возобновить издание журнала «Былое», первый номер вышел в августе 1917 года. Журнал издавался до 1926 года, его бессменным редактором был П. Е. Щеголев. Всего вышло 35 номеров и два остались в верстке, полностью подготовленными к печати. Первые книги журнала изобилуют материалами по истории политического сыска и полицейской провокации, но уже с 1920 года их количество начало резко падать — новая власть предпочитала не касаться этой темы, наводящей на аналогии.

В журнале «Былое» П. Е. Щеголеву удалось опубликовать двадцать шесть статей, очерков и документов, имеющих прямое отношение к политическому сыску, среди них: «Секретные сотрудники в автографах», «Школа филеров», «Охота за масонами, или Похождения ассессора Алексева», «Приключения И. Ф. Мануйлова: По архивным материалам», «М. И. Гурович и журнал «Начало»», «В конце 1916 года», «Последнее признание Рысакова», «В январе и феврале 1917 года», «С.-Петербургское охранное отделение в 1895—1901 гг.», «Петроградская контрразведка накануне революции», «Психология предательства: Денисов Н. П. Из воспоминаний сотрудника охранки» и др.

После Октябрьской революции П. Е. Щеголев принял на себя громадную служебную и общественную нагрузку. Перечислю главные из исполнявшихся им обязанностей: ведущий сотрудник Музея революции, председатель исторической комиссии Петроградского бюро Истпарта, управляющий Петроградским отделением 7-й секции Единого государственного архивного фонда РСФСР, председатель Петроградской подкомиссии по изданию материалов декабристов, заместитель председателя совета Общества по изучению освободительного и революционного движения в России, сотрудник Пушкинской комиссии Академии наук СССР, председатель Драматического союза, председатель Кооперативного издательского товарищества «Былое», редактор первого послереволюционного собрания сочинений А. С. Пушкина, редактор журнала и издательства «Былое», член многочисленных ученых советов и редакционных коллегий⁴⁶.

Несмотря на огромную занятость, Павел Елисеевич продолжал интенсивную научную работу. После революции список его трудов пополнился двумястами тридцатью названиями, среди них более двадцати книг. Выполненные им исследования по истории освободительного движения в России охваты-

вают период с конца XVIII до начала XX века и включают деятельность А. Н. Радищева, декабристов, Кирилло-Мефодиевского братства, петрашевцев, народников, Н. Г. Чернышевского, С. Г. Нечаева, революционных кружков XIX столетия и далее вплоть до Октябрьской революции. Такому диапазону может позавидовать любой историк революционного движения, но П. Е. Щеголев был еще и выдающимся литературоведом.

Для реализации обширных планов одного журнала П. Е. Щеголеву не хватало. В 1918 году он организовал кооперативное издательское товарищество «Былое», заменившее эмигрировавшего из России издателя журнала Н. Е. Парамонова, бывшего владельца издательской фирмы «Донская речь»⁴⁷. Кроме издания журнала товарищество приступило к выпуску книг. Их редактирование П. Е. Щеголев взял на себя. В издательстве «Былое» под его редакцией вышло около пятидесяти книг.

А. Н. Толстой, с которым Павла Елисеевича связывали сотрудничество и дружба, называл его «римлянином»⁴⁸. Наверное, правильнее следовало называть его человеком Ренессанса: знания во всех областях культуры, талант писателя и драматурга, размах и широта исследований, их глубина и оригинальность. Спокойствие «римлянина» представляло лишь оболочку, то, что бушевало под ней, легко обнаруживается в жизни и творчестве П. Е. Щеголева. Язык его научных исследований достигал по силе и выразительности образцов классической русской прозы. Именно поэтому они с интересом читаются и знатоками истории освободительного движения, и учениками средней школы. Популярность изложения несколько не снизила их научной ценности.

П. Е. Щеголев не написал историю политического сыска в России, он не ставил перед собой этой цели, он был реалистом и превосходно понимал, что ему не позволили бы этого сделать. История политического сыска в России не опубликована до сих пор. Но Павел Елисеевич заложил основы для ее написания. Все его труды, в том числе и о политическом сыске, окрашены субъективными тонами. Читая их, необходимо помнить, кто, когда и при каких обстоятельствах их писал. Поэтому оценки автора следует воспринимать с учетом наших знаний об авторе, эпохе и последующих событиях, произошедших после его смерти. В предлагаемой читателю книге помещены основные труды П. Е. Щеголева, относящиеся к политическому сыску и полицейской провокации: сборники «Агенты, жандармы, палачи» (Пг., 1922) и «Охранники и авантюристы» (М., 1930), а также два больших очерка «Секретные сотрудники в автографах» (Былое. 1917. № 2. С. 232—261) и «Школа филеров» (Былое. 1917. № 3. С. 40—67)⁴⁹. При чтении книги не следует забывать, когда написаны вошедшие в нее материалы.

Вскоре после выхода в свет «Охранников и авантюристов» П. Е. Щеголева не стало. Он умер от инсульта 22 января 1931

года на пятьдесят четвертом году жизни. Восемь лет из своей недолгой жизни Павел Елисеевич провел в царских тюрьмах и ссылках.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сокращения: Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР — ИРЛИ; Отдел рукописей Института мировой литературы АН СССР — ИМЛИ; Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде — ЦГИАЛ; фонд — Ф.; опись — Оп., дело — Д.; лист — Л.

¹ См.: Емельянов Ю. Н. Библиография работ П. Е. Щеголева // Емельянов Ю. Н. П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. М. 1990. С. 211—256.

² ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 3. Д. 307. Л. 9.

³ Цит. по: Большая Советская Энциклопедия. Т. 17. М., 1930. С. 22.

⁴ Щеголев П. Е. Автобиография. Машинопись с авторской правкой // Архив составителя. Л. 1—2. Далее — Автобиография.

⁵ Щеголев П. Е. Встречи с Толстым // Новый мир. 1928. № 9. С. 208.

⁶ ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 3. Д. 223. Л. 2; Чехов А. П. Собр. Соч. Т. 7. М., 1962. С. 536.

⁷ См.: Литературное наследство. Т. 90. Кн. 2. М., 1979. С. 33; кн. 3. С. 288, 318, 344.

⁸ Автобиография. Л. 7.

⁹ ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 3. Д. 226. Л. 1—2 об.

¹⁰ Там же. Д. 223. Л. 1—2 об.

¹¹ См.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание третье. Т. 1. 1881. СПб., 1885. С. 261—265.

¹² Там же. С. 265.

¹³ Там же.

¹⁴ Автобиография. Л. 5.

¹⁵ См.: Щеголев П. Е. Памяти Н. П. Павлова-Сильва-Вавского // Минувшие годы. 1908. № 10. С. 309—319.

¹⁶ См.: Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1905.

¹⁷ ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Д. 2221. Л. 1.

¹⁸ Автобиография. Л. 7 — 8.

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Ж. 108. Л. 1.

²⁰ Автобиография. Л. 8.

²¹ Козьмин В. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. М.—Л., 1928. С. 126.

²² ЦГИАЛ. Ф. 776. Оп. 9. Ж. 186. Л. 2—3.

²³ Там же. Л. 4.

²⁴ Былое. 1917. № 1. С. 6.

²⁵ Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб., 1903. С. 45.

²⁶ См.: *Измайлов И. В.* Из воспоминаний о Пушкинском доме (1918—1928) // Русская литература. 1982. № 1. С. 102; ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. Д. 503. Л. 1.

²⁷ ЦГИАЛ. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 468. Л. 225.

²⁸ *Святиков С. Г.* Русский политический сыск за границу. Ростов-на-Дону, 1921. С. 3.

²⁹ См.: *Измайлов Н. И.* Воспоминания о Пушкинском доме (1918—1928) // Русская литература. 1981. № 1. С. 91.

³⁰ *Максимов В. В.* Архив революции и внешней политики XIX и XX вв. // Архивное дело. 1927. Вып. 13. С. 29.

³¹ Там же. С. 27.

³² ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 2. Д. 194. Л. 1.

³³ См.: Падение царского режима. Т. 1—7. Л., 1924—1927.

³⁴ ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 3. Д. 123. Л. 1.

³⁵ Там же. Оп. 5. Д. 70. Л. 2—2 об.

³⁶ ИМЛИ, ф. 28. Оп. 2. Д. 197. Л. 1.

³⁷ См.: *Агафонов В. К.* Заграничная охранка. Пг., 1918. С. 203.

³⁸ См.: *Фасмер К.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1971. С. 372.

³⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 25. СПб., 1898. С. 338.

⁴⁰ См.: Словарь современного русского литературного языка. Т. II. М.—Л., 1961. С. 980.

⁴¹ Русские писатели 1800—1917: биографический словарь. Т. I. М., 1989. С. 272.

⁴² См.: *Ерошкин Н. П.* «Россия под надзором» // Преподавание истории в школе. 1966. № 1. С. 90.

⁴³ *Агафонов В. К.* Заграничная охранка. С. 196. Эта инструкция была столь засекречена, что ее оригинала в ленинградских книго- и архивохранилищах отыскать не удалось.

⁴⁴ См.: *Загорский К. Я.* В 1881—1882 гг.: Воспоминания // Каторга и ссылка. 1931. № 3. С. 156—179.

⁴⁵ *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 56.

⁴⁶ С.: Емельянов К. Н. Общественно-политическая и научная деятельность П. Е. Щеголева (1877—1931). История и историки. 1977. М., 1980. С. 260—284; *Черешня А. Г.* Об архивном наследии П. Е. Щеголева // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. С. 284—291.

⁴⁷ ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 3. Д. 267. Л. 1—2.

⁴⁸ См.: *Толстой А. Н.* Павел Елисеевич Щеголев // Звезда. 1976. № 5. С. 183—184.

⁴⁹ Внутри публикуемых сборников все очерки расположены в той последовательности, в какой расставил их автор. Для облегчения чтения все слова, написанные с сокращениями, приведены полностью без использования квадратных скобок. Документы воспроизводятся с сохранением орфографии первого издания.

АГЕНТЫ, ЖАНДАРМЫ, ПАЛАЧИ

СЕКРЕТНАЯ АГЕНТУРА

Русская революция раскрыла самые сокровенные тайники политического сыска. Далеко не везде сыщики и агенты успели подвергнуть разгрому и пожару обличающие их архивы жандармских и охранных отделений. Развязались и языки у некоторых жандармских полковников и генералов, стоявших во главе розыскных учреждений. Чуть не каждый день мы читаем, что там-то и там-то найдены в архиве списки секретных сотрудников, и точно из рога изобилия сыплется ряд имен — иногда самых неожиданных, — имен секретных сотрудников-предателей, провокаторов и доносителей. Кажется, не осталось общественного слоя, общественной группы, которая не имела бы счастья в первые дни революции открывать в своих рядах презренных сочленов и товарищей, работавших в охранных отделениях: журналисты, священники, чиновники, члены Думы, члены партий, члены Советов рабочих и солдатских депутатов, почтальоны, офицеры, учителя, врачи, студенты и т. д.

С тяжелым чувством досадливого любопытства просматриваешь краткие сообщения об изобличенных и стараешься понять, какие силы, какие мотивы толкали этих жалких людей в объятия жандармских офицеров.

Зато ясны и понятны мотивы жандармских офицеров. Правильная постановка секретной агентуры была их первейшей и священной обязанностью. Главным занятием жандармского поручика или ротмистра при охранном отделении или жандармском управлении было приобретение секретных сотрудников и руководство ими. Количество и качество насажденной жандармским офицером секретной агентуры обеспечивало его служебные успехи.

Теория приобретения сотрудников и их ведение была в тончайших деталях разработана сидевшими в Департаменте полиции идеологами политического розыска. Эта разработка была предпринята после того, как целый ряд разоблачений В. Л. Бурцева¹, начиная с предательства Азефа², нанес серьезные удары организации сыска. Департаменту полиции пришлось сильно подтянуться, переработать правила политического розыска и преподать новые указания руководителям жандармских и охранных отделений. Главной задачей Департамента по-

лиции при этой работе было замаскировать провокаторский метод. Провокатура была главным орудием охранников, но об этом орудии кричали на всех перекрестках, вопили в Государственной Думе, и высшие представители охранных отделений — министры внутренних дел и их товарищи публично уверяли Государственную Думу в отсутствии провокационных приемов. Министры могли отказываться от провокатуры, но Департамент полиции никогда не изменял основному приему розыска и заботился только о том, чтобы провокация была запрятана возможно сокровеннее, интимнее, чтобы она не была в глаза.

Теоретики Департамента полиции разработали в 1914 году во всех подробностях «Инструкцию по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях»³. Эта инструкция была интимнейшим документом, «совершенно секретным»; она могла храниться только у начальника отдельной части; снятие копии воспрещалось. Подчиненные офицеры могли ознакомиться с инструкцией только по сообщениям начальника. Начальник не должен был ограничиваться прочтением основных положений инструкции, но обязан был еще проработать ее в устном собеседовании с офицерами «с указанием примеров из собственной практики и разбором проходивших по управлению случаев из практики самих гг. помощников начальников управления с попутным разъяснением ошибок и неправильных приемов подчиненных офицеров».

Эта инструкция — замечательный памятник жандармского творчества, своеобразный психологический итог жандармской работы по уловлению душ.

Инструкция свидетельствует о растлении ее авторов, о величайшей их безнравственности и о пределах того нравственного развращения, которое несли они в население. Русскому обществу надлежит ознакомиться с этой инструкцией по причинам особенного характера: перечитав плод жандармского гения, читатель проникнется чувством крайнего омерзения, и этого чувства он не забудет никогда. Забывчивости в этом деле нет места и времени, и в новой России никакими присягами розыскные жандармы не могут, не должны приобрести ни малейшего доверия. Их удел — презрение, гадливое презрение!

Переходим к инструкции. Основное положение — «единственным, вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность розыскного органа о революционной работе, является внутренняя агентура». Установив общее положение, инструкция переходит к терминологии агентуры. «В состав внутренней агентуры должны входить лица, непосредственно состоящие в каких-либо революционных организациях (или прикосновенные к последним), или же лица, косвенно осведомленные о внутренней деятельности и жизни хотя бы даже отдельных членов преступных сообществ. Такие лица, входя в постоянный состав секретной агентуры, называются «аген-

тами внутреннего наблюдения». Таково общее понятие, которое сейчас расчленяется: агенты, состоящие в революционной организации или непосредственно и тесно связанные с членами организаций, именуются «секретными сотрудниками». Лица, не состоящие в организациях, но соприкасающиеся с ними, исполняющие различные поручения и доставляющие материал по партии, в отличие от первой категории, называются «вспомогательными сотрудниками» или «осведомителями». Осведомители делятся на постоянных, доставляющих сведения систематические, связные, и случайных, доставляющих сведения случайные, маловажные, не имеющие связи. Осведомители, доставляющие сведения хотя бы и постоянно, но за плату за каждое отдельное свое указание, называются «штучниками». В правильно поставленном деле, — предупреждает инструкция, — «штучники» явление ненормальное, и штучники нежелательны, так как, не обладая положительными качествами сотрудников, они быстро становятся дорогим и излишним бременем для розыскного органа». Инструкция подчеркивает обязательный характер секретной агентуры. «Секретные сотрудники должны быть постоянными и должны своевременно удовлетворяться определенным ежемесячным жалованьем, размер коего находится в прямой зависимости от ценности даваемых ими агентурных сведений и того положения, которое каждый из них занимает в организации. Весьма полезно поощрять денежными наградами тех сотрудников, которые дают определенные и верные сведения, способствующие успеху ликвидаций». Крупные награды выдаются, впрочем, лишь с разрешения Департамента полиции.

Инструкция классифицирует агентуру и по кадрам. Агентура тюремная — из числа лиц, содержащихся под стражей, кои, при полезности работы, могут быть представлены к сокращению сроков. Сельская агентура — сотрудники из числа членов мелких вспомогательных ячеек, а также мелкие вспомогательные агенты из более осведомленных непартийных крестьян. «Лучшим элементом для последней категории являются содержатели чайных, хозяева и прислуга постоялых дворов, владельцы мелочных лавок, сельские и волостные писаря, крестьяне, не имеющие наделов и работы, а потому проводящие все свое время в трактирах и в чайных». На агентуру в высшей школе обращено особое внимание. Рекомендуются «помимо обычного контингента для заполнения кадров агентур, иметь в виду использование членов академических союзов, идейно стремящихся прекратить смуту и охотно дающих сведения, даже безвозмездно».

Далее идут агентуры: железнодорожная, фабричная, профессиональная и просветительная. Для профессиональных обществ инструкция считает необходимым заводить сотрудника в самом правлении общества.

Оппозиционная агентура ставит задачей освещение лиц, настроенных критически, а часто и враждебно к правительству. Приобретение оппозиционной агентуры, по утверждению инструкции, тем легче, что оно зиждется на хороших отношениях, и осведомление совершается часто безденежно.

Инструкция регистрирует еще агентуру пограничную и, так сказать, изобретательскую. «Имея в виду возможность использования воздушных полетов и других новых изобретений с террористическими целями, розыскные учреждения обязаны иметь сотрудников в тех частных обществах и студенческих кружках, которые занимаются авиацией, подводным плаванием, как спортом или промыслом». Не по этой ли причине был завербован член Думы Вывовой, занимавшийся авиацией?

Практика указывала еще один вид агентур — редакционный, — для внутреннего освещения редакций оппозиционных столичных газет.

Как же приобретаются сотрудники? Инструкция преподает ищущим ответа целый ряд психологических указаний и практических советов. Все приемы вербовки сотрудников находят в инструкции психологическое обоснование. Инструкция рекомендует всегда помнить, что дело приобретения сотрудников очень щекотливое, требующее большого терпения, такта и осторожности. Малейшая резкость, неосторожность, поспешность или неосмотрительность часто вызывают решительный отпор. «Когда же жандармский офицер наметит могущих склониться на его убеждения, то он должен, строго считаясь с наиболее заметными слабостями их характеров, все свои усилия направить на отмеченных, дабы расположить их к себе, склонить в свою сторону, вызвать их доверие и, наконец, обратить их в преданных себе людей».

Обращая внимание на обилие в инструкции психологических наблюдений и указаний, приходится признать, что инструкция не считалась с жандармом, реальным, действительным, а имела дело с жандармом, так сказать, идеальным, ибо не было таких тонких знатоков человеческой души, таких психологов-экспериментаторов в действительном мире жандармов. Извольте-ка взвесить сумму требований, предъявляемых инструкцией жандармским офицерам.

«Залог успеха в приобретении агентур заключается в настойчивости, терпении, сдержанности, также осторожности, мягкости, осмотрительности, спокойной решительности, убедительности, проникновенности, вдумчивости, в умении определить характер собеседника и подметить слабые и чувствительные его стороны, в умении расположить к себе человека и подчинить его своему влиянию, в отсутствии нервозности, часто ведущей к форсированию. Изложенные качества каждый занимающийся розыском офицер и чиновник должны воспитывать и развивать в себе исподволь, пользуясь каждым удобным случаем».

МЕЛОЧИ ОХРАННОГО БЫТА

I

СКОЛЬКО СТОИЛА СЕКРЕТНАЯ АГЕНТУРА

Для ответа на этот вопрос пользуюсь данными за один год, 1914-й, последний год нормального, довоенного бюджета, и беру в расчет исключительно цифры расхода на наем секретных сотрудников и на наем конспиративных квартир — этой неизбежной принадлежности института секретного сотрудничества. Инструкция по ведению секретной агентуры категорически запрещала жандармским офицерам встречаться с секретными сотрудниками на частных квартирах или в помещениях управлений и требовала содержания для этой цели конспиративных квартир.

Деньги на содержание секретных сотрудников и конспиративных квартир отпускались Департаментом полиции из секретного фонда по разработанной им смете в распоряжение начальников жандармских управлений, охранных отделений и розыскных пунктов. В целях насаждения специальной железнодорожной агентуры Департамент полиции отпускал на сей предмет небольшие суммы и жандармским железнодорожным полицейским управлениям. Сметы составлялись на разные суммы, смотря по городу. Наименьших затрат секретная агентура требовала в Олонецком жандармском управлении в Петрозаводске: здесь отпускалось в год за все про все на агентов — 300 рублей, а на конспиративную квартиру — 60 руб. Наибольшие затраты производились, конечно, в Петербурге. Здесь в распоряжение начальника охранного отделения отпускалось на сотрудников и на квартиры 75 000 рублей в год, да еще в распоряжение начальника жандармского управления на агентуру 4800 руб. И на квартиры 900 рублей в год — итого 80 700 рублей. В этот счет не идут расходы дворцового коменданта на специальную агентуру.

Между минимальной (360 руб.) и максимальной (80 700 руб.) цифрами разбросаны остальные цифры в прихотливом беспорядке.

В пределах 1000—2000 рублей получало на агентуру и квартиру только одно жандармское управление — Архангельское.

От 2 до 3 тысяч в год тратили небольшие охранные учреждения — в Астрахани, Витебске, Владимире, Вологде, Калуге,

Новгороде, Пензе, Пскове, Рязани, Смоленске, Твери, Туле, Холме, Благовещенске, Никольске-Уссурийском, Хабаровске, Ашхабаде и Верном. Расходы во всех этих городах в общем — 47 520 рублей.

От 3 до 4 тысяч в год уходило на секретных сотрудников в Костроме, Тамбове, Тобольске, Чернигове — всего 13 140 рублей.

От 4 до 5 тысяч тратили Вятка, Ковно, Курск, Минск, Могилев, Омск, Оренбург, Орел, Симбирск, Симферополь, Уфа, Эривань, Ярославль — всего 57 300 рублей.

От 6 до 7 тысяч в год затрачивали жандармские управления — Бакинское, Гродненское, Екатеринославское, Енисейское, Казанское, Кубанское, Нижегородское, Пермское, Подольское, Полтавское, Севастопольское, Терское областное, Харьковское, Херсонское, Эстляндское, Туркестанское (охранное) — всего 106 920 рублей.

До 8 тысяч в год расходовали на секретную агентуру и квартиры жандармские управления — Виленское и Кронштадтское и охранное отделение Владимирское — всего 23 400 рублей.

В пределах 8—9 тысяч были расходы на сей предмет в Курляндском и Саратовском жандармских управлениях, — всего 16 280 рублей.

Донское областное отделение расходовало 9120 рублей.

От 12—13 тысяч тратили Киев, Одесса и Омск — всего 38 280 рублей.

13—14 тысяч в год — бюджет секретной агентуры Тифлисского и Финляндского управлений — всего 26 240 рублей.

Лифляндское тратило 15 200 рублей. Иркутское 16 960 рублей. Варшавское охранное отделение — 19 800 рублей.

В Москве секретная агентура и конспиративные квартиры были у жандармского управления и у охранного отделения: первое тратило 3900 рублей, второе — 43 420 рублей, — итого 47 320 рублей.

На агентурные расходы помощнику варшавского генерал-губернатора по полицейской части по 10 губерниям Привислинского края отпускалось по смете 73 688 рублей.

29-ти жандармским полицейским управлениям железных дорог специально на секретную агентуру отпускалось ежегодно по 1200 рублей, — всего 34 800 рублей.

Общая сумма расходов на секретную агентуру и конспиративные квартиры, помеченная на 1914 год, равняется 556 148 рублей. К этой сумме надо еще причислить расходы самого Департамента полиции, связанного с агентурой, — награды секретным сотрудникам в виде поощрения, пособия на лечение, пенсии, экстренные командировки, экстренные выдачи и т. д., — в общем тысяч на 40—50. В общем итоге секретные сотрудники стоили русскому государству в 1914 году круглой

суммы в 600 000 рублей. Эту сумму нельзя признать огромной в сравнении с тем количеством мерзости и растления, которое вносилось в русскую жизнь этим институтом секретного сотрудничества⁴.

II

ЖАНДАРМСКИЙ «ОБРАЗ ЖИЗНИ»

У руководителей политического розыска, сидевших в Департаменте полиции, был свой идеал жандармского жития, и несомненно, несоответствие действительности идеалу претило этим отцам сыска. Для жандармов, живущих не по-жандармски, у них были наготове выговоры и взыскания. Какой, например, образ жизни свойственен начальнику охранного отделения? Во всяком случае, не такой, какого держался начальник Нижегородского охранного отделения. Так, директор Департамента полиции выговаривал ему следующим образом: «По имеющимся у меня сведениям, Ваше Высокоблагородие посещаете нижегородский «бюрократический клуб» и проводите вечера за игрой в карты. Принимая во внимание, что занятие политическим розыском совершенно несовместимо с препровождением вечеров за карточной игрой, имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие, что в случае дальнейшего появления Вашего в местных клубах и препровождения времени там за игрой в карты, я буду поставлен в необходимость обсудить вопрос о соответствии Вашем занимаемой Вами должности».

Но этот выговор не подействовал на жизнелюбивого начальника Нижегородского охранного отделения. Прошел год, и директор Департамента вновь писал ему: «Несмотря на предупреждение, Вы, по имеющимся у меня сведениям, продолжаете вести образ жизни, не соответствующий занимаемой Вами должности начальника охранного отделения, а именно: продолжаете посещать клубы, ведете там азартные игры в карты; имея беговую лошадь, принимаете участие в конских состязаниях, причем даже не скрываете в беговых программах, что лошадь эта принадлежит именно Вам. Вследствие сего вновь требую, чтобы Вы прекратили карточную игру, участие в бегах и вообще не афишировали себя, предваряя, что при неисполнении Вами такого приказа моего больше никаких предупреждений не последует».

Такое грозное предварение последовало на основании доклада о ревизии Нижегородского охранного отделения. Любопытнее всего то, что ревизор получил сведения о «несоответствующем образе жизни» жандармского офицера от губернатора, а губернатор был в это время ни кто иной, как

знаменитый Алексей Хвостов⁵, позже министр, затем при Временном правительстве привлеченный к суду за растрату казенных денег, Хвостов, прославившийся своими авантюрами с Белецким⁶, Ржевским⁷ и т. д.

Это он, Хвостов, высказал, что начальник охранного отделения ведет образ жизни, совершенно не соответственный его конспиративным служебным обязанностям, что он пользуется совершенно непристойной для своего звания «популярностью» в городе, ибо он имеет дома, свой собственный конский выезд, который охотно демонстрирует обывателям города, выезжая в известные часы на «катанья» по главным улицам города.

Алексей Хвостов, по собственным его словам, сказанным ревизору, «отноюдь не осуждал бы личной жизни подполковника, если бы только она не мешала, с одной стороны, правильному отправлению местной полицией своих обязанностей по отношению к надзору за азартными играми в местных клубах, а во-вторых, и главным образом, если бы увлечение подполковника широкой общественной жизнью не отражалось на интенсивности и продуктивности работы охранного отделения». В этой тираде замечательно представление об общественной жизни, широта которой, по взгляду Алексея Хвостова, измерялась, очевидно, размерами карточного проигрыша.

Алексей Хвостов жаловался ревизору на помехи, которые создает для местной полиции широкая общественная жизнь начальника охранного отделения. Помехи тоже любопытны. Конечно, Хвостов-губернатор боролся с развитием азарта в клубах (испокон века все администраторы этим занимаются), но вот прикажет он чинам полиции произвести внезапную проверку игр, ведущимся в клубе, а полиция сейчас ему и докладывает, что в числе игроков находятся начальник жандармского управления и начальник охранного отделения, и ходатайствует при этом о сложении с нее столь щепетильных обязанностей, а губернатор Хвостов, не желая дискредитировать представителей жандармского надзора в глазах обывателей, должен был отменять свои распоряжения.

Но начальник охранного отделения, несмотря на выговоры и предложения, не мог изменить образа жизни, который казался и губернатору Хвостову, и Департаменту полиции не соответственным столь высоким обязанностям охранного офицера. Он позволил себе выступить в том же бюрократическом клубе в роли мелодекламатора. Это уже было совсем возмутительно, и командир корпуса жандармов высказал самое категорическое осуждение артистическим опытам жандармского офицера. Объяснения последнего перед своим жандармским начальством — совершенно исключительная дискуссия на тему о жандармском поведении: «Я действительно, по просьбе

собравшейся публики, состоявшей исключительно из моих знакомых, прочел два стихотворения Алухтина. Наряду с этим некоторые из присутствующих пели, играли на разных инструментах, так что состоялся импровизированный литературно-музыкальный вечер, без всякой программы, даже без наличия эстрады, которая обычно устраивается, если концерт подготовлен и носит более официальный характер. Самый вечер также являлся вполне обыкновенным, и даже не было установлено платы за места или за вход. Последнее обстоятельство весьма существенно, так как по существующим законоположениям и разъяснениям Военного министерства офицеры имеют право участвовать не только в концертах, но и спектаклях, если они бесплатны. Приказами по Отдельному корпусу жандармов также не установлено ограничений для офицеров корпуса по поводу выступлений, разрешаемых офицерам русской армии вообще. Я полагал бы поэтому, что не нарушаю своим чтением никаких законоположений даже в том случае, если моему выступлению придать характер строго официальный». Но на этом жандармские объяснения не заканчиваются, он пытается еще дать обоснование своему образу жизни с точки зрения... инструкции по организации внутреннего наблюдения. «Мне казалось, что это не идет вразрез и с теми особыми обязанностями, которые налагаются на меня службой по розыску. Я полагал, что чем более буду пользоваться симпатиями местного общества (а это достигается исключительно общением с ним), чем я более буду жить его жизнью, тем скорее буду иметь возможность знать среду, освещать общественное настроение, так как агентуры наемной, которой мы пользуемся в подпольных организациях, в обществе получить почти невозможно».

Милая провинция и жизнерадостный синий мундир! Читает ли офицер корпуса Алухтина, катается ли он на собственном выезде, пускает ли на бега собственных лошадей, — он думает об одном, — об уловлении сердец.

И Департамент полиции был, очевидно, побежден такой мотивировкой, так как дальнейших предварений и выговоров за «образ жизни» уже не было.

III

СЕРДЕЧНОСТЬ И ФОРМАЛИЗМ

Теоретики политического розыска, создавшие инструкцию по организации и ведению секретной агентуры и контролировавшие постановку этого дела в пределах империи и за границей, с особенным углублением разработали психологию отношений жандармского офицера-руководителя к руководи-

тому им секретному сотруднику. И самое приобретение секретных сотрудников в глазах Департамента полиции представляется актом по преимуществу психологическим, «делом очень щекотливым, требующим много терпения и осторожности». Когда процесс приобретения завершался, и революционер оказывался «заагентуренным», то в психологической игре руководителя-офицера с сотрудником мог оказаться роковым для неопытного руководителя момент борьбы за авторитет. Департамент полиции указывал офицеру на опасность подчиниться духовному влиянию сотрудника. «Лица, заведующие агентурой, должны руководить сотрудниками, а не следовать слепо указаниям последних. Обыкновенно сотрудник выдающийся — интеллигентный и занимающий видное положение в партии, — стремится подчинить своему авторитету лицо, ведущее с ним сношения, и оказывает давление на систему розыска. Если для сохранения отношений возможно оставлять его в убеждении, что такое его значение имеет место, то в действительности всякое безотчетное движение сотрудников приводит к отрицательным результатам».

Руководитель, подчинивший сотрудника своему авторитету и своей воле, в дальнейших сношениях должен был, следуя предписаниям своих профессоров из Департамента полиции, воздействовать на мирозерцание сотрудника и на его душевное настроение. Если сотрудник начинал работу предельства по материальным соображениям, то в нем надо было «создавать и поддерживать интерес к розыску, как орудию борьбы с государственным и общественным врагом революционного движения». Особенно ценными представлялись в этом отношении сотрудники, начавшие предавать по побуждениям отвлеченного характера. Офицеру предписывалось путем убеждения склонять на свою сторону и обращать революционеров в лиц, преданных правительству. Теоретики Департамента полиции весьма ценили убежденность сотрудников и, получая известия о разоблачениях своих агентов, старались определить, в какой мере они сохраняли и афишировали эту убежденность. Результаты получались неудовлетворительные. Так, при осмотре дел о лицах, оказавших секретные услуги розыскного характера по политическим преступлениям за 1906—1911 годы, деятельность коих сделалась известною в противоправительственных организациях, оказалось, что «при производстве расследований революционными организациями в целях обнаружения и разоблачения данных о секретной службе членов организации, лишь одна жена врача Зинаида Жученко⁸, бывшая членом партии социалистов-революционеров, при означенных расследованиях безбоязненно и открыто заявила эмигранту Бурцеву, что она, состоя членом партии, служила одновременно русскому правительству из-за идейных побуждений и, будучи фактически до самоотвержения преданной

престолу, вполне сознательно относилась к розыскному делу, постоянно заботясь только об интересах этого дела. Что же касается других лиц, уличенных революционными организациями в том, что они, состоя членами партий, исполняли обязанности агентов Департамента полиции, как-то: А. Г. Серебрякова (псевдоним «Субботина» и «Туз»), жена судебного пристава О. Ф. Русиновская-Пуцятто (псевдоним «Леонида» и «Ольга Федоровна»), мещанка Т. М. Цетлин (псевдоним «Мария Цихоцкая») и другие, то таковые, как видно из дел, хотя исполняли свои обязанности «идейно», мало интересуясь, будучи убежденными врагами крамолы, получаемым за свою секретную службу по розыску вознаграждением, тем не менее, при разоблачении их деятельности, об этом перед членами преступных организаций и равно лицам, производившим таковые расследования, открыто не заявляли». Таков неутешительный итог изучений по вопросу о степени убежденности секретных сотрудников. Вдумайтесь в тенденцию составителей этой справки, и вы согласитесь с тем, что дальше идти некуда. Это уже максимализм отношений жандарма и агента. Требуют не только того, чтобы человек предавал своих товарищей; требуют, чтобы он делал это с легким сердцем, убежденно. Этого мало: требуют, чтобы при разоблачениях он громко разглашал о своей преданности сыску, о своей верности Департаменту. И секретный сотрудник должен был быть своеобразным героем: умирая, он должен был кричать «да здравствует предательство во имя Департамента полиции!» Нельзя отказать в законченности этой идеологии предательства, созданной Департаментом. Но воспитатели сотрудников, очевидно, не были на высоте требований начальства.

В повседневных отношениях к сотруднику Департамент полиции требовал от руководителя-офицера души, души и души, сердечного, мягкого, теплого и ровного отношения. «Заведующему агентурой рекомендовалось ставить надежных сотрудников к себе в отношения, исключаяющие всякую официальность и сухость, имея в виду, что роль сотрудника обыкновенно нравственно очень тяжела и что «свидания» часто бывают в жизни сотрудника единственными моментами, когда он может отвести душу и не чувствовать угрызений совести». Так говорила инструкция, и Департамент полиции, получая сведения с места и анализируя их, всегда отмечал и укоризненно указывал жандармским офицерам на недопустимость отношения к сотрудникам — несдержанного, негуманного, жестокого, нервного. Я приведу один такой выговор начальнику жандармского управления, образцовый по силе убедительности и по красноречию стиля... «Усматривается недостаточно ровное и слишком формальное, сухое отношение к секретным сотрудникам, отчасти, может быть, вследствие неуверенности вашей в искренности некоторых из них. Последнее обстоятельство, если

оно имеется в действительности, несомненно и является прямым следствием именно формального, сухого отношения, которое, очевидно, не может расположить сотрудника к какой бы то ни было откровенности. Между тем искренность агентства составляет главнейшее условие для правильного и продуктивного ее использования. Почему прежде всего необходимо установить самые простые, сердечные (но отнюдь не фамильярные) отношения с сотрудниками, чтобы не только расположить, но и привязать их к себе. У сотрудников не должно быть не только ни малейшего страха к своему руководителю, но даже и сомнения в доступности последнего... Не следует также давать серьезной агентуре особых агентурных поручений по незначительным выяснениям; во всяком случае, такие поручения могут быть высказаны лишь в форме пожеланий, и отнюдь не в форме требований. Вообще же, давая поручения сотрудникам, ни в коем случае не допускать нажима при их исполнении, так как всякое форсирование в этом очень часто ведет лишь к провалам агентства, создание которой должно быть первейшей обязанностью руководителя».

При столь высоком представлении о секретном сотруднике, какое было у Департамента полиции, понятно, что Департамент полиции требовал бережного отношения к сотруднику. Заботливость о сохранении сотрудников была весьма многосторонняя, и даже тогда, когда приходилось расставаться с сотрудником, не следовало, по указанию инструкции, обострять с ним личных отношений.

IV

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГАЗЕТНОЙ АГЕНТУРЫ

Правительство старого режима вело борьбу с печатью по всему фронту. Кажется, не было ни одного ведомства, ни одной части, которая не принимала бы участия в войне с печатным словом и не была бы повинна в известном его ущемлении. В этой войне не последнее место — борьба с осведомленностью печати. Власти не могли спокойно относиться к тому, что их тщательно укрытые действия и намерения получали оглашение в ежедневной прессе, что компрометирующие их секретнейшие и интимнейшие официальные документы, хранившиеся за семью печатями, становились достоянием гласности. О том, как положить конец таким публикациям, как подорвать корни газетной информации, ломали голову многие чины — от самых крупных до самых мелких, от председателя Совета министров до последнего филера.

Отрядами, на которые была возложена специальная задача пресечения нитей информации, являлись: Главное управление

по делам печати, Департамент полиции и охранное отделение. Прежде всего осознало свое бессилие и сложило оружие цензурное ведомство, Главное управление. Статс-секретарь Коковцев⁹ 18 января 1912 г. обратился к министру внутренних дел А. А. Макарову¹⁰ с письмом «о необходимости изыскания надлежащих мер к прекращению печатания в газетах официальных бумаг, добываемых из правительственных установлений незаконными путями». Главное управление по делам печати, куда было передано письмо Коковцева, попробовало искать средства борьбы против информации в сфере юридических способов воздействия и с этой целью предприняло «изыскание способов понуждения редакторов повременной печати обнаруживать имена лиц, доставляющих в редакцию секретные документы», но при этих изысканиях выяснилось, что по существующим законам «правительство лишено права предъявлять к редакторам подобного рода требования, а в уголовных законах, при самом распространительном их толковании, не заключается никаких оснований для применения их».

Еще не успело Главное управление разработать своего ответа на письмо Коковцева, как в борьбу с газетной осведомленностью вмешались новые лица, и правительственные агенты должны были вступить. «Его императорское величество, по ознакомлении с представленным морским министром вырезкою из газеты «Речь» от 29 января, за № 28, со статьей Л. Львова «Тактика морского министра», воспроизводящею почти дословно письмо государственного контролера от 16 января за № 14 на имя председателя Совета министров по вопросу об изменении положения о совещании по судостроению, разосланное членам Совета министров 1 февраля, высочайше соизволил обратиться к председателю Совета министров с рескриптом от 6 февраля, в котором, указывая на совершенную нетерпимость подобных разглашений в печати правительственных документов, повелел председателю настоять на полном расследовании этого случая и затем о результате доложить его величеству».

Вот тут-то и пошла писать губерния. Получив рескрипт, Коковцев немедленно же адресовался к А. А. Макарову, министру внутренних дел, с письмом, в котором писал между прочим: «В исполнение высочайшего повеления и имея в виду, что виновных в похищении материала для криминальной статьи следует искать либо в подлежащем учреждении государственного контроля, откуда исходил оригинал этого письма, либо в государственной типографии, где оно печаталось, либо в канцелярии Совета министров, я сделал распоряжение о производстве тщательного расследования по всем трем учреждениям. Но вместе с тем, не могу не заметить, что подлежащие начальства означенных учреждений не имеют в своем распоряжении всех необходимых средств к обнаружению виновных в

такого рода похищениях, и что более надежным для сего средством явилось бы совершенно негласное, в порядке секретного полицейского сыска, расследование всех путей и способов, коими газеты, и в частности, в данном случае сотрудник газеты «Речь» Л. Львов (Л. М. Клячко) добывает себе материал для газетных статей из правительственных источников».

О производстве этого расследования и просил Коковцев Макарова. Макаров тотчас же положил резолюцию: установить за сношениями Клячко совершенно негласное наблюдение. Сделать (по канцелярии) распоряжение о недопущении его в центральные учреждения Министерства внутренних дел за получением сведений для печати. 18 февраля начальник Санкт-Петербургского охранного отделения получил предписание «установить самое тщательное и совершенно негласное наблюдение за сношениями Л. М. Клячко (Л. Львов) и о результатах наблюдения еженедельно сообщать Департаменту полиции».

С этого момента Львов получил на довольно продолжительное время верных, но тайных спутников, которые изо дня в день наполняли свои «дневники наблюдения» за Царицынским (такова была так называемая кличка наружного наблюдения, данная Львову) дребеденью вроде: вышел в 1 час дня из дома; поехал на извозчике в редакцию, зашел в банк, посетил Министерство торговли и т. д.

Расследуя вопрос о газетной информации, охранное отделение выяснило в то же время, что, кроме Львова, составлением обличительных статей занимаются еще Аркадий Руманов и Александр Стембо. Негласное наблюдение было установлено и за ними; но оно не дало никаких интересных для охраны результатов. Резюмируя неудачу наружного наблюдения, руководитель розыска писал: «Вскоре пришлось снять наблюдение по той причине, что слежка за газетными сотрудниками, при постоянных разъездах по городу, часто в автомобилях, нередко прерывалась и, наконец, была замечена самими наблюдаемыми. Кроме того, наблюдение оказалось не достигающим цели еще и потому, что, отмечая посещение газетными сотрудниками тех или иных правительственных учреждений, оно не давало, ввиду совершенной невозможности выслеживать наблюдаемых внутри казенных помещений, необходимых указаний на то, с кем именно из должностных лиц и по каким поводам наблюдаемые входили в общение».

В распоряжении Департамента полиции оставалось одно сильное средство: ввиду неудачи наружного наблюдения Департамент нашел более соответственным перейти к обыскам и арестам. Мера эта с одобрения министра А. А. Макарова была применена летом 1912 г. к Руманову, Стембо, Львову, Аتماкину и Раковскому. Обыски, по деликатному выражению охранного отделения, коснулись и редакций газет «Речь» и «Биржевые ведомости».

При обысках были отобраны различные секретные циркуляры и другие официальные документы, но указаний на источники получения этих документов эти обыски не дали. При допросах обысканные заявили, что официальные документы они получали непосредственно от разных сановников.

Данные наружного наблюдения подтверждали заявления журналистов, и таким образом, при всем старании обвинить их в преступных деяниях, связанных с приобретением документов, не удалось, и «переписка» о них была прекращена.

О произведенном охранным отделением и Департаментом полиции расследовании и о его результатах министр внутренних дел сообщил Коковцеву. Констатируя неудачу следствия, министр внутренних дел указал на старое испытанное средство, не использованное в этом нападении на редакции и журналистов. «Единственным возможным способом борьбы с этим злом было бы установление внутреннего освещения состава редакций известных газет, что, конечно, сопряжено с весьма крупными денежными затратами и к чему, однако, ввиду необходимости придется в недалеком будущем прибегнуть», — писал министр внутренних дел Коковцеву. Коковцев не удовлетворился этим ответом и, разделяя заключение министра внутренних дел о внутреннем освещении, высказал мнение, что «заявлениям сотрудников левых газет о получении ими официальных документов от высокопоставленных особ едва ли следует придавать веру, и что более вероятным является предположение о добывании таких документов означенными журналистами путем подкупа рабочих государственной типографии или чиновников».

Департамент полиции произвел дополнительное расследование, не давшее опять-таки никаких результатов...

Оставалось прибегнуть к последнему средству. Директор Департамента полиции С. П. Белецкий в сентябре 1913 г. обратился к Санкт-Петербургскому градоначальнику Д. В. Драчевскому с предложением «распорядиться приобретением подведомственным ему отделением по охранению общественной безопасности и порядка в столице внутренней агентуры в редакциях некоторых газет, возбуждающих наибольшие подозрения в смысле противозаконного добывания и разглашения официальных документов, и направлением этой агентуры на выяснение практикуемых редакциями способов сего».

Предложение С. П. Белецкого было принято к сердцу, и Петербургское охранное отделение завело новую отрасль секретной агентуры — газетную агентуру. Таким образом, к созданию института секретного сотрудничества в газетной среде в той или иной мере приложили руку наблюдавшие филеры, чины Департамента полиции во главе с директором, Санкт-Петербургский градоначальник, министр внутренних дел, председатель Совета министров и сам монарх.

ГЕРОИНЯ ОХРАНКИ

(Из истории агентуры)

I

ДВА ДОКУМЕНТА

14 августа 1909 года Центральный Комитет партии социалистов-революционеров опубликовал следующее сообщение.

«Центральный комитет партии социалистов-революционеров доводит до всеобщего сведения, что Зинаида Федоровна Жученко, урожденная Гернгросс, бывшая членом партии социалистов-революционеров с сентября 1905 г., уличена как агент-provokator, состоявшая на службе Департамента полиции с 1894 года.

Началом ее провокационной деятельности была выдача так называемого распутинского дела (подготовка покушения на Николая II в 1895 году)¹¹.

В партии социалистов-революционеров Жученко работала, главным образом, сначала в московской организации, а потом и при Областном комитете центральной области.

Последнее время проживала в Германии, но в заграничных организациях социалистов-революционеров не принимала никакого участия».

12 октября 1909 года П. А. Столыпин представил следующий всеподданнейший доклад.

«Летом текущего года, благодаря особым обстоятельствам последнего времени, старому эмигранту-народовольцу Бурцеву удалось разоблачить и предать широкой огласке долговременную секретную службу по политическому розыску жены врача Зинаиды Федоровны Жученко, урожденной Гернгросс.

На секретную службу по департаменту полиции Гернгросс поступила в 1893 г. и, переехав весной 1894 года на жительство в Москву, стала работать при местном охранном отделении. За этот период времени Жученко успела оказать содействие обнаружению и преданию в руки властей деятелей «московского террористического кружка» (Распутин, Бахарев и др.), подготовлявшего злодеяние чрезвычайной важности.

Будучи привлечена к ответственности по этому делу, Гернгросс, на основании высочайшего вашего императорского величества повеления, последовавшего по всеподданней-

шему министра юстиции докладу в 14-й день февраля месяца 1896 года, была, по вменении ей в наказание предварительного ареста, выслана под надзор полиции на пять лет в город Кутаис, где в 1897 г. и вступила в брак со студентом, ныне врачом Николаем Жученко и перешла на жительство, с надлежащего разрешения, в город Юрьев, откуда с малолетним сыном своим в апреле 1898 г. скрылась за границу и занималась там воспитанием горячо любимого сына, оставаясь несколько лет совершенно в стороне от русской деятельности, но затем, весною 1903 года, видя усиление революционного движения в своем отечестве и тяготясь своим бездействием в столь тревожное для России время, возобновила свою работу по политическому розыску и оказала правительству ряд ценных услуг по выяснению и освещению деятельности укрывавшихся за границей русских политических выходцев. Осенью 1905 года Жученко была командирована по делам политического розыска из-за границы в Москву, где во время мятежа работала при особо тяжелых условиях, с непосредственною опасностью для жизни, над уничтожением боевых революционных партий, свивших гнездо в столице.

Проживая до февраля текущего года в Москве, с небольшими перерывами, вызванными служебными поездками за границу, Жученко проникла в боевую организацию партии социалистов-революционеров, где и приобрела прочные связи, благодаря чему была выяснена и привлечена к ответственности вся летучая боевая организация московского областного комитета партии, а также произведен ряд более или менее крупных арестов.

Работая таким образом долгое время вполне плодотворно и обладая солидными связями в революционных сферах, Жученко доставляла правительству очень ценные сведения и приносила политическому розыску огромную пользу; так, благодаря названной личности, удалось обнаружить и разгромить целый ряд тайных организаций и предать в руки правосудия многих серьезных революционных деятелей, а равно своевременно предупредить грандиозные террористические покушения.

Жученко является личностью далеко не заурядною: она одарена прекрасными умственными способностями, хорошо образована, глубоко честна и порядочна, отличается самостоятельным характером и сильной волей, умеет ярко оценивать обстановку каждого случая; делу политического розыска служила не из корыстных, а из идейных побуждений, и фанатически, до самоотвержения, предана престолу, ввиду сего относится к розыскному делу вполне сознательно и постоянно заботится только об интересах дела.

Последние годы Жученко получала в общем, включая и

назначенное ей 7 лет тому назад Департаментом полиции за прежние заслуги постоянное пособие, 300 рублей в месяц, но при постоянно экономной жизни большую часть жалованья тратила на служебные расходы.

Настоящее разоблачение розыскной деятельности Зинаиды Жученко, происшедшее по совершенно не зависящим от нее обстоятельствам, легко может по целому ряду печатных примеров завершиться в отношении ее кровавой расправой.

Признавая таким образом участь Зинаиды Жученко заслуживающей исключительного внимания и озабочиваясь ограждением ее личной безопасности и обеспечением ей возможности дать должное воспитание сыну, всеподданнейшим долгом поставляю себе повергнуть на монаршее ваше императорское величество благовоззрение ходатайство мое о всемилостивейшем пожаловании Зинаиде Жученко из секретных сумм Департамента полиции пожизненной пенсии, в размере трех тысяч шестисот (3600) рублей в год, применительно к размеру получавшегося ею за последние годы жалованья».

27 октября 1909 года в Ливадии на подлинном докладе царь положил резолюцию «согласен». Жученко была тотчас же уведоmlена о высочайшей милости и поспешила выразить свою благодарность в письме на имя товарища министра П. Г. Курлова. «Ваше высокопревосходительство, — писала Жученко, — приношу вам свою глубокую благодарность за назначение мне поистине княжеской пенсии. Считаю долгом сама отметить, что такая высокая оценка сделана мне не за услуги мои в политическом отношении, а только благодаря вашему ко мне необычайному вниманию, за мою искреннюю горячую преданность делу, которому я имела счастье и честь служить, к несчастью — так недолго. Ваше внимание ко мне дает мне смелость почтительнейше просить вас обеспечить моего сына Николая частью моей пенсии на случай моей смерти до достижения им совершеннолетия». Это письмо было доложено директору Департамента Н. П. Зуеву, который приказал: «В случае смерти З. Жученко представить всеподданнейший доклад, в коем, применительно к правилам пенсионного устава, ходатайствовать о даровании Николаю Жученко пенсии в размере 900 рублей в год, впредь до совершеннолетия, если он не будет помещен на воспитание на казенный счет в одно из правительственных учебных заведений».

Судьба Жученко была устроена, и если бы не страх перед революционерами, то мирному и тихому течению жизни не было бы никаких помех.

II

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Зинаида Федоровна Жученко, урожденная Гернгросс, представляет явление исключительное в галерее охранных типов. Она — образцовый экземпляр типа убежденных провокаторов. Она была таким своим, таким домашним человеком в охранной среде; ее отношения к своему жандармскому начальнику, ко всем этим Гартингам¹², Климовичам¹³, фон Коттенам¹⁴ были совершенно близкие, но без тени фамильярности. Все эти господа относились к ней с великим уважением, дружеской почтительностью и безоглядной доверенностью. Они не «руководили» ею, а работали совместно с нею так, как работали бы с любым опытным жандармским офицером, и даже с большей уверенностью, склоняясь перед ее опытностью, умом, педантичной точностью. Ее отношение к руководителям было полно товарищеской приязни и оживленной дружбы, — как раз тех качеств, которые так ценны при общей работе.

Вот собственноручно изложенный эпический, лапидарный рассказ Жученко о своей работе: «В 1893 году я познакомилась в Петербурге с г. Семякиным и стала агентом Департамента полиции. Весной 1894 года, по семейным обстоятельствам, переехала в Москву. Г. Семякин¹⁵, приехав туда, познакомил меня с С. В. Зубатовым¹⁶, у которого я работала до мая или апреля 1895 года, вплоть до своего ареста вместе с И. Распутиным, Т. Акимовой и другими¹⁷. До марта или февраля 1896 года я находилась под арестом в московской Бутырской тюрьме, после чего была выслана в Кутаис на 5 лет. В апреле 1898 года я уехала в Лейпциг, пробыв там до весны 1904 года, когда, по приглашению г. Гартинга, переехала в Гейдельберг. Следовательно, от апреля 1895 года до весны 1904 года я не работала, как сотрудник¹⁸. В Гейдельберге я вошла в сношения с проживавшими там социалистами-революционерами и, получив от них связи для Москвы, уехала в этот город в сентябре 1905 года. С 1905 года, сентября месяца, вплоть до конца февраля 1909 года, я работала в Москве, с небольшими перерывами, вызванными моими поездками за границу, под начальство гг. Климовича и фон Коттена».

Как о чем-то морально совершенно бесспорном, говорит Жученко о работе, об агентской службе, о сотрудничестве. Но за этими терминами сколько проклятий, сколько горя и слез. Аресты, тюрьмы, ссылки, каторжные узы и петли — итоги «работы» Жученко, Климовича, фон Коттена.

А в партии, членом которой была Жученко, она была ценным и желанным работником. На ее испытанную точность в «работе», на ее щепетильную добросовестность, на ее товари-

щескую обязательность можно было положиться. Из рядового члена партии она становится руководителем партийной работы; она входила в состав Областного комитета центральной области партии социалистов-революционеров и приняла участие в Лондонской конференции в 1908 г. Известие о ее предательстве произвело ошеломляющее впечатление.

Подозрения возникли в феврале 1909 года, окрепли в апреле, но для превращения в достоверный факт нуждались в непререкаемом аргументе. 26 августа Центральный Комитет обратился к В. Л. Бурцеву со следующим предложением: «Центральный Комитет партии социалистов-революционеров собрал ряд данных, уличающих З. Ф. Жученко в провокационной деятельности. Центральный Комитет считал бы полезным предвительно, до предъявления Жученко формального обвинения, сделать попытку получить от нее подробные показания об известном ей из провокационного мира. Центральный Комитет полагает, что вы, как редактор «Былого», могли бы предпринять эту попытку, и со своей стороны готовы оказать вам в этом необходимое содействие».

Жученко, подозревая неладное, еще в феврале 1909 года выехала из Москвы и укрылась в Шарлоттенбурге, в скромной квартире. Здесь нашел ее Бурцев, и здесь же она ответила полным признанием выдвинутых против нее обвинений. Ее ответ Бурцеву поразителен своей неженской бестрепетностью и бесстыдством. Она выразила свое сожаление, что она так мало послужила охранному отделению, но стояла только на одном, что провокацией она не занималась. «Я служила идее, — заявила она Бурцеву. — Помните, что я честный сотрудник Департамента полиции в его борьбе с революционерами»... «Сотрудничество — одно из более действительных средств борьбы с революцией», — писала она Бурцеву, повторяя в сущности одно из основных положений инструкции по ведению внутреннего наблюдения. «Я — не одна, у меня много единомышленников, как в России, так и за границей. Мне дано высшее счастье: остаться верной до конца своим убеждениям, не проявить шкурного страха, и мысль о смерти меня не страшила никогда (иначе я никогда бы не перевозила бомб, как и много другого не делала бы)».

Разоблаченные агенты, сотрудники вызывают различные к себе чувства, но какие бы они ни были, к ним всегда примешивается чувство презрения и гадливости. Когда Жученко закончила свои ответы Бурцеву, она спросила его:

— Вы меня презираете?

— Презирать, это — слишком слабое чувство! Я смотрю на вас с ужасом, — ответил Бурцев.

Бурцев составил подробный рассказ о посещении Жученко и о своих беседах с ней. Этот рассказ необычайно интересен с психологической стороны, но еще интереснее с этой точки

зрения отчет о посещении Бурцева и его беседах с Жученко, сделанный ею самой в письмах к начальнику — полковнику М. Ф. Коттену, в то время начальнику Московского охранного отделения. Сопоставление этих двух рассказов только усиливает драматический эффект события.

Бурцев рассказывает, как 11 (24) августа 1909 года он появился в квартире Жученко. Он обратился к ней с просьбой поделиться с ним воспоминаниями в области освободительного движения. Жученко скромно ответила ему, что она стояла далеко от организаций и вряд ли может быть полезна ему. Впрочем, он может задавать ей вопросы. Но Бурцев не решился начать свой допрос в ее квартире, где был ее сын и жила ее подруга. Он просил ее прийти для беседы вечером в кафе. Она согласилась, пришла в условленное место, но по какому-то недоразумению не встретила Бурцева. В этот день допрос не состоялся.

Вечером, взволнованная посещением Бурцева, Жученко писала своему другу и начальнику фон Коттену: «Не знаете ли, дорогой мой друг, исчезли ли уже сороки из уготовленных им теплых краев? Мне кажется, они уже за границей. И вот почему. Сегодня был у меня Бурцев. «Собираю воспоминания и прошу вас поделиться со мной вашими». — «Что же вас интересует?» — «Все. Но здесь неудобно говорить. Будьте добры приехать в 7 ч. вечера на Friedrichstrasse к подземке. Я буду там ровно в 7 ч.». В 7 ч. я была, как условлено, но его там не было. Прождала до 8 ч. и отправилась домой. Вероятно, завтра придет еще раз, если только мой приезд к подземке уже не сыграл какой-то роли. *Ça у est*¹⁹ или нет? Думаю, да. Не будь оно да (простите за тяжелый язык), Р. Гальц уведомила бы меня давно о визите... Когда я ехала на подземке, признаюсь, мелькнула мысль, — не встречаться с ним, уехать. Но это только одно мгновение было. «Я вас где-то встречал». — «Очень возможно» (никогда не виделась). Ну как не пожалеть, что вы не здесь! Было бы интересно побеседовать. Но только вы остались бы мною недовольны: вы не любите, когда я говорю спокойно. Но чего волноваться! Я так себе и представляла. Именно он должен был прийти ко мне. Если возможно будет писать, сейчас же напишу вам о продолжении сей истории. А пока все же до свидания. Всего, всего лучшего. Привет вам, Е. К. и А. М.»²⁰.

Первый акт драмы с завязкой сыгран. Предатель чувствует, что за ним следят, что он открыт, и ждет, как произойдет разоблачение. Он уверен в приходе судьбы, тысячу раз рисуется в своем воображении, как это будет и будет ли предварительно выяснение или сразу наказание, самое тягчайшее. Именно так, как ждала Жученко, пришел Бурцев. *Ça у est*.

Второй акт драмы разоблачения был разыгран на следующий день, 12 августа. В 10 часов утра Бурцев уже звонил у

двери Жученко. «Она сидела в глубоком кресле, безмятежно смотрела на своего собеседника и казалась с виду совсем спокойной, и голос был ровный и уверенный. Тогда, почти не владея собой, он подошел к ней в упор и сказал прямо в лицо:

— Я хочу теперь просить вас, не поделитесь ли со мной воспоминаниями о вашей 15-летней агентурной работе в Департаменте полиции и в охране?

Она не то вопросительно, не то утвердительно сказала ему:

— Вы, конечно, не откроете ни доказчиков, ни доказательств.

Бурцев, конечно, решительно отказался открыть свои источники.

Она высокомерно взглянула на своего прокурора и совсем не прежним тоном сказала:

— Я давно вас ждала. Еще полгода тому назад я сказала своему начальству: «Бурцев разоблачил Азефа; теперь очередь за мной. Он сам придет ко мне и будет меня уличать». Как видите, я не ошиблась. И скажу вам искренно: я рада, что вы, а не эсэры явились ко мне».

Бурцев ушам своим не верил. «Для верности» он спросил:

— Значит, вы признаете, что вы служили в охранном отделении?

— Да, я служила, к сожалению, не 15 лет, а только 3, но служила, и я с удовольствием вспоминаю о своей работе, потому что я служила не за страх, а по убеждению. Теперь скрывать нечего. Спрашивайте меня, — я буду отвечать. Но помните: я не открою вам ничего, что повредило бы нам, служащим в Департаменте полиции.

Допрос начался здесь же в квартире и затем в течение нескольких часов продолжался в кафе.

В 1 ч. 22 м. Жученко отправила телеграмму в московское охранное отделение фон Коттену: «Micheew (Михеев — охранный псевдоним Жученко) ist bekannt durch den Historiker Brief folgt Zina»²¹.

В тот же день написала и письмо, которое должно было быть переслано фон Коттену в случае смерти Жученко. Жученко осталась жива, и письмо осталось не посланным. В тот же день вечером она писала вновь фон Коттену:

«Дорогой мой друг! У меня лежит письмо для вас, которое вы получите в случае моей смерти. В нем я подробно рассказываю о втором визите Бурцева. Чтобы вам ясно было дальнейшее этого письма, должна повториться и сказать, что он начал сегодня прямо с фразы: «Поделитесь вашими воспоминаниями, как агента, в течение 15 лет, охранного отделения. Умом и сердцем вы с нами».

— Я ведь ждала этого еще с декабря. Раз Бурцев приходит ко мне и говорит это, ясно, что у него имеются документальные доказательства. Поэтому отрицать à la Азеф было бы

пошло. Согласитесь. Я и подтвердила, исправив неточную дату 15 лет. Его очень удивило, что не отрицаю. «Имею данные от охранников, среди социалистов-революционеров подозрений никаких не было. Вас хотели сейчас же убить, но я «выпросил» у них: расскажите все, ответьте на все вопросы, — и ваша жизнь гарантирована». На этом окончился его утренний визит.

От 3 до 7 вечера говорила с ним в Сафе. Отказалась от дачи показаний, объяснила ему, почему я служила вам и другим и каким образом я сделалась агентом. Относительно последнего он объясняет моим арестом на улице в Петербурге, «воздействием» и проч. Для меня было очень важно разубедить его, и он не мог не поверить, что это не так было. Спрашивал о многом, многом, но я отвечала только на пустяковые вопросы. Надеюсь, что оставалась все время спокойна и ничего не выболтала. Он резюмировал свое сообщение цекистам так: «Опасная противница революционного движения, социалистов-революционеров в частности, действовала только по убеждению вредности всякой революционной деятельности». Появится ли это резюме в его корреспонденциях? Едва ли. Но обещал мне писать только правду. Увидите, как он сдержит свое слово. Через неделю мое имя уже достояние газет, как он сказал, но я думаю, что это будет уже завтра. Сведения обо мне были уже в апреле якобы. «Я преисполнен к вам ужасом. Не мог предполагать, что такой тип, как вы, возможен. Это гипноз». Против этого я горячо протестовала. Но, кажется, он остался при своем.

Несколько раз просил работать с ним. «Вы так многое можете разъяснить, быть полезной». — «Работайте вы со мной», — сказала я. Негодование! Я отвечаю тем же. «Я умываю руки. Теперь социалисты-революционеры решат, что с вами делать. Как человеку честному, жму вашу руку, желаю всего хорошего...» Словом, я с удовлетворением увидела, что презрения с его стороны не было. А его ужас — это очень недурно.

Я с своей стороны выразила мою радость, что именно он пришел ко мне: могу надеяться, что мои слова не будут извращены, и не слышала грубой брани и пафоса возмущения. «Я не одна, есть другие в моем роде и всегда будут», — не удержалась я сказать. «Но ведь я всех разоблачу, у меня уже имеется много документов». Вот, кажется, все существенное моего разговора с ним».

То, чего ждала с трепетом Жученко, свершилось. Карты раскрыты, предатель разоблачен. В третьем акте драмы следовало бы, по теории, ждать раскаяния и наказаний. Но раскаяния не было, была только гордость содеянным, гордость своим поведением во время разоблачения. И несомненно, эта гордость запретила ей спастись от наказания. «Теперь что же

дальше? — пишет она 12 августа фон Коттену. — Думаю, что с ним была пара социалистов-революционеров; если нет (он отрицает), то придут и, — конечно, крышка. Очень интересно было бы знать, что вы мне посоветовали бы. Я сама за то, чтобы не бежать. К чему? Что этим достигнется? Придется вести собачью жизнь. И еще с сыном. Быть обузой вам всем, скрываться, в каждом видеть врага, — и в конце концов тот же конец! А вдобавок подлое чувство в душе: бежала! Из-за расстояния должна решать сама, одна. Мой друг! Конечно, хочу знать ваше мнение, но придется ли его услышать? Они доберутся раньше вашего ответа. Ценой измены вам, Е. К. (Е. К. Климовичу), всему дорогому для меня могла бы купить свою жизнь. Но не могу. «Вы должны порвать с ними окончательно и все рассказать». — «Отказываюсь!» Простите за неожиданный зигзаг мысли, но мне малодушно хочется рассказать вам, как мой милый мальчик реагировал на мой рассказ (я должна была приготовить его, сказать ему сама, взять из школы). Так вот, он говорит: *ich werde sie selbst schiessen, vielleicht wird diese Bande dich doch nicht töten!*²².

Простите за отступление, но вы поймете, что я исключительно занята мыслью о дорогом сыне».

Со дня на день ждала Жученко расплаты и каждый день писала фон Коттену, чтобы он знал, что она еще жива. 13 августа она сообщала ему: «Центральный комитет теперь уже знает, что я не приняла их условий. Не думаю, чтобы они оставили меня так; надо полагать, придумают способ убрать. Задача для них не такая легкая: будут, конечно, думать, как бы «исполнителю» сухим из воды выйти. Я совершенно открыто хожу по улицам и не собираюсь уезжать. Газеты еще молчат... Дорогой мой друг! Как хорошо бы с вами сейчас поговорить. Жду вашего привета. Чувствую себя хорошо, свободно, — стоило жить!»

В тот же день Жученко писала и другому своему другу, Е. К. Климовичу. «Теперь жду, что дальше будет. Конечно, убьют. Бежать, начать скитальческую жизнь, — нет сил, потеряю равновесие, буду вам всем обузой... Хотя бы эта банда, как выразился мой дорогой мальчик, убила и не обезобразила бы меня. Это мое единственное желание. С каким наслаждением я поговорила с Бурцевым, бросила через него социал-революционерской банде все мое презрение и отвращение. Надеюсь, он не извратит моих слов».

14 августа Жученко писала фон Коттену: «Дорогой мой друг! Боюсь только одного: серной кислоты. Начинаю думать, они не убьют меня. Довольно трудно ведь. Они уверены, что я окружена толпой полицейских. И «жалко жертвовать одним из славных на провокатора», — думается мне, говорят они. Вероятно, дойдут до серной кислоты. Конечно, и это правильно... Но обидно будет. Потом, боюсь, что Бурцев извратит

мои слова, — это будет особенно скверно. И особенно опасаясь, что они похитят сына. Несколько раз представляла себе, как будет, что я буду ощущать, когда меня откроют, — и, к своему счастью, вижу, что это гораздо легче. Просто-таки великолепно себя чувствую. При мысли, что они застрелят меня, конечно. С Бурцевым держала себя гораздо лучше, чем могла ожидать от себя в Москве при мысли о сем моменте».

Прошло еще несколько дней. Центральный комитет официально объявил о провокаторстве Жученко. Бурцев сдержал слово и не скрыл о ней правды. Жученко стала предметом острой газетной сенсации. Она не была убита, не была обезображена, сын был при ней, и она жила по-прежнему на своей квартире. Департамент оплатил ее услуги «княжеской» пенсией, а 7 ноября она писала В. Л. Бурцеву: «Осень моей жизни наступила для меня после горячего лета и весны».

Прошло еще несколько месяцев. Была неприятность с берлинской полицией; она хотела бы выдворить из Берлина русскую шпионку, о которой шумела пресса, но, по представительству русского Департамента полиции, согласилась оставить Жученко в покое. В письме ее к фон Коттену от 18 февраля 1910 года находится любопытное сообщение об отношениях к ней берлинской полиции. «У меня тут опять буря в стакане воды. Социал-демократ Либкнехт сделал запрос в прусском ландтаге министру внутренних дел, известно ли ему, что Жученко снова в Шарлоттенбурге и «без всякого сомнения, продолжает свою преступную деятельность». Недостатка в крепких выражениях по моему адресу, конечно, не было. Я ожидала, что президент (Берлинской полиции) после этого запроса снова посоветует мне уехать. Но они отнеслись к этому выпадку очень спокойно. Показали мне только анонимное письмо президенту с советом выселить русскую шпитцель²³, иначе произойдет что-либо скверное. Я думаю, что это в последний раз упоминается имя Жученко. Пора бы, право, и перестать, тем более, что я буквально ни с кем не вижусь и не говорю. Своего рода одиночное заключение, только с правом передвижения. Надеюсь, что через полгода окончательно свыкнусь и угомонюсь».

И действительно, через некоторое время Жученко угомонилась. Для нее все было в прошлом, и в этом прошлом, ей дорогим, она жила в воспоминаниях и переписке со своими друзьями-руководителями. Разоблачение ни на йоту не изменило ее теоретического уклада, и секретное сотрудничество казалось ей по-прежнему делом и нужным, и почтенным. Не могу не привести характернейших выдержек из ее письма от 24 сентября 1910 г. к Е. К. Климовичу. «Изгоев в «Речи», который является легальным граммофоном того несуществующего ныне, что было партией социалистов-революционеров, очень утешительно говорит, что Меньшиков²⁴ возбуждает гад-

ливое чувство. Ну, нравственным возмущениям — цена грош в данном случае, но это показывает, что вот предположение, будто Меньшиков мог бы работать в революционных организациях, — едва ли осуществимо. Кто возьмет его к себе? Меня больше занимает заметка здешней прессы, русское правительство якобы встревожено намерением сего субъекта что-то там опубликовать. Главный вред от него налицо: мы проваленные! Остается, следовательно, пресловутое дискредитирование и прочая пальба из пушек по воробьям. Но это ведь лишь минутное волнение и одно времяпрепровождение. Ничего не изменится; главное всегда останется — сотрудники есть и будут, а следовательно, и банда не сможет поднять высоко головы. Интересно знать, когда это вошло в обращение слово — провокация? Кажется, с 1905 года. И вот с тех пор нас обвиняют всегда в провокации. И пусть! От этого обвинения Департамент полиции еще не рушился. А что другое может разоблачить Меньшиков? Остается только радоваться, что предатель известен. Все многочисленные провалы, все их причины, — хочу сказать, — азефский и мой особенно, — показывают, что ваша всех система преследования шаек социалистов-революционеров и проч. К^о — жизненна и плодотворна. А это громадное утешение! Говорю это с убеждением, зная теперь, откуда шли все разоблачения, предательства. Само собой, мы никогда не провалились бы при вашем, Михаил Францевич (фон Коттен) и других ведений агентуры. И мне даже опасно, что вы могли хоть только остановиться на вопросе, не были ли вы причиной моего провала! От предательства не упасется никто... О, если бы не Меньшиков! Тяжело, мог друг, не быть у любимого дела! Безо всякой надежды вернуться к нему!...»

В момент объявления войны Жученко жила в Берлине. В первые же дни она была арестована и заключена в тюрьму по подозрению в шпионстве в пользу России. В тюрьме она находилась еще и в 1917 году. Дальнейшая ее судьба неизвестна²⁵.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ФИЛЕРЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Это было в начале 1911 года. Так как петербургские агенты наружного наблюдения, иначе филеры, не знали в лицо виднейших и активнейших деятелей партии социалистов-революционеров и, следовательно, при въезде их в Россию могли выпустить из круга наблюдения, то у вдумчивых руководителей политического сыска явилась благая, по их мнению, мысль доставить филерам возможность лично изучить физиономии революционеров, отправляя их в командировку за границу по группам, партиям. Одна партия должна была сменять другую и т. д. вплоть до того времени, пока весь личный филерский состав не был бы достаточно ознакомлен. Мысль эта исходила от дворцового коменданта, который, как известно, имел и свою собственную агентуру, и свой состав филеров. Заботы об устройстве филеров за границей по «предъявлении им революционеров» пали на заведовавшего заграничной агентурой А. А. Красильникова. О разработанной им программе действий в этом деле он сообщал 30 июня (13 июля) следующее:

«Имея в виду, что командирование этих агентов будет иметь постоянный характер, одна группа имеет сменяться другою, я вошел в сношение с двумя лицами, на которых исключительно будет возложена только обязанность знакомиться с личностями революционеров и таковых засим представлять.

Оба эти лица, фамилии коих Raoul Cogtof и Léon Magadien, рекомендованы чинами французской полиции, как заслуживающие полного доверия.

Первое время им уплачивалось по 10 франков в сутки, а с 1 июля, как Cogtof, так и Magadien будут получать содержание по 250 франков, причем известны они будут только Биттеру-Монэну²⁶ и титулярному советнику Мельникову, оставаясь совершенно законспирированными от всех других чинов заграничной агентуры, и в переписке, как и в денежных отчетах будут мною называться — Cogtof кличкою «Рафаэль» и Magadien кличкою «Денис».

Вместе с сим, в квартале, где проживают русские эмигранты, и в пункте, где замечается наибольшее передвижение, мною снята квартира, из коей удобно будет наблюдать за про-

ходящими по улице революционерами. В квартире этой «Рафаэль» будет иметь постоянное жительство; на оплату оной, при стоимости ее 780 франков в год, ему будет отпускаться 500 франков.

Таким путем я надеюсь конспиративно осуществлять необходимое ознакомление агентов охранной агентуры, поддомственной дворцовому коменданту, с революционным элементом, проживающим в Париже.

К исполнению своих обязанностей «Рафаэль» приступил с 1 мая с. г. и в настоящее время уже знает в лицо наиболее известных революционеров, с личностями коих он ознакомился сначала путем изучения фотографий, а засим и наблюдением по указанным им местожительствам или пунктам посещений, собраний и т. п.

Таким же образом знакомится теперь с нужным элементом и «Денис».

Первая группа агентов охранной агентуры, как я имел честь доложить вашему превосходительству донесением от 27 июня (10 июля) с. г. за № 1171, прибыла в Париж 6 июля и была размещена мною в гостиницах, в центре города, далеко от квартала, где проживают эмигранты и революционеры.

Приступить к ознакомлению агентов с личностями последних является в данный момент совершенно невозможным, так как при ведущейся ныне яркой кампании против русской полиции это было бы чрезвычайно неосторожно, но тем временем агенты будут знакомиться с местными условиями и обстановкой, что для дальнейшего является крайне необходимым».

Кампания против русской тайной полиции в Париже действительно велась в это время с ожесточением. Во главе ее стоял В. Л. Бурцев. Французские граждане, служившие русской полиции, следившие за русскими, подкупавшие консьержей и прислугу, выкрадывавшие адресованные революционерам письма и пр. бумаги, не особенно стойко хранили верность своему начальству, и при содействии В. Л. Бурцева выступали с разоблачениями, в высшей степени неприятными для г-на Красильникова. Сам В. Л. Бурцев выступил с рядом громких обличительных статей; Красильникову все время приходилось всячески вывертываться: нанимать адвокатов для судебных выступлений, входить в сделки с французскими гражданами-сыщиками, которые при всяком случае стремились пошантажировать своего шефа, грудью защищать частное полицейское агентство Бинта и Самбена²⁷, которое отрицало свою зависимость от русской тайной полиции, а на самом деле являлось просто замаскированным охранным отделением. Время было тяжелое для г-на Красильникова, а тут еще пришлось ему возиться с петербургскими гостями.

1 (14) июля А. А. Красильников докладывал по начальст-

ву, что «первая группа агентов охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту, командирована мною на юг Франции в сопровождении губернского секретаря Боброва.

Ввиду того, что в связи с арестом во Франции русских бомбистов в Париже идут розыски и ведется наблюдение за всеми русскими, обращающими на себя чем-либо внимание, я счел более осторожным удалить ныне названных агентов из Парижа.

Двое из них отправлены мною в Ниццу сегодня, двое других выедут туда завтра.

На Ривьере им будет предъявлен социалист-революционер Савинков²⁸ и другие находящиеся там лица, заслуживающие внимания, а засим агенты проедут в Геную, где с возможной осторожностью им будут показаны революционеры, проживающие в Кави, Нерви и др.».

Тяжелые работы заставили г-на Красильникова совершить в начале июля 1914 года путешествие в Петербург, и всеми делами остался ведать его помощник Мельников. Меж тем ближе и ближе придвигалась война, и русские филеры оказались не ко времени и не к месту. 16 июля Красильниковым была отправлена из Петербурга Мельникову следующая телеграмма: «Отзовите немедленно русских из Италии в Ниццу, где ожидать распоряжений в разных отелях. Боброву вернуться в Париж». 19 июля Красильников выехал из Петербурга за границу на Одессу и Константинополь и в начале августа был уже в Париже. 13 августа он телеграфировал: «Агенты находятся в Ницце в бездействии. Ввиду военного времени наблюдение невозможно. Ожидания на улице Жуан Лепен Карповича²⁹ уже вызвали раз арест агента и бывшего с ним француза. В Париже осадное положение, и русские разъехались. Ввиду сего полагал бы отправить людей обратно из Марселя пароходом на Одессу. Проезд каждого около 500 франков. Прошу распорядиться».

Вообразите всю нелепость положения: первые дни мобилизации, вся Франция зажжена пламенем борьбы, все в движении, и на тротуарах — бездельные, праздные, глазющие по сторонам русские шпики! Даже ревностному службисту Красильникову показалась такая «деятельность» филеров неуместной. К тому же, и главный его враг В. Л. Бурцев при первой вести о войне прекратил свою борьбу с русской агентурой в Париже. Должно быть, с чувством величайшего облегчения 11 (24) августа сообщал г. Красильников в Петербург, что «по полученным от агентуры сведениям, Бурцев, под влиянием наступивших событий, объявил своему помощнику Леруа о прекращении им своей розыскной деятельности, так как теперь не время для борьбы партий с правительством, есть только один враг — немцы. Леруа, в порыве патриоти-

ческих чувств, сжег весь материал, собранный им в доказательство существования в Париже русской полиции».

16 августа в Петербурге решили, наконец, судьбу филеров. «Направить в Россию к месту службы», — телеграфировали Красильникову.

Так кончилось заграничное путешествие агентов дворцовой охраны. Среди филерского имущества, обнаруженного во время революции, оказались кое-какие следы этой поездки: французские самоучители для русских, карманные словари, порнографические парижские открытки и даже записи в книжках — характеристики внешнего вида «предъявленных им русских революционеров», писанные безграмотнейшим агентским стилем. Вот некоторые из них на выбор. «Чернов Виктор³⁰, лет 36—38, высокого роста, худощавый темный шатен, лицо продолговатое, нос с большой горбинкой, усы большие, борода круглая небольшая, одета серо-мягкая шляпа, сероватое пальто, черные брюки». Или еще: «Савинков, лет 47, полный, среднего роста, телосложения обыкновенного, шатен, усы стрижет, бороду бреет, одевается: серая пушкинская шляпа, синий костюм, глаза маленькие, постоянно моргает» и т. д. Таковы итоги заграничных наблюдений.

ЦАРСКОЕ БОГОМОЛЬЕ

В июле 1903 года царь Николай II с семьей ездил на поклонение мощам Серафима Саровского в Саровскую пустынь Тамбовской губернии. В свое время газетные летописцы сообщали о великом стечении народа, пришедшего лицезреть своего царя, о подъеме народных чувств и т. п. В настоящее время, на основании архивных документов, мы можем рассказать, как совершалась царская поездка в пределах Нижегородской и Тамбовской губерний, как было охранено молитвенное настроение венценосного паломника.

Сначала было выбрано направление пути на основании доклада нижегородского губернатора министру внутренних дел и дворцовому коменданту. Вслед за тем губернскому землемеру было приказано в недельный срок снять дорогу в масштабе 2 версты в дюйме, забить в ней столбики с обозначением верст, показать на плане ширину и направление оврагов, мостов и труб, а сигнализацию сделать на 50 саженей в каждую сторону от дороги, от дороги же через селения нанести на особые планы в масштабе 50 саженей в дюйме с показанием на них всех строений на 10 саженей в каждую сторону дороги. Планы были розданы руководителям охраны. Земствам было предложено исправить дороги и мосты, исправить и уширить проселочные дороги и поставить «столбы, указанные в статье 748 устава путей сообщения». В пособие земствам отпущено 15 000 руб. На пути остановки царского поезда у станции Арзамас были построены платформы и павильон. Перед каждым селом и деревней на пути проезда были выстроены арки (шириною не меньше 3 саженей). На всем протяжении путь бывшего царя охранялся самым скрупулезным образом. Охрану выполняли следующие органы: добровольная охрана, полиция и войско. Отбор крестьян в добровольческую охрану производили особые комитеты для выяснения отдельно по каждому селению лиц, желающих лицезреть их императорские величества. Таких охранников было избрано 37 тысяч с лишним. На их проезд к месту назначения, на продовольствие было отпущено около 30 000 руб. Охранники были разделены на десятки, сотни, отряды во главе с десятскими, сотниками и земскими начальниками. Начальники отрядов, земские начальники

особая надобность войти в опечатанное строение, то это может быть сделано в присутствии той же комиссии, и после этого строение вновь опечатывается.

2. В упомянутых выше строениях после осмотра никто из посторонних лиц, к семье хозяина не принадлежащих, оставаться не может впредь до того времени, пока охрана не будет снята.

3. За сутки до проезда в каждый дом, находящийся по пути следования, помещаются два охранника, которые следят, чтобы никто из посторонних в дом и во двор не входили.

4. За четыре часа до проезда помещаются с задней стороны домов, лежащих по пути, охранники, стражники или воинские чины, по мере надобности, которые следят за тем, чтобы на дорогу, по которой имеет быть проезд, никто не выходил.

5. Все выходящие на улицу слуховые окна или отверстия на чердаках заколачиваются.

6. С раннего утра дня высочайшего проезда в попутных селениях все собаки должны быть на привязи и находящийся в селениях скот загнан».

С 17 июля (дня приезда царя в пределы Нижегородской губернии) по 20 июля (день отъезда) все питейные заведения и казенные винные лавки во всех селах по пути проезда были закрыты, а за сутки до проезда была запрещена топка печей во избежание пожара.

Нетрудно восстановить картину жизни в деревнях, охваченных радостью высочайшего нашествия. На эти дни крестьянин терял право распоряжаться своим имуществом, трудом и временем. Он был подавлен безмерным количеством всяких властей, — войск, всяких видов оружия, агентов всех ведомств и охранников. По приблизительному подсчету число лиц, занятых охраной царя в пределах Нижегородской губернии, доходило до 50 000 человек.

Но вот наступил день проезда. Члены добровольной охраны были расставлены на места и в часы, указанные начальством. По «приказу» они не имели права сходить с своих мест, а после проезда могли расходиться только по указанию начальства и во всяком случае не ранее, как последний экипаж скроется из виду. По § 2 приказа, «при расстановке на местах все котомки как у охранников, так и тех посторонних лиц, которые будут остановлены в пути, относятся на несколько десятков сажений в тыл, там складываются и разбираются лишь после проезда. В руках ни у охранников, ни у посторонних лиц не должно быть всяких предметов, кроме шапок». Охранники должны были следить за тем, чтобы не вздумал кто-либо встать на колена или броситься вперед для подачи прошения, и за тем, как бы не появился кто-либо на дороге. Всякое движение по дороге в этот день было приостановлено.

Наконец, губернатор Унтербергер преподал следующий ку-

должны были озаботиться об обеспечении на специальные средства охранников продовольствием, водою, топливом и помещением. Для этой цели была сделана во всех селениях по пути проезда заготовка дров, в селе Дивееве была создана хлебопекарня и, кроме того, крестьяне нескольких сел были договорены выпекать хлеб из казенной муки. Особенных трудов потребовало водоснабжение охраны, ибо в селах по пути проезда не хватало хорошей питьевой воды даже для местных жителей. Было вырыто 3 новых колодезя, очищено 36 колодезей, к 3 колодезям поставлены насосы, в селениях Глузове, Пузем, Елизарово было заготовлено 5 баков от 200 до 400 ведер каждый, в эти баки накачивали воду, чтобы иметь ее в запасе 17 и 20 июля, когда поднятие воды с 17-саженной глубины могло вызвать задержку в доставке ее расставленным по линии проезда охранникам.

Охрану несли еще и войска в составе трех батальонов 10-го гренадерского Малороссийского полка, трех сотен 1-го Донского казачьего полка, 6-й отдельной казачьей сотни и саперной команды.

10 июля царь выехал в пределы Нижегородской губернии. 10 июля войска произвели тщательное обследование самого пути и прилегающей к нему местности в трехверстном районе по обе стороны. Пройденные части пересеченной местности, овраги, ямы, кустарники, леса, свежие земляные работы и строения были обследованы так, что в них не осталось места не осмотренного, и в подозрительных было устранено или оставлено под бдительный надзор. Затем был установлен постоянный надзор пути пехотными патрулями и казачьими разъездами.

После первоначального осмотра всего жилого и нежилого на пути проезда, сделанного войсками, еще более тщательный досмотр за два дня до проезда был сделан полицией. Следующий документ — результат административного творчества нижегородского губернатора Унтербергера — напоминает нам произведения салтыковского пера:

«Меры охраны, подлежащие принятию в селениях на пути высочайшего следования от г. Арзамаса в Саровскую пустынь и Дивеевский монастырь и обратно через с. Глухов в г. Арзамас.

1. Все строения, жилые и холодные, находящиеся при самом пути, как равно и на расстоянии десяти саженей в обе стороны от дороги, за двое суток до проезда тщательно осматриваются комиссией, состоящей из полицейского и жандармского офицера, местного сельского старосты и при участии двух понятых. Те строения, в которых нет особой надобности для хозяев, опечатываются комиссией и за 4 часа до проезда печати осматриваются ею, чтобы убедиться в целостности их.

Примечание. Если впоследствии хозяевам встретилась бы

рьезный «приказ жителям селений по пути высочайшего следования от г. Арзамаса в Саровскую пустынь и обратно:

1. Жители каждого селения, через которое будет следовать высочайший проезд, собираются у своей околицы к определенному часу, который будет указан земским начальником, и группируются там по обе стороны дороги.

2. Сельский староста, сотский и десятский проверяют, чтобы никто из посторонних, к жителям селений не принадлежащий, в группе не был. Если же случайно кто-либо из посторонних тут явится и не будет времени его совсем удалить, то он становится за группу под надзор полиции или благонадежных лиц.

3. От линии проезда группы стоят около 10 сажень.

4. Расходиться жители могут с разрешения старшего полицейского офицера, когда последний экипаж скроется из вида.

5. При въезде в селение разрешается жителям устраивать арки и украшать дома свои зеленью и флагами».

Так ехал царь совершать богомолье в Саровскую пустынь.

А в Саровской пустыни его приезда ждали богомольцы: 11-й гренадерский Фанагорийский пехотный полк в составе 600 нижних чинов, три сотни 1-го Донского казачьего полка; командированные чины полиции — из Петербурга и Москвы 2 пристава, 4 помощника, 24 околоточных и 100 городских, и из Тамбовской губернии — 6 помощников исправника, 121 конный урядник и 324 пеших стражника, начальник тамбовского губернского жандармского управления с 4 жандармскими офицерами и 21 унтер-офицером, 150 стражников охранной агентуры из Петербурга и Москвы и 40 наблюдательных агентов, «добровольная» охрана в составе 38 земских начальников, 185 волостных старшин, 594 депутатов от населения губерний и 1000 представителей от хоругвеносных обществ. Все эти тысячи (свыше 4½) должны были охранять возлюбленного монарха и его семью.

До прибытия царя в Саровскую пустынь были проверены все монашествующие, живущие в ограде монастыря. Сомнительные высланы на дальние хутора. Осмотрены все помещения, подземные в том числе, и проверены все богомольцы. Нескольким сомнительным по политической благонадежности лицам было приказано уехать. После тщательной проверки было выдано на вход в собор во время богослужения всего 2000 билетов (в том числе и билеты для охранявших).

После выполнения всех перечисленных мероприятий монарх приступил к совершению молитвенного подвига.

Так было...

ПАЛАЧ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ЖЕКМАКИ

I

Его звали Алексей Иванович Жекмаки. Вероисповедания православного, и лет ему в 1917 году от роду было пятьдесят. В течение тринадцати лет, с 1900 по 1913 год, служил в одесском сыском отделении штатным агентом и занимался розыском воров и краденых вещей. Это — его занятие официальное, но было и неофициальное, приносящее, правда, побочный заработок, но причинявшее и огорчение. «Я, — пишет он о себе в официальном документе, — в качестве палача приводил в исполнение смертные приговоры».

Это обстоятельство повредило его налаженной и мирно развивавшейся карьере сыщика. В аттестате начальство засвидетельствовало, что Жекмаки «вел себя честно, трезво и все возложенные на него поручения исполнял с успехом, аккуратно и с полным знанием полицейского сыска». Но вот начальником сыского отделения был назначен князь Херхеулидзе. Из переписки сыского отделения Херхеулидзе узнал, что его подчиненный привел в исполнение смертный приговор в Тифлисе над его братом.

«После этого, — повествует Жекмаки в помянутом выше документе, — Херхеулидзе, будучи моим начальником, начал придирааться ко мне по службе и открыто высказывал мне в порыве гнева: «Ты уже убил моего брата и меня тоже убьешь». На это я ему отвечал: «Если вы заслужите, то и с вами то же будет».

Жекмаки вынужден был уйти со службы: после назначения Херхеулидзе приставом Перекопского участка Жекмаки вновь поступил на службу, но уже по вольному найму, на 25 рублей, а раньше он получал 60 рублей. Но Херхеулидзе и тут ему насолил. Он дал о нем неблагоприятный отзыв, и когда Жекмаки попросил сообщить, что написал о нем Херхеулидзе, то услышал: «За то, что написал Херхеулидзе, тебя следует сослать на каторгу».

Пришлось Жекмаки вновь уйти со службы, и отправился он искать правды в Петербурге. «Я вынужден был, — писал Жекмаки, — обратиться с просьбой к бывшему одесскому градоначальнику, ныне сенатору Дмитрию Борисовичу Нейдгардту, который знает меня по Одессе как преданного и

честного розыскного работника. Я рассчитываю, что польза, которую я принес по розыску преступников, и *исполнение мною около 300 приговоров по смертной казни* помогут мне получить место, более обеспечивающее меня».

К своим объяснениям Жекмаки добавил следующее: «Для совершения казни меня пропускали к месту казни под фамилией Сидорова и Поликарпова, причем казнил я, надевая на лицо маску и поверх платья черное домино. Три списка казненных мною при сем представляю».

II

Приводим списки казненных сыщиком Жекмаки, собственноручно им составленные. И самое объяснение его, и списки — это человеческие документы, единственные в своем роде. «Честный и трезвый исполнитель поручений начальства» Жекмаки работал напряженно: ему приходилось вешать по несколько дней подряд, по одному, по два, по три, по восьми, по десяти человек зараз.

Жуткое равноправие перед виселицей связывало русских, евреев, грузин, армян, поляков, малороссов, солдат, рабочих, крестьян и офицеров, разбойников, грабителей и пылких революционеров.

Вот первый, самый длинный список лиц, казненных Жекмаки в Одессе согласно приговорам Одесского военно-окружного суда:

«1906, ноября 11. 1. Корниченко Михаил. 2. Пустовойтов Владимир.

1907, января 4. 3. Ушаков Антон. 4. Степаньянц Айх. 5. Дадик Николай.

5 января. 6. Фезер Антон.

17 января. 7. Демин Антон.

20 января. 8. Зейгерман Лейба. 9. Трейгер Кельман. 10. Техники Трейгер Янкель. 11. Оренбах Абрам.

29 января. 12. Баклажан Моисей.

14 апреля. 13. Драгомиров Петр.

7 августа. 14. Любарский. 15. Бессменный.

17 августа. 16. Шумахер Янкель. 17. Чириков Захарий.

21 августа. 18. Баранов Федор. 19. Ромашенко Федор.

20. Яковлев Федор. 21. Скрыпка Трофим.

14 сентября. 22. Литвак Борух.

19 сентября. 23. Берков Борис.

21 сентября. 24. Литвак. 25. Файнлейб.

15 октября. 26. Кандзюба Михаил. 27. Пчелков Филипп.

28. Недорезов Константин. 29. Подвысоцкий Василий. 30. Федшикин Петр. 31. Белов Андрей.

30 октября. 32. Георгиевский Николай.

11 ноября. 33. Болима Федор.
 18 ноября. 34. Агафонов Григорий. 35. Позыч Трофим.
 1908. 4 января. 36. Войченко Роман. 37. Черниченко Силь-
 вестр. 38. Хауханович Константин.
 10 января. 39. Салимовский Трофим. 40. Коротков Павел.
 41. Непомнящий Минай. 42. Ишук Сильвестр.
 15 января. 43. Барышевский Епифан. 44. Моисеев Яков.
 20 января. 45. Теплицкий Абрам.
 1 февраля. 46. Шульман Давид. 47. Имас Пинкус.
 7 февраля. 48. Гринько Петр.
 21 февраля. 49. Загорданов Иоаким.
 21 февраля. 50. Ивасенко Илларион. 51. Овчаренко Кали-
 ник.
 29 февраля. 52. Козлов Иван.
 6 марта. 53. Лискович Меер. 54. Крыжановский Юрий.
 55. Федоров Сергей. 56. Андрияшенко Игнатий. 57. Купри-
 енко Игнатий. 58. Куприенко Осип.
 15 марта. 58. Цуканов Александр. 59. Прудыус Григорий.
 15 ноября (1906). 60. Мец Моисей. 61. Шерешевская Бетя.
 62. Брукштейн Иосиф.
 18 января (1907). 63. Егоров Игнатий. 64. Кулишов Павел.
 25 апреля. 65. Милис Давид. 66. Семенюк Сафрон.
 27 мая. 67. Гнатовский Григорий.
 30 мая. 68. Половчук Павел.
 16 июня. 69. Ткаченко. Андрей. 70. Цыпкин Хаим-Айзик.
 71. Лубянский Арон. 72. Гриневич Владимир.
 25 июня. 73. Яковлев Федор.
 2 июля. 74. Глинский, штабс-капитан. 75. Никитин, крес-
 тынин.
 9 июля. 76. Шиянов Василий. 77. Глобин Иван.
 12 июля. 78. Пастух Федор. 79. Просянюк Арефа. 80. Гук
 Петр. 81. Чиквишвили Георгий. 82. Есакия Платон. 83. Бон-
 дарь Михаил. 84. Колонтадзе Авксентий. 85. Олышанский
 Александр.
 17 июля. 86. Гельман Рувим. 87. Петров Кузьма. 88. Еме-
 льянов Николай. 89. Брехунов Иван. 90. Егиев Дмитрий.
 5 августа. 91. Рокитянский Николай.
 13 августа. 92. Шванюк Тимофей.
 14 августа. 93. Овчаренко Захарий.
 21 августа. 94. Бенгом Давид.
 4 сентября. 95. Бондаренко Герасим.
 12 сентября. 96. Баларуди Константин. 97. Яровенко Сергей.
 16 октября. 98. Немировский Владимир. 99. Шеховцев
 Роман. 100. Май Иосиф.
 4 декабря. 101. Стерпуло Панкратий. 102. Пастух Евсей.
 12 декабря. 103. Кулешов Павел.
 1909. 6 февраля. 104. Васильев Самуил. 105. Васильев
 Ефим. 106. Сазенко Логвин. 107. Подмазка Михаил.

12 марта. 108. Поляков Гавриил.
 15 апреля. 109. Лукашев Иван. 110. Волошинов Максим.
 4 августа. 111. Савочкин. 112. Шмановский Хуна. 113. Бор-
 жиков. 114. Липа Иосиф. 115. Барон Сруль.
 4 августа. 116. Ройтман Нахман.
 13 августа. 117. Грабовский Станислав. 118. Бойко Роман.
 26 августа. 119. Козленко Яков. 120. Козликов Янкель.
 19 сентября. 121. Поганасянец.
 7 ноября. 122. Яценко Архип.
 18 ноября. 123. Демченко Дмитрий.
 26 ноября. 124. Абдул-Меин-Селеман-Оглы. 125. Асан-
 Абиль-Таар-Оглы. 126. Люман-Муджаб-Оглы. 127. Силаев
 Николай.
 3 декабря. 128. Абелтыре-Ибрагим-Оглы.
 5 декабря. 129. Рогальский Моисей.
 1910. 7 января. 130. Журавлев Егор.
 28 января. 131. Саксонов Лукьян.
 24 марта. 132. Охрименко Николай.
 17 июня. 133. Рыбак Леонтий. 134. Абрамов Георгий. 135.
 Дудниченко Андрей.
 1911. 8 октября. 136. Вишневский».

Одессой не ограничивалась деятельность Жекмаки. Он вы-
 езжал еще и в другие города: Севастополь, Симферополь,
 Херсон, Тифлис.

Вот собственноручно составленный им список казненных
 им в других городах. Воспроизводится с соблюдением орфо-
 графии.

«Севастополь 1907 г.

Баздырев 26-го на 27 сентября 1907.
 2-х солдат Брестского полка, 7-го на 8 октября.
 Потемкин, Матюшенко Афанасий³¹ 19-го на 20 октября.
 Неизвестный 30-го на 1-е ноября.
 Корсаков Иван 28-го ноября.
 7 на 8 января 1908. Пальковский. Крохмальный. Богданов.
 Джемухадзе. Брестского полка № 10 батальона Херсон. Мо-
 настырь.
 9 января. Кремянский в тюрьме.
 9 февраля. Иванов Семен.
 4-го на 5 марта. Бондаренко Митрофан. Маев Александр.
 Солдаты.
 25 апреля. Кучеров.
 7-го на 8-ое мая. Синьков-Терещенко Иван. Залевский
 Франц. Солдаты.
 9 мая. Иванов Иван. Коноваленко Павел. Морской арест-
 ный дом.
 21 июля 1908. Колбаксан Николай. Инедашвыль Влади-
 мир. Годцадзе Пеола. Цельдалбе Яни. За ограбление 14 тысяч.

Симферополь

13 августа 1907. Сумарев Михаил. Фесков Степан. Кузменко Алексей. Комарева Александра. Кушнарев Виктор.

8 августа 1908. 10-ть за побег из тюрьмы.

2 на 3 сентября. 1908. 8-м то же.

Город Херсон

1. Швец Григорий. 2. Плотников Тарас. 3. Савченко Алексей. 4. Ковтюк Сила. 5. Ярошенко Афанасий. 6. Тарасов Осип. 7. Бриннюк Алексей. 1908. 22-го по 23 ноября.

1. Чуйко Терентий. 2. Юрченко Василий. 3. Дьяконов Терентий. 4. Красюк Иван. 1909. 21 мая».

III

Жекмаки встретил теплый прием в Петербурге. Он побывал 13 сентября 1913 года в Департаменте полиции. Здесь ему тотчас же выдали пособие — 50 рублей. Затем он навестил сенатора Д. Б. Нейдгардта. Сенатор Нейдгардт и Степан Петрович Белецкий приняли участие в гонимом палаче.

Сенатор Нейдгардт просил Белецкого предстательствовать за Жекмаки у одесского градоначальника И. В. Сосновского. А Белецкий без промедления обратился с письмами к И. В. Сосновскому. Он просил Сосновского дать место Жекмаки. Белецкий заканчивал письмо так:

«Д. Б. Нейдгардт, принимая особое участие в судьбе Жекмаки и всячески желая помочь ему ныне в его безвыходном положении, между прочим оттеняет то обстоятельство, что Жекмаки в смутный период 1906—1908 гг. оказывал весьма ценные услуги в деле ликвидации в Одессе судебных приговоров в высшей мере наказания, назначаемого военно-полевыми судами».

Мы не знаем, как отнесся к просьбе Нейдгардта Сосновский и что случилось с «ликвидатором судебных приговоров в высшей мере наказания».

Все рассказанное — не сказка, не кошмарный сон, а быль, невероятная, жуткая быль. Какой звериный образ явлен в лице Жекмаки и до какой степени морального падения, морального растления могут дойти люди, проявившие столько сочувствия палачу!

ПАЛАЧ РИЧАРД ФРЕМЕЛЬ

I

Германский подданный Ричард Фремель, проживавший в первом десятилетии нашего века в Лодзи, состоял явным агентом и секретным сотрудником Лодзинского жандармского управления, затем отправлял обязанности палача города Лодзи и напоследок своей карьеры служил даже в контрразведывательном отделении штаба Варшавского военного округа.

К концу 1909 года Ричард Фремель оказался в бедственном положении: профессия его была известна, и обыватели Лодзи в ужасе сторонились от него, а жандармские начальники, выжав из него все соки и не находя приложения силам своего верного слуги, сочли возможным лишить его всякой поддержки. Ричард Фремель решил искать правды и жаловаться по начальству. В декабре 1909 года он обратился с прошением к директору Департамента полиции Н. П. Зуеву. Простение это, написанное ломаным русским языком и удивительным стилем, представляет документ столь замечательный и столь редкой своеобразности, что мы считаем нужным воспроизвести его с сохранением стилистических особенностей подлинника. Читателю ведь нечасто приходится читать историю жизни палача, им самим рассказанную, своего рода автобиографию палача. Пересказать ее нельзя, ибо самый искусный пересказ лишит эту историю характернейших штрихов.

«Честь имею донести Вашему Превосходительству, — писал Фремель, — о моем положении, которое мне встретило по долгой службе в гор. Лодзи. 1907 году мне подозревали, как шпиона, а так как брат мой Август Фремель был членом одной революционной партий и я ему объяснил, что мне хотят убить, то мы между собой уговорились ити Начальнику Жандармского Управления и отдать свой прислуги; что мы знали, все заявили Начальнику Жандармского управления подполковнику Глобачеву, который нас принял, как явных агентов. Мы ходили с патрулем и арестовали всех нам знакомых революционеров. Революционерам мы очень мешали в работах, то они постановили мне и брата моего каким-либо способом убить или отравить; 1907 году нами было получено сведение, что зделана засада и должны нас обязательно убить, но где засада и на какой улице, неизвестно было; и

мы вышли в город, и мне удалось забрать революционерам 8 браунингов и около 300 пуль. Покушение им не удалось, то они постановили бросить под нас бомбу, которую в мае 1907 году бросили на Константиновской улице около дома 43, от которой брат мой получил 86 ран, а я получил грижу в большом размере и перепонки в носу полопали, на которые я до сегодняшнего дня болею, но брат мой скоро выздоровел, и мы дальше работали.

Потом мы были командированы из гор. Лодзи в гор. Варшаву, где мы были 1 месяц, и обратно в гор. Лодзь откомандированы. Там мы были до месяца августа и оттуда брат мой поехал в Варшаву, а я в гор. Ригу, но в Риге не было вакансу, то я был командирован в гор. Ченстохов, где я прослужил 3 месяца, а брат мой поехал из гор. Варшавы в гор. Лодзь по своим делам, где был убит революционерами на Петроковской улице 13-ю пулями, но мне они не могли достать в свои руки, то они постановили убить дядю моего, который содержал ресторан на углу Дзельной и Видзевской, Иосифа Фремеля; то они думали, что я приеду на похорон, то имела быть брошена бомба, и так устроено, что я уж бы им не ушел, но я получил сведения и не пошел на похорон.

На фабрике Штильде в гор. Лодзи нами была забрана казенная винтовка, которая была забрана убитому казаку, и две уланские шашки и два японские штыки, а боевик, которому принадлежало все оружие, был убит нами на Мильша улице в гор. Лодзи.

Из гор. Ченстоховы я уволился и выехал в Германию явиться к воинской повинности, но так как ранен от брошенной бомбы под меня, я был потому уволен, но делать заграницей мне не было что, то я обратно выехал в гор. Лодзь, там я встретил свой товарищей, которые служили, как агенты жандармского управления; они мне пригласили ити с ними на обыск в кофейную Божинского по Огородовой улице 15; кофейная та была нам известна, как сборный пункт боевиков; мы зашли и начали обыск, но результата не было, мы вышли и отправились в другую кофейную, Божинский не знал, как отомстить, что мы у него часто делаем обыски, подговорил каких-то людей, что были агенты и требовали денег, о том он заявил начальнику сыскного отделения, и мы были арестованы, 11 ноября 1907 года просидели 1 год и были оправданы петроковским окружным судом.

Втечений моего ареста в гор. Лодзи начали судить военным судом, то мне было предложено принять должность палача, на которое я согласился, потому что если я знаю, что я могу принести пользу правительству, то я на все соглашаюсь, я исполнял должность палача 1 год, так долго, как было нужно в гор. Лодзи, но хоть я был палачом и арестован, то в тюрьме работал так, как агент, между арестантами, и вскры-

вал очень много дел, 12 дел, которые были совершены бандитам Александром Влощанским, за которые было назначено наградных 4000 р. он сознался до меня все, и я донес об делах начальнику жандармского управления, но наградные получили люди, которые даже об делах Влощанского не знали.

За всю службу я теперь остался без куска хлеба и без квартиры со своей женой; не могу я получить должности для того, что люди говорят, раньше вешал людей, а теперь приходит до нас, и даже есть люди, которые находятся на казенных службах, которые должны считать мне за товарищи и они закладывают против меня.

1909 года октября месяце я ездил за границу, думал найти там какое-либо спасение, прожил я 2 месяца и не мог найти никакой должности. Одного дня был прислан городской с распоряжением Полицеймейстера гор. Катовиц, чтобы я уезжал, куда мне только угодно, для того что весь народ против меня зато, что я был палачом в России, а теперь приехал в Германию есть хлеб, а если не уеду, то полиция не будет отвечать, если мне убьют или ранят; тогда мне больше не осталось только уезжать в Россию.

Я поехал в гор. Москву, — там я шатался 2 недели и не мог получить никакой должности, а теперь я приехал в гор. Варшаву, где сижу без куска хлеба и без занятия. Сам не знаю, что делать дольше не осталось, только себя и своей жены лишит жизни, потому что я описан во всех легальных и нелегальных газетах по России и заграницей, и теперь я приехал в Варшавское Охранное Отделение полковнику Заварзину и просил какого-либо занятия, было мне сказано принести письмо от своего начальника, я поехал в гор. Лодзь и привез письмо от полковника Глобачева и отдал полковнику Заварзину и получил ответ, чтобы разыскать себе какое место и сослаться на полковника Заварзина. Я ездил и искал, но ничего не могу найти и написал я прошение полковнику Заварзину, чтобы хоть принял каким-либо писцом, потому что пишу и говорю на трех языках. На поданное прошение я получил ответ, чтобы привести письмо от временного генерал-губернатора Казнакова, которому я подчинялся палачом.

Полковник Заварзин посылает от одного начальника до другого, а ездить из одно гор. в другой, на то нужны деньги, а у меня их нет на хлеба, а не на железные дороги, я иначе не могу себя представить, только наше начальство хочет, чтобы из бывших агентов и палача сделались бандитами и разбойниками, для того что раньше бандитов и боевиков мы выловили и успокоили всю революцию, а теперь можем мы принять ихние должности.

Честь имею всепокорнейше просить Ваше Высокопревосходительство войти в положение погибавшего человека и помочь каким пособием, как раненый от бомбы, потому что

иначе больше не осталось, как лишить себя и свою жену жизни, потому что я со своей женой живу у чужих людей, у которых тоже много не имеется. Я думаю, что Ваше высокопревосходительство сами не допустят до того, чтобы с себя лишил жизни и сделал такую радость революционерам, для того, что они все говорят, что люди, которые приносят пользу правительству во время революций, то потом все равно должны прийти просить милости у революционеров, так как и мне приходится теперь делать.

Причем присилаю Вашему Высокопревосходительству список повешенных мною в гор. Лодзи с 28 февраля 1908 года до 10 марта 1909 года и список городов, где и я искал должности, и причем письмо от полковника Глобачева до полковника Заварзина.

Честь имею всепокорнейше просить Ваше Высокопревосходительство, не найдете ли возможности устроить мне в гор. Варшаве, в охранные или же в сыскное отделение, потому что я себя считаю способным на этих службах, и только одно спасение для меня, потому что если я получу паспорт под чужой фамилией, а теперь я хожу без оружия и без охраны, так что могу на каждом шагу убить или напасть.

Честь имею всепокорнейше просить Ваше Высокопревосходительство не отказать моей просьбе и выслать мне какой-либо ответ, а если возможно какое пособие, потому что я только могу жить без занятия в гор. Варшаве до 6 декабря 1909 года, а потом уже не за что и где жить. До сих пор я продавал все свои вещи и постель, а теперь уже нечего продавать.

Всегда готовый к Вашим услугам. Ваш слуга бывший агент и палач Ричард Фремель. Подписал собственноручно.

Конфискованное мною оружие

1) 8 браунингов и 300 пуль в Кофейной по Завадской улице № 6.

2) 1 браунинг и боевика на фабрике Бушеля по Законтной улице.

3) 1 браунинг и боевика на Петроковской улице при обходе.

4) 1 кинжал захваченный и боевика по Пфейфера улице.

5) 1 казенная винтовка, 2 уланские шашки, 2 японских штыка, на фабрике Штильдха по Драновской улице, а боевик, которому принадлежало оружие, убит нами на Мильша улице.

6) 1 револьвер Бульдог и боевика в Лагевницком лесу. И кроме того очень много боевиков и бандитов которые по моему и брату указанию были переданы военному суду и были приговорены к смертной казни.

Искал я должности в городах:

1) гор. Сосновицы, 2) Ченстохов, 3) Петроков, 4) Кельцы, 5) Радом, 6) гор. Москва, 7) Белосток, 8) Варшава, 9) Калиш, 10) Лодзь.

Список повешенных мною.

1) Пилярек, 2) Кухарский, 3) Бартосяк, 4) Тренкель, 6) Ян, 7) Козловский, 8) Борецкий, 9) Мольтке, 10) Шатковский, 11) Неизвестной фамилии, 12) Саторийус, 13) Пехеш, 14) Страшак, 15) Неизвестной фамилии, 16) Колдунский, 17) Новик, 18) Вальчак, 19) Вальчак, 20) Косприсак, 21) Чехановский, 22) Ольшер, 23) Вольшанский, 24) Ныва, 25) Олесенькевич, 26) Стржала, 27) Новицкий, 28) Граляк, 29) Банашкевич, 30) Бунцлер, 31) Печекай, 32) Глушковский, 33) Заионц, 34) Гавевский, 35) Келянский, 36) Васяк, 37) Пацушка, 38) Пацушка, 39) Вихорвский, 40) Ольчак, 41) Кельпинский, 42) Фелисяк, 43) Клят, 44) Витковский, 45) Вонцеховский, 46) Сверчинский, 47) Неизвестной фамилии, 48) Вечорек, 49) Радванский, 50) Пердек, 51) Рыбицкий, 52) Неизвестной фамилии, 53) Вечорек, 54) Бащик, 55) Габрисак, 56) Гржанка, 57) Лучак, 58) Колай, 59) Згерский, 60) Мот, 61) Кубяк, 62) Муха, 63) Цель, 64) Лесневский, 65) Бонк, 66) Пижгальский, 67) Стасяк, 68) Зомчинский, 69) Влодарчик, 70) Форнальский, 71) Тимчак, 72) Топольский, 73) Глыдзяк, 74) Жиховский, 75) Поковский, 76) Буковский, 77) Стемпель, 78) Стемпель, 79) Васильевский, 80) Пырек, 81) Радзеевский, 82) Генкель, 83) Собчинский, 84) Доливка, 85) Осинский, 86) Педа, 87) Покоевик, 88) Франк, 89) Микелайчик, 90) Ботке, 91) Томозевский, 92) Вольский, 93) Шиманский, 94) Кубера, 95) Круликовский, 96) Штейнке, 97) Ханц, 98) Филипчак, 99) Бернарен, 100) Павловский, 101) Баранский, 102) Гайдук, 103) Минтус, 104) Соколовский».

Ричард Фремель был, очевидно, неглупый человек, он прекрасно понимал, что он, палач, и агент, теснейшим образом связан с тем превосходительством, к которому он писал, и знал свое право требовать от его превосходительства поддержки себе. Если ему не окажет помощи начальство, то правы будут революционеры, утверждающие, что агенты нужны правительству только тогда, когда они способны оказывать услуги, а потом правительство бросает их на произвол судьбы. Так рассуждал Фремель, и бросает правительству дальнейший вывод: у него нет денег, нет хлеба; значит, начальство хочет, чтобы бывшие агенты и палачи становились бандитами и разбойниками и занимали, таким образом, место тех, кого они предавали и вешали. Он, Фремель, указывал действительно статскому советнику возможность для него и такого исхода.

И Департамент полиции, в лице высших своих представителей, уразумев всю правду Фремеля, почувствовал свое духовное родство с палачом, который, сидя без заработка, раздумывал над тем, лишит ли себя и жену жизни или сделаться бандитом и разбойником.

ОХРАННИКИ И АВАНТЮРИСТЫ

Статьи, собранные в настоящей книге, посвящены темным людям старого режима, авантюристам крупного и мелкого калибра, охранникам. В предреволюционную эпоху они делали в некотором роде историю и имеют полное право на то, чтобы в картине разложения царского режима нашли место их портреты. Из песни слова не выкинуть, и в историческом изображении умирающей российской монархии не обойтись без Азефов, Манасевичей-Мануйловых, Алексеевых, «Блондинок» и так далее.

Статьи писаны в разное время и основаны преимущественно на архивных материалах, доступ к которым открыла революция.

*13 мая 1929 года.
Ленинград*

П. Щеголев

СТРАХ СМЕРТИ (Последнее признание Рысакова)

Рысаков³³, бросивший (неудачно) бомбу в Александра II на Екатерининском канале, стал предателем через сутки после ареста.

Из докладов о ходе следствия по делу 1 марта 1881 года — об убийстве Александра II, представлявшихся прокурором палаты и начальником жандармского управления, видно, что следственные власти, закончив следствие и передав Рысакова в руки суда, не удовлетворились его признаниями, а продолжали свои допросы, домогаясь все новых и новых оговоров. Власти сознавали, что о самом событии 1 марта Рысаков открыл все, что ему было известно, и обратились к мелочам, — постарались выведать все, что можно, о знакомствах Рысакова в студенческой среде и среди рабочих. Все, кого он знал, на кого намекнул, все были схвачены и поплатились жестоко, от тюрьмы до каторги. Эти его показания не были присоединены к производству первоапрельского дела, а были оставлены в процессе 20-ти. Власти вселили в Рысакова надежду на сохранение жизни и этой надеждой обольщали его, вынуждая оговоры и признания. Но вот объявлен приговор, и смертная казнь своим крылом осенила девятнадцатилетнего юношу. 30 марта он пишет прошение царю:

«Ваше императорское величество всемилостивейший государь!

Вполне сознавая весь ужас злодеяния, совершенного мною под давлением чужой воли, я решаюсь всеподданнейше просить ваше величество даровать мне жизнь единственно для того, чтобы я имел возможность тягчайшими муками хотя в некоторой степени искупить великий грех мой. Высшее судилище, на приговор которого я не дерзаю подать кассационную жалобу, может удостоверить, что, по убеждению самой обвинительной власти, я не был закоренелым извергом, но случайно вовлечен в преступление, находясь под влиянием других лиц, исключавших всякую возможность сопротивления с моей стороны, как несовершеннолетнего юноши, не знавшего ни людей, ни жизни.

Умоляя о пощаде, ссылаясь на Бога, в которого я всегда веровал и ныне верую, что я вовсе не помышляю о мимолетном страдании, сопряженном со смертной казнью, с мыслью

о котором я свыкся почти в течение месяца моего заключения, но боюсь лишь немедленно предстать на страшный суд Божий, не очистив моей души долгим покаянием. Поэтому и прошу не о даровании мне жизни, но об отсрочке моей смерти.

С чувством глубочайшего благоговения имею счастье именоваться до последних минут моей жизни вашего императорского величества верноподданным. Николай Рысаков».

Но прощение о помиловании оставлено без последствий. Мысль бьется над вопросом, как купить жизнь. Путь, известно, один: выдать, оговорить. Но ведь все уже сказано, все оговорены. Вспомнить еще что-нибудь, кого-нибудь или очутиться на воле, изменить наружность, ходить по Невскому, в места сборищ, выслеживать тех, кого видел, но чьего имени не знаешь, и выдавать, предавать. Быть на воле и стать шпионом, — но только бы не эшафот, не палач, не петля, не этот террор, обращенный на террористов.

«Еще слава ли Богу?»³⁴ — жесткая и самоуверенная реплика, которую Рысаков подал на слова подошедшего Александра II: «Слава Богу, я уцелел, но вот...»

— ...Отдаюсь вам, возьмите меня; я товар, вы купцы; товар, который стоит покупки. Я еще вспомню, укажу, — только выпустите на время. Слава Богу, вот и еще вспомнил про Исаева³⁵, и еще вспомню. Вот, слава Богу, вы и купите меня.

— Может быть, и помилуем, но только выдай побольше, крепче, вспомни все дотла, может быть, и помилуем, память выверни наизнанку, скорее, скорее.

— Сейчас, сейчас все припомню! — И перо бежит по бумаге, и бисерным круглым почерком девятнадцатилетний юноша исписывает страницу за страницей: ведь этим признанием будет куплена жизнь, слава Богу, жизнь бросят в уплату за признание. Еще слава ли Богу?

«Но клянусь вам Богом, что и сегодня мне честь дороже жизни, поклянусь и в том, что призрак террора меня пугает, и я даже согласен покрыть свое имя несмываемым позором, чтобы сделать все, что могу, против террора».

Процесс распыления духовной личности человека еще не закончился. «Видит Бог, не смотрю я на агентство цинично», — говорит Рысаков и стремится подвести под свои оговоры и признания идеологическое основание. Пронизанный, как острием меча, мыслью о смерти, он незаметно сливает в одно понятие тезу и антитезу: террор оказывается у него методом борьбы с... террором. Бросая бомбу, он именно и не хотел быть террористом, — так он уверяет себя и своих следователей и на суде отрицает свою принадлежность к террористической фракции.

Все эти мысли о Рысакове пришли мне в голову, когда я в марте 1917 года прочел схороненное в деле Департамента

полиции признание, очевидно, последнее, написанное Рысаковым накануне смерти, 2 апреля. Это — лист писчей бумаги, сплошь иписанный. На нем надпись, сделанная графом Лорис-Меликовым³⁶: «Показание, данное генералу Баранову». Генерал Баранов³⁷, конечно, известный «герой Весты», Н. М. Баранов, который 9 марта был назначен санкт-петербургским градоначальником. Надо представить себе дело так: после того, как в течение месяца Рысакова обрабатывали жандармский офицер и чины прокурорского надзора, поле деятельности было открыто и для Баранова. Не повезет ли ему, не посчастливится ли ему добыть еще материалов от Рысакова? И, конечно, метод Баранова был тот же: обещать помилование; так можно заключить по содержанию последнего заявления Рысакова.

Заявление это — документ, единственный в своем роде в ряду человеческих документов, документ, ценный скорее для психолога, чем для историка.

Еще слава ли Богу? — сказали власти, получив это признание Рысакова.

В то время, как Рысаков предлагал выпустить его и разыскать Исаева, Исаев уже был арестован. Надо было протоколировать все, что говорил о нем Рысаков Добржинскому³⁸ и Баранову. И вот 2 апреля подполковник Никольский с неутомимым Добржинским накануне смертной казни успели снять еще один допрос, в котором Рысаков доложил все свои сведения об Исаеве, удостоверил личность предъявленного ему Исаева и попутно открыл еще одну квартиру, в которой Перовской³⁹ отдавали отчет следившие за Александром II, и еще одного следившего — Тычинина⁴⁰.

Признание, данное генералу Баранову:

«Террор должен кончиться во что бы то ни стало.

Общество и народ должны отдохнуть, осмотреться и вступить на мирный путь широкого развития гражданской жизни.

К этим мыслям меня привела тюрьма и агитационная практика.

Из нас, шести преступников, только я согласен словом и делом бороться против террора. Начало я уже положил, нужно продолжить и довести до конца, что я также отчасти, а пожалуй и всецело, могу сделать.

Тюрьма сильно отучает от наивности и неопределенного стремления к добру. Она помогает ясно и точно поставить вопрос и определить способ к его разрешению. До сегодняшнего дня я выдавал товарищей, имея в виду *истинное благо* родины, а сегодня я товар, а вы купцы. Но клянусь вам богом, что и сегодня мне честь дороже жизни, но я клянусь и в том, что призрак террора меня пугает, и я даже согласен покрыть свое имя несмываемым позором, чтобы сделать все, что могу, против террора.

В Санкт-Петербурге, в числе нелегальных лиц, живет некто Григорий Исаев (карточка его известна, но он изменился), адреса его не знаю. Этот человек познакомил меня с Желябовым⁴¹, раскрывшим предо мной широко дверь к преступлению. Он — или наборщик в типографии «Народной воли», или динамитных дел мастер, потому что в декабре 80 г. руки его так же были запачканы в чем-то черном, как и Желябова, а это период усиленного приготовления динамита (прошу сообразоваться с последним показанием, где Желябов мне говорил, что все позиции заняты, а в январе, что предприятие, стоящее тысяч, лопнуло). По предложению Григория в субботу, в день бала у медиков-студентов, я вывез с вокзала Николаевской железной дороги два ящика с *зеркалами*, каждый по 4 пуда, в которых находился, как мне он объяснил, типографский станок.

Точно номер ломового извозчика не помню, но разыскать его могу вскоре. Довез станок по Садовой до Никольского рынка, где сдал Григорию. Если бы я воспроизвел некоторые сцены перед извозчиком, то он непременно бы вспомнил, куда свез два ящика с зеркалами.

Где живет Григорий, не знаю, но узнать, конечно, могу, особенно если знаю, что ежедневно он проходит по Невскому с правой от Адмиралтейства стороны. Если за ним последить, не торопясь его арестовать, то, нет сомнения, можно сделать весьма хорошие открытия: 1) найти типографию, 2) динамитную мастерскую, 3) несколько «ветеранов революции».

Теперь я несколько отвращусь от объяснений, а сделаю несколько таких замечаний: для моего помилования я должен рассказать все, что знаю, — обязанность, с социально-революционной точки зрения, шпиона. Я и согласен. Далее, меня посадят в централку, — но она для меня лично мучительнее казни и для вас не принесет никакой пользы, разве лишний расход на пищу. Я предлагаю так: дать мне год или полтора свободы для того, чтобы действовать не оговором, а выдачей из рук в руки террористов. Мой же оговор настолько незначителен, знания мои неясны, что ими я не заслужу помилования. Для вас же полезнее не содержать меня в тюрьме, а дать некий срок свободы, чтобы я мог приложить к практике мои *конспирационные способности*, только в ином направлении, чем прежде. Поверьте, что я по опыту знаю негодность ваших агентов. Ведь Тележную-то улицу я *назвал прокурору Добржинскому*. По истечении этого срока умоляю о поселении на каторге или на Сахалине, или в Сибири. Убежать я от вас не могу: настоящее мое имя получило всеобщую печальную известность: партия довериться не может и скрыть. Одним словом, в случае неустойки с моей стороны, не больше как через неделю я снова в ваших руках. Намечу вам свой план.

1) По Невскому я встречу через 3—4 дня слежения Григория и прослежу за ним все, что возможно, записав сведения и представив по начальству.

2) *Коновкин*⁴², после моего ареста перешедший на нелегальное положение, даст мне новую нить. Я его узнаю вскоре на Васильевском острове, куда он часто ходит.

3) Кондитерская Кочкурова, Андреева, Исакова и т. п. столкнет меня с Верой *Филипповой*, *урожденной Фигнер*⁴³, и по ней я могу наткнуться на многие конспиративные квартиры.

4) Прошу выпустить на свободу Евгения Александровича *Дубровина*, знакомого с Григорием, Александром Ивановичем и др. революционерами.

5) Прошу не арестовать всех тех лиц, которых возможно арестовать теперь, если они только тем опасны, что нелегалы, например, *Коновкин*.

6) Постоянные прогулки и обеды в столовой на Казанской площади и у Тупицына, вечернее чаепитие в известных мне трактирах, а также слежение за квартирами общих знакомых наведут меня на столкновение с лицами, *известными мне только по наружности*, каких я имею около 10-ти человек. Одним словом, возможно лично мне в течение месяца-полтора открыть в Санкт-Петербурге большую часть заговора, в том числе наверное типографию и, пожалуй, две-три квартиры. Вы представьте себе то, что ведь я имею массу рабочих, с которыми совещается революционная интеллигенция. При этом я обязуюсь каждый день являться в жандармское управление, но не в секретное, и заранее уславливаюсь, что содержание лучше получить каждый день.

Затем я знаю способы отправления газет, что впрочем, значения не имеет, но важно то, что в начале мая отпечатается совсем брошюра для раскольников, которую повезет какой-то легальный человек, наружность которого описать затрудняюсь, потому что встретился всего один раз. Найти его можно иногда в кухмистерской Васильева, против Публичной библиотеки, и в читальне Черкесова⁴⁴, а также и в иных местах. Для упрочения этой связи прошу выпустить на свободу хорошего его знакомого, студента университета *Иваницкого*⁴⁵. Оба они для вас почти не интересны, но я могу с вышеупомянутым человеком проехать в Москву, где есть какая-то *Марья Ивановна* и учительница *Мария Александровна*, к которой у меня ключ «лампада». Обе теперь, кажется, нелегальные, но стоят близко к Исполнительному Комитету⁴⁶.

Фамилия учительницы *Дубровина*. Адресный стол даст мне ее точное отчество. Сама по себе она незначительна, и арестовать ее — значит самому обрезать нить, которую держишь в руках, но я думал уехать в Москву, и *Желябов* написал ей письмо, в котором неопределенно упомянул обо мне,

прося содействия: она должна передать мне зашифрованную ключом «лампада» и за подписью «лампада» записку какой-то *Марьи Ивановны*, через которую мне можно завести солидные связи в качестве уже революционера; впрочем, это предоставляю на ваше усмотрение.

Далее, я изменяю наружность и навсегда фамилию.

Я думаю, я представил достаточно основательный план фактической борьбы с террором, что только и мог сделать. Это единственная и последняя моя заслуга. Я думаю, мне два выхода: или 1½ года агентства у правительства (что может тоже кончиться смертью), а рассказать я ничего не могу, адресов никаких не знаю, разве могу оговорить моих бывших товарищей-студентов, но это им не повредит.

Видит Бог, что не смотрю я на агентство цинично. Я честно желаю его, надеясь загладить свое преступление. Я могу искренно сказать, что месяц заключения сформировал меня, нравственно поднял, и это нравственное развитие и совершенствование для меня возможнее теперь, чем прежде, когда я проникался гордостью и самомнением.

Пусть правительство предоставит мне возможность сделать все, что я могу, для совершенного уничтожения террора, и я честно исполню его желание, не осмеливаясь даже и думать о каких-либо условиях, кроме тех, которые бы способствовали в агентстве. Себя вполне предоставляю в распоряжение верховной власти и каждому ее решению с благоговением покорюсь. Николай Рысаков».

Не достигло цели и воспроизведенное нами заявление, продиктованное животным страхом смерти. Полная ненужность Рысакова для следствия была выявлена. Утром 3 апреля он был казнен.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЗЕФ

1

1892 год. Ростов-на-Дону. Убогая лавка с красным товаром. Хозяева — гродненские мещане Фишель и Саша Азефы; они бедны, но сын их Евно кончил курс наук в ростовской гимназии, где он учился с сыновьями состоятельных и почтенных евреев. Правда, закончив среднее образование, Евно Азеф занялся мелкими комиссионными делами, но «духа он не утасил», и вместе с гимназическими товарищами отдал дань революционным порывам и вошел в революционный кружок, имевший связи с рабочими.

Весной 1892 года ростовские жандармские власти начали дознание о распространении в городе прокламаций; члены кружка всполошились, и Евно Азеф исчез из Ростова. Перед исчезновением Азеф совершил удачную комиссионную сделку: он продал по поручению за 800 рублей партию масла и деньги обратил в свою пользу.

2

В том же 1892 году Евно Азеф объявился в Карлсруэ. Он поступил в политехникум и учился здесь шесть лет⁴⁷. Из него вышел специалист-электрик, и, вернувшись в Россию в 1899 году, он получил место по специальности во «Всеобщей компании электрического освещения». Из-за границы он приехал с женой и ребенком. Жизнь в Москве вел серую, скромную, ютился в маленькой дешевенькой квартире, с низкими потолками, в одном из переулков Воздвиженки, с одним ходом со двора. Но за этой медлительно протекавшей мелкобуржуазной жизнью, у всех на виду, шла жизнь другая, ведомая лишь немногим.

Молодой инженер играл видную роль в революционном подполье. С Запада он привез хорошие рекомендации и связи. По убеждениям и настроениям он примыкал к народническим социально-революционным кругам, был в отличных отношениях с М. Р. Гоцем⁴⁸ и Г. А. Гершуни⁴⁹, вождями молодых народников. На рубеже XIX и XX веков завершался процесс объединения революционно-народни-

ческих групп и создания единой партии социалистов-революционеров. Евно Азеф принял самое близкое участие в организации партии и явился одним из ее учредителей. Он работал под крылом Г. А. Гершуни, который взял на себя специальную задачу — постановку террора, создание обособленной, строго конспиративной группы — «Боевой организации партии социалистов-революционеров». Эта организация, заключавшая в свои ряды немало людей высокого героизма, выполняла поручения партии по совершению политических убийств. Евно Азеф стал правой рукой Г. А. Гершуни и после его смерти⁵⁰ стал во главе «Боевой организации» и на этом посту завоевал безграничное почтение Центрального Комитета партии, ибо он оказался точным и тонким исполнителем комиссионных поручений Центрального Комитета. Его комиссионные дела вписаны в историю. Центральный Комитет партии социалистов-революционеров счел благоприятным отправить на тот свет министра внутренних дел Плеве⁵¹, и Азеф блестяще организовал убийство Плеве. После 9 января Центральный Комитет партии социалистов-революционеров постановил предать казни великого князя Сергея⁵², и Азеф привел в исполнение этот приговор. Правда, он потребовал от своих партийных друзей крупных средств, и значительные суммы были отпущены в его безотчетное распоряжение. Кроме этих крупных комиссионных дел, Азеф исполнял еще ряд мелких поручений по устраниению мелких агентов власти, так сказать, за тот же счет.

Такова вторая жизнь Азефа — «героическая».

3

Но за идиллической картиной мелкобуржуазного быта, за яркими, блестящими эпизодами «революционной борьбы» бурлила и бежала иная жизнь, неведомая никому из соприкасавшихся с Азефом в его первой и второй жизни. Еще в Карлсруэ студентом политехнического института Евно Азеф, по собственному почину, предложил оказывать услуги Департаменту полиции по части сообщения сведений о революционной деятельности своих товарищей за ежемесячную плату в 50 рублей. Департамент принял предложение и в скорейшем времени имел возможность убедиться в чрезвычайной полезности нового агента. Его ежемесячный оклад повышался, а когда агент закончил высшее образование, он был отправлен на работу в Россию, под специальным руководством начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова. Задачей охранки было войти в курс всей работы по объединению социал-революционных групп, и Азеф удачно выполнял эту

комиссию. Агент, стоявший в центре организации, — бесценное приобретение для розыскных органов, и Евно Азеф поистине стал любимцем всех своих начальников — Рачковско-го⁵³, Ратаева⁵⁴, Зубатова, Герасимова⁵⁵. А когда над головой правительства зашумели террористические громы и молнии, Азефу было дано задание — войти в доверие к Гершуни, передать его и стать в центре террористической работы. Азеф выполнил и это задание. Он выдавал революционеров десятками и сотнями, отправлял их в ссылки, тюрьмы, на каторгу и на виселицу. Надо же было зарабатывать комиссионные деньги, которые выдавались ежемесячно и дошли до 12 000 в год, и, кроме того, в виде премиального вознаграждения составляли почти такую же сумму.

4

Так человек жил и лавировал между революционерами и сыщиками. И во всех трех сферах своей жизни — семейной, революционной и предательской, — он пользовался безграничным доверием, и никто — ни жена, ни Центральный Комитет социалистов-революционеров, ни Департамент полиции — и помыслить не мог, что Евно Филиппович (для быта), Иван Николаевич (для революции), Раскин и Виноградов (для розыска) мог быть не тем, чем он казался. И это несмотря на отталкивающую внешность.

«Толстый, сутуловатый, выше среднего роста, ноги и руки маленькие, шея толстая, короткая. Лицо круглое, одутловатое, желто-смуглое; череп кверху суженный; волосы прямые, жесткие, обыкновенно коротко подстриженные; темный шатен. Лоб низкий, брови темные, внутренние концы слегка приподняты; глаза карие, слегка навывкате. Нос большой, приплюснутый, скулы выдаются, одно ухо оттопыренное; губы очень толстые и выпяченные, чувственные; нижняя часть лица слегка выдающаяся. Бороду обычно брил, усы носил подстриженными».

Это — объективные приметы, а вот и субъективные записи: «Очевидица, — видевшая Азефа еще в 1898 году в студенческой столовой, когда он со своей грузной фигурой, широко расставив ноги, становился неподвижно посреди столовой, вращая только во все стороны выпуклыми глазами и выпятив толстые губы, — говорила, что ей страшно было бы встретиться с ним не только ночью в темном лесу, но и днем на многолюдном Невском». Впечатление очевидицы прошло, конечно, сквозь призму позднейших восприятий, а товарищи Азефа в совместной работе не воспринимали отталкивающих моментов физической личности своего вождя.

И тем менее могли чувствовать отвращение к Азефу те, на кого изливались его щедрости, на кого шли его сбережения от сумм, полученных как для совершения убийств, так и для предотвращения оных. Это — женщины свободной и легкой любви, проститутки домов терпимости, вольные и публичные женщины, актрисы варьете, шансонетные певицы... Рай Азефа... Подлинный, настоящий рай... Азеф не был пьяницей, но он был плотояден и сладострастен. Этот рай Азефа уж достоверно никому был не ведом. А здесь-то он и нашел свое счастье, встретившись с некоей звездой шантана, пожинаяй успехи в петербургском «Аквариуме», московском «Яре» и во всех «Тиволи», «Шато-де-флер» и так далее. Это была пышная женщина, которая властно стала перетягивать себе сбережения Азефа, революционные и правительственные. Она-то и взяла под башмак вождя «Боевой организации». Исполнителем ее коммиссионных поручений и стал Евно Азеф, мещанин-коммиссионер.

В течение 16 лет служил Азеф Департаменту полиции; 10 лет с лишним работал в партии социалистов-революционеров и большую часть этого срока в «Боевой организации партии социалистов-революционеров», и, кроме того, в Центральном Комитете партии социалистов-революционеров. Но наконец катастрофа разразилась. Маска Азефа была сорвана, и его предательство было разоблачено. Удар молнии без грома... Никто не поверил: жена Азефа не допускала и мысли об измене мужа, Центральный Комитет партии социалистов-революционеров считал, что всякая попытка к очернению Азефа идет из недр Департамента полиции, а Столыпин⁵⁶ в Государственной Думе распинаялся за своего агента и доказывал, что это был честнейший агент в мире...

Азеф был разоблачен, у судивших его социалистов-революционеров не поднялась рука на своего коммиссионера: пусть он и не всегда был верен, а главные комиссии все же исполнил. Азеф, стяжавший в период разоблачения славу «великого провокатора», бежал от мести своих партийных товарищей и скрылся в неизвестности, точнее, в не известный никому свой рай, вместе со «звездой шантана».

Азеф скрылся от возмездия, и оно его не постигло. Наоборот: он полностью восчувствовал счастье мелкобуржуазной жизни. Он, игравший людскими жизнями, перешел к более спокойной игре — игре на биржевые ценности. «Обладея выдающимся умом, математической аккуратностью, спокойный,

рассудительный, холодный и осторожный до крайности, он был как бы рожден для крупных организаторских дел. Редкий эгоист, он преследовал прежде всего свои личные интересы, для достижения которых считал пригодными все средства, до убийства и предательства включительно», — так характеризует Азефа собрат по ремеслу, пресловутый жандармский генерал и историк Спиридович. Но такая характеристика идет как раз к лицу биржевого игрока, каким стал на склоне жизни выдающийся комиссионер Азеф. И он имел успех на берлинской бирже и мог собирать своих биржевых друзей в солидной квартире в шесть комнат в хорошем районе Берлина. Неймайер — так назывался в этот период Азеф и его новая жена, бывшая шансонетная певица, сохранившая всю свою веру в своего покровителя. В этой большой квартире с высокими потолками подавали гостям-немцам чай из настоящего русского самовара и играли в винт не по маленькой...

7

Так мирно протекала жизнь бывшего «великого провокатора», и нужно было вмешательство стихийных сил, чтобы внести дезорганизацию в этот буржуинный быт, нужна была великая империалистическая война. Она спутала карты Азефа и нанесла решительный удар биржевым комбинациям и материальному благополучию Азефа. И к тому же его арестовали, как гражданского военнопленного, подозрительного по анархизму, и несмотря на все его старания доказать, что он был не революционер, а правительственный агент по борьбе с революцией, выпустили его из тюрьмы только в конце 1917 года. Азеф пережил скверные минуты, но шансонетная певица заботилась в меру своих возможностей о своем покровителе. Азеф переписывался с ней и преподавал ей правила поведения в форме афоризмов, умудренный жизненным опытом:

«Не презирай людей, не ненавидь их, не высмеивай их чрезмерно, — жалей их».

Или:

«После молитвы я обычно бываю радостен и чувствую себя хорошо и сильным душою. Даже страдания порою укрепляют меня. Да, и в страданиях бывает счастье, — близость к Богу. В наше тревожное, торопливое время человек обычно забывает то лучшее, что в нем заключено, — и лишь страдания дают ему блаженство, заставляя с лучшей стороны взглянуть на себя и покорно приблизиться к Богу».

Вот куда метнул провокатор-комиссионер, вот до каких высот духа поднялся этот обгаренный человеческой кровью негодяй. И с этих вершин он сносит скрижали морали и закона бывшей кафе-шантанной певице. Да не подумает чита-

тель, что Азеф испытывает угрызения совести. Совсем нет: «Меня постигло несчастье, величайшее несчастье, которое может постигнуть невинного человека и которое можно сравнить только с несчастьем Дрейфуса»⁵⁷.

8

Недолго погулял на воле после освобождения из тюрьмы Азеф. В апреле 1918 года он лег в больницу, а 24 апреля от обострившейся болезни почек он умер. Похоронила его бывшая шансонетная певица. Она же и ухаживает за его могилой, обнесенной железной оградой и украшенной зеленью, цветами. Но только нет никаких обозначений: только кладбищенская дощечка с номером места — 446. Певица сознательно ничем не обозначила могилы Азефа; она говорит:

«Знаете, сейчас здесь так много русских, часто ходят сюда... Кто-нибудь прочтет, вспомнит старое, — могут быть неприятности. Лучше не надо».

9

Только и осталось Азефу, этому удачливому комиссионеру, воздаяние истории. Но разве оно может быть достаточным?

«БЛОНДИНКА» В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ В 1910 г.⁵⁸ (Записки секретного сотрудника)

Лев Толстой не давал покоя русскому правительству и после своей смерти.

20 ноября 1910 года директор Департамента полиции Н. П. Зуев отправил начальнику Московского охранного отделения П. П. Заварзину зашифрованную телеграмму следующего содержания:

«Господин товарищ министра (П. Г. Курлов) приказал вам немедленно командировать двух опытных толковых сотрудников в Ясную Поляну, где они должны посетить могилу Толстого и имение Черткова⁵⁹ и выяснить характер сборищ, происходящих в Ясной Поляне и у Черткова. О последующем выяснении быстро доносить».

21 ноября полковник Заварзин телеграфировал Зуеву: «Исполнено. Сведения могут быть днней через пять». А 24 ноября Заварзин уже отправил эти «сведения» при следующем «совершенно секретном» докладе Зуеву:

«Вследствие телеграммы вашей от 20 сего ноября за № 1334 имею честь представить при сем сведения о характере сборищ, происходящих в Ясной Поляне и у Черткова.

Ввиду несомненного интереса, который представляет записка в изложении сотрудника «Блондинки», и желания исполнить требование вашего превосходительства, как указано в телеграмме, быстро, при сем представляется упомянутая записка в подлиннике, каковую, по минованию надобности, прошу не отказать возвратить мне для дальнейшей разработки и систематизации всех сведений».

Записка, составленная «Блондинкой», по литературности изложения и толковости действительно выделялась из множества ординарнейших агентурных записок и обратила внимание Департамента полиции. Срочно был сделан доклад самому министру П. А. Столыпину о расследовании на могиле Толстого, и Столыпин оставил записку у себя для прочтения. Впоследствии записка была возвращена им директору Департамента и оставлена при департаментском деле.

Воспроизводим эту записку, состоящую из трех частей: в первой речь о сборищах на могиле Толстого, во второй изложены беседы с доктором Маковецким⁶⁰, третья является до-

несением о деятельности В. Г. Черткова. Отмечаем особенность стиля: автор сбивается и говорит о себе то в женском, соответственно женскому псевдониму «Блондинка», то в мужском, согласно действительности, роде.

«1. СБОРИЩА НА МОГИЛЕ ТОЛСТОГО

Численность. О громадных массах, собиравшихся на могиле Толстого, можно говорить лишь в отношении первых дней после похорон. После того, как в день похорон в Ясной Поляне собралось от 5 до 7 тысяч человек, в ближайшие 5—6 дней на могиле каждый день собиралось по несколько сот человек. Преобладало в этой массе студенчество. В эти дни выступали многие ораторы, и говорились, как можно судить по осторожным отзывам яснополянских крестьян, революционные речи. В последующие затем дни паломническое движение в Ясную Поляну стало падать, и к моменту моего прибытия сюда представлялась возможность констатировать сокращение его до нескольких десятков человек в день.

О первых днях паломничества, численности и характере собиравшихся туда масс судить не могу, ибо для этого приходится основываться на слухах, за точность которых ручаться нельзя. Но зато с полной уверенностью могу говорить о том, что наблюдал непосредственно и что выяснил из многочисленных расспросов, которые подвергал самой тщательной проверке и критике.

В Ясную Поляну я прибыл 22 ноября. В этот день московский поезд, кроме меня одного, не привез ни одного паломника. С юга, со стороны Курска, поезд привез экскурсию студентов Киевского университета, в числе 23 человек, и одного обывателя из Воронежа. Таким образом, в указанный день на могиле Толстого перебивало всего-навсего 25 человек. День этот, по свидетельству яснополянских крестьян, в отношении незначительного числа посетителей вовсе нельзя считать исключительным. За всю истекшую неделю число посещений ненамного превышало приведенную цифру. Наоборот, исключительным в последнее время днем необходимо признать воскресенье 21 ноября, когда в Ясную Поляну прибыло 72 человека. Повышение числа посещений в данном случае необходимо объяснить праздничным днем, давшим возможность прибыть из Тулы некоторому числу рабочих и приказчиков. В этот день прибыла из Тулы и депутация рабочих печатного дела в количестве 15 человек, и человек 15—20 торговцев и приказчиков, воспользовавшихся праздничным днем для прогулки. Остальная масса — случайные приезжие из разных мест, но также не очень отдаленных, по преимуществу из Москвы.

Незначительное количество посетителей могилы было и во вторник, 23 ноября. Так как этот день я провел в Телятниках у Черткова, то цифру прибывших 12—15 человек могу сообщить со слухов, немедленно проникших туда. Был какой-то военный доктор, а также не то китаец, не то японец. Говорили, что экскурсанты прибыли издалека.

О днях, предшествовавших воскресенью 21 ноября, хотя приходится судить по расспросам, но так как собранные таким путем сведения, несмотря на различие источников, вполне совпадают, то их можно принять за более или менее точные.

В субботу, 20 ноября, на могиле Толстого перебивало несколько десятков, не более 35—40 человек. В пятницу, 19-го, как согласно заявляют крестьяне, дежурящие на могиле с целью зазывания к себе на постой приезжих, — «почти никого не было». В четверг, 18 ноября, было человек 40—50. Относительно предшествовавших дней сведения более разноречивы, и потому приводить более или менее точную цифру не берусь. Во всяком случае, единодушны все заявления, что за истекшую неделю максимальное число посещений пало на воскресенье, 21 ноября.

Все это привело меня к убеждению, что все слухи и толки о громадных массах, собиравшихся на могиле Толстого, сильно преувеличены. Поскольку это преувеличение — дело рук газет, здесь приходится говорить о совершенной умышленной лжи в целях поддержания падающего возбуждения в обществе, раздувания его и вызова таким образом в действительности паломнического движения. Пример яркой лживости налицо. По возвращении в Москву беру в руки номер «Русского слова» от 23 ноября, как раз того дня, какой непосредственно мною наблюдался в Ясной Поляне. С изумлением читаю:

«Тула 22, XI. Сейчас вернулся из Ясной Поляны. Сегодня и вчера могилу посетило свыше 200 человек. Было много крестьян, в числе их странник из Воронежской губернии, 23 студента Киевского университета, офицер».

В то время, как за оба дня едва ли можно говорить о сотне посещений, корреспондент с легкой душой превращает эту цифру в «свыше 200 человек». И так как он уверяет, что «сейчас вернулся из Ясной Поляны», и, следовательно, как будто наблюдал все это лично, то приходится говорить о совершенно сознательной лжи. Такими же сильно раздутыми являются сообщения за все предшествующие дни.

С полной уверенностью говорю это в отношении истекшего недельного периода.

Характер сборищ, состав их. По единодушному заявлению всех опрошенных лиц, подавляющая масса посещающих могилу Толстого принадлежит к студенчеству, вообще к молодежи. Среди студентов преобладают учащиеся в киевских выс-

ших учебных заведениях. Объясняется это тем, что только киевские студенты получили официальные отпуска для поездки в Ясную Поляну и на основании этих отпусков пользовались льготным проездом. Когда администрация Киевского университета спохватилась и стала затруднять выдачу отпусков, студенческое паломническое движение из Киева сразу резко сократилось. Небольшая группа студентов, которую я встретил в Ясной Поляне, по их собственным словам, является, вероятно, последней. На сокращение студенческого движения, по тем же указаниям, оказывают влияние и приближающиеся экзамены.

За все время существования сборищ на могиле Толстого студенчество составляло если не три четверти всей массы, то уже наверное половину ее. Это констатируют все опрошенные. Остальная масса сплошь интеллигентская.

Рабочих за все время было считанное число. В первые дни были приезжие из Москвы. Была депутация от рабочих Тульского оружейного завода; наконец, в воскресенье, 21 ноября, была депутация в 15 человек от рабочих печатного дела г. Тулы. Депутация эта привезла венок на могилу Толстого и адрес, который оставила у Черткова.

Крестьян, если не считать ближайших мест, почти совершенно не было. Были приезжие единицы. Д-р Маковецкий, захлебываясь, указал мне на маленький металлический венок из незабудок с надписью: «Не забыл ты народ, и мы не забудем тебя, крестьяне». Заинтересовавшись происхождением этого венка, я стремилась проследить его происхождение. По отзывам дежурящих постоянно у могилы крестьян, этот венок привез какой-то молодой «барин».

Из беседы с Чертковым и окружающими его выяснилось, что рабочих и крестьян до сих пор почти не было. Но объясняют они это неудобным временем. По их словам, от этого контингента поступают в значительном количестве телеграммы и письма, и по ним можно заключить, что рабочего и крестьянского паломнического движения следует ожидать с началом теплого времени. Из нескольких обмолвок самого Черткова, секретаря его Булгакова⁶¹ и других живущих у него лиц я заключаю, что крестьянское и рабочее паломническое движение им крайне желательно, и они, путем разбросанных всюду связей, стремятся вызвать это движение.

В воскресенье, 21 ноября, в Ясную Поляну приезжал какой-то офицер. Если верить крестьянам, несколько офицеров было и раньше.

От крестьян слышала, что в числе массовых посетителей первых дней были и переодетые священники. Однако единственным признаком, заставившим заподозрить в них «батюшек», были длинные волосы. Более достоверных объяснений, при всех моих стараниях, мне не удалось получить.

Относительно состава интеллигентской массы сведения могут быть совершенно определенные, так как почти все заносят свои имена в книгу, находящуюся у лакея дома графини Толстой. В первые дни, главным образом из Москвы, было много приезжих журналистов, адвокатов, врачей, инженеров, земцев, вообще различных более заметных общественных деятелей. В последние же дни, к моменту моего пребывания в Ясной Поляне, посещения этой категории лиц почти совершенно прекратились. Во всяком случае, при самом внимательном проглядывании этой книги с подписями за дни истекшей недели мне не удалось заметить мало-мальски видных имен. Что таких посещений за последнее время не было, подтвердили как доктор Маковецкий, так и все в доме Черткова.

Большое усилие приложила я к тому, чтобы выяснить вопрос о характере сборищ, по чьей инициативе и для какой цели они организуются, не видна ли в данном случае работа организованных партий и революционных организаций. Что касается последних дней, о которых я могу говорить с уверенностью, то планомерных революционных выступлений на могиле, которые бы свидетельствовали об организации, не было. Агитаторы, по-видимому, нашлись бы, но дело в том, что в силу общего сокращения паломнического движения не было аудитории, которую можно было бы распропагандировать. Желая выяснить вопрос, не действовали ли отдельные агитаторы, я десяткам лиц задавала вопросы, не говорило ли на сборищах в отдельные дни одно и то же лицо. В последние дни, как свидетельствуют крестьяне, таких случаев не было. Обыкновенно группы приезжают и в тот же день уезжают, привозя и увозя своих ораторов. Было не много случаев, когда приезжие оставались ночевать в Ясной Поляне. По несколько раз на могиле Толстого говорил, по характеристике крестьян, какой-то «черный, лохматый, в штатском платье». Говорил, очевидно, только революционные речи, так как крестьяне говорят об этом с большой опаской. В первые дни после похорон были и другие революционные выступления. Точный смысл речей путем самого тщательного опроса крестьян (понятно, в самой осторожной и окольной форме) выяснить не удалось, но, по-видимому, речь шла о несправедливом владении помещиками землей, о притеснениях народа правителями, о смертных казнях и так далее. Во всяком случае, признаки агитаторской работы в первые дни после похорон, когда на могиле собирались большие толпы, безусловно имеются. От какой партии эта работа исходила, — теперь выяснить трудно. По некоторым признакам сужу (по агитации против частной земельной собственности и восхвалению общинного пользования землей), что агитаторы были социалисты-революционеры. Оговариваюсь, однако, что относительно того, что происходило на могиле в первые после похорон дни,

у меня нет никаких точных сведений, так как приходилось, несмотря на все усилия, питаться одними сбивчивыми слухами.

То же, что я видела лично, и о чем было свежо впечатления опрашиваемых, дает следующую картину сборищ в последние дни. Картина изо дня в день повторяется почти без всяких изменений. Группа паломников опускается на колени, поет несколько раз «вечную память», затем кто-нибудь из паломников говорит небольшую речь (сплошь и рядом о необходимости борьбы с смертной казнью), или же читается какое-нибудь небольшое произведение самого Толстого. Затем, как почти неизменное правило, группа снимается. Смешно было смотреть, как волновались наблюдавшиеся мною студенты Киевского университета при процедуре снятия: «увековеченная» их группа должна была появиться в иллюстрациях одной из киевских газет, и, полные страстного желания эффектно себя «увековечить», они больше всего боялись, что снимок мог не удался. Вообще, как я уже писала, это небольшое сборище носило самый фарсовый характер. А между тем эта группа студентов была все партийные люди, все это были не «коллеги», а «товарищи», и, как обнаружилось в беседах, меньшевистского толка. Более смешного, чем серьезного, было, как можно судить по ироническим репликам, срывающимся у яснополянских крестьян, и на сборищах в предшествующие дни.

Паломническое движение на могилу Толстого не только сокращается численно, но и принимает самый обывательский характер. С нескрываемым раздражением д-р Маковецкий и Чертков указывают, что среди приезжих гораздо более любопытных, ищущих развлечения в поездке, чем серьезных последователей движения.

Усиления паломнического движения, по словам Черткова, теперь ожидать не приходится. Разве в большем числе прибудут к 40-му дню. Но на весну, в смысле развития движения, Чертков возлагает большие надежды.

Все приведенные сведения основаны на непосредственных наблюдениях и тщательном опросе массы лиц.

Относительно численности сборищ в последние дни сведения почерпнуты по пути в Ясную Поляну от опроса кондукторов поезда, на станции Засека от жандармского унтер-офицера; толковые ответы, к которым можно отнестись с доверием, давал служащий в тульском казначействе Василий Зябрик, гостивший в эти дни в Ясной Поляне; хозяин избы, где я останавливалась, — Прохор Зябрик, уравновешенный и положительный мужик, а также очень разговорчивая, а потому ценная его жена; в хате Прохора Зябрика за время моего там пребывания собиралось много крестьян, и из живой перекрестной беседы мне удалось почерпнуть много ценного; крайне удобным моментом для расспросов явилась поездка на

лошадях со станции Засека в Ясную Поляну, отсюда в Телятни-
ники к Черткову, отсюда обратно в Ясную Поляну, с заездом
в деревню Ясенки (район деятельности Черткова), и, нако-
нец, на станцию Шекино, откуда я отбыла в Москву. Далее
много почерпнуто у лакея в доме Толстых, с которым доволь-
но продолжительно беседовала во время осмотра книги запи-
сей; беседовала с Татьяной Андреевной Кузьминской (женой
сенатора, сестрой графини Толстой) и какой-то пожилой пле-
мянницей покойного графа Толстого, которая была очень лю-
безна и словоохотлива во время осмотра толстовского дома;
подолгу оба раза беседовала с д-ром Маковецким; много уз-
нала от Владимира Григорьевича Черткова, но еще больше от
его сына, юноши 18—20 лет, очень доверчивого и простодуш-
ного; отдельно от них продолжительное время беседовал с
секретарем Черткова (бывшим секретарем покойного Толсто-
го), молодым, ярым толстовцем — Булгаковым, который,
таким образом, явился для меня проверочной инстанцией ус-
лышанного от Черткова и его сына; беседовала с рабочими-
конопатчиками, работающими теперь у Черткова; небольшую
беседу пришлось иметь с Александрой Львовной Толстой.
Более всего полезными при выяснении численности сборищ
на могиле Толстого и характера их оказались яснополянские
бабы и ребятишки, которые без устали дежурят на могиле, за-
зывая к себе на постой приезжих. Стоило только задать им
какой-нибудь вопрос, как они, торопясь и перебивая друг
друга, давали самые подробные ответы. Ценным в данном
случае было то, что путем таких перекрестных расспросов
проверяются полученные сведения.

Кстати заметить, смерть Толстого создала очень выгодный
промысел для яснополянских крестьян. В первые дни они
много зарабатывали, провозя со станции приезжих в Ясную
Поляну и в Телятни-ники к Черткову, а также оставляя их у себя
на постой. Теперь крестьяне горько жалуются на резкое со-
кращение движения: в первые дни десятки телег возвраща-
лись со станции Засека битком набитые, теперь выезжает не-
сколько телег, и то часть возвращается порожнем. Д-р
Маковецкий сообщил мне, что какой-то предприниматель
предлагал графине Софье Андреевне Толстой продать ему
участок земли для постройки гостиницы для приезжающих,
но она это предложение отклонила.

«Блондинка».

2. БЕСЕДА С ДОКТОРОМ МАКОВЕЦКИМ

С доктором Маковецким мне пришлось подолгу бесе-
довать два раза: первый раз в яснополянской лечебнице при
приеме доктором больных, во время которого с его разреше-

ния я все время присутствовала, второй раз в доме графини Толстой, где доктор все время живет.

Так как я явилась к доктору с рекомендательной запиской, то доверие его ко мне было вполне обеспечено.

Особенно ценна была для меня первая беседа (правильнее, прислушивание к тому, о чем беседовал д-р Маковецкий с крестьянами), наглядно продемонстрировавшая предо мной прием пропаганды толстовских идей в Ясной Поляне. Прием больных доктором Маковецким в лечебнице именно превращается в живую пропаганду, и так как пользуется доктор не только яснополянских крестьян, а приезжают к нему из всей округи (при мне были приезжие из далеких деревень), то семья толстовского учения разбрасывается очень далеко. Необходимо отметить, что д-р Маковецкий пользуется большой любовью среди крестьян, и в силу этого его идейная пропаганда особенно глубоко проникает в сознание его слушателей. Сам д-р Маковецкий — ярый толстовец из типа слепых фанатиков.

При мне была такая сценка. Какая-то баба, явившаяся с больным ребенком из соседнего села, рассказывала, что у них задержали какого-то странника — «Божьего человека» — за отсутствие паспорта. Баба глубоко возмущалась, что паспорт спрашивают даже у «Божьих людей». Д-р Маковецкий вполне соглашался с бабой. Пространно он стал излагать набившие оскомину толстовские истины о том, что, стремясь жить по правде Божьей, не нужно бояться тюрьмы и наказаний, раз власть требует что-нибудь такое, что противно совести. Прямо Маковецкий не говорил, например, об отношении к воинской повинности, но во всяком случае из его слов даже для самого неразвитого слушателя вытекала идея пассивного сопротивления государству. Пропаганда Маковецкого носила чисто идейный характер, без всяких революционных резкостей, но думаю, что подобная пропаганда в удобных случаях может дать самые нежелательные практические последствия.

Второй раз беседа с Маковецким касалась роли интеллигенции в распространении идей Толстого в широкой народной массе. С увлечением доктор говорит о «святой обязанности» каждого интеллигента, последователя Толстого, заняться самой активной пропагандой (распространением сочинений Толстого и живым их толкованием) в народе. Нужно путем опрощения сблизиться с народом и заняться его духовным развитием. Число таких преданных делу лиц, по словам д-ра Маковецкого, растет все более и более в самых отдаленных углах России, теперь же, после смерти Толстого, для развития его учения создается особенно благоприятная почва.

В этом же смысле до меня велись беседы у доктора Маковецкого с киевскими студентами (как они тоже мне говорили). Вообще это постоянная тема всех бесед как доктора Ма-

ковецкого, так и Черткова с посещающими их паломниками. Мне удалось еще раз повидаться со студентами, возвращающимися от Черткова через Ясную Поляну на станцию Засека, и они мне сообщили характер их беседы с Чертковым.

Доктор Маковецкий заявил мне, что в ближайшем времени совершенно оставляет Ясную Поляну.

«Блондинка».

3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. Г. ЧЕРТКОВА

К Черткову я явилась с рекомендательной запиской от д-ра Маковецкого, что обеспечило мне теплый, доверчивый прием.

Первый вопрос, какой я здесь поставила, был вопрос об оставленных Толстым литературных произведениях, когда и в каком виде они будут изданы. На этот вопрос Чертков ответил, что пока оставленные рукописи все еще разбираются, и относительно издания их, как вообще относительно издания полного собрания сочинений, порученного дочери Александры Львовне, с целью выкупа земли и передачи ее яснополянским крестьянам, ровно ничего не известно. Вопрос этот обсуждается кружком Черткова, и решение, еще не принято. Если поступит предложение о продаже произведений Толстого какой-нибудь крупной книгоиздательской фирме и если будет предложена сумма, достаточная для выкупа Ясной Поляны, то такое предложение будет принято. В противном же случае сочинения будут изданы самой Александрой Львовной. При издании сочинений будет преследоваться основная цель — сделать их по цене возможно более доступными широким народным массам. Некоторые же небольшие статьи, имеющие особое значение, в целях пропаганды толстовских идей будут изданы дешевыми народными брошюрами в громадном количестве экземпляров. Чертков вскользь признался, что среди оставленных Толстым рукописей есть много совершенно нецензурных, и как с ними быть при издании сочинений Толстого, Чертков не знает. Может быть, их придется выделить из собрания, выпускаемого в России, и издать за границей. Во всяком случае, сказал Чертков, друзья Толстого получают в руки все, что осталось после Толстого; как это будет сделано, еще не известно, но так или иначе это будет сделано.

Совершенно то же я узнала от Александры Львовны Толстой, которая в силу нездоровья уделила мне лишь немного времени, и с которой более подробно относительно всех интересующих меня вопросов побеседовать не удалось.

Я провела в доме Чертковых значительное время, и мне удалось воочию увидеть, каким путем отсюда ведется пропаганда толстовских идей.

Вредным образом Чертков и окружающий его кружок влияют на местных крестьян самым образом своей жизни. Дверь дома Черткова широко открыта для всякого желающего войти в него. В столовой стоят большие некрашенные столы и скамейки, и завтракают, обедают и ужинают за ними сам Чертков и его кружок, вместе с приходящими к ним крестьянами и работающими в Телятниках работниками. В это время обычно читается что-нибудь из сочинений Толстого, и ведутся по поводу прочитанного беседы. Для идейной агитации это самая удобная обстановка. Кроме того, в школе и дома устраивались чтения, на которые приходили как взрослые, так и дети из деревни. При всяких удобных случаях Чертков беседует с крестьянами. С целью большего сближения с крестьянами Чертков рядом со школой устроил ремесленную школу и мастерские, но они пока не функционируют. Сын Черткова откровенно признался мне — почему: «За нами, — указал он, — теперь следят сотни глаз, и ни чтения, ни занятия в школе, ни работы в мастерской нельзя производить в желательных размерах».

Во время моего пребывания в доме Черткова сборищ там не было. В связи с сокращением поездок в Ясную Поляну на могилу Толстого сократились и посещения Черткова. Раньше же, по его словам, за указанные столы садились обычно по 30, 40 и 50 человек. Я застал только обычных приживальщиков Черткова — человек 7—8 молодых людей, получающих от Черткова, как мне с иронией передавали крестьяне, по 10 рублей жалованья в месяц только за то, что они считают себя толстовцами. Вообще же они ничего не делают, бродят по Ясной Поляне, Телятникам, Ясенкам в своем районе, вступая в сношения с крестьянами и ведя с ними беседы. Кроме этих людей, я застал еще несколько человек крестьян, которые работали по конопатке дома. При мне из Ясной Поляны приехало 7 человек, между ними три студента. Вот все, которые в этот день, 23 ноября, перебивали в доме Черткова.

Совместный обед Черткова с рабочими мне удалось лично наблюдать. Равно я присутствовала при беседах с прибывшими экскурсантами. В беседе с ними Чертков указал, что он очень удивляется тому, что наша интеллигенция, желая почтить память Толстого, выступила с одним только протестом против смертной казни. По словам Черткова, нужно энергично протестовать и против тех преследований, которым теперь подвергаются последователи Толстого. С сожалением отмечал он, что ни в Государственной Думе, ни в газетах, ни в общественных собраниях вопрос этот не поднимается. Эти слова Черткова, сказанные экскурсантам, носили характер как бы указания, что нужно возбудить в обществе вопрос о протестах против наказания за веру.

В беседе со мной Чертков указал, что у него имеются до-

казательства того, что идеи Толстого проникают в народную массу и находят сочувствие среди рабочих. После смерти Толстого на имя Черткова поступило более 300 телеграмм, писем, адресов, и среди них много от крестьян и рабочих. Весь этот материал теперь сортируется, Чертков намерен его выпустить в свет отдельной книгой.

Следы пропаганды Черткова и его кружка среди местных крестьян чувствуются на каждом шагу. Более пожилые крестьяне с нескрываемым раздражением говорили о настроении деревенской молодежи, которая общается с кружком Черткова: в религиозном отношении они совершенно отбились от церкви, в церковь давно перестали ходить. В Ясной Поляне это результат частой беседы с самим Толстым.

Особенно часты беседы с крестьянами по земельному вопросу. Как сам покойный Толстой, так и все его последователи являются ярыми противниками правительственной землеустроительной политики, на каждом шагу агитируя против производящегося теперь выделения на отруб. От нескольких крестьян я слышала, как сам Л. Н. Толстой убеждает крестьян не подчиняться земскому начальнику и землеустроительной комиссии и не принимать предложения о хуторском расселении. «Подождите до 1912 года, — говорил Толстой, — тогда вам не нужно будет этого делать». Что при этом подозревал он, — неизвестно. Беседы на тему о правительственной землеустроительной политике ведутся и с д-ром Маковецким. Так как к нему приезжают из дальних деревень, то вредное влияние распространяется на большой район. Энергичную пропаганду против хуторского расселения ведет, конечно, Чертков и весь его кружок. Крестьянам раздавалась известная брошюра Толстого «Великий грех»; вообще отрицание частной собственности на землю — постоянная тема в беседах в доме Черткова как с местными крестьянами, так и со всеми приезжающими.

От крестьян деревни Телятники узнала, что Чертков и Александра Львовна раздавали им брошюры, заключавшие толстовские статьи.

Чертков говорил мне, что в настоящее время в издании «Посредника» готовится к выходу в свет большое число общедоступных брошюр, которые будут очень удобны для широкого распространения в народе. Готовится также выпуск дешевой популярной брошюры с биографией Толстого и изложением всего его учения. Все это будет распространено в громадном количестве экземпляров.

Недавно в деревне Телятники предстояла опись нескольких крестьян за неуплату податей. Всю сумму — около 100 рублей — внес сам Чертков. «Так урядник, — с восторгом говорил мне об этом один крестьянин, — ни с чем и уехал».

В настоящее время Чертков и все его окружающие чувст-

вуют себя под большим подозрением, и потому пропаганда в последнее время ведется гораздо слабее и осторожнее. Предупреждены, видимо, и крестьяне, так как ответы они дают с большой осторожностью и явными замалчиваниями. При таких условиях моя миссия была до крайности затруднена. Многое помог мне выяснить — очень простодушный юноша — сын Черткова, а также секретарь его Булгаков. От сына Черткова мне пришлось услышать характерную фразу: «Еще больше жандармов нам приходится бояться наших соседей, как на подбор, черносотенцев». С особенным раздражением он отозвался о каком-то помещике Звегинцеве.

Это раздражение помещиков, соседей Черткова, вполне понятно: его пропаганда идей Толстого должна иметь самое отрицательное влияние на крестьян и рабочих.

Считаю необходимым отметить еще один факт. Среди крестьян Ясной Поляны слухи о передаче им, в силу завещания Л. Н. Толстого, всей земли вызвали сильно повышенное настроение. Чувствуется большая взвинченность во всем: с раздражением, например, говорили мне многие о каком-то налоге по 20 копеек с души (даже с маленьких детей), которым якобы незаконно их обложили в этом году. Обращались за разъяснением к земскому, а он посылает к старосте, а этот сам не знает. «Не будем платить, вот и все». Какой это налог, — мне не удалось выяснить, но несомненно, что он вызывает большое раздражение в крестьянской среде.

Преследуя свою задачу, я объехал почти весь район, прилегающий к Ясной Поляне. У станции Засека была на хуторе Татьяны Львовны Сухотиной (дочери Толстого); после поездки в деревню Телятнихи побывала в большом селении Ясенки, входящем в самое тесное общение с обитателями чертковского дома; с целью охватить наблюдением возможно больший район, вернулась в Москву не через станцию Засека, а через станцию Щекино.

Могу констатировать, что влияние идей Толстого и следы пропаганды чувствуются на каждом шагу, особенно среди деревенской молодежи.

«Блондинка».

Кто же сия «блондинка»? — спросит читатель. «Блондинка» разоблачена, она оказалась журналистом, сотрудником «Русского слова», а раньше «Киевской мысли», Иваном Яковлевичем Дриллихом. С октября 1910 года и до первого дня революции он состоял секретным сотрудником Московского охранного отделения, и деятельность его встречала самую высокую оценку у начальников отделения П. П. Заварзина и А. П. Мартынова, у вице-директора Департамента полиции С. Е. Виссарионова и остального начальства,

знавшего Дриллиха. В начале работы Дриллиха Заварзин давал ему по начальству следующую аттестацию: «Даваемые Дриллихом сведения по общественному движению и левому крылу конституционно-демократической партии очень ценны, а в будущем это лицо обещает быть еще более полезным, так как ему, как литератору, доступнее многие общественные круги. Кроме того, Дриллих безусловно правдив и весьма развит, имя же его пользуется некоторой известностью в литературных кругах Москвы, Киева и Одессы. Эти качества дают ему, при наличии желания с его стороны, полную возможность быть полезным сотрудником отделения».

Откуда в Дриллихе такое желание быть полезным сотрудником, как он дошел до такого желания, как представитель самой независимой профессии стал агентом, данником охранного отделения? Ответов на эти вопросы требует наше нравственное чувство. Документы дают возможность нарисовать историю падения Дриллиха и вместе с тем приподнять уголок завесы, скрывающей от наших взоров будничную картину охранного быта.

В октябре 1910 года было перлюстрировано письмо, отправленное из Москвы 9 октября в Киев А. К. Закржевскому, следующего содержания: «Вы удивитесь, когда узнаете, что произошло со мной за это время. Одессу я, к счастью, окончательно оставил, и теперь пишу вам из Москвы, где я уже вторую неделю. Выбросила меня из Одессы несчастная (счастливая) случайность. За старые грехи у меня теперь очень сложные счета с администрацией (подлежу ссылке в Томскую губернию). Если бы я не улизнул из Одессы вовремя, то теперь бы уже гулял по этапу в сии неприветливые страны. Выручил, однако, случай: как раз в тот момент, когда в Одессе пришли меня арестовать, я был в Петербурге, и только потому теперь на свободе. Естественно, что у меня нет ни малейшего желания быть обывателем Томской губернии, а потому я и перешел на нелегальное положение. Думаю продержаться таким образом до тех пор, пока, путем страшно сложных хлопот, не удастся добиться отмены ссылки. Есть надежда, что это удастся. На первое время сохраняю связи с «Одесским листком», а там будет видно, что Бог даст. Адресуйте мне так: Москва, 9 почтовое отделение, до востребования Владимиру Павловичу Матвееву».

Это подозрительное письмо было доложено директору Департамента полиции, а он положил резолюцию: «Выяснить его». Тотчас же полетели предложения выяснить автора письма начальникам Московского, Одесского и Санкт-Петербургского охранных отделений. Выяснение не потребовало больших трудов и усилий. 14 ноября начальник Московского отделения доложил Департаменту полиции, что «по

документу на имя Владимира Павлова Матвеева проживал в Москве с 22 августа Иван Яковлев (Морицев) Дриллх, родившийся в 1879 году, журналист, лютеранин, который был обыскан и арестован».

В этот момент Дриллх находился в таком положении. За газетную статью он был присужден Киевской судебной палатой к заключению в крепости на один месяц. На его несчастье, он был австрийским подданным, и, как опороченный по суду иностранец, не имеющий связи с отечеством, по постановлению киевского, волынского и подольского генерал-губернатора был подвергнут ссылке в Томскую губернию. От ссылки он бежал и проживал по нелегальному паспорту. 14 октября Дриллх был арестован. Полковнику Заварзину его действительное положение было известно в точности, и Заварзин поставил перед Дриллхом дилемму: или ссылка по этапу в Сибирь, или жизнь в Москве на положении секретного сотрудника. Дриллх выбрал последнее, и полковник Заварзин мог сообщить Департаменту, что арестованный 14 октября Дриллх «на основании чисто агентурных соображений 18 октября из-под стражи освобожден». Сделка состоялась, и Дриллх был наречен «Блондинкой».

Так уловлялись нестойкие люди в жандармские сети.

ОХОТА ЗА МАСОНАМИ, ИЛИ ПОХОЖДЕНИЯ АСЕССОРА АЛЕКСЕЕВА⁶²

1

Когда греки не в силах были разрешить запутаннейшее и сложнейшее действие трагедии, они прибегали к помощи божества. Правительственный ум не всегда мог осилить исторический процесс, результатом которого являлась революция. И тут на помощь, как неоцененный клад, приходило предание о масонстве. Масонство — *deus ex machina*⁶³. Оно таинственно и неуловимо, оно вездесуще и всемогуще. Известна роль масонства в России XVIII и начала XIX века, известно, что на Западе масонство не умерло. Почему же не предположить, что оно влияет и у нас на ход нашей политической жизни? Почему не предположить, что все либеральное и социалистическое движение создано этой могущественной организацией? Революционное движение в России традиционная правительственная мысль всегда связывала с еврейством. Евреи рассеяны по всему миру, в то же время связаны между собой крепкой религиозной связью. Так и масоны, которые к тому же интернационалисты. Неудивительно появление слова «жидо-масон». Об этом слове шептали все правые газеты. Оно с завлекающей простотой объясняло им все запутаннейшие ходы жизни и то главное, чего они боялись и от чего ждали своего конца, — революцию.

«Христианско-арийской цивилизации объявлена беспощадная война, — пишет одна из правых газет, — организованное масонами международное «сверхправительство» достигло к началу XX века такого могущества и влияния, что борьба с ним в одиночку не по силам даже таким колоссам христианской государственности, каковыми являются Россия и Германия. Подчинив своему влиянию почти всю романскую расу, масоны сосредоточили сейчас все свое внимание на «обработке» германских и славянских народностей, попутно поддерживая революционное движение и в магометанских странах. Под маской борьбы за «свободу» и под прикрытием теории демократизма, радикализма и социализма, масоны объявили войну христианской религии и монархическому принципу, являющимся основами арийско-христианской цивилизации и арийско-христианской государственности»⁶⁴.

В «Русском знамени» писали: «Человечеству угрожает

новая опасность... Международный жидовский санхендрин, существовавший до сих пор только тайно, превращается в явное и всеми признанное учреждение, которое будет первым шагом на пути жидовского всемирного господства, первым признанием всеми государствами высшей власти жидовства... Страшные сказки воочию осуществляются жидо-масонством, идущим твердо и неуклонно к тысячелетней своей цели, то есть к порабощению всего человечества под ноги торжествующему жиду и к превращению всех народов в полных и покорных рабов народа богоубийц и сумасшедших преступников».

Осуществление «страшных сказок» — в организации международного трибунала, потому что, «силою вещей жидовское племя, смешанное с другими народами и избираемое ими в свои представители по незнанию, подкупу или обману, несомненно, получит большинство в «международном судилище»; большинство это будет решать все вопросы не так, как велит общечеловеческая справедливость, а как приказывают жидовские «выгоды»... А между тем, появится фактическое признание жидовского санхендрина главным, решающим судьей, суперарбитром всех разноплеменных конфликтов». Газета больше всего боится, что «безвозвратно будет признан принцип главенства гаагских судей над правителями и монархами — главенства жидовского племени, распоряжающегося в Гааге судьбами других народов».

Масонство — козлище отпущения, но оно и печать проклятия.

Когда пишут статью против Гермогена, говорят, что к нему присосалась жидо-масонская печать. Сторонники масонства провели аннексию Боснии и Герцеговины. Масонство обосновалось во французской армии; боятся, чтобы оно не проникло в русскую, и кричат: «Берегите русскую армию! Масон идет!» Публицист «Русского знамени» не жалеет красок при описании «разврата», который внесло масонство в армию нашей союзнницы. Не столько радикальные газеты, но даже «Голос земли», издававшийся в Петербурге при участии профессоров Озерова, Введенского и Ходского, считается масонским органом. Наконец, «назови г. Сазонов свою газету «голосом английских масонов» или «звоном масонского золота», был бы хоть смысл», — говорит «Земщина». Гучков — явный масон⁶⁵. «Вестник Союза русского народа» пишет: «Английские масоны сокрушенно вздыхают по поводу того, что английский король Георг V не пожелал до сих пор стать масоном, и утешают себя воспоминаниями о покойном Эдуарде VII, бывшем ярым масоном и состоявшем в должности великого мастера английских масонских организаций в продолжение 26 лет. Сожалея о том, что ни Вильгельм, ни король Георг V не принадлежат к масонству, масонская печать с удовлетво-

рением отмечает, что зато брат германского императора принц Генрих Прусский состоит великим мастером германских масонских организаций, а двоюродный брат короля английского принц Артур Коннаутский состоит великим мастером английских масонов.

Далее, коронованными масонами являются, по словам масонской печати, принц Генрих Нидерландский, король норвежский, король датский, король шведский, король греческий, король вюртембергский и так далее. Германский император Фридрих состоял великим мастером германского масонства в продолжение последних тридцати лет своей жизни. Затем покровителем германских масонов состоял брат императора принц Леопольд Прусский. Он был избран в 1894 году великим мастером английского масонства. В заключение отметим, что все президенты Северо-Американских Соединенных Штатов, начиная с Георга Вашингтона и кончая Рузвельтом и Тафтом, были масонами. Исключение составил только один президент Джон Адамс, осмысливший преступную сущность масонства и воздвигнувший против американских масонов грозные гонения. За это Адамс лишился поста президента и... «скоропостижно умер». В теперешнем американском сенате имеется 87 процентов сенаторов-масонов, а в нижней американской законодательной палате числится 80 процентов масонов»⁶⁶.

Другая газета «Союза русского народа» рассказывает, будто «во время прений в палате об уничтожении церкви большая часть депутатов, даже социалистов, не соглашалась «на одну» статью. Жорес, Клемансо, Вивиани, Бриан, Аллеман с Бриссоном во главе (наши Гегечкори, Преображенский, Маклаков с Милюковым) яростно, но тщетно настаивали на этой «свирепой статье». Дело было бы проиграно, ибо все спорили, кричали и не уступали ни за что. Но вдруг... произошло нечто необыкновенное. Бриссон сорвался с места. Его длинные, большие руки поднялись. Быстро зашевелились пальцы, производя в воздухе над гудевшим собранием, точно угрожая ему, странные кабалистические знаки. Палата на мгновение замерла... Многие лица побледнели. Многие головы поникли. Знаки эти был масонский *signe de detresse*⁶⁷ — призыв на помощь в крайности. Шум затих, закон был принят! Эти заговорщики, собирающиеся в подземельях и исполняющие разные таинственные приказания глав, отлично дисциплинированы, и масон скорее умрет, чем ослушается «знака»⁶⁸.

Кто знает манеру покойного президента палаты широкими жестами умирять страсти, тот невольно улыбнется хитрым заподозреваниям черносотенного писателя. Очевидно, и они порою бывали не чужды своеобразной «романтики»!

От франк-масонства — «неправедный суд», вырождение французской нации от проведения ею в жизнь неомальтузи-

анских идей. Связь португальских и турецких революционеров с масонами была подхвачена с радостью. «Современная Португалия представляет печальное и поучительное зрелище страны, в которой масоны захватили, наконец, полную, неограниченную власть». Благодаря им «церкви начинают закрываться». Страдают не только духовные блага: «Масонское хозяйничанье совсем не способствовало экономическому подъему Португалии». «Масонское правительство допускает на государственные должности только масонов». Так страшат «Санкт-Петербургские ведомости»⁶⁹.

Какие факты были у черносотенных газет относительно распространения масонства в России? Н. Краниев в «Московских ведомостях», а Бутми в «Земщине» подробно описывали масонство начала прошлого века, прибегая к солидным источникам. Конец обстоятельной статьи Бутми сообщает: «В начале 1909 года в английской статье сообщалось о торжественном восстановлении в Петербурге великой ложи Астрея, в состав которой вошли многие высокопоставленные лица, члены Государственного Совета и Государственной Думы (из коих далеко не все принадлежат к кадетской партии)»⁷⁰. «Вече» доносит: «Кедрин простер свою иезуитскую откровенность до признания, что он принадлежит к одной из масонских лож, но только заграничных»⁷¹. «Виленский вестник», упомянув, что «Союз освобождения» состоял в самых оживленных сношениях с масонскими ложами Франции, пишет: «Для любознательного наблюдателя на фоне повседневной жизни вырисовываются факты, несомненно указывающие, с одной стороны, на попытки возродить у нас погасшее вместе с усмирением декабристов масонство, с другой — на то, что эти попытки приносят известные результаты. В Москве с 1 января 1908 года П. Чистяков стал издавать «двухмесячный» журнал «Русский франк-масон» («Свободный каменщик»). Журнал этот, как значилось в его программе, посвящался «всем ищущим справедливого иоаннитического масонства в первых трех степенях его» (ученик, подмастер или товарищ и мастер)... В конце 1908 года, одновременно с прекращением издания журнала «Русский франк-масон», в издававшемся тем же Чистяковым еженедельном журнале «Ребус», посвященном спиритизму и оккультным наукам, появилось сообщение о том, что при редакции «Ребуса» предполагается организовать кружок лиц, интересующихся масонством, с целью его теоретического и практического изучения. П. Чистяков предполагал легализовать этот кружок в порядке закона 4 марта 1906 года об обществах и союзах, но, встретив отрицательное отношение к своей затее со стороны местной власти, решил, как он заявил, «обождать». Кружок этот, тем не менее, образовался. В марте 1910 года в Петербурге в зале Тенишевского училища В. Филатов в публичной лекции распиная за «вы-

сокий духовно-нравственный и глубоко-религиозный» характер масонских идей, в то время, как конвент 1886 года «Великого Востока» Франции совершенно изгнал из обращения даже обычную формулу масонов: «Во славу великого зодчего Вселенной». О политической роли масонства лектор не обмолвился ни словом. Г-жа Овчинникова-Архангельская в своей публичной лекции, прочитанной там же в декабре 1910 года, была более откровенна. От нее мы услышали, что масонство представляет собой социальную силу, которая всегда стремилась к «освобождению человечества от уз»; что она подготовила Великую Французскую и другие европейские революции; что Мирабо, Дантон и другие деятели революции были членами масонских лож, и тому подобное. «Масонство давно уже стучится в дверь России, — восклицала г-жа Овчинникова-Архангельская в конце своей лекции, — и мы надеемся, что, наконец, дождемся легализации, так как Россия — страна конституционная, в которой должна быть допущена свобода совести, слова, печати и собраний <...>

Все эти выступления убедительно говорят о том, что масоны из всей силы стремятся приобщить Россию к «благам» масонства. Кто хоть поверхностно знаком с иностранной масонской литературой, тот знает, что эти стремления принесли уже осязательные результаты. Многие наши видные общественные деятели состоят членами французских масонских лож, указке которых надо приписать многие их выступления и поступки. Итак, масоны дружным походом идут на Россию»⁷².

В «Русской земле» какой-то досужий «историк русской литературы» доказывает на примерах словесности, что «среди нашей интеллигенции существовал и заговор, и тонко обдуманный план». Оказывается, Горький, «человек очень осведомленный», предсказал в «На дне» всеобщую забастовку, а в «Буревестнике» за 1905 год Чехов уверенно говорил о конституции в России. Десять лет до нее, еще в девяностых годах, литература выводила ссыльных положительными типами, Художественный театр показывал, как «режут Цезаря», Шаляпин пел «Короля и блоху» и тому подобное. Затем персидская и турецкая революция... «Однородные явления вызываются однородными же причинами. И если в разных государствах народам навязывают совершенно чуждый им политический строй, то надо искать общей причины, а не совпадений. И вот этой общей причиной является настойчивая, упорная работа масонов, направляемая умелой рукой из одного центра»⁷³. Таковы мудрые заключения «историка». Это не удивительно. «Колокол» объясняет, что порнография Анатолия Каменского⁷⁴ также имеет своим источником жидо-масонство⁷⁵. С этими вседержителями связывают даже секту мариавитов⁷⁶.

Остроумный фельетонист «Нового времени» вспоминает героя Тургенева, принадлежность которого к масонству определялась длинным ногтем на мизинце. «В Петербурге оказался живой франк-масон. Господин Кедрин заявил интервьюеру о своей высокой третьей степени «мастера», полученной им в некоей парижской ложе», — пишет «Ник Никэ» и добавляет: «Что же такое современное масонство во Франции, с его рыцарскими степенями, лентами, орденами, патентами, восхождением по градусам? Весьма нечто похожее на русскую бюрократию с ее табелями о рангах, построенными на дважды семеричном числе, со многими степенями рыцарских орденов... Нравственный и умственный склад нашего чиновничества — совершенно масонский: то же чинопочитание, послушание, высокий дар молчания, хранение «королевского секрета», равнодушие к религиозным и национальным отличиям, братский космополитизм в своей среде»... Перебрав другие черты сходства⁷⁷, автор говорит: «Право, французские масоны и г. Кедрин не более таинственны, чем наши мастера табели о рангах». «Киевская мысль» в статье «Фармазоны» указала, что «довольно усиленную агитацию в пользу масонских лож повел было старик Суворин»; паника перед фармазоном — паника невежества. Азов в «Речи» издевается над ней: «Говорят, масонами заинтересовался и занялся вплотную сам г. Курлов, но и у него ничего из этого занятия не вышло, кроме докладной записки. Говорят еще, что г. Курловым⁷⁸ был составлен список выдающихся масонов. Ну что же, «чкнись на укупи», как говорит один из персонажей Успенского. Истинно русские люди «чкнулись» было уязвить С. Ю. Витте, которого они почитают чем-то вроде масонского папы, но из этого ровно ничего не могло выйти. Самое скверное во всем этом деле то, что никто не может объяснить, в чем, собственно, виноваты масоны... Это что-то вроде буки, которого взрослые выдумали для детей. Вот придет бука и заберет шалуна. Но вот в чем вопрос. Верит ли шалун в существование буки? Верят ли истинно русские люди в существование масонов? Если не верят, хорошо притворяются. Не отпустят ли чего дополнительно на борьбу с масонами?» На одной газетной вырезке из «Русского знамени», хранившейся в Департаменте полиции, со статьей, сравнительно менее интересной, но принадлежавшей, очевидно, Дубровину⁷⁹, жандармский знаток масонства Мец⁸⁰ написал: «10 октября 1908 г. я разговаривал с А. И. Дубровиным лично по поводу этой заметки, причем он сказал, что Департаменту полиции больше никаких сведений о масонстве давать не будет потому, что сообщения его, переданные конфиденциально М. Т.⁸¹, были известны в масонских группах на следующий же день. Мец». В статье — донос на Катловкера, Табурно и октябристов, Кедрина. А кроме того — стишки:

В половине октября,
Адским пламенем горя,
Чесноком благоухая
И селедкою рыгая,
Препоганейшая мразь
В Петербурге родилась...

Немудрено, что все эти вопли заставили Департамент полиции приступить к расследованию таинственного преступного сообщества. Было создано «дело» о масонстве. Придуманное для развязки действия божество устрало самих режиссеров театра. Они забыли про машины, которыми приводилось это божество в действие, и решили, что избавиться от него можно, только изучивши его природу. Изучение решили вести на научном основании. Для этого-то и был приглашен некий Алексеев⁸², с глубокомысленными похождениями коего нам и предстоит познакомиться.

2

Докладная записка, составленная в Департаменте полиции, следующим образом описывает историю дела. «Во исполнение возложенного поручения, коллежский асессор Алексеев 7-го минувшего октября (1910 года) выехал в город Берлин, центр всемирного израильского союза, деятельность которого находится в тесной связи с деятельностью масонства. Возобновив старые связи с литературным миром Берлина (коллежский асессор Алексеев несколько лет тому назад слушал лекции в местном университете), он стал подыскивать среди него лиц, могущих принести пользу при изучении интересующего вопроса. Выбор остановился на одном из них, профессия коего — Schriftsteller, писатель, исполняющий всякого рода заказы: ученые трактаты, брошюры, доклады и тому подобное по известной, всегда крайне широкой специальности. Данное лицо всегда писало очень много о политической и экономической жизни Германии и России, и многие его труды, подписанные заказчиком, стяжали последнему немалую известность.

Работая в течение целого ряда лет на литературном поприще, он приобрел большую эрудицию, в особенности по вопросу о еврействе. Ввиду сего коллежский асессор Алексеев поручил ему собрать нужные материалы и сведения и составить компактный труд относительно всемирного израильского союза и его деятельности. Указанная работа обнимает листов 70—80, обойдется в 500—600 руб. «Сделав это дело», Алексеев выехал в Брюссель, чтобы повидать там отца Пирлинга, к которому он, согласно приказанию, обратился от имени великого князя Александра Михайловича. Аббат, прекрасно гово-

рящий по-русски, принял его очень любезно и радушно, указал на то, что единственным пособником в ознакомлении с масонством может быть лишь Антимасонская ассоциация (*Association Antimaçonnique*), и снабдил рекомендательным письмом к секретарю названного общества аббату Турмантэн (*J. Tourmantin*).

Затем Алексеев отправился в Париж. Товарищ министра внутренних дел Курлов телеграфировал об этом заведующему заграничной агентурой: «Благоволите оказывать полное содействие командированному за границу для изучения масонского вопроса Алексееву. Случае надобности снабжать его деньгами. Одновременно сим переводится ваше имя выдачи ему тысяча рублей».

Доклады Алексеева об его научной деятельности очень любопытны.

В своей записке № 1 от 22 октября—5 ноября 1910 года коллежский асессор Б. К. Алексеев почтительнейше доносит генералу Курлову нижеследующее:

«Я приехал в Париж 14 (27) октября и немедленно же начал попытки ознакомления с деятельностью «Великого Востока» Франции, поскольку деятельность эта касается России. С первых же шагов мне стало ясно, что проникнуть в замыслы здешнего масонства еще труднее, чем я предполагал. Я сильно рассчитывал, что мне удастся узнать кое-что от некоторых знакомых мне парижан-масонов. Самым осторожным образом я старался их допросить, но не добился никаких сведений. Наконец, один из них — писатель, считающий меня своим коллегой, — после обильного ужина и уже в нетрезвом состоянии пустился в некоторую откровенность.

— Я вижу ясно вашу игру, — сказал он, — вы хотите раздобыть тут сведения, чтобы по приезде в Россию пустить соответствующую брошюру (*lancer une petite brochure*). Это очень неглупо, а главное, кстати! Как раз теперь масонство популяризируется в России, и такая брошюра может выдержать много изданий... Только я вот что вам скажу: у масонов вы ничего не узнаете, — и не потому, что они не захотят сказать, а потому, что $\frac{9}{10}$ из них сами ничего определенного не знают. Так, например, я лично занимаю довольно видное положение в ложах, а могу вам по совести сказать, что знаю лишь то, что наш «Великий Восток» с недавних пор имеет какую-то связь с Россией, что он всячески старается привить масонство в вашей стране и, кажется, открыл уже в России несколько лож. Больше я ничего не знаю.

Я заявил на это, что даже если бы он знал больше, — он бы всего мне не сообщил.

— Вы ошибаетесь, — ответил он, — законспирированность наша до этого не доходит, да и не может дойти. Масонство включает в себя людей всевозможных политических убежде-

ний, и нельзя требовать от человека, чтобы он держался абсолютной тайны в том, что противно его взглядам. Лично я — беспартийный писатель, и по убеждениям менее всего сторонник социализма и революций. В силу этого, вряд ли я мог бы быть полезным для «красных» целей «Великого Востока»; скорее наоборот, — я мог бы, благодаря роду своих занятий и своей беспартийности, помешать их планам какой-нибудь несвоевременной оглаской, от которой трудно воздержаться писателю. Это отлично понимают масонские начальники, и такие щекотливые политические вопросы, как распространение масонства в России, держатся нашими главарями в глубокой тайне даже от своих же братьев-масонов. Добиться же чего-нибудь от наших главарей вам никогда не удастся, потому что тут-то, среди них, и кроется та изумительная законспирированность, которая делает нас двигателями всей мировой политики.

— Вы мне сообщили уже нечто новое, — сказал я. — По вашим словам, «Великий Восток» преследует по отношению к России «красные» цели?

— Ну, это и младенцам ясно, — ответил мой собеседник. Весь расчет масонов состоит в том, чтобы управлять политической каждой отдельной страны. В монархических государствах они помогают и поощряют революционный элемент, приготавливая из них в будущем послушное себе правительство. Посмотрите на все перевороты последнего времени: все они обязаны «Великому Востоку», и всюду вы увидите один и тот же прием, один и тот же план. Такой же план будет проводиться и, наверное, уже проводится по отношению к России! Борьба с масонством бесполезна — это показала история. В этой борьбе силы неравны. Масонство открывает свои карты, когда все подготовительные работы его закончены, и бьет наверняка, а правительства всегда бывают настигнуты врасплох.

Я не скрыл от моего собеседника, что многие из его суждений кажутся мне довольно странными в устах масона, и что я не совсем понимаю, почему он поступил в масонство, когда взгляды его во многом расходятся с задачей «Великого Востока».

— Видите ли, — ответил он, усмехнувшись, — нужно быть прежде всего практиком в жизни. Масонство сейчас во Франции — это страшная сила, это — все, и я преклоняюсь перед ним. Это уже достаточная причина. Прибавьте к этому, что масонство имеет один громадный плюс (*un immense attrait*⁸³): оно неизменно и верно помогает всем своим членам, выручая их всюду и всегда.

Когда мы уже прощались, мой собеседник как будто вспомнил что-то и задумчиво проговорил:

— А ведь я, пожалуй, мог бы указать вам кое-кого, кто в состоянии дать вам даже более того, что вы ожидаете...

Некоторое время он, однако, колебался и не решался говорить свои мысли. Наконец, после долгих уговоров, он назвал мне то лицо, которое являлось, по его мнению, единственным источником нужных мне сведений: это лицо — аббат Ж. Турмантэн (J. Tourmantin), секретарь того самого антимасонского общества, о котором я имел честь не раз докладывать вашему превосходительству.

— Аббат Турмантэн — это *bête noire*⁸⁴ масонства, — пояснял мне вполголоса мой собеседник. — Он запасся в учреждениях «Великого Востока» такими ходами и выходами, что ему доступны самые сокровенные тайны наших начальников. Я не могу вам сказать, какими путями он получает эти тайны; во всяком случае, у него под рукой изумительно искусные агенты, а законспирированность всей его организации составляет предмет удивления даже масонов. До сих пор «Великий Восток», все нужные карты которого раскрываются аббатом Турмантэном, не может, несмотря на все старания, подкопаться под гибельную для масонства организацию. Осторожно, исподволь собирает аббат Турмантэн сведения, и в один прекрасный день, как снег на голову, появляется громовое разоблачение какого-нибудь ультрасекретного масонского плана. Мне нередко приходится наблюдать, в качестве безучастного зрителя, как иногда наши главари беснуются, как удесятятряют осторожность, и как все-таки, в конце концов, аббат Турмантэн и его агенты докапываются до самой сути сокровенных замыслов. Я вам советую обратиться к нему за сведениями, хотя предупреждаю вас, что он, кажется, не особенно любезно и доверчиво принимает просителей. Во всяком случае — попытайтесь! Кроме аббата Турмантена и всей его организации, вам никто не сможет ничего сказать. Если же он захочет, он сумеет вам открыть все карты масонской игры, и тогда ваша брошюра может принести вам недурной доходец!

Весь разговор этот я почти сейчас же записал и позволяю себе привести его дословно, боясь, что от вольной передачи некоторые выражения потеряют свою характерность.

Непосредственно за сим я направился к некоторым писателям, известным своими антимасонскими сочинениями. Все они, точно сговорившись, указали мне на того же аббата Турмантена и на его *Association Antimassonnique*, являющуюся единственным серьезным врагом масонства. Еще будучи в Брюсселе, я слышал про аббата Турмантена от отца Пирлинга, который отзывался о нем в самых лучших выражениях. Желая облегчить мне далеко не легкий доступ к секретарю антимасонского общества, Пирлинг снабдил меня рекомендательным письмом к аббату Турмантэну, представляя меня в качестве любознательного исследователя. Убедившись, что помощь в моем деле я могу получить исключительно от абба-

та Турмантэна, я явился к нему в его бюро, но не застал аббата дома. Тогда, не желая терять времени, я направился к самому председателю Association Antimaçonique — сенатору, вице-адмиралу, графу де Кювервиллю, — с намерением просить его содействия в выяснении некоторых интересующих меня вопросов о русском масонстве. Граф де Кювервилль откровенно сознался мне, что, ненавидя масонов и состоя председателем антимасонского общества, у него «нет времени» прочитывать попадающие в его общество документы, и что рычагом и создателем этого общества является секретарь его — все тот же аббат Турмантэн, к которому граф и просил меня обратиться. Было ясно, что сенатор, вице-адмирал, граф де Кювервилль покрывал только своим титулом и званиями общество, а что работником и двигателем Association Antimaçonique являлся аббат Турмантэн, к которому меня направляли со всех сторон. После разговора с графом де Кювервиллем я направил все мои старания к тому, чтобы увидеть аббата Турмантэна, но мне удалось добиться свидания с ним лишь через три дня, так как аббат, доживая последние дни на даче, редко посещал Париж».

Здесь, на самом интересном месте, кончалась первая записка коллежского асессора Бориса Алексеева; продолжение следовало во второй, отправленной на другой день, 23 октября—6 ноября 1910 года.

3

В докладной записке № 2 коллежский асессор Б. К. Алексеев рассказывал почтительнейше генералу Курлову о переговорах своих с аббатом Турмантэном:

«Как и следовало ожидать, несмотря на рекомендательное письмо Пирлинга, аббат Турмантэн отнесся ко мне с большой недоверчивостью. Разговоры наши были очень продолжительны, и я употреблял все усилия, чтобы добиться возможно большей откровенности. В конце концов аббат Турмантэн стал проявлять ко мне достаточную любезность, но, тем не менее, видя во мне лишь частного человека, он вовсе не намерен удовлетворять мою любознательность. Мне с большим трудом удалось добиться тех немногих сведений, которые я привожу ниже. Разговоры мои с аббатом Турмантэном принесли, однако, одну крайне существенную пользу: они выяснили вполне определенно тот единственный путь, которым можно пользоваться, чтобы пролить яркий свет на современное положение масонства в России.

Сведения, которые мне удалось получить», сводятся к нижеследующему.

Антимасонское общество основалось еще в 1893 году под

названием *Comité Antimaçonique*; с 1902 года общество это стало именоваться «*Association Antimaçonique*», под которым названием оно ныне и работает. Цель общества — изучать и разоблачать, путем устной и письменной пропаганды, философское, социальное и политическое влияние франк-масонства и других тайных обществ (статья 2 устава общества). Для этой цели общество употребляет почти исключительно метод документации и направляет все свои усилия на то, что «разоблачать 1) те издания, которые масонство скрывает с особенным рвением, 2) масонские постановления (согласно достоверным протоколам), наконец, 3) состав масонства, то есть имена его членов, несмотря на все те предосторожности, которые ими соблюдаются, чтобы скрыть свою принадлежность к союзу». Членами *Association Antimaçonique* состоят депутаты (*de Gailhard-Bancel, comte de Ludre, comte de Ramel, baron Am. Reille*), сенаторы (*comte de Lac Cases, de Marcère, comte de Cuverville, Dom. Delahage*), генералы (*Allard, Gouse, de l'Estapis, Ramotowsky, Roget, de Taradel*)⁸⁵, адвокаты (*Maignien, Paul Nourisson, Tastevin de Nouvel*), офицеры и публицисты. Вышеназванные лица составляют бюро общества и открыто выступают противниками масонства. Громадное же большинство членов, носящих название «*sociétaires*» или «*adhérents*»⁸⁶, остаются неизвестными, и имена их нигде не публикуются. Все эти члены, каждый в своей отрасли, работают для общего дела — уменьшения влияния масонства во Франции. Но главное ядро *Association Antimaçonique* составляет секретарь и основатель общества — аббат Турмантэн, которому всецело и безотчетно доверяется вся сложная и трудная тайная организация добывания обличающих масонство сведений.

«Нельзя себе представить, — пишет в отчете о деятельности *Association Antimaçonique* Габриэль Сулакруа, — те предосторожности, которые принимаются масонами, чтобы скрыть от нас, профанов, их годовичные отчеты, циркуляры масонских властей и даже самых скромных лож, протоколы их собрания и некоторые из их периодических изданий... Как, спросите вы, может в таком случае добывать все эти документы наше общество? Это тайна... нашего друга Турмантэна, и я не уполномочен ее раскрывать. Могу вам только сказать, что эти изыскания представляют для нашего бюджета самое тяжелое бремя. Часто приходится, не считая, действовать серебряной отмычкой, единственно способной взломать потайные ящики некоторых лож и некоторых масонских начальников. Это очень большие издержки, но зато и самые необходимые». Секрет аббата Турмантэна — крайне прост: ему служит громадная сеть надежных агентов, надежность которых он успел проверить за 20-летнюю свою деятельность. Почти все агенты у него на месячном жаловании, и имена их никому, кроме

Турмантэна, не известны; для большей безопасности, а кстати для проверки изустно передаваемых сведений, агенты Турмантэна не знают даже друг друга. Агенты рассыпаны по всем углам Франции и даже за границей; некоторые намеки позволяют мне думать, что аббат Турмантэн имеет агентов и в России. Жалованье, получаемое ими, сравнительно небольшое и вменяет в обязанность следить за общим ходом масонской работы и предупреждать о каждом готовящемся замысле. Зато добывание особенно секретных сведений или документов стоит очень дорого и выплачивается единовременно. В настоящее время состояние агентуры Турмантэна блестяще: нет ни одного масонского установления, где у него не было заручки; у него существуют ходы даже к ультрасекретным постановлениям верховного масонства.

Вся деятельность Турмантэна и все средства антимасонского общества направлены на разоблачение масонской деятельности во Франции. Одним из таких разоблачений было шумевшее «*affaire de fiches*»⁸⁷. Занимаясь почти исключительно масонством во Франции, аббат Турмантэн не оставляет, однако, без внимания и некоторые события, относящиеся до других государств. Только события эти отмечаются Турмантэном мимоходом: отдавая все свое время Франции, он не имеет возможности подробно останавливаться на других странах, так как это потребовало бы новых документов, а следовательно, и новых затрат. Тем не менее та небольшая часть его деятельности, которая касается иностранных государств, чрезвычайно интересна и поучительна. В нескольких статьях Турмантэн документально доказывал подготовительную работу масонства в деле революции в Турции. Несколько раз предупреждал он о занесении «Великим Востоком» масонства в Россию. Но интереснее всего почти что пророческая статья его о Португалии. Еще 25 декабря 1907 года Турмантэн писал в издаваемом им журнале «*La Franc-Maçonnerie démasquée*»: «Дела в Португалии идут скверно. Масонство волнует Португалию так же, как Францию и Испанию — ее соседку». Затем статья сообщала, что при приеме в ложу «Космос» великого мастера Магальхеса Лима лозунг был выставлен: «Низвержение монархии, необходимость республиканского строя и установление республики». Заключительные слова статьи были нижеследующие: «Если бы король Португалии захотел бы внять... В особенности урокам истории, он немедленно бы запретил в своем королевстве масонство и тайные общества. Под этим условием он мог бы еще выпутаться из беды; но надо опасаться, что в более или менее короткий срок дон Карлос, свергнутый, изгнанный или убитый, явится новым доказательством могущества масонов». Эта статья, дважды подчеркнутая красным и синим карандашом, была послана португальскому посланнику, который не дал себе, вероятно,

труда прочесть ее или не придавал ей значения. Через два месяца король был убит, а в настоящее время вся предсказанная Турмантэном программа блистательно доведена до конца. Теперь Турмантэн предупреждает, что Испания обречена масонами на ту же участь, что и Португалия, и жалеет, что Альфонс XIII, по-видимому, столь же недалек, как и его сосед. Между прочим, Турмантэн приводит адрес масонского конвента 6 (19) сентября 1910 года, в котором говорится: «Конвент «Великого Востока» Франции счастлив принести единодушное выражение своих симпатий и пожеланий окончательного успеха либералам-испанцам, которые борются в настоящее время с таким отважным рвением за освобождение мысли и отделение от церкви Испанского государства и которые явятся настоящими мстителями за мученика Феррера». Все подобные сведения представляли бы исключительный интерес, если бы они не носили отрывочного характера. Но, сосредоточась на одной Франции, аббат Турмантэн дает вполне законченную и цельную картину только касательно своей родины. Это вполне естественно, так как средства, на которые аббат Турмантэн добывает свои сведения, даются французами на разоблачение масонской деятельности во Франции только. Должен сознаться, что эти последние сведения доставляются Турмантэну его агентами с изумительной аккуратностью и быстротой. Он показал мне, например, письмо из одной берлинской ложи, которое, судя по штемпелю на конверте, могло попасть по назначению во французскую ложу лишь накануне. Обсуждение этого письма во французской ложе предполагалось через четыре дня, и уже у Турмантэна были в руках два экземпляра повесток, которые не ранее того же утра были получены масонами-адресатами.

Что же касается до России, то она, как и все другие «иностранн» государства, не подвергалась Турмантэном специальному изучению; но наряду со многими документами, касающимися Франции, не раз попадались данные, относящиеся и до России. Нужно заметить, что Россия находится у «Великого Востока» в исключительном положении: в силу запрета у нас масонских обществ — все, что касается русского масонства или иностранного масонства в России, оберегается с невероятными предосторожностями и содержится в глубокой тайне у начальников «Великого Востока». Так как до сих пор Турмантэну не представлялось особой нужды в добывании каких-либо сведений о России, то он не старался никогда доискивать о ней сведения, тем более, что сведения эти, ввиду особой их секретности, обошлись бы крайне дорого. Тем не менее, после долгих и многих распросов, Турмантэн дал мне все-таки кое-какие данные, которыми, впрочем, я думаю, не исчерпывается имеющийся у него запас.

Масонство в настоящее время в России вполне организовано; у нас имеются три правильные ложи: в Санкт-Петербурге, в Москве и в Варшаве, которые находятся в зависимости от «Великого Востока» Франции. Началом распространения масонства в России послужил прием нескольких русских в парижские ложи «Великого Востока». Русские эти стали обсуждать с некоторыми главарями «Востока» о возможности насаждения масонства в России, — и в результате два видных французских масона отправлены были в Россию для открытия там масонских лож. Узнав об этой поездке, аббат Турмантэн послал своевременное предупреждение, но при этом произошла ошибка. Одновременно с поездкой в Россию была организована поездка в Алжир, куда отправиться должны были братья Лаферр и Вадекар. Первое время Турмантэн думал, что эти два лица именно и отправляются в Россию, почему он и пометил в своем предупреждении имена Лаферра и Вадекара. Как только ошибка выяснилась, Турмантэн немедленно известил русское посольство о точных именах едущих в Россию масонов, но посольство, по-видимому, не дало этому сообщению никакого хода, так как русская полиция, как явствует из одного департаментского дела, находящегося у меня, организовала наблюдение только за Лаферром и Вадекаром, которые так в Россию и не приезжали. Вот все, что мне удалось, и то с большим трудом, выпытать у Турмантэна; никаких имен он дать мне не захотел, хотя я прекрасно знаю, что многие имена ему уже известны.

Убедившись в том, что при настоящем положении вещей аббат Турмантэн больше мне ничего не скажет, — я поднял вопрос о том, насколько вообще возможно полное освещение масонского вопроса в России. Совершенно определенно и категорично Турмантэн заявил мне, что можно узнать решительно все, но для этого нужна крупная денежная затрата, непосильная для бюджета отдельного частного лица. Узнав, что я служу в министерстве внутренних дел, Турмантэн посоветовал мне заинтересовать этим делом правительство и добиться от него полномочий.

— Время для этого, — сказал он, — весьма подходящее: я наверное знаю, что масонством сильно интересуется государь император и премьер-министр.

Я ответил Турмантэну, что я постараюсь поставить дело так, как он советует. Тогда Турмантэн стал развивать свою мысль далее.

— Я очень люблю, — сказал он, — Россию и ее царя и с удовольствием буду для нее работать. Моя агентурная организация — единственная в своем роде и достаточно известна в кругах, интересующихся масонством, чтобы я был избавлен от необходимости ее восхвалять! Дайте мне средства — и я представлю вам всю подноготную масонства.

По мнению аббата Турмантэна, дело должно быть поставлено следующим образом. Прежде всего, он должен быть уверен в моей надежности, почему он очень просил меня, в случае, если мне удастся заинтересовать правительство, заручиться прежде всего хоть полуофициальным удостоверением. Тогда Турмантэн сможет открыть мне еще кое-какие данные, которые помогут мне ориентироваться в масонском вопросе. Затем для полного освещения масонской деятельности касательно России необходима: 1) крупная единовременная сумма, которая должна пойти на агентурные расходы по добыванию имеющегося материала, и 2) ежегодная небольшая субсидия антимасонскому обществу на предмет установления систематического наблюдения за всеми делами масонства, касающимися России; эта субсидия пошла бы на увеличение жалованья соответствующим агентам. Из обеих этих сумм в пользу Association Antimaçonique не поступает ничего. Турмантэн намекал, что за помощь, которую это общество будет оказывать русскому правительству, это последнее может всегда отблагодарить, путем внесения небольшой суммы на главную цель Association Antimaçonique, то есть на разоблачение масонской деятельности во Франции. Сам же он лично был бы крайне счастлив получить от правительства какой-либо русский орден.

Все сведения, которые мне удалось собрать с различных сторон про аббата Турмантэна, показывают, что это человек высокодейный и честный. Мне кажется, что для нас он большая находка, и согласие его работать для русского правительства — большая удача, так как до сих пор Турмантэн, весь отдавшись служению своей родине, отказывался от всяких работ для других правительств. Если принять при этом во внимание, что, судя по всем данным, распространение масонства в России идет быстрыми шагами и что, по мнению всех компетентных лиц, усиленно конспиративный характер русского масонства привлекает в его ряды весь недовольный, оппозиционный элемент, то полное освещение этого тревожного вопроса, вызвавшего недавно перевороты в Турции и Португалии, представляет крайнюю и неотложную необходимость. Своими средствами и людьми сделать ничего нельзя: пришлось бы действовать ощупью, искать источники и ломиться в закрытые двери, причем вряд ли возможно бы было избежать огласки. В лице же аббата Турмантэна русское правительство приобретает уже готовую, сильную, испытанную и донельзя законспирированную организацию, с помощью которой нетрудно будет осветить все опасные для нас замыслы «Великого Востока». План аббата Турмантэна имеет, по моему мнению, только один недостаток: необходимость крупной единовременной затраты. Я думаю, однако, что затрата эта, произведенная опытной рукой, будет все-таки меньше тех из-

держек, которые должно будет понести русское правительство при установлении собственной агентуры.

Все вышеизложенное имею честь представить на благоусмотрение вашего превосходительства, причем почтительнейше испрашиваю подробных инструкций к 3 (16) ноября, когда у меня назначено следующее свидание с аббатом Турмантэном. К этому дню аббат Турмантэн обещал представить мне по возможности точный расчет необходимых средств.

Осмеливаюсь также ходатайствовать, чтобы ваше превосходительство оставляли мои донесения у себя и не передавали их даже в Департамент полиции. Имеющиеся у меня на это основания еще недостаточно вески и положительны, чтобы я решился сообщить их вашему превосходительству».

Париж, 23 октября (6 ноября) 1910 г.

4

Третья докладная записка коллежского ассессора Б. К. Алексеева была отправлена 11(24) ноября 1910 года. Ассессор писал:

«Имею честь почтительнейше донести вашему превосходительству нижеследующее.

Некоторые исследователи масонского вопроса высказывали убеждение, что масонство представляет собой великую сплоченную организацию, которую двигает *единый* руководитель. Бесчисленные факты последних лет показали, что это убеждение не соответствует вовсе истине. Сплоченность и единство масонства существовали в самые ранние годы его расцвета, после чего произошел целый ряд расколов. В настоящее время «всемирного» масонства нет; существуют три вполне определенные и разграниченные ветви масонства, играющие каждая свою роль в мировой политике. Эти три ветки — англо-саксонское масонство, французское (или латинских стран) и германское — не только не объединены между собою, но находятся даже с 70-х годов во враждебных отношениях. Масонский орган «l'Asasia», издаваемый одним из видных деятелей французского масонства — масоном высшей 33-й степени Шарлем Лимузенем (Limousin), пишет 12 (25) мая 1906 года, что Лимузен употребляет особые старания, «чтобы положить конец печальным недоразумениям, которые поссорили французских масонов с масонами Германии, Англии и Америки. Рознь с этими последними поднимает интересные вопросы, в курс которых необходимо ввести французских масонов, чтобы они познали значение Ордена на земном шаре, а также и *трудности единения*». Рознь отдельных ветвей масонства заключается главным образом в различно трактуемых вопросах о Боге и в той или другой мере вмешательства в политику.

Англосаксонское масонство отстранилось от французского с тех пор, как это последнее уничтожило в своей конституции «Великого Архитектора Вселенной», то есть идею творца-Бога. Рознь усилилась, когда французские масоны произвели в полном смысле слова политический захват своей страны. С этих пор, несмотря на все усилия французских масонов, — масоны Англии, не оправдывающие «политики своих соседей», категорически отказываются от всякого слияния с ними. После войны 1870—1871 годов произошло разъединение масонов Франции и Германии. В настоящее время французские масоны ведут деятельные переговоры с масонами Германии в смысле тесного объединения, но результатов переговоры эти пока не дали. Три главные прусские ложи, преданные императору, упрекают французское масонство в измене первоначальным принципам союза, то есть, иначе говоря, в неверии и в ведении недопустимой в ложах политики. Вряд ли состоится какое-либо соглашение между германским и французским масонством, тем более, что германские ложи поставили (говорят, по желанию императора) условие, чтобы французские масоны добились установления «*entente cordiale*»⁸⁸. Так или иначе, в настоящее время существуют три разрозненные отрасли масонства. Английское масонство имеет своим верховным начальником короля и представляет собой верную опору великобританской монархии. Германское масонство, три главные ложи которого преданы династии Гогенцоллернов и помогают императору упрочить свою власть во всех немецких княжествах, и наконец, масонство латинских стран, главным руководящим очагом которого является «Великий Восток» Франции, преследующий одну интернациональную цель: установление всемирной республики. Еще до Великой французской революции масонство выставило три цели: уничтожение монархии, уничтожение церкви и разрушение границ (то есть всеобщее разоружение, уничтожение армии и тому подобное). Первая цель во Франции достигнута; отделение государства от церкви подвинуло вторую цель; усиленно проповедуемый антимиитаризм (знаменитое «*affaire de fiches*») подрывает престиж армии... Но «Великий Восток» Франции не довольствуется своей страной и деятельно ведет пропаганду своих разрушительных идей и в других государствах. Насколько успешно ведется эта пропаганда, можно судить по последним событиям в Португалии, Турции и Персии. О роли, сыгранной в этих странах масонством, говорят, не скрывая этого, сами масоны. 22 октября нового стиля 1909 года «Великая ложа» Венгрии (примыкающая к «Великому Востоку» Франции) принимала в Будапеште младотурок турецкого посольства, в честь которых были произнесены речи. Великий мастер венгерской ложи в своем приветствии заявил: «Мы слишком хорошо знаем, что тирания уничтожена лишь

благодаря заслугам турецких масонов». В ответной речи Киазим-Намик-бей отвечал: «Мы никогда не забудем, что именно из масонских лож брызнула искра, которая зажгла порох»... Далее венгерский публицист, масон Сасвари говорит: «Именно у вас (в Турции) масонство достигло того успеха, который будет вечно одним из самых красивых венков его славы». Наконец, Риза-Тефик-бей подтверждает, что «младотурецкий комитет с первого дня своего существования проникся великим масонским духом, который борется с предрассудками и который объединяет различные расы во всеобщем стремлении всего человечества». Этот комитет сформировал в Турции целую армию свободомыслящих (*Libres penseurs*). Он энергично шел на приступ здания, проеденного деспотизмом, подточенного микробами обскурантизма». В июне 1910 года другая младотурецкая делегация была принята «Великим Востоком» Франции и заявила, что недавно основанный «Великий Восток» Турции рассчитывает на «Великий Восток» Франции в деле завершения великих реформ, предпринятых младотурками. В том же заседании масон Комбо (*Combaut*), профессор медицинской школы в Тегеране и мастер тегеранской ложи, работающей под большой тайной, произнес речь о положении масонства в Персии.

Персия, говорил он, находится в критическом положении благодаря руководительству страны русскими. Франция, связанная, к сожалению, с Россией обязательствами, которые ей теперь вовсе не улыбаются, — не может, вследствие дипломатических соображений, прийти Персии на помощь. Вот почему либеральная и масонская Персия обращает свои взоры на Турцию, прося оказать существенную помощь. «Тегеранская ложа одна совершила персидскую революцию», — заканчивает Комбо свою речь, прося в дальнейшем помощи от «Великого Востока» Турции. Этими выборками из речей не ограничиваются, конечно, доказательства о роли масонства в событиях новейшего времени, но и эти выборы, мне кажется, достаточно характерно рисуют эту роль.

По отношению к России «латинское» масонство держится, как я уже имел честь докладывать раньше, с удвоенной законспирированностью. «Великий Восток» Франции сознает, что пропаганда масонства в России сопряжена с большой опасностью, но это не останавливает его, а только заставляет действовать с крайней осторожностью. Что же касается до отношения «Великого Востока» к русской монархии или к русскому правительству, то отношение это, несомненно, отрицательное. В 1896 году масонский орган «*Revue Maçonnière*» выражал желание, чтобы «масонство нашло бы, наконец, в России гостеприимную страну. До сих пор оно не было разрешено в этой стране, и если кто-либо из верных поклонников Хирама захотел бы посадить там чтимую ветвь ака-

ции, то у него было бы много шансов быть отправленным в сумрачный Восток сибирских копеей, в тот ад, где заживо погребено столько благородных жертв» («Revue Maçonnique», октябрь 1896 г., стр. 220). Тогда же высказалось масонство и по поводу приезда его императорского величества во Францию: «Немного более хладнокровия в народных манифестациях, которые встретили царя, — ничему бы не повредило» («Revue Maçonnique», octobre, 1896 г., стр. 218). «Дворцовые поцелуи рук отдались в символические головы Республики так, как будто бы Республика — по крайней мере на одно мгновение — оказалась забытой покойницей...» (ibid., стр. 220). Наконец, масонство высказалось и по поводу самого франко-русского сближения, находя его нежелательным «вследствие политического и социального положения другой договаривающейся стороны» («Revue Maçonnique», август 1897 г., стр. 18).

Первые упоминания о существовании в России масонских лож относятся, по-видимому, к 1903 году. В годовом отчете за этот год «Великого Востока» Франции сказано: «Те несколько лож, которые существуют в России, изолированы и скрыты от взоров» (стр. 284). Вряд ли ложи эти проявляли какую-либо активную деятельность и представляли из себя серьезную организацию. Около 1905 года начинается посвящение «Великим Востоком» русских и причисление их к французским ложам. 13 мая 1905 года были приняты в масоны Иван Лорис-Меликов, врач; Георгий Гамбаров, профессор гражданского права; Михаил Тамамшев, «chargé de cours a L'Ecole russe des Hautes Etudes⁸⁹»; покойный Александр Трачевский, профессор и историк, и Александр Амфитеатров. Немного позднее, 17 июня 1905 г., был принят Евгений Васильевич Аничков — профессор по истории литературы, а 8 июля 1905 года — член первой Государственной Думы Кедрин. Кедрин был принят в ложу «Les Rénovateurs», а остальные принадлежали, по-видимому, к ложе «Cosmos». 30 января 1906 года эта последняя ложа возвела Лорис-Меликова, Гамбарова, Тамамшева, Трачевского, Амфитеатрова и Аничкова в 3-ю степень «мастера». Этими лицами не ограничивается, конечно, число русских, посвященных в масоны: стоит только внимательно прочитать имена 30 000 масонов, заключающиеся в «Масонском репертуаре», изданном антимасонской ассоциацией, чтобы натолкнуться еще на других русских масонов. Там находятся имена: *Ходоровский* (механик), *Дмитрий Дубников* (лирический артист), *Ивановский* (скульптор), *Керков* (промышленник), профессор *Ковалевский*, *Краснов-отец* (комиссионер) и сын (инженер), *Левидов* (издатель), *Райский* (фабрикант), *Розанов*, *Стойков* (студент-медик), *Трирогов* (инженер в Алжире), *Вильбушевич* (публицист), *Вырубов* (литератор), *Зелинский* (врач). Любопытно отметить, что в этом «ре-

пертуаре» встречается большое количество типично армянских имен: Агвинов Эмилий (артист), *Аранджан*, *Арутинян*, *Багадариан* (профессор), Мисаак *Багдассариан* (студент-медик), Рубен *Берберян* (литератор), Назарен *Дагавариан* (врач), *Яникиан* (аптекарский ученик), *Карекин* (?), *Медзадурян* (инженер-агроном), *Мелекиан* (врач), Вагарчек *Месробян* (аптекарь), *Мецбуриан* (служащий по торговой части), *Микаелиан* (ювелир-комиссионер), *Тер-Микаелиан* (в Ницце), Гавриил *Сетиан* (врач), *Цулалиан* (студент в Монпелье) и упомянутые выше Лорис-Меликов, Гамбаров, Тамамшев. В смысле «русских» масонов «Repert. Maç.» Далеко не полный, так как он составлен на основании разных документов и изданий, не трактующих специально о России, как вообще ни о каком другом государстве, кроме Франции.

Все остальные мои сведения крайне обрывочны и сводятся к следующему.

5 августа 1906 года масон Баро-Форлиер (d-r Barot-Forlière), оратор ложи «Работа и Совершенствование» в Анжере, произнес речь, которую закончил внесением некоторых пожеланий: 1) «Адрес распушенной Думе, мученикам и героям русской независимой мысли, которые ежедневно борются и умирают за свое дело», и 2) «Выражение сожаления французскому правительству по поводу согласия последнего на русский заем и по поводу воздержания со стороны парламента от официального признания Думы». Наиболее интересное из имеющихся у меня сведений касается приема 7 (20) сентября 1906 года Кедрина «Великим Востоком». Я позволяю себе представить вашему превосходительству целиком весь номер антимасонского журнала, в котором подробно описывается прием, оказанный Кедрину, и произнесенные на собрании речи. По этим речам можно судить о взглядах «Великого Востока» на русское правительство, которое французские масоны называют «стыдом цивилизованных наций». Все эти речи — грубого, памфлетного характера, — комментариев не заслуживают, и я позволю себе лишь обратить внимание вашего превосходительства на речь Великого Оратора Великой Ложи Франции (с. 142, 1-й столбец).

«...Нам вменяется в долг не только поощрять русских, которые страдают от давящей их тирании, но еще и доставлять им средства победить деспотизм...» Если сопоставить эту последнюю фразу с извещением о том, что 7 мая 1907 года масон Лейтнер дал в ложе «Правосудие» отчет о своей поездке (délegation) в «Комитет оказания помощи русским революционерам» («Bull. Maç.», 4 мая 1907 г.), то можно усмотреть, что фраза Великого Оратора не осталась без выполнения, и что «Великий Восток» тем или иным образом помогает русскому революционному движению. У меня нет данных утверждать, что оказываемая помощь существенна, но, принимая во вни-

мание, что радикальное большинство «Великого Востока» сменяется в настоящее время большинством социалистическим и что на некоторых социалистических конгрессах (например, на конгрессе 1 (14) октября 1906 года в Бург де Пеаге) выставлено требование, чтобы все масоны-социалисты во всех вопросах, обсуждающихся в ложах, «имели *прежде всего* в виду высшие интересы международного социализма», — то в недалеком будущем можно ожидать от «Великого Востока» Франции *самого широкого* содействия противоправительственным планам русских революционных элементов. Что же касается настоящего времени, то по многим признакам «Великий Восток» уже пошел по этому пути, держа все свои решения и действия в строжайшей тайне.

Подобные ультрасекретные решения известны крайне ограниченному числу масонов, составляющих особый руководящий синклит. Руководителями являются масоны, достигшие крупного общественного положения, — главным образом депутаты и сенаторы. Исполнительным органом их и тайной их канцелярией является главный секретариат «Великого Востока», в котором сосредоточены все нити масонской политики. Заведующий секретариатом — главный секретарь — есть главное лицо активного масонства, посвященное во все тайны и хранящее у себя наиболее секретные документы. Уже несколько лет главным секретарем «Великого Востока» состоит Нарцисс-Амедей Вадекар, которому и поручено, между прочим, хранение всей переписки, касающейся России и русских масонов. За пределы секретариата никакое секретное дело не переходит.

Я позволю себе теперь снова перейти к Association Antimacaronnique, а в частности, к аббату Турмантэну.

Как я уже имел честь сообщить в предыдущем донесении, одним из наиболее крупных успехов, достигнутых антимасонской ассоциацией, было разоблачение в конце 1904 года системы доносов, практикующейся секретариатом «Великого Востока» с целью дискредитирования офицеров немасонов (так называемое *affaire de fiches*). Система эта была организована адъютантом военного министра Андре — капитаном Моленом, который получал через секретариат «Великого Востока» десятки тысяч диффамирующих католическое офицерство сведений, каковыми руководствовался сам министр. Получаемые из всех лож сведения сосредоточивались у Вадекара, причем вся эта организация держалась в абсолютной тайне от всех масонов. К этому времени Вадекар собирался покинуть пост секретаря «Великого Востока», так как ему было обещано Комбом (также масоном) место директора какого-то государственного здания. Кандидатом на место Вадекара был его ближайший помощник (*Secrétaire Adjoint*) Иван Бидеген (*Bidegain*), поставленный уже в курс всех тайных операций

секретариата. Аббат Турмантэн давно уже выслеживал пресловутую систему доносов и после долгих разговоров перетянул на свою сторону Бидегена, который вручил аббату все компрометирующие «Великий Восток» документы. Было решено выжидать наиболее удобного случая и разоблачить все это дело с парламентской трибуны при содействии одного из видных антимасонских депутатов. Выбранный для этой цели депутат Гюйо де Вилленев не смог, однако, держать дело в абсолютной тайне, и пришлось выступить с разоблачением несколько ранее намеченного момента. Впечатление получилось потрясающее, и министерству Комб-Андрэ пришлось подать в отставку; к сожалению, масонство успело оправиться до выборных агитаций и таким образом спасло себя от полного разгрома. После этого значение аббата Турмантэна, как антимасонского деятеля, поднялось донельзя. Любопытно, что сами масоны, клеймя аббата всячески, признают успешность его работ и его удивительную осведомленность. Известный масонский деятель Освальд Вирт (Wirth), редактор масонского органа «Lumiére Maçonniqne», говорит про аббата Турмантэна: «Он относится с похвальной честностью к своим разысканиям и всячески остерегается клеветы, ошибок и лжи, которые распространяются на наш счет... Он возымел честолюбие изучать масонство научно, базируясь лишь на документах, признанных достоверными. И вот он прибегает с той поры к поразительным хитростям, чтобы выманить наши тайны, выдвигая антимасонизм на высоту увлекательного спорта»... («Lumiére Maçonniqne», сентябрь 1910 г., стр. 123). Редактор другого масонского органа — «Acacia» — Лимузен заявляет про того же аббата Турмантэна: «Несомненно, он очень хорошо осведомлен. Мы прибавим, что это приносит нам пользу, так как именно посредством его органа «La Franc-Maçonnerie démasquée» мы ознакомливаемся с секретными циркулярами, посылаемыми советом ордена начальникам лож» («Acacia», июль—август 1906, стр. 33). В другой раз, по поводу одной статьи, помещенной в «La Franc-Maçonnerie démasquée», — тот же Лимузен говорит, что статья эта «могла подать повод конкурентам г. Турмантэна в антимасонстве... обвинить его в том, что он пришел в неприятельский лагерь и сделался, несмотря на видимость, официальным органом «Великого Востока»... Это объяснило бы, может быть, обилие сведений, находящихся в «La Franc-Maçonnerie démasquée» («Acacia», декабрь 1906, стр. 343). Далее Лимузен уже переходит в серьезный тон: «Именно благодаря «La France» мы регулярно узнаем о тайных делах масонства. Этот журнал продолжает публиковать подробный отчет (протокол) конвента «Великого Востока» 1906 года. Очевидно, протокол этот составлен не из «шикарного» материала: он содержит тексты документов. Является действительно непонятным, что совету

ордена и администрации не удастся раскрыть, кто же эти братья, так хорошо осведомленные, которые дают сведения аббату Турмантэну. Нельзя допустить и объяснить себе, что... совет ордена не может еще, несмотря на старания... узнать, по крайней мере, нескольких из этих неверных братьев, которые продают нас клерикалам за 30 сребреников...» (ibid., стр. 388—389). Подобных цитат можно привести множество; в большинстве из них имя аббата Турмантэна сопровождается далеко не лестными эпитетами. Вышеупомнутый О. Вирт упрекает его даже в безнравственности: «Постарайтесь-ка дать понять аббату Турмантэну, — пишет Вирт, — всю безнравственность его знаменитого «*Repertoire Maçonnique*», содержащего 30 000 имен масонов Франции и колоний, почерпнутых в архивах и делах (иначе говоря, посредством доносов) антимасонской ассоциации»... («*Lumière Maçonnique*», сентябрь 1910 г., стр. 123). Несмотря, однако, на свою ненависть к аббату Турмантэну, масоны бессильны причинить ему какой-либо вред. Бидеген, человек, несомненно, умный и компетентный, сказал мне, что масоны очень хотели бы избавиться от аббата Турмантэна, но... они уже опоздали это сделать. Теперь Турмантэн настолько известен всем и каждому, что всякая случившаяся с ним беда будет немедленно же приписана масонам — его единственным злейшим врагам — и причинит не меньший скандал, чем «*affaire de fiches*». В 1906 году «Великий Восток» попытался все-таки добраться до аббата Турмантэна и его потайных ящиков. Наиболее влиятельные масоны настояли, чтобы правительство от себя, под благовидным предлогом, произвело бы обыск у Турмантэна, — но так как этот последний был предупрежден своими агентами за несколько месяцев до обыска, то он успел спрятать все те документы, до которых добирались полицейские чины, специально набранные из масонов. В настоящее время «Великий Восток», отчаявшись в своих попытках раскрыть агентов Турмантэна, озабочен лишь тем, чтобы скрыть от возможно большего числа лиц секретнейшие документы и огородить себя от какого-либо разоблачения, подобного «*affaire de fiches*». Кстати — о последнем деле сейчас снова говорят. Дело в том, что главным защитником масонства в этом деле выступал в парламенте один из крупнейших масонских деятелей — депутат Антуан-Баптист-Луи *Лафферр*. При последней смене министерств этот Лафферр назначен министром работ; назначение это представляет собою уступку масонскому влиянию и сильно критикуется. На одной из главных улиц центра (*Boulevard des Italiens*) выставлена даже громадная карикатура, изображающая Лафферра на арене; он тащит за веревочку корзинку, переполненную «*fiches*»⁹⁰, над которыми возвышается имя Вадекара; вдоль арены — ряд рукоплещущих еврейских лиц... Таким образом, шестилетняя давность не предала это громкое дело забвению.

Представляя при сем номер журнала «La Franc-Maçonnerie demasquée» от 10 мая нового стиля 1907 года, в котором находится вышеупомянутая статья (choses de Russie⁹¹, стр. 139—143) о приеме Кедрина «Великим Востоком» Франции, я позволяю обратить еще внимание вашего превосходительства на те несколько строчек, которые предшествуют протоколу масонского заседания, и на воззвание к его императорскому величеству государю императору, помещенное в виде «открытого» письма на 143 странице журнала. Как во вступительных словах, так и в воззвании — ясно выражено отношение анти-масонской ассоциации, в лице аббата Турмантэна, к августейшему монарху и к России. «Мы никогда не скрывали и не будем скрывать, — начинает аббат Турмантэн свою статью, — наших симпатий к царю. Когда мы видели его проезжающим по улицам Парижа, мы приветствовали эту манифестацию франко-русского союза, столь антипатичного масонству. Его власть, его жизнь выслеживаются тайными обществами; по мере возможности мы будем продолжать разоблачать деяния и замыслы, направленные к тому, чтобы парализовать поступок властителя, который любит свой народ». Что же касается до воззвания, то в разговоре со мной аббат Турмантэн заявил мне, что с его стороны было крайне наивно думать, что его смиренное письмо сможет дойти до его величества, — но что он был бы страшно счастлив, если бы это произошло. У него есть знакомый, который, как говорит аббат, состоит при императорском дворе; знакомый этот передавал ему, что государь лично очень интересуется масонским вопросом и даже знает его, аббата, по имени.

Докладывая о всем вышеизложенном вашему превосходительству, — имею честь почтительнейше присовокупить, что переговоры мои с аббатом Турмантэном выльются на днях в определенную форму, после чего я не премину немедленно же представить их на благоусмотрение вашего превосходительства».

5

Приводим докладную записку коллежского асессора Б. К. Алексеева № 4.

«В докладной записке от 23 октября (6 ноября) с. г. я имел честь доложить вашему превосходительству о моих переговорах с аббатом Турмантэном и почтительнейше просить инструкций для следующих моих свиданий с аббатом. Как я уже имел честь докладывать, мне удалось, еще при первых встречах с аббатом Турмантэном, добиться известного с его стороны благорасположения, каковое он вообще редко кому оказывает. Однако благорасположение это было крайне непрочное.

Совершенно случайно я встретился с аббатом Турмантэном ранее условленного для нашего свидания срока (то есть раньше 3 (16) ноября), и те обрывочные фразы, которыми мы обменялись, показали мне, что отношение аббата сильно изменилось. Он говорил сухо и нехотя, а на мой вопрос о нашем будущем разговоре ответил довольно категорически: «Вряд ли возможно сделать что-либо в смысле освещения масонского вопроса в России!» Недоумевая о причинах такой перемены, я на следующий же день (в отсутствие аббата Турмантэна, который жил еще на даче) отправился в бюро Association Antimaçonnique, где уже раньше я перезнакомился с некоторыми из помощников аббата. Долго и безрезультатно расспрашивал я главного из этих помощников и, наконец, встретив с его стороны небывалую сдержанность, решил перевести разговор на денежную почву. Мне удалось выпытать у него в конце концов, что он нуждается в деньгах и что в настоящее время его сильно стесняет неотложный платеж в 800 франков. Тогда я предложил ему свою посильную помощь, заявив, что я буду крайне рад оказать ему услугу. Мой собеседник долго и, по-видимому, непритворно, с краской на лице, отказывался, но, наконец, согласился принять от меня в виде займа 500 франков. Согласился он, впрочем, только тогда, когда я заверил его, что я все равно намеревался внести эту сумму в кассу Association Antimaçonnique и что теперь я сделаю взнос этот несколько позднее, когда он сможет вернуть одалживаемые ему деньги. Израсходованные мною таким образом 500 франков принесли мне почти немедленную пользу. Передавая деньги, я, как будто бы шутя, просил моего собеседника оказать мне, взамен моей услуги, нужное содействие в моем деле. Тогда он заявил, что аббат Турмантэн, обдумав мой с ним последний разговор, решил, что он напрасно вступает в такие долгие и откровенные разговоры с малоизвестным ему лицом, и счел за лучшее держаться от меня вдалеке, пока я не смогу доставить какую-нибудь существенную рекомендацию. Мой собеседник сказал мне, что подобное решение аббата Турмантэна является следствием его обычной осторожности, и что он, его ближайший помощник, постарается как-нибудь добиться, чтобы аббат Турмантэн смотрел на меня с большим доверием. Действительно, через некоторое время аббат Турмантэн назначил мне у себя свидание, и с этих пор наши отношения более или менее уладились. Помощник аббата вызвался снабдить меня кое-какими общими сведениями о масонстве, имеющимися в папках Association Antimaçonnique, и ознакомил меня с целым рядом материалов и документов, касающихся «Великого Востока» Франции. К сожалению, в материалах этих не имелось почти никаких сведений о России. «Если есть такие сведения, — говорил мне помощник аббата Турмантэна, — то они чисто случайного характера и на-

ходятся в личных бумагах аббата, который держит у себя все особо секретные данные и документы». Таким образом все это время я был занят изучением разных протоколов, журналов, актов и бумаг «Великого Востока», — поддерживая, однако, вместе с тем, знакомство с некоторыми масонами. Нередко приходилось мне говорить с самим аббатом Турмантэном, причем этот последний держался со мной выжидательно, усиленно всматриваясь, насколько я действительно серьезно занят антимасонской деятельностью. Несколько раз спрашивал я аббата о том, в какую сумму обойдется полное освещение масонского вопроса в России и каким путем можно было бы достичь, но аббат Турмантэн все откладывал свой ответ. Наконец, сегодня аббат Турмантэн заперся со мной в своем кабинете и изложил мне все свои планы и предложения, каковые я и спешаю представить на благоусмотрение вашего превосходительства.

«Мне кажется, — начал аббат, — что я могу вам вполне довериться. Я зорко наблюдал за вами и думаю, что не ошибаюсь, принимая вас за человека честного и достойного, который не злоупотребит моим доверием. Я верю в ваше желание раскрыть и изобличить масонские замыслы, направленные на вашу родину, и я хочу вам помочь. То, что я скажу вам, никто не знает и не должен знать. Малейшая неосторожность или лишнее слово — и всякая возможность блестящего результата пропадет. Я сообщу вам некоторые закулисные мои ходы и дам вам полную возможность достичь желанной цели»... Затем аббат задал мне прежде всего вопрос: есть ли у меня какая-либо возможность добыть для дела 500—550 тысяч франков? Я ужаснулся этой сумме и не скрыл своего удивления по поводу ее размера. «Подождите ужасаться, — сказал аббат Турмантэн, — и ответьте мне сперва на вопрос». Я заявил, что ничего определенного сразу ответить не могу, но что, во всяком случае, для выискивания подобной суммы необходимо знать, на что именно требуется и какого рода затраты покрывает. Тогда аббат Турмантэн рассказал мне в общих чертах следующее.

Революционное масонство имеет центром Францию, а вождями — французских политических деятелей (сенаторов и депутатов). Исключительную роль играет великий секретариат «Великого Востока», а отчасти и секретариат Великой Ложи Франции, отличающийся от «Великого Востока» лишь подробностями ритуала и почти с ним объединенный. Главный центр тяжести всех секретных начинаний и дел находится в великом секретариате «Великого Востока»; но так как оба секретариата действуют рука в руку, то о всех делах великого секретариата «Великого Востока» извещен и, при желании, *может* узнать, если заинтересуется, и секретарь Великой Ложи Франции, а следовательно, и заменяющий его (почти полугодие) помощник — кандидат в секретари.

В настоящее время помощник этот находится в крайне критическом денежном положении, и его можно «купить» немедленно. Аббат Турмантэн заявил, что, если я сегодня покажу ему, что у меня имеются нужные деньги, завтра же все векселя помощника секретаря Великой Ложи Франции будут у него в руках, а через 2—3 дня «договор» с помощником секретаря уже будет заключен. В таком же почти стесненном положении находится и великий секретарь «Великого Востока» — сам Вадекар, к которому, конечно, приступить несколько труднее. После диффамирующего его «affaire de fiches» — Вадекар потерял всякую возможность иметь когда-нибудь должность или место на государственной и частной службе, кроме как состоять великим секретарем «Великого Востока» и получать за это сравнительно небольшое вознаграждение. Между тем его 17-летний сын кончает учебное заведение, и отец в отчаянии, что, кроме долгов и заклеянного имени, он сыну ничего не может дать, тем более что Вадекар прекрасно знает, что сыну долго придется ждать, пока где-либо сочтут возможным дать место сыну «известного» Вадекара. При подобных условиях является полная возможность подкупить Вадекара, причем миссию эту должен исполнить один видный депутат-масон, с которым аббат давно поддерживает секретные сношения. Этот депутат — один из «высшего совета» масонства, человек, не раз аббатом испытанный, берущий за каждое поручение тот или другой гонорар. По-видимому, удочка на Вадекара была уже закинута, и успех почти обеспечен: Вадекар пойдет на все, если обещать ему сумму, освобождающую его от долгов и дающую ему возможность помочь в первых шагах своего сына. Только с выполнением изложенных планов медлить невозможно. Сроки долговых обязательств помощника секретаря Великой Ложи Франции и Вадекара наступают в конце этого месяца по новому стилю. Сейчас как раз необыкновенно удачное время сделать им необходимое предложение. Если пропустить срок, то можно упустить случай, который дает в руки одновременно трех главных двигателей масонства; если они могут выйти из своего стесненного положения, то уговорить их пойти на предложение будет значительно труднее и во всяком случае — дороже. В случае, если проектируемые сделки состоятся, то об условиях наших с Турмантэном будут знать только он и я. Масоны будут договариваться лишь с аббатом Турмантэном, не зная, разумеется, для кого он работает. При этом, как это почти всегда делается аббатом в подобных случаях, каждый из договаривающихся масонов выдает какой-либо компрометирующий его документ, которым он отдает себя до известной степени в руки аббата. Этот документ или сфотографированный с него снимок аббат Турмантэн передает мне в виде известной гарантии. Что же касается до денег, то для начала

дела аббату Турмантэну необходима уверенность, что нужные суммы находятся в моих руках или лежат в банке. Если исполнение задуманного плана обойдется дешевле, то деньги остаются у того, кто является «кассиром». Аббат Турмантэн рекомендовал посвящать даже в общий план задуманного дела как можно меньшее число лиц, так как малейшая огласка может испортить все. Само собой разумеется, аббатом будут выдаваться соответственные расписки. Таков план, предложенный аббатом Турмантэном. В проведении этого плана, то есть, вернее, в окончательном договоре с аббатом я могу выступить или в качестве правительственного лица, или в качестве уполномоченного каким-либо частным обществом, или кружком (фиктивно), или, наконец, просто частным лицом.

Относительно всего вышеизложенного я позволю себе высказать вашему превосходительству нижеследующее.

Мне в первый раз приходится сталкиваться с подобного рода делом, ввиду чего я совершенно не знаю, поскольку сумма в 500—550 тысяч франков (то есть около 190—210 тысяч рублей) подходит к принятым в подходящих случаях нормам. Я позволяю себе поэтому, оставив в стороне вопрос о цифре, судить лишь о сущности дела и о результатах, достигаемых затратой указанных денег. Изучив масонский вопрос со всех досягаемых сторон и почти во всех его тонкостях, я могу с полной уверенностью утверждать, что для разоблачения всех масонских замыслов, касающихся России, нельзя придумать лучшего средства и найти более подходящих людей, чем те, которых предлагает аббат Турмантэн. Каждый из этих людей полезен сам по себе: депутат, как неперменный советник политических «инициаторов», Вадекар и помощник секретаря Великой Ложи Франции, как друг друга дополняющие исполнительные инстанции, а первый еще и как хранитель документов и переписки о России. Но, представляя несомненный интерес и в отдельности, эти лица, *вместе взятые*, являются незаменимой и *исключительной по своему положению* силою против масонства. Это — идеал, о котором я даже и не смел мечтать и который достигим теперь только благодаря сцеплению всевозможных обстоятельств! Действительно: депутат знает про многие планы вождей масонства, даже, может быть, про такие, которые находятся в самом зачаточном состоянии, но зато он не посвящен в детали переписки и не может быть в курсе чисто практического осуществления планов; Вадекар же, ведя переписку, не осведомлен о многих планах главарей, так как не все планы переданы ему на исполнение; равным образом помощник секретаря Великой Ложи Франции, не столь, конечно, знакомый с материалами «Великого Востока», как знаком с ними Вадекар, имеет над последним то преимущество, что он в состоянии постоянно

следить за русскими масонами в Германии и Англии, тогда как Вадекар этой возможности лишен. Последнее обстоятельство объясняется тем, что масонство Германии и Англии, не признавая вовсе «Великого Востока» Франции, входит в сношения и даже признает Великую Ложу Франции, в катехизисе которой идея Бога не отвергнута. Таким образом все три лица, предложенные аббатом Турмантэном, дополняют друг друга, и, заручившись ими, мы будем держать в руках все масонство: ни одна бумага, ни одно слово не сможет от нас ускользнуть! Мы сразу раскроем всю тщательно скрываемую организацию масонства в России и раскроем ее не в виде отдельных личностей или отдельных фактов, а всю целиком! Так как Вадекар будет в неведении, что для нас работает и помощник секретаря Великой Ложы Франции, — и наоборот, то таким образом создается известный контроль, который обеспечит полноту сведений. Впрочем, полнота сведений достаточно, мне кажется, обеспечена опытностью Турмантэна, у которого для достижения абсолютной полноты — целый ряд легко проводимых планов.

Что же касается до важности того, что удастся таким образом открыть, то в этом сомневаться трудно. Человек, мало-мальски знакомый с масонством и изучивший хоть поверхностно его деятельность с конца XVIII века, не может не признать в этом тайном обществе злейшего и опаснейшего врага монархии и церкви. В Россию масонство успело прократься, несмотря на строжайшие запреты 1821 и 1826 годов. В настоящее время оно уже пережило зачаточное состояние и пускает все более и более глубокие корни. В число масонов вступили сперва русские профессора, потом — политические деятели; в настоящее время, по общему уговору, (масонов и немасонов), масонство распространяется в более широкие круги: с одной стороны, оно захватывает военную среду и знать, с другой — оно стягивает приверженцев крайних левых партий. Центры масонства определены: это правильно функционирующие ложи в Санкт-Петербурге, Москве и Варшаве, причем в последнем городе масонство почти исключительно польско-еврейское, с сильно левым направлением. Насколько вся масонская деятельность ведется умело и конспиративно, можно судить по тому, что за все это время ничто не подало повода подозревать, что в России существуют масонские ложи и собрания. Работа масонства сложна и многостороння. Потребовались бы специальные изыскания для получения и описания деятельности масонства в каждой отдельной стране. Но факт тот, что в стране, где масонство в достаточной мере упорочилось, не только ни одно крупное событие внутренней политики, ни один государственный переворот не обошелся без участия в нем масонства, но каждый такой переворот, каждое событие были прямыми и необходимыми следствиями тонко

задуманной и настойчиво проводимой масонской политики, ведущей к одной вполне определенной цели: к установлению всемирной республики, то есть, иначе говоря, к низвержению монархической власти.

Мне удалось с помощью знакомых масонов, научивших меня всем необходимым тайным знакам и словам, и с помощью помощника аббата Турмантена, доставшего мне рекомендательное письмо к мастеру ложи «La Renaissance», брату Бон (Bon), пробраться на заседание этой ложи 1 (14) ноября. Мне хотелось попасть на это заседание потому, что в нем должно было праздноваться (*batterie d'allegresse*) установление Португальской республики, и по этому поводу должен был говорить речь какой-то видный масон-депутат. Так как я знал тайный пароль («*nombre*» и «*numération*» до 1 января), то меня впустили в качестве брата-посетителя (*frè-revisiteur*) Durand, каковым я был рекомендован Мастеру ложи. Я слышал все говоренные речи: все они типичного революционного характера, даже с оттенком фанатизма. В одной из них был ясный и определенный намек на Россию, о которой обыкновенно в таких «больших» заседаниях не говорят. Вот точный перевод этого места: «...Завоевательная деятельность масонства идет вперед крупными шагами. Мало-помалу мы покроем весь мир! Вчера, вдохновленные этими идеями, персы и турки совершили переворот к вящей славе свободной мысли, — сегодня просветленные нашим светом либералы-португальцы провозглашают республику, — завтра соседние с Португалией страны Юга и даже грозное недавно государство Севера в ужасе заметят, как глубоко вонзился в них масонский топор, и как в рассеченное нами отверстие дружно ринулись все революционные силы... Увидит это прославленная деспотизмом страна Севера и не сможет ничего сделать, так как мы действуем без ошибок и промаха; каждому из братьев хоть смутно, но известно, какие тонкие нити закидываются «Великим Востоком», — нити, незаметные порой даже опытному глазу масона. И чем грознее враг, чем он опаснее, тем приятнее борьба, и тем слаще победа! А победа будет за нами, так как мы идем вместе с народом, с рабочим людом и с высшей интеллигенцией, — то есть с лучшими свежими силами против прогнившего и обезличенного деспотизма и тирании»!.. Я слышал это собственными ушами и не могу ярче этих фраз передать ту опасность, которая грозит России. Примеры Франции XVIII—XIX века, Персии, Турции, Португалии, — тех стран, в которых констатируется масонское воздействие на политику, — ясно показывают, что масоны не ограничиваются словами и умеют проводить свои цели на деле. Результаты их политики губительны для политического строя монархических стран. Поэтому необходимо бороться с масонским дви-

жением и уничтожить его именно теперь, когда еще оно не так широко раскинулось в Россию. Для того же, чтобы уничтожить врага, надо его видеть, надо знать его силы. И вот в этом случае единственным верным способом борьбы является проведение плана, предлагаемого аббатом Турмантэном. План этот раскрывает перед нашими глазами все: нам будет известна вся история постепенного насаждения масонства в современной России, имена всех русских масонов и всех французских пропагандистов, названия и адреса русских лож, дни их заседаний, все их работы, местохранилища документов и бумаг; наконец, в наших руках будет находиться вся переписка, все «дело» о русском масонстве в подлинных документах или сфотографированных снимках. Вся тщательно сокрытая организация станет известна, и мы получим возможность в любой, наиболее удобный момент с корнем вырвать из России это зло, сгубившее столько других правительств, не потрудившихся вовремя серьезно и предусмотрительно отнестись к масонской опасности. Смотря на дело с этой точки зрения, мне представляется необходимая на полное разоблачение сумма не столь уж чрезмерной, тем более что я глубоко убежден, что если приступить к делу решительно и *скоро*, то сумма эта выразится в *значительно менее крупной цифре*, чем 550 тысяч франков. Скорость решения необходима еще и потому, 1) что аббат Турмантэн должен уехать по своим делам в 20-х числах декабря по новому стилю на довольно долгое время и отложит свою поездку лишь в случае, если мы с ним окончательно договоримся, и 2) потому, что сроки долговых обязательств Вадекара и другого секретаря — очень близки.

Ввиду всего вышеизложенного, я имею честь почтительнейше просить ваше превосходительство о точных инструкциях в смысле принципиального решения вопроса о принятии предложений аббата Турмантэна. В случае, если вопрос этот будет решен в утвердительном смысле, то я позволю себе ходатайствовать о доставлении мне *телеграфного* о сем известия с обозначением той суммы, до которой желательно было бы понизить требующийся расход. Равным образом, я почтительнейше прошу указаний, в качестве кого (частного или официального лица) могу я продолжать вести переговоры. Осмеливаюсь просить *телеграфного* извещения даже в случае отрицательного решения вопроса, так как аббат Турмантэн убедительно просил меня о возможно скором ответе и отложил свою поездку до 20-х чисел декабря исключительно по моей настойчивой просьбе.

Все вышеизложенное имею честь почтительнейше представить на благоусмотрение вашего превосходительства.

Коллежский ассессор Борис Алексеев».

25 ноября (8 декабря) 1910 г. Париж

Эти отчеты снабжены подробнейшими счетами по городам, в которых был Алексеев. Из них видно, что стоит Алексеву извозчик, швейцар-мальчик, обеды и ужины «вдвоем» (есть втроем и вчетвером, но больше вдвоем), театр «вдвоем» и прочее. «Вечер вдвоем» стоил 25 франков, порядочно израсходовано на папиросы. Одним словом, молодой ученый в средствах себя не стеснял и жил привольно (всего истратил он около двух тысяч франков). Помимо приведенных докладов Курлову, Алексеев обменивался с ним телеграммами. В телеграмме 3 декабря 1910 года Курлов разрешает «приступить переговорам лишь качестве частного лица на условиях, сообщенных докладе номер два: ежегодный взнос, небольшая сумма единовременно на получение имеющегося материала, в виде вознаграждения за услуги орден». Алексеев не унывает: «Секретность, сосредоточенность сведений делает бесполезным план донесения второго; мелкие агенты могут добыть минимальные разрозненные сведения; не оправдывают расходов цели: главы категорически отвергли частичную оплату, ежегодный взнос, не желая неверной службы частичных торгов, согласны только крупную единовременную сумму выдачу настоящих будущих материалов; гарантия компрометирующий документ. Большим трудом удастся сократить пока чetyреста пятьдесят тысяч. Надеюсь еще последний срок средy утром. Ходатайствую возможно раньше телеграфных окончательных инструкций». Это писано 5-го, а 6-го Алексеев пишет: «Умоляю стойте за четвертое», 7-го на его имя пришла депеша: «Благоволите оттянуть дачу ответа известному лицу, мотивируя экстренным вызовом вас для окончательных переговоров Петербург. Признается необходимость вашего личного доклада».

При деле приложен номер журнала известного нам Турмантэна «*La Franc-Maçonnerie démasquée*». В нем — обращение Турмантэна к Николаю II: «*Sire, Franc-Maçonnerie a fait la Revolution française et tué une dynastie. La France est la victime de cette secte ténébreuse qui a faussé la mentalité de notre malheureux pays. Aujourd'hui, la France-Maçonnerie semble diriger ses efforts contre la Russie. En hommt avisé, je pousse le cri d'alarme. Depuis plusieurs années, les Loges de Paris ouvrirent leurs portes aux sujets russes. J'en ai donné déjà quelques preuves. En voici nouvelle: Le 13 mars 1907, dans la tenue de la loge parisienne L'Avantgarde Maçonnique, il a été tiré une «batterie d'allegresse» en l'honneur d'un F. élu récemment à la Douma, membre de la loge L'Avantgarde. A cette occasion, le President a laissé entendre que plusieurs loges maçonniques sont en voie de formation en Russie. Il y a là une indication qui mérite d'être signalée en haut lieu; etc'est un ami de la Russie et de son Souverain que je me permets, Sire, de vous adresser ces lignes, en signe du respect et du dévouement que je porte à Votre Majesté J. Tourmantin*»⁹².

Затем следует алексеевский же доклад о положении масонских дел в Петербурге.

«Совершенно частным образом удалось установить следующие данные о деятельности масонских пропагандистов.

Все петербургские масоны группируются около Н. Н. Беклемишева, Т. О. Соколовской, В. В. Архангельской-Авчинниковой. Главным местом их собраний является помещение Музея изобретений и усовершенствований (Мойка, 12), где почти еженедельно происходят обсуждения всевозможных тем, касающихся масонства. Устраиваемые в этом помещении собрания не являются, однако, собраниями в стиле «лож», а представляют собою подготовительную инстанцию вербования адептов масонства, выражающуюся в чтении тенденциозных лекций и докладов. Присутствуют на этих собраниях только лица, получившие на то особое приглашение. На собрании II марта 1911 года присутствовали всего 20 человек, в числе коих находились: Н. Н. Беклемишев, Т. О. Соколовская, действительный статский советник С. И. Афанасьев (врач главного инженерного управления), Ю. В. Руммель, Н. И. Филипповский, отставной гвардии полковник Ф. Г. Козлянинов, писательница Ю. М. Загуляева, Буторина, Соколов, Лапин, Самохвалов, Шеповальников. Кроме того, присутствовали один неизвестный вице-адмирал и два генерала, а также некоторые члены Лиги обновления флота.

Около двух недель тому назад частное собрание имело место у журналиста-инженера А. В. Зенгера (Фонтанка, 103), где, между прочим, присутствовали А. А. и Б. А. Суворины.

В настоящее время центром масонских пропагандистов является В. В. Архангельская-Авчинникова. В частной беседе она заявила, что приехала из Франции в качестве разведчика масонства. Почва для активной масонской деятельности в России, по ее мнению, уже достаточно подготовлена. Согласно заявлению г-жи Архангельской, в июне или июле месяце этого года прибудет в Россию масонская экспедиция, человек из восьми. Выбор времени приезда этой экспедиции обуславливается тем, что в июне или июле ожидаются, по сведениям французских масонов, беспорядки в России. Присутствие масонских делегатов во время этих беспорядков признается масонством крайне полезным для соответствующего воздействия на известные классы общества. Главною целью экспедиции является правильная организация масонства в России и вручение русским вожакам масонства полной инструкции для дальнейшей деятельности.

Активная деятельность русских лож, по словам той же г-жи Архангельской, начнется уже осенью 1911 года и будет находиться в большой зависимости от результатов всемирного масонского конгресса в Риме, назначенного на 20—23 сентября 1911 года. На этом конгрессе, под предлогом чествования

юбилейного дня «возрождения» Италии, будут детально обсуждаться планы скорейшего проведения в жизнь конечных целей масонства: уничтожения монархий и церкви и установления всемирной республики.

Об изложенном имею честь почтительнейше доложить вашему превосходительству. Коллежский асессор Б. Алексеев. 11 мая 1911 г.»

Насколько масонство казалось Алексееву вездесущим, видно из того, что он дерзает простираť свои подозрения уже на само правительство. После убийства П. А. Столыпина Алексеев почтительнейше докладывает тому же генералу Курлову нижеследующее:

«От лиц, стоящих близко к здешним масонским кругам, удалось услышать, что покушение на г. председателя Совета министров находится в некоторой связи с планами масонских руководителей. Обрывочные сведения об этом сводятся приблизительно к следующему.

Уже с некоторых пор к г. председателю Совета министров делались осторожные, замаскированные подходы, имеющие целью склонить его высокопревосходительство на сторону могучего сообщества. Само собой разумеется, попытки эти производились с присущей масонству таинственностью и не могли возбудить со стороны г. председателя никаких подозрений. Мало рассчитывая на то, что им удастся склонить премьер-министра, масоны повели атаку и на другой фронт, стараясь заручиться поддержкой какого-либо крупного сановного лица. Таким лицом, говорят, оказался П. Н. Дурново⁹³, который сделался будто бы их покровителем в России, быть может, имея на это свои цели. Когда масоны убедились, что у них есть такая заручка, они уже начали смотреть на г. председателя Совета министров, как на лицо, могущее служить им скорее препятствием. Говорят, что на одном из заграничных (по-видимому, парижском) «верховных» собраний масонства тайные руководители союза пришли к заключению, что, судя по общему настроению русского общества, настоящее время является наиболее подходящим для прочного укоренения масонства в России. Собираясь, однако, приступить у нас к более или менее активным выступлениям, масоны были обеспокоены тем обстоятельством, что у власти стоял г. председатель Совета министров, который если не был заклятым врагом союза, то, во всяком случае, не принадлежал к числу его покровителей. Любопытно, что в здешних масонских кругах господствует убеждение, что г. председатель сильно считается с масонством и опасается могущества ордена. В печати даже проскользнула однажды статья («Гроза» № 153 и «Русская правда» № 13, 1911 г.), заявляющая, что его высокопревосходительство находится «под влиянием масонов, действующих на него через его брата,

А. Столыпина». За границей же на премьер-министра смотрят, как на лицо, которое не пожелает принести масонству ни пользу, ни вред. Это последнее убеждение на верховном недавнем совете, о котором идет речь, побудило руководителей масонства прийти к заключению, что г. председатель Совета министров является для союза лицом «бесполезным», а следовательно, в настоящее время, когда масонство собирается нажать в России все свои свои дружины, — даже вредным для целей масонства. Такое решение верховного совета было известно здесь еще несколько месяцев тому назад.

Как я уже имел честь докладывать вашему превосходительству, масоны ожидали в июле месяце каких-то событий, которые объяснялись здешними масонами в виде брожений, беспорядков и т. п. Тайные парижские руководители не сообщали о том, в каком именно виде события эти выльются, и только теперь, по совершении факта, — здешние масоны припоминают о кое-каких слабых намеках на г. председателя Совета министров, политикой которого верховный масонский совет был недоволен. Говорят, что руководители масонства воспользовались тесными сношениями, установившимися между «Великим Востоком» Франции и революционными комитетами, и подтолкнули исполнение того плана, который только был в зародыше. Говорят также, что чисто «техническая» сторона преступления и кое-какие детали обстановки, при которой возможно было совершить преступление, были подготовлены через масонов; последнее, впрочем, говорится в виде предположений.

Между прочим, по вопросу об охране среди здешних масонских кругов господствует убеждение, что при теперешней постановке этого дела какое-либо покушение возможно лишь посредством масонских сил, имеющих во всех слоях общества таинственные нити, без помощи которых ни один революционный комитет не сможет ничего привести в исполнение. Следя за политическими партиями, правительство, по словам здешних масонов, не имеет средств борьбы только против одной — только против масонства, ускользающего из-под самого бдительного надзора».

Одновременно Алексеев предавался чистой науке и представлял Курлову счет на приобретение масонской литературы. Так, 13 мая 1911 года он подал следующую докладную записку:

«Ввиду возложенного на меня вашим высокопревосходительством поручения, имею честь испрашивать соизволения на отпуск мне 69 рублей для покупки нижеследующих изданий, имеющихся в антикварном книжном магазине Н. Соловьева».

Дальше следовал список изданий XVIII и начала XIX в. по масонству.

Не за сообщение ли этих ценных изданий приносит благодарность Алексееву молодой историк масонства Г. В. Вернадский в предисловии к своей книге о русском масонстве XVIII века?

А что же аббат Турмантэн? Полмиллиона франков на раскрытие масонских козней он не получил, но неудача не оттолкнула его от русского Департамента полиции. Он устроился на скромных началах и за скромную плату доставлял сведения о русских масонах. Приводим образцы донесений Турмантэна. Совокупность этих донесений и сведений о нем, сообщенных асессором Алексеевым, не дает определенных указаний на личность Турмантэна; на основании этих данных нельзя сказать с уверенностью, чего больше в его деятельности: вздорности или жульничества. Вот три его сообщения от 1914 года в русском переводе:

1. «Известно, что французские ложи всегда были против русского союза. Но зато постоянно ведется упорная пропаганда в пользу искреннего соглашения с Германией. Вот слух, который в настоящее время распространяют в ложах Франции: «Россия работает над гибелью французского республиканского правительства и над падением республики. Ее мечта возвести на престол Франции принца Луи Бонапарта, служащего в русской армии, и восстановить империю в его пользу».

Этот тенденциозный слух имеет целью возбудить против России неудовольствие правительства и сторонников республиканского режима и раздражить друзей принца Виктора (Луи Бонапарт. — *Ф. Л.*). Еще добавляют, что вступление на трон принца Виктора было бы победой России над нашими финансами и что через него она получила бы все займы, нужные для распространения ее власти и территории на Востоке.

Этот слух должен быть серьезно принят в соображение.

Ж. Турмантэн».

2. «14 мая 1913 г. в парижской ложе «Les Rénovateurs» (основатели), председатель (vénérable) которой — *Ф. Синкхоль*, один из двух делегатов, посланных «Великим Востоком» Франции для открытия двух лож в России, один русский франк-масон, имя которого не удалось запомнить, произнес следующие по сущности своей слова:

«Католицизм в России может быть для нашего дела полезным орудием. Поэтому мы вызываем и поддерживаем средствами, о которых они не подозревают, неудовольствие католиков против правительства и русской полиции, хотя мы сами враги всякой религии».

Кроме этого, говорилось о некоторых фактах и о некоторых преследованиях русской полицией католиков, особенно в Польше, о которых уже говорили французские газеты. В за-

ключение франк-масон сказал, что раздражение католиков может быть искусно использовано масонством.

Ж. Турмантэн».

3. «Заметки. Присяжный корреспондент русского масонства во Франции Ф. Буле, живущий № 7, улица Анри Монье, в Париже. Но предполагают, что письма, получаемые им из России, не посылаются ни на его имя, ни по его адресу. Русской администрации это могло бы быть известно.

Три или четыре недели тому назад в Париж приехал некий Бадуель, член венсеннской ложи и агент масонства. Он приехал из Москвы, где пробыл некоторое время и куда, как кажется, должен скоро вернуться.

Ж. Турмантэн».

На основании всех изложенных выше, а также и многих других подобных сведений была составлена записка для ознакомления «державного хозяина» русской империи с масонством³⁴.

РУССКИЙ РОКАМБОЛЬ

И. Ф. Манасевич-Мануйлов по архивным материалам⁹⁵

В одном из правительственных секретных архивов сохранилось объемистое дело о коллежском асессоре Иване Федорове Мануйлове. На обложке дела надпись:

«Совершенно секретно. Выдаче в другие делопроизводства не подлежит».

С 1895 по 1917 год заботливой рукой подшивались сюда всяческие документы и бумаги, касавшиеся коллежского асессора. В своей совокупности бумаги эти развертывают целое полотно жизни Ивана Федоровича; жизнь же его — подлинный роман приключений, вроде повести о Лазарилло из Тормеза и других подобных ей воровских повестей, рассказывающих о похождениях и приключениях знаменитых мошенников, авантюристов и так далее. Мы не сомневаемся в том, что документальная биография Ивана Федоровича даст хороший материал для художественного вымысла беллетристу будущего. Для нас, живущих, жизнь Мануйлова — необходимый и неустранимый эпизод истории падения режима. Чтобы понять, почему пал режим и почему пал именно так, а не иначе, историк, наряду с фигурами крупными, патетическими и драматическими, фигурами с крупными именами, — должен заняться и мелкой, юркой, специфически характерной фигурой коллежского асессора. Похождения его интересны по тем нитям и связям, которые тянутся от мелкого агента к самым громким деятелям отжитой эпохи, и по необычайно пестрой и любопытной фабуле. Все эти документы о нем — письма, протоколы, справки, — читаются с неослабевающим интересом, и читатель, конечно, не посетует на нас за обилие выписок. Надо добавить, что секретное дело, которым мы пользуемся, было секретным и для следственной и судебной власти, разбиравшей дело Мануйлова в 1916 году. Лишь незначительная часть документов была сообщена следователю, а остальное представлялось слишком зазорным для оглашения хотя бы среди следователей и прокуроров.

1. ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ РОКАМБОЛЯ. — П. И. РАЧКОВСКИЙ И И. Ф. МАНУЙЛОВ

Происхождение Ивана Федоровича и начало его жизненной карьеры теряется во мраке неизвестности. Из формулярного списка видно, что в 1910 году имел 40 лет, был лютеранского вероисповедания, окончил курс в реальном училище Гуревича и состоял на службе по императорскому Человеколюбивому обществу⁹⁶. В сохранившемся в делах памфлете, явно департаментского или охранного пера, история жизненных успехов Мануйлова рассказана с пикантными подробностями: «Еврейского происхождения, сын купца, Мануйлов, еще учеником училища, обратил на себя внимание известных в Петербурге... директора Департамента духовных дел А. Н. Мосолова и редактора газеты «Гражданин» князя Мещерского, взявших под свое покровительство красивого мальчика. Юношу Мануйлова осыпали деньгами, подарками, возили по шантанам и другим вертепам, и, под влиянием покровителей, у него развилась пагубная страсть к роскоши, швырянию деньгами, картам, кутежам и тому подобному. Приняв православие, он при содействии князя Мещерского и Мосолова поступает на государственную службу». Рамки Человеколюбивого общества оказались тесны для Ивана Федоровича, и он пустился в открытое море.

Первое выступление юного Рокамболя произошло в 1895 году. На горизонте политического розыска блистал в то время звездой первой величины П. И. Рачковский, стоявший во главе заграничной агентуры русского правительства. С этим старым волком и задумал потягаться безвестный в мире агентуры юноша. Он, конечно, не провел старого, заслуженного агента и мошенника, но П. И. Рачковский, несмотря на обиды и огорчения, причиненные ему первым дебютом, не мог не заметить «способностей» юноши и стал выше личности в этом столкновении, обратил внимание начальства на юношу и дал ему дорогу. Об этом столкновении, которому место на страницах какого-нибудь Понсон-дю-Террайля⁹⁷, сохранилась колоритная записка, принадлежащая перу известного деятеля Департамента полиции Л. А. Ратаева. 3 мая 1895 года Ратаев представил следующее донесение своему начальству — директору Департамента полиции Н. И. Петрову:

«Во время моего пребывания в Париже мне случилось познакомиться, через посредство П. И. Рачковского, с неким Иваном Федоровичем Мануйловым, прибывшим во Францию в качестве сотрудника или секретаря газеты «Новости», будто бы для ознакомления с настроением французского общества по поводу предстоящего участия Франции в Кильских празднествах и совместного с Германией действия против ратификации японско-китайского мирного договора. В качестве рус-

ского журналиста Мануйлов пользуется протекцией известного вашему превосходительству Ганзена⁹⁸ и, благодаря ему, знаком с многими влиятельными французскими журналистами, каковы Judet, Lucien, Millevoye и другие.

Между тем Мануйлов в последнюю свою поездку в Париж познакомился в кафешантане Casino с одним из агентов парижской префектуры, специально занимающимся русскими делами, и за стаканом вина объяснил ему, что он, Мануйлов, состоит при Министерстве внутренних дел и командирован за границу для контроля деятельности парижской агентуры, которою будто бы в Петербурге недовольны, и в заключение предложил агенту, за вознаграждение, содействовать ему в исполнении возложенного на него поручения. Для доказательства же, что он действительно лицо официальное, Мануйлов рассказал агенту, что в прошлом году прямой начальник г. Рачковского, полковник Секеринский⁹⁹, был в Париже, где останавливался 133, Boulevard Magenta, но г. Рачковский оставался об этом в полном неведении и узнал лишь четыре дня спустя после отъезда полковника из Парижа. Два года тому назад полковник Секеринский поручил Рачковскому купить какую-то революционную брошюру, которую тот до сего времени не был в состоянии добыть; между тем Мануйлов нынче, проездом через Берлин, разыскал эту брошюру и купил ее за триста марок. Далее, говоря о Рачковском, Мануйлов заявил, что он его хорошо знает. Рачковский, по его словам, еврейского происхождения, был когда-то маленьким писцом в судебной палате, затем перешел в полицию, где и составил себе положение, которое сохраняет лишь благодаря протекции барона Моренгейма¹⁰⁰; если же последний уйдет, а в особенности если его заменит г. Нелидов, то Рачковскому придется подать в отставку. В прежние годы Рачковский ходил будто бы без сапог и жил мелким репортерством в «Новостях». Помощником Рачковского состоит в настоящее время поляк Милевский — человек, не заслуживающий никакого доверия, и к тому же картежник.

На предложение сотрудничества агент отказался; тогда Мануйлов предложил ему подыскать для своих целей верного человека, обещая дать за это 200 франков, добавив, что вообще он за деньгами не стоит. Вслед за тем Мануйлов подробно допрашивал агента об организации агентуры в Париже, о количестве агентов, о местах собраний русских революционеров, помещении их библиотек, где можно приобрести разные революционные брошюры и т. п.

Узнав о происках Мануйлова, чиновник особых поручений Рачковский счел за лучшее пригласить Мануйлова к себе и, сообщив ему все вышеизложенные сведения, предложил ему дать прямой ответ: насколько они справедливы? Мануйлов был очень сконфужен, сознался во всем (разумеется, кроме

оскорбительных отзывов о личности Рачковского и его прошлом), расплакался и объяснил следующее.

Лет семь тому назад у правителя канцелярии генерал-адъютанта Черевина, камергера Федосеева, он познакомился с полковником Секеринским, с которым вошел в сношения и оказывал разные услуги, за которые получал единовременные вознаграждения. Так, например, все последние сведения о литературных кружках исходили будто бы от него. Полковник Секеринский будто бы неоднократно высказывал Мануйлову, что его чрезвычайно интересует организация агентуры за границей, вследствие чего Мануйлов, пользуясь своим пребыванием в Париже, хотел ознакомиться с устройством для сообщения добытых сведений полковнику и для получения от него вознаграждения. При этом он клялся и заверял честным словом, что действовал на свой страх, не имея ни полномочия, ни даже какого-либо словесного поручения от начальника Санкт-Петербургского охранного отделения. В заключение Мануйлов заявил, что он очень любит агентурное дело, интересуется им и был бы счастлив служить своими связями в литературном мире, где он пользуется будто бы известным положением. Петр Иванович¹⁰¹ сказал ему, что его желание будет принято к сведению и чтобы он по приезде в Петербург явился ко мне в Департамент, где я его познакомлю с г. вице-директором и Георгием Константиновичем¹⁰². При этом Петр Иванович выразил мне, что Мануйлов человек несомненно способный и что при опытном руководстве из него может выработаться полезный агент.

Докладывая об изложенном вашему превосходительству и считая в данном случае мнение П. И. Рачковского неизмеримо компетентнее моего, я тем не менее обязываюсь добавить, что Мануйлов, на мой взгляд, представляется лицом, заслуживающим лишь весьма относительного доверия.

О названном Мануйлове в делах Департамента сведений не оказалось».

Ивану Федоровичу дан был ход. Предпринятое им по собственной его инициативе выступление против мэтра политической полиции обратило внимание начальства. Юноша оказался цепким, и отеческие увещания П. И. Рачковского только раздражили его сыскные вожделения. Совсем как малютка Рокамболь и старец Тортильяр. Не прошло и полугода, как Мануйлов вновь заставил вспомнить о себе. 1 (13) октября 1895 года (№ 83 из Парижа) сам Рачковский представил следующий собственноручный доклад директору Департамента полиции:

«Преодолевая в себе естественное чувство брезгливости, я вынужден представить на благоусмотрение вашего превосходительства три документа, доставленные мне из парижской префектуры за то время, когда я употреблял все мои налич-

ные силы, чтобы бороться с нашим революционным движением, поскольку оно выражается за границей.

В пояснение к представляемым документам осмеливаюсь присовокупить нижеследующее.

В апреле месяце текущего года приезжал в Париж некий Мануйлов, секретарь газеты «Новости», который вступил в знакомство со мною и с известным вашему превосходительству советником посольства французского министерства иностранных дел г. Гансеном.

Затем, несколько дней спустя после его приезда, из Парижской префектуры мне была сообщена копия с донесения одного из префектурных агентов, который познакомился с Мануйловым при обстоятельствах, изложенных в означенном донесении.

Из содержания этого документа ваше превосходительство изволите усмотреть, что агент Петербургского охранного отделения Мануйлов, выдавая себя за чиновника Министерства внутренних дел, действующего по инструкциям полковника Секеринского, имел целью собрать в Париже сведения о моей личной жизни, денежных средствах, отпускаемых мне на ведение дела за границей, о наличном составе агентуры и об отношениях, существующих у меня не только с префектурой, но и с императорским посольством в Париже.

Не желая беспокоить ваше превосходительство по поводу необычайной выходки полковника Секеринского, который вдохновил своего агента Мануйлова на бессмысленную поездку в Париж, я ограничился тем, что пригласил к себе упомянутого агента и, потребовав от него отчета в его предосудительном поведении, предложил ему немедленно же оставить Париж, откуда он действительно и поспешил уехать.

Считая означенный странный эпизод совершенно оконченным, я полагал, что для полковника Секеринского достаточно будет данного мною урока.

Между тем на днях из парижской префектуры мне были доставлены для представляемых при сем в точной копии письма, писанные тем же Мануйловым, из которых усматривается, что полковник Секеринский продолжает вести против меня интриги, уполномочивая еврея Бориса Надея, служащего комиссионером в гостинице Grand Hotel, сообщать обо мне сведения.

Изложенные обстоятельства разрослись до таких размеров, что я получил даже предостережения от здешнего Министерства внутренних дел относительно происков, возникших против меня в Петербурге со стороны лиц, выше будто бы меня поставленных.

Не могу скрыть от вашего превосходительства, что предосудительные затеи полковника Секеринского компрометируют меня перед здешним правительством и, отвлекая меня от

служебных обязанностей, дают в распоряжение такого проходимца, как комиссионер Надель, указание на мою личность и мою деятельность, чем, естественно, полковник Секеринский облегчает революционерам способы к обнаружению моего места пребывания в Париже.

Ваше превосходительство, без сомнения, соблаговолите обратить милостивое внимание на изложенные обстоятельства, при которых, к стыду служебных обязанностей, люди, поставленные на известное положение, занимаются низменными интригами против своих сослуживцев, а не розыскной деятельностью, им порученной.

Чиновник особых поручений П. Рачковский».

При своем докладе П. И. Рачковский приложил письмо агента префектуры о беседах с Мануйловым (сущность их известна нам из записки Ратаева) и кальки с двух писем Мануйлова к Наделю. В первом Мануйлов просит Наделя выслать по адресу полковника Секеринского две книги: «Alexandre III et son entourage» par Nicolas Notovich и «L'entente» par E. de Cyon¹⁰³. Во втором Мануйлов благодарил за выписку книг и писал:

«Я всегда вам говорил, что я забочусь о вас и во мне вы найдете истинного друга.

Мне необходимо иметь все сведения (слышите, все) о тех господах, которые причинили нам неприятности (*Рачковский, Милевский* и вообще все действующие лица). Пишите подробно и все, что вы знаете и слышали, но старайтесь подтвердить все фактами. *Письма не подписывайте.*

Пришлите это письмо по адресу: Петербург, Степану Кузьмину, Разъезжая, дом 3, кв. 21. Жду этого письма по возможности скорее. Будьте здоровы. Шербаков в Сибири».

Но Мануйлов не унимался, и 7 ноября 1895 года П. И. Рачковский отправил следующую телеграмму Г. К. Семякину: «Из последнего письма Мануйлова к Наделю усматривается, что он предполагает скоро приехать в Париж в интересах документального разоблачения федосеевских происков. Благоволите разрешить поездку Мануйлова. Надель [в] наших руках. Lettre suit»¹⁰⁴.

Вслед за телеграммой пришло и письмо Рачковского на имя Г. К. Семякина. Из содержания письма видно, что жалостный вопль Рачковского был услышан в Департаменте полиции, и Рачковский получил отсюда нравственную поддержку. 20 ноября 1895 года Рачковский писал:

«Многоуважаемый и дорогой Георгий Константинович! Позвольте от всего сердца поблагодарить вас за теплое участие, которое вы мне выразили по поводу интриг Мануйлова и К°. Ваше уверение, что вы видите своих личных врагов в людях, завидующих моему «положению» и тайно подкапыва-

ющихся под меня, дает мне новую силу работать по-прежнему и новую уверенность, что начальство ценит во мне старого слугу, верного своему долгу. Верьте, во мне сохранилось достаточное количество душевных сил и любви к делу, чтобы проявить мою глубокую признательность на деле. Что же касается гнусных интриг, направленных против Департамента, то эти последние, как я смею думать, не прекратятся до тех пор, пока интригующим господам не будет указано их действительное назначение... В данном случае мне вспоминаются времена, когда интригующие ведомства не только не швыряли камнями в наш огород, но, напротив, держались в почтительном отдалении: одни из боязни возбудить гнев великого государя, презиравшего интриганов, а другие — скромно выжидали того времени, когда мы, чернорабочие, доставим для них «канву небесную» в виде результатов нашей тяжелой и неблагодарной возне с революционной средой и просветим их очи, тускнеющие в спокойных кабинетах. За последние полгода это хорошее старое время почему-то сменилось новым, полным невиданного нахальства, подвохов и раздора. Скверное время! Будем, однако, надеяться, что новое начальство положит конец этим ненормальностям и поставит наше учреждение на подобающую ему высоту. Но для того, чтобы достигнуть намеченной цели, потребуются, быть может, обличительные документы, и в этом случае само провидение ниспослало нам наивного Мануйлова, как негодное орудие интриганов в борьбе с нами.

Из прилагаемого письма¹⁰⁵ этого грязного жидка к Наделю вы изволите усмотреть, что он собирается вскоре в Париж. Что же, милости просим! Мы готовы и ждем милого гостя с распростертыми объятиями. Надель перешел на нашу сторону и действует отменно. При его содействии мы достигнем желаемого. Федосеев и К^о останутся довольны. Итак, теперь ясно, что вдохновителями Мануйлова были охраненские тунеядцы, а не бедный Секеринский, которого я впутал в интригу по недоразумению, в чем глубоко раскаиваюсь. Но, спрашивается, что побудило Мануйлова прикрываться его авторитетом в Париже? Желание законспирировать действительных интриганов? Вот именно на этот пункт мы и обратим внимание при расследовании подвоха. Но забавнее всего, что Мануйлову понадобилось «хорошо меблировать квартиру в четыре комнаты». Из этого можно вывести заключение, что юркий жид пожалуйет не один, а в компании одного или нескольких сотрудников. Тем лучше... Благоволите обратить внимание на его телеграмму — несомненно мошеннического происхождения и адресованную на имя какого-то Полака, проживающего по соседству с вами, дом № 56. Интересно было бы выяснить эту личность. Для характеристики Мануйлова могу прибавить, со слов одного близко знающего его

лица, что он человек с удивительно покладистой совестью и с полной готовностью сделать все из-за хорошего куша. Не признаете ли возможным сообщить для моего руководства сведения, добытые расследованием за последнее время? Я лично буду держать вас en congnant¹⁰⁶ всего, что произойдет.

Позвольте еще раз поблагодарить вас за ваше милое письмо и пожелать вам доброго здоровья и всевозможных благополучий. Глубоко уважающий вас П. Рачковский».

Дальнейшего разрешения инцидент Рачковский — Мануйлов не получил; Мануйлов быстрыми шагами делал свою карьеру, но П. И. Рачковский не забыл своей обиды и дождался все-таки времени, когда он мог отомстить Мануйлову.

Но как ярко рисуются в этом эпизоде фигуры двух агентов: старого — осторожного, чтящего свое ремесло, и молодого — начинающего, задорного, виливающего, но сознающего свое право на приобщение к тому же ремеслу.

2. РОКАМБОЛЬ В ВАТИКАНЕ. — ИВАН ФЕДОРОВИЧ МАНУЙЛОВ ПРИ ДВОРЕ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА

12 июля 1897 года Иван Федорович Мануйлов был переведен на службу в Министерство внутренних дел и откомандирован для занятий в Департамент духовных дел, директором коего был А. Н. Мосолов. Мануйлов в это время был не только чиновником; он считался еще и журналистом и был в тесных сношениях с Петербургским охранным отделением. В конце 1897 года он был удостоен высокой награды. Товарищ министра иностранных дел граф Ламсдорф сообщал 29 января 1898 года (за № 487 по I Департаменту Министерства иностранных дел) министру внутренних дел:

«Пребывающий в Санкт-Петербурге персидский посланник уведомил Министерство иностранных дел, что его величество шах персидский пожаловал орден Льва и Солнца 4-й степени журналисту Мануйлову.

Сообщая о сем вашему высокопревосходительству, Министерство иностранных дел имеет честь покорнейше просить вас благоволить уведомить, не встречается ли с вашей стороны каких-либо препятствий к исходатайствованию названному лицу высочайшего соизволения на принятие и ношение пожалованного ему ордена».

По Департаменту полиции был заготовлен следующий проект ответа: «Полагал бы уведомить I Департамент Министерства иностранных дел, что к исходатайствованию Мануйлову разрешения на принятие и ношение ордена Льва и Солнца препятствий по делам Департамента не имеется. Насколько мне известно, услугами Мануйлова пользуется

полковник Пирамидов¹⁰⁷. 11 февраля 1898». В этом духе и был составлен ответ министра внутренних дел.

От ордена Льва и Солнца Мануйлов переходит в... Ватикан.

В Петербурге Мануйлов недолго занимался духовными делами. Ему было предложено отправиться в Рим, аккредитоваться здесь при папском дворе и заняться тайным наблюдением за врагами России — сначала только религиозными нашими недругами, а затем вообще всяческими. В официальной справке находим следующее изображение его деятельности:

«В мае 1900 года в Риме наблюдалось по случаю юбилейных римско-католических торжеств необычайное стечение в Рим паломников, среди которых было много нелегально прибывших из России ксендзов, тяготевших к закланию врагу России кардиналу Ледоховскому; надзор за этими ксендзами, в их многочисленности, доставил немало затруднений Мануйлову, который и входил по сему поводу в сношения с высшей итальянской администрацией. Дальнейших сведений об этом деле в Департаменте не имеется, но некоторое время спустя (когда именно — неизвестно) покойным директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий Мосоловым было поручено сверхштатному чиновнику особых поручений 8 класса при Министерстве внутренних дел Мануйлову — организовать в Риме секретное наблюдение за прибывающими туда из России священнослужителями римско-католической церкви и в особенности за сношениями последних с кардиналом Ледоховским, являвшимся в то время главным руководителем антирусской агитации среди католического духовенства. О существе сего поручения были поставлены в известность наши министры-резиденты при святейшем престоле, которым Мануйлов последовательно доставлял сведения о своих служебных действиях и получал в дальнейших своих действиях инструкции».

Итак, еврей по происхождению, лютеранин по вероисповеданию, И. Ф. Мануйлов состоял защитником православных интересов при главе католичества. Роль этого религиозного деятеля при папском престоле сводилась к постановке агентурного наблюдения. Сохранился в специальном архиве ряд донесений Мануйлова по духовным делам. Надо отдать справедливость агенту по духовным делам: он был необычайно литературен в своих донесениях. Мы познакомим читателя с произведениями его пера.

«В конце апреля 1899 года в Риме появился бежавший из России Жискар. Сейчас же по приезде он отправился в Пропаганду¹⁰⁸, где имел продолжительное свидание с монсиньором Скирмунтом, русским подданным, проживающим уже давно в Риме и пользующимся особым доверием секретаря

кардинала Ледоховского. Жискар рассказал, что русское правительство его преследовало, что его приговорили к ссылке в Сибирь, откуда он бежал. Он просил монсиньора Скирмунта взять его под свое покровительство и представил в Пропаганду небольшую записку, в которой рисовал в самых мрачных красках положение католической церкви в России. Вскоре упомянутый ксендз был принят секретарем Ледоховского Мышинским, и несколько дней спустя ему было выдано 1500 лир. Жискар поселился в Риме, в небольшой квартире бежавшего из России ксендза Струся (Via Borgo-Vecchia, 25), которая сделалась центром сборищ нелегальных ксендзов и приезжавших в Рим католических священников».

Впутав несколько имен, Мануйлов продолжает далее: «Основная цель Жискара — противодействие русскому правительству и католическая пропаганда в униатских местностях. Для осуществления своей заветной мечты он открыл в конце апреля того же года особое учебно-воспитательное заведение в Полонбаре, близ Рима (1½ часа по железной дороге). За 5 тысяч лир был куплен дом, и затем Жискар разослал по Италии и России объявление, в котором за плату в 300 лир в год предлагал вступить в его духовное учебное заведение. Объявление, отправленное в Россию, было составлено по-польски, причем часть его была направлена в Виленскую и Ковенскую губернии, а остальное — в Привислинский край».

Перечислив униатов, обучавшихся в заведении Жискара, и лиц, содействовавших ему денежным вспоможением, донщик сообщает: «По собранным мною частным образом сведениям, малолетние униаты, о которых Департамент писал министру-резиденту (3 августа 1899 г.), находятся в настоящее время в монастыре резурекционистов. Что касается ксендза Жискара, то он теперь в Кракове. Он снова намерен открыть такое же учебное заведение, но не в Риме, а в Австрии, близ русской границы»...

А недреманное око все старается: «Среди деятелей Пропаганды особенное внимание заслуживает монсиньор Скирмунт, ближайший сотрудник и личный друг монсиньора Мышинского — секретаря кардинала Ледоховского. Монсиньор Скирмунт — уроженец России. В ранней молодости он переехал в Галицию, где и получил первоначальное образование, а затем отправился в Рим с целью окончить специальное духовное учебное заведение. Еще в Галиции он познакомился с монсиньором Мышинским, который оставил несомненный след на всей его духовной жизни. Когда Скирмунт окончил курс наук, монсиньор Мышинский пригласил его в Пропаганду, поручая ему небольшие работы специально по вопросам, касающимся России. Блестящие способности, врожденная дискретность и такт в самое короткое время создали этому прелату исключительное положение у самого префекта

Пропаганды. В настоящее время монсиньор Скирмунт заведует русскими делами, и он является докладчиком по всем вопросам, которые так или иначе соприкасаются с положением католической церкви в России. Он ведет крайне активную жизнь, стараясь быть в курсе всего; в его небольшой квартире (на улице Finanzze, 6) постоянное собрание ксендзов из России. Монсиньор Скирмунт находится в переписке с представителями католического духовенства в России, и он беспрестанно предпринимает путешествия в Краков и Львов. Нет сомнения, что, благодаря занимаемому им в Пропаганде положению и многочисленным связям, он является активным антирусским деятелем, и через его посредство ведутся тайные сношения ксендзов с Пропагандой. В беседе с одним лицом, пользующимся полным доверием, Скирмунт сказал, что, благодаря сношениям его с епископом Ячевским, число униатов, приезжающих в Рим, за последнее время значительно увеличилось, и что католическая пропаганда особенно достигает хороших результатов в Люблинской губернии. Монсиньор Скирмунт уверяет, что епископ Ячевский будет всячески бороться против семинарских реформ, задуманных русским правительством, о чем он недавно еще сообщал через него, Скирмунта, кардиналу Ледоховскому. В скором времени в Рим ожидается один ксендз из люблинской епархии, который будет иметь поручение в Пропаганду. Желая, по возможности, выяснить тайные пути сношений русских ксендзов с Пропагандой, я имел случай узнать, что в Варшаве проживает племянница монсиньора Скирмунта, некая Ирена Ольшевская (улица Капуцинов, № 3), которая находится в постоянной переписке со своим римским родственником и частных общениях с католическими священниками. О ней монсиньор Скирмунт отзывался с большим доверием, и когда некто спросил, в курсе ли она дел, упомянутый прелат ответил: «Она все знает и всем интересуется. Русские власти на нее не обращают внимания и совершенно ее не подозревают. Она оказывает Пропаганде громадные услуги, и кардинал Ледоховский очень ценит ее преданность и готовность служить его идеям».

Деятельность Мануйлова простирается до того, что он переписывает в своем донесении дошедшее до него «частным образом письмо католического священника И. Кривоша (из Белостока)», где тот просит индульгенций для своей паствы. Затем Мануйлов представляет визитную карточку Скирмунта, «адресованную на имя священника Чесняка. В беседе с лицом, которому дана прилагаемая карточка, монсиньор Скирмунт подтверждает, что Чесняк является видным деятелем в смысле посредничества между русским католическим духовенством и Пропагандой».

В следующем рапорте доносится: «В Рим, по случаю юби-

лейного года, прибыло около двух тысяч русских католиков, преимущественно жителей Привислинского края, Ковенской и Виленской губерний, которые вошли в состав краковского и познанского паломничеств. Все эти паломники, с папскими кокардами, предводительствуемые нелегальными ксендзами, в лице бежавших из России ксендзов Струся, Серафино Майхера, Абзевича и других, а также учеников польской коллегии, осматривают базилики. На днях паломники начали петь польские песни, причем были остановлены местной полицией. Часть упомянутых паломников, в количестве 360 человек, выехала 2 мая сего года (1900) в Россию. Во главе их — монсиньор Смошинский и ксендз Бринский. По наведенным мною справкам, остановятся на 2 дня в Кракове. Большая часть паломников, прибывших сюда из России, не имеет законных заграничных паспортов, что было мною лично удостоверено. Во время пребывания в Риме паломники находятся всецело в руках нелегальных ксендзов-фанатиков, ведущих антирусскую пропаганду, которые вряд ли могут иметь на них желаемое влияние».

Министерство внутренних дел обеспокоено тем, что среди паломников «большое число польских крестьян вовсе без паспортов». Кроме того, Мосолов извещает Манасевича, что «г. министру угодно, дабы вами обращено было внимание на вожаков из числа паломников».

Затем Мануйлов извещает об епископе Полюлионе, сначала прибывшем инкогнито к Скирмунту. Рассказывает, что «кардинал Рамполла рекомендовал епископу жить в полном согласии со светской властью и стараться идти навстречу примирительным начинаниям императорского правительства».

В следующем докладе русский агент характеризует католических деятелей в России и полагает, что Жискар, нуждающийся в 10 000 рублей, найдет нужную сумму «при его энергии и умении пользоваться обстоятельствами... и снова учредит антирусскую конгрегацию; но на этот раз в Австрии, вблизи русской границы». Отысканная «агентурным путем» карточка Жискара пересылается в министерство.

Таким образом, в России составился «перечень лиц, упоминаемых исполняющим должность агента по духовным делам в Риме». В него вошли Генеуш, Шалбьевич, Капистран, Сикорский, Рошак, Каревич, Финарович, Новицкий, Собанский, Добровская, Светлик, — всего 11 человек. При каждом — характеристика. О них наводятся дальнейшие справки.

К этим лицам прибавился Яков Василевский, не имеющий заграничного паспорта. «По приезде в Рим он поселился в конгрегации Струся, где, собрав 26 паломников, произнес на польском языке речь. Он призывал паломников к борьбе с русским правительством и закончил речь словами: «Нам в на-

чале царствования Николая II много обещали, но теперь мы ясно видим, что русские чиновники по-прежнему преследуют нас и нашу церковь. Неужели же у нас не хватит веры в нас самих, и мы не сумеем воскресить нашу прежнюю отчизну». Речь эта, добытая мною агентурным путем, была покрыта аплодисментами, а затем присутствующие, по почину Василевского, пели польские патриотические песни».

Как достигал Мануйлов своих целей, видно из конца его докладной записки: «Мною были приняты меры к подысканию в известных сферах людей, которые за денежное вознаграждение могли бы держать меня в курсе всего того, что происходит. После тщательного ознакомления с отдельными кружками мне удалось заручиться сотрудничеством двух католических священников, пользующихся полным доверием в здешних польских сферах. Кроме того, я имею возможность войти в сношения и пользоваться услугами двух лиц в Кракове и одного во Львове, — лиц, которые по своему положению в курсе всех начинаний антирусской партии. Мне казалось возможным заручиться содействием итальянского правительства, что и было достигнуто путем дипломатических переговоров поверенного в делах и соглашением, происшедшим между директором политической полиции в Риме г. Леонарди и мною. С известными сотрудниками и содействием местных властей наблюдения за польскими происками могут дать полезные результаты».

Иногда доклады рисуют общую картину настроения папского двора: «В двадцатых числах сентября текущего года Лев XIII получил анонимное письмо, в котором его предупреждали о задуманном против него покушении, которое должно было быть произведено в соборе святого Петра во время одного из паломничеств. Многие из кардиналов советовали папе не спускаться в собор святого Петра, так как в самом деле может найтись безумный, который совершит злодейское дело, но папа категорически протестовал и не пропустил за все это время ни одной церемонии. На одном из приемов паломников раздался резкий крик «долой папу!», сопровождавшийся свистками. Ввиду громадного стечения народа трудно было установить, кто именно позволил себе эту выходку. Она произвела на папу тяжелое впечатление, и церемония была наполовину сокращена. В ватиканских кружках говорят, что произведенное полицией негласное расследование доказало, что письмо, полученное Львом XIII, несомненно, исходит из анархических сфер, где, как известно, замечается в данное время сильное брожение. В кружках, сопричастных Ватикану, упорно говорят о том, что папский интернунций в Гааге, монсиньор Тарнасси, в скором времени получит назначение помощника папского статс-секретаря (Substitut), вместо монсиньора Трипепи, ожидающего кардинальскую шапку. Вопрос этот должен решиться в

декабре текущего года, так как к этому времени ожидают консистиорию. Назначение монсиньора Тарнасси имеет особенное значение, так как этим Ватикан в окончательной форме ликвидирует мысль о посылке упомянутого прелата в Россию.

Мне пришлось слышать, что назначения Климашевского польским епископом не встречает сочувствия в Ватикане. Уклончивый ответ кардинала Рамполлы, данный нашему поверенному в делах, может служить подтверждением циркулирующих слухов. Сведения, собранные Ватиканом о Климашевском, исходят от одного лица, проживающего в Одессе и находящегося в сношениях с епископом Согмоном». (По этому поводу заметка на полях карандашом: «То есть просто от него самого»).

Не останавливаясь на других доносах талантливого агента, приведем следующую секретную телеграмму коллежского советника Сазонова из Рима 9 (22) января 1901 года:

«Мануйлов просит передать А. Н. Мосолову: по полученным мною сведениям, в католическом монастыре в Ченстохове печатается литографическим способом польский еженедельный журнал «Светоч», имеющий целью националистическую пропаганду. Редактором его состоит монах Пий Пшездецкий. Кроме того, в монастыре образован склад подпольных изданий. Прошу проверить эти известия на месте, имея, однако, в виду, что неосторожные наблюдения могут быть быстро узнаны, и литография будет перенесена».

Когда-то Тютчев сказал про папу:

Его погубит роковое слово:

«Свобода совести есть бред».

Для русского правительства со всеми его прислужниками из лютеран — свобода совести тоже была бредом, и, извращая свободный смысл православия, когда надо, прикрываясь им, — они все искали в душе человеческой.

Мануйлов не принадлежал к числу тех агентов, которые ведут свое дело шито-крыто; ему сопутствовала всегда громкая известность. Так и в Италии: он скоро был разоблачен, и ряд скандалов ознаменовал его пребывание здесь. Из цитированной уже нами справки о Мануйлове берем сухой летописный перечень фактов:

«Из агентурных сведений из Рима, от 4 сентября 1901 г., усматривается, что на собрании русских и польских социал-демократов было решено сделать дипломатическому агенту при римской курии Мануйлову, шпиону и начальнику заграничной полицейской агентуры, публичный по всей Европе скандал посредством издания о нем особой книги.

В 1901 году, по приказанию министра внутренних дел егермейстера Сипягина, на Мануйлова, тогда исполнявшего обязанности по римско-католическим делам в Риме, было возло-

жено поручение организовать наблюдение за антигосударственными группами, обосновавшимися в Риме, причем, согласно утвержденному 16 июня докладу, на ведение агентурного дела Мануйлову было отпущено из секретных сумм Департамента полиции 1200 рублей в год; в июле 1902 года, согласно ходатайству Мануйлова, признававшего, что, ввиду ограниченности этой суммы, он не мог заручиться серьезными сотрудниками, и большая часть добытых им сведений носила случайный характер, сумма эта была увеличена до 4000 рублей.

В первой половине 1904 года в Департамент полиции поступил из Рима ряд жалоб двух агентов Мануйлова, Семанюка и Котовича, на неаккуратный расчет с ними Мануйлова, будто бы наделавшего за границей массу долгов и производящего «гнусности»; жалобщики угрожали разоблачениями в печати и парламенте относительно деятельности русской политической полиции в Италии.

По сему поводу и ввиду нежелания римской квестуры принять принудительные меры в отношении этих лиц, Департамент полиции 4 июля 1904 года за № 6937 предложил Мануйлову озаботиться прекращением домогательств Семанюка и Котовича».

В это же время в Риме возникла оживленная газетная полемика по поводу деятельности тайной полиции в Риме. По этому поводу Министерство иностранных дел высказало пожелание, чтобы впредь функции агента по духовным делам при императорской миссии в Ватикане и заведование русской тайной полицией в Риме не совмещались бы в одном лице Мануйлова. По этому поводу Департамент полиции ответил министерству, что вся эта газетная полемика возникла на почве ложных сообщений в прессу, сделанных Котовичем и Семанюком, и что все выпады прессы лишены оснований, ибо Мануйлов никаких действий по розыску в Риме не предпринимал и никаких поручений в этом смысле не получал, и даже проживает уже два года в Париже.

Как мы видим, Департамент на этот раз солгал, ибо Мануйлов как раз, помимо духовной функции, выполнял и политические. Итальянская история Мануйлова наполнила шумом его имени все итальянские газеты, и он действительно должен был бежать из Рима. Уже в этот период мы встречаемся с недостатком Ивана Федоровича, недостатком, который стал хроническим. Мануйлов запускал платежи состоявшим у него на службе шпионам и агентам и просто недоплачивал им. Обманутые им агенты — люди всяких национальностей: немцы, французы, итальянцы, голландцы и так далее, — лезли на стену и устраивали скандалы: обличали его в прессе, жаловались в суд, обращались в Департамент и к министру, оказывали воздействие чисто физически при личных встречах. Но Мануйлов был неисправим.

3. РОКАМБОЛЬ ЗАНИМАЕТСЯ ЛИТЕРАТУРОЙ. — МАНУЙЛОВ — ЖУРНАЛИСТ

Итальянские скандалы нисколько не повредили карьере Мануйлова; наоборот, этого человека, на все способного, стали расценивать еще выше, а поручения, даваемые ему, становились все деликатнее.

Главным же образом дальнейшему преуспеванию Рокамболя содействовало назначение на пост министра внутренних дел статс-секретаря В. К. Плеве. Проведенный в министры, как о том вспоминает в своих мемуарах граф С. Ю. Витте, исключительно князем Мещерским, который тотчас же после убийства Д. С. Сипягина написал Николаю II, что «единственным человеком, способным поддержать порядок и задуть революционную гидру, является В. К. Плеве», последний, конечно, был связан Мещерским целым рядом обязательств, и в числе их всегдашняя поддержка «духовных сынов» князя была далеко не последним долгом Плеве. Так было с Бурдуковым¹⁰⁹, с Засядко¹¹⁰, было так и с Мануйловым.

А тут еще литературные достоинства его доносов, его любезная общительность и связи с миром прессы сами собой наталкивали начальство на мысль о приложении способностей его к литературе и журналистике.

В августе 1902 года министром внутренних дел Плеве была возложена на Мануйлова временная командировка в Париж на 6 месяцев для установления ближайших сношений с иностранными журналистами и представителями парижской прессы, в целях противодействия распространению в сей прессе ложных сообщений о России, с отпуском ему 1500 рублей в виде жалованья и 3000 рублей на расходы.

О сношениях Мануйлова с французской прессой стоит рассказать специально. Сам Мануйлов впоследствии давал скромную оценку своей деятельности: «Я был командирован В. К. Плеве в Париж для сношений с заграничной печатью, причем покойный министр доверял мне не только это дело, но давал мне поручения самого секретного характера. За все время моего пребывания в Париже мне доверялись весьма значительные суммы, и, несмотря на щекотливость поручения, оно было выполнено мною так, что о нем никто не знал, и ни одна из революционных газет никогда не печатала статей, направленных против этой стороны деятельности Департамента полиции. Благодаря усилиям, сделанным в то время, в заграничной печати прекратилась агитация, направленная против нашего правительства после кишиневского погрома. Я получал от покойного министра неоднократные благодарности».

В мае 1903 года Мануйлову было отпущено 800 франков

на издание брошюры на французском языке по поводу манифеста 26 февраля 1903 года¹¹¹. В августе того же года на Мануйлова было возложено секретное поручение по части итальянской прессы.

В октябре 1903 года Мануйлов сообщил Департаменту, что он, согласно приказанию директора, вошел в переговоры с римским журналистом Белэном, который за вознаграждение в 200 франков в месяц согласился снабжать его сведениями обо всем, что происходит в итальянских социалистических кружках и в редакции газеты «Avanti», и что, кроме того, польский журналист Домбровский выразил согласие за вознаграждение в размере 500 франков в месяц давать сведения из сфер, сопричастных к журналу «Еигорée». Вследствие сего последовало ассигнование дополнительного кредита в размере 700 франков в месяц.

От «занятий журналистикой» Мануйлов перешел к работам в области международного шпионажа, и здесь его успехи достигли своего апогея. Но и в это время, и позже он не оставлял в покое литературы. Забегая несколько вперед и нарушая хронологию, доскажем здесь о его литературных происках.

В 1904—1905 гг. в распоряжение Мануйлова было отпущено на субсидирование иностранных газет 16 000 франков. Для той же цели Мануйлову было дополнительно отпущено еще 2200 франков.

Наконец, Мануйлов своей «литературой» становится известен бывшему императору: «Согласно личному распоряжению государя императора, — рассказывает Мануйлов, — мне было поручено издавать в Париже газету «La Revue russe», на каковое издание выдавались суммы по особому приказу государя. Я после трех или четырех месяцев издания увидел бесцельность такого издания, и по моему докладу журнал был закрыт».

Когда Мануйлов был не у дел и просил работы у П. А. Столыпина, последний направил его к своему товарищу А. А. Макарову, а Макаров предложил ему заняться приисканием агентуры среди журналистов. «Несколько дней спустя, — повествует Мануйлов в не раз цитированном нами письме, — я исполнил приказание и приобрел двух агентов (они работают и посейчас)¹¹². Затем Александр Александрович Макаров приказал мне войти в сношение с подполковником Невражиным и назвать ему тех агентов, которые были мною найдены. Я счел долгом выполнить приказание Александра Александровича и представил Невражину своих сотрудников. Во время моей работы с Невражиным я был командирован в Париж и там устроил издание книги «Правда о кадетах», напечатав ее в «Nouvelle Revue».

Получив вкус к литературе, Мануйлов отдал ей много времени, когда отошел или, вернее, был отстранен от работы для

Департамента полиции. Это было много позднее — когда Иван Федорович много писал в «Новом времени» и «Вечернем времени». Но о литературной, в узком смысле слова, деятельности его мы говорить не будем, а возвратимся теперь к расцвету его деятельности. Пока же отметим один учиненный в Париже ловкий ход Мануйлова, принесший ему впоследствии весьма заслуженные плоды. Интересен этот ход и потому, что рисует еще одну характерную сторону Рокамболя — его страсть к интриге ради интриги и к предательству ради предательства. Взысканный милостями всесильного Плеве и целиком зависевший от него, он, ради удовлетворения этой своей страсти, не задумался выдать своего патрона посетившему в 1903 году Париж С. Ю. Витте¹¹³, находившемуся к тому же в то время в полной опале.

Вот что рассказывает об этом сам Витте: «Во время моего пребывания в Париже как-то ко мне зашел некто Мануйлов, один из духовных сыновей редактора «Гражданина» князя Мещерского¹¹⁴, назначенный Плеве после Рачковского¹¹⁵ в Париж по секретным делам, чтобы сказать мне, чтобы я на него не гневался, если узнаю, что за мною следят тайные агенты. Это, мол, не его тайные агенты, а плевенские, — сопровождавшие меня прямо из Петербурга.

И действительно, на другой день некоторые члены французского министерства сообщили мне через третье лицо, что за мною следят русские филеры. Когда затем я начал обращать внимание, то и я заметил их, и, вернувшись в Петербург, благодарил Плеве за заботу о моей безопасности, что немало его сконфузило».

4. КРУПНЫЕ ДЕЛА РОКАМБОЛЯ. — МАНУЙЛОВ В КОНТРРАЗВЕДКЕ

Русско-японская война открыла горизонты перед жадными взорами Мануйлова. Наблюдение за римскокатоликами, возня с прессой, — все это были мелочи в сравнении с деятельностью в сфере военного шпионажа, да еще в период войны. Разведки, контрразведки окружены были глубокой тайной и оплачивались крайне высоко.

Не прекращая забот о прессе и получая из Департамента общих дел и Департамента полиции специально на прессу до 9000 рублей ежегодно, Мануйлов устремился к организации специально военного шпионажа. Департаментская справка следующим образом излагает его деятельность.

«С начала военных действий в Японии против нашего отечества Мануйловым была учреждена непосредственная внутренняя агентура при японских миссиях в Гааге, Лондоне и Париже, с отпуском ему на сие 15 820 рублей; благодаря сему

представилось возможным, наблюдая за корреспонденцией миссий, получить должное освещение настроений и намерений нашего врага; кроме того, Мануйлову удалось получить часть японского дипломатического шифра и осведомляться таким образом о содержании всех японских дипломатических сношений; этим путем были получены указания на замысел Японии причинить повреждение судам второй эскадры на пути следования на восток. По возвращении в Россию Мануйлов получил от Департамента поручение организовать специальное отделение розыска по международному шпионству и наблюдение за прибывающими в столицу представителями некоторых держав, сочувствовавших Японии. Энергичная деятельность Мануйлова дала вскоре же осведомленность в отношении английского, американского, китайского и шведского представителей, причем Мануйлов даже сумел проникнуть в тайну их дипломатических сношений, а равно организовал агентуру при турецком посольстве.

В октябре 1904 года, ввиду полученных указаний, что Вена, Стокгольм и Антверпен являются центрами японской военно-разведочной организации, Департаментом было признано полезным учредить, через посредство Мануйлова, в этих городах наблюдение, на что Мануйлову и было отпущено первоначально 770 франков, а затем 800 франков и, наконец, ежемесячно по 5550 франков».

Ввиду всего этого Мануйлову было исходатайствовано пожалование ордена святого Владимира 4-й степени. Уж не знаем, в какой связи с его деятельностью находится последовавшее в 1905 году соизволение на принятие и ношение Мануйловым испанского ордена Изабеллы католической.

Сам Мануйлов рассказывает следующее о своей «военной» деятельности:

«Проживая в Париже, я имел возможность получать сведения о шпионских происках в России, и, когда я вернулся в Петербург, я доложил директору Департамента полиции о необходимости организации для борьбы с международным шпионажем, направленным против нашего правительства. Мой проект был одобрен в то время министром внутренних дел, и мне было поручено организовать особое отделение при Департаменте. Основная задача отделения, кроме наблюдения чисто полицейского за шпионами, сводилась к получению агентурным путем шифров иностранных государств. В самое короткое время мною были получены дипломатические шифры следующих государств: Америки, Китая, Болгарии, Румынии. Благодаря этим шифрам, все отправляемые и получаемые телеграммы разбирались в Департаменте полиции и представлялись его императорскому величеству. Во время войны мне было приказано достать шифр японского государства. С этой целью я, заручившись агентом, отпра-

вился в Гаагу и после страшных усилий, рискуя своей жизнью (фотографии шифра снимались в квартире посольского лакея, на краю города), я получил шифр японцев. За этот шифр было уплачено, вместе со всеми фотографиями (шифр представлял две огромные книги), 3¹/₂ тысячи рублей — 8000 франков или 9000 франков, сейчас точно не помню. Если бы я хотел быть корыстным, то в то время я мог бы получить огромную сумму, но мне не могло и прийти в голову подобное соображение. Я был искренне счастлив, что мне удалось в такой серьезный момент выполнить такое важное поручение, а между тем нашлись люди, которые распространили гнусные слухи о том, что я получил за это дело 50 тысяч рублей. Затем я достал возможность получения германского шифра (я заручился согласием служащего германского посольства в Мадриде), и это дело не было выполнено исключительно по преступной небрежности покойного директора Департамента полиции Коваленского, который на все мои по сему поводу доклады не считал даже нужным что-либо предпринять. В бытность директора Департамента полиции Коваленского было и другое дело, которое может служить прекрасной характеристикой халатности, которую проявлял Департамент. Я получил письма военного агента Японии Акаши, который переписывался с группой финляндских революционеров и с армянскими террористами. Из этой переписки было видно, что японцы дают деньги на организацию московского вооруженного восстания, и при помощи их революционеры снаряжают пароход с оружием, который должен быть отправлен в Финляндию. Я по этому поводу писал, телеграфировал, но не получал надлежащих указаний. В конце концов было отправлено судно «Джон Крафтон», и если бы оно случайно не наскочило на камни, революционеры получили бы громадный транспорт оружия и динамита. Все это имеется в Департаменте, и пусть посмотрят мои доклады, которые подтвердят, что я имел все сведения, которые не были использованы Департаментом. Эта страница деятельности Департамента достойна внимания. Она могла стоить очень дорого.

Почти одновременно с этой работой на меня была возложена охрана Балтийского флота, причем князь Святополк-Мирский¹¹⁶ вручил мне более 300 тыс. руб., но я не желал брать на себя расходование такой суммы, и дело было поручено капитану французской службы Луару, рекомендованному бывшим министром иностранных дел Делькассе. За мои труды в области борьбы с международным шпионством, по докладу князя Святополк-Мирского, мне была дана награда: я получил Владимира 4-й степени, не имея никакой до этого награды. Когда министр пригласил меня и вручил мне орден, князь сказал мне, что его величество приказал ему передать

его особую благодарность за мою деятельность. Несколько лет перед этим я имел счастье сопровождать его величество за границу, и я был помощником П. И. Рачковского по организации охраны в Дармштадте».

Ловкостью рук Мануйлов составил свою репутацию, и когда оказывались недопустимыми или неосуществимыми всевозможные легальные воздействия, тогда начальство прибегало к помощи Рокамболя, и Рокамболь выручал. Великолепный образчик искусства Мануйлова дает дело Коковашина; в нем он поистине явился спасителем отечества.

Позволим себе рассказать, на основании документов, об этой характернейшей афере.

В сентябре 1904 года некто Константин Александрович Коковашин обратился в ученый отдел Главного морского штаба и в комитет по усилению военного флота с предложением представить шесть минных истребителей, по 320 тонн водоизмещения каждый, в один миллион рублей, причем представил заключенный им во Франции и написанный на гербовой бумаге договор с английской фирмой Morgan Marshall and Co Limited в Лондоне.

Указанное предложение ученым отделом было отвергнуто; что же касается комитета, то, по докладе предложения Коковашина председателю членом комитета Н. И. Перцовым, председатель приказал члену-делопроизводителю комитета П. Верховскому, ознакомившись с делом, спросить Главный морской штаб, представляется ли желательным приобретение предлагаемых миноносцев, причем, если представляется желательным, то было разрешено выдать Коковашину письмо, как удостоверение, что с ним заключена комитетом сделка по доставке упомянутых судов.

17 сентября Коковашин подал в Главный морской штаб и комитет по усилению флота заявление о понижении заявленной им цены до 780 тысяч рублей за миноносец.

22 сентября членом-делопроизводителем лейтенантом П. В. Верховским было выдано Коковашину следующее письмо:

«Согласно вашего заявления, я, нижеподписавшийся, сим удостоверяю, что по прибытии в порт императора Александра III предлагаемых вами миноносцев, кратко описание которых и чертеж находятся у меня за подписями ваших участников в деле, как указано в заключенном вами договоре от 22 сентября нового стиля сего 1904 года в Париже с гг. Morgan Marshall et Co Limited, подлинник которого также находится у меня, вам будет уплачено от высочайше учрежденного комитета по усилению флота России за каждый вышеуказанный миноносец с вооружением и всем необходимым снабжением, с тремя минами Уайтхеда на каждый минный аппарат, по семисот восьмидесяти тысяч рублей кредитными. Способ уплаты в банк, на который будут выдаваться

чеки, будут установлены представителями комитета с вами в Париже».

Со стороны морского ведомства переговоры вели следующие лица: контр-адмирал в отставке Черкас, капитан второго ранга Шателен, барон Таубе и лейтенанты Верховский и фон Шульц. Уплата должна была производиться по векселям на парижский банкирский дом Ротшильда.

6 ноября нового стиля бароном Таубе были выданы расписки Коковашину, в счет уплаты за два миноносца, на 12 ноября, но уплата по распискам не была произведена, несмотря на то, что расписки были представлены к уплате раньше времени, так как от судов пришлось отказаться, и банкир был своевременно предупрежден об этом.

Спустя некоторое время в наше посольство в Париже и банкирский дом Ротшильда стали являться разные подозрительные личности, справлявшиеся о подлинности и значении документов комитета по усилению флота, выданных Коковашину, которому будто бы поручено приобретать миноносцы и другие суда, с уплатой за это в Париже крупной комиссии, в счет которой он пускается в разные сомнительные дела. Между прочим, в посольство приносили официальное письмо к нему за подписью лейтенанта Верховского, перешедшее затем в руки какой-то аферистки для покупки жемчуга. Кроме того, Коковашин заложил ростовщику за 8000 франков чек за подписями Шателена и Таубе на 21 тысячу фунтов, по которому банкирский дом Ротшильда отказался уплатить. Три меньших чека, всего на 16 000 фунтов, находились у известных в Париже мошенников, а обязательство на сумму в 120 000 фунтов находилось у английского банкира Голланда. Помимо сего, банкирскому дому Ротшильда были предъявлены чеки, подписанные лейтенантом Таубе, за покупку судов на 2 миллиона франков, в уплате которых было также отказано. Парижские владельцы чеков намерены были преследовать и арестовать Коковашина, при содействии которого, как уполномоченного нашим правительством, сделка с Шателеном и Таубе была совершена.

Ввиду того, что настоящий инцидент произошел во время заседаний в Париже комиссии по Гульскому делу¹¹⁷ и мог развиться крупным скандалом, наш посол в Париже признал весьма важным удалить легально и юридически Коковашина из Франции, чтобы при преследовании его за мошенничество все это грязное и запутанное дело не стало предметом публичного разбирательства и газетного скандала.

На докладе министра иностранных дел 10 ноября означенного вопроса бывший император положил резолюцию: «Это недопустимо».

Бывшим тогда директором Департамента полиции Лопухиным была получена 16 ноября из Ай-Тодора от великого

князя Александра Михайловича следующая телеграмма: «Прошу оказать всевозможное содействие лейтенанту Верховскому по делу, которое он вам лично доложит».

При наличности резолюции царя и при крайней необходимости замять дело, что же оставалось делать? Да, обратиться к Мануйлову.

17 ноября Мануйлову было предложено по телеграфу обратиться за содействием к начальнику *Sûreté générale*¹¹⁸ г. Кавару для ограждения нашего морского ведомства от шантажных притязаний Коковашина, на что 19 того же месяца была получена телеграмма от Мануйлова, в которой сообщалось, что Коковашин согласен выехать в Петербург, но для урегулирования этого дела необходимо выслать 20 000 франков для уплаты его долгов.

26 ноября чиновник особых поручений Мануйлов донес, что через доверенное лицо ему удалось получить от Коковашина как письмо лейтенанта Верховского, так и условия, заключенные с английскими фирмами на поставку миноносцев, которые и были доставлены при означенном донесении и 9 декабря были препровождены капитану 2 ранга Шателену.

25 ноября Коковашин выехал из Парижа в Петербург и по прибытии в Россию поселился в Павловске. Дабы впредь лишить Коковашина возможности выехать за границу, Департамент полиции просил санкт-петербургского градоначальника не выдавать названному лицу заграничного паспорта.

Но как же Мануйлову удалось добиться таких результатов? Очень просто. Через своих агентов он выкрал нужные документы и затем вошел в переговоры с Коковашиним. О работе Мануйлова в этом деле и о том величайшем конфузе, который оно могло принести русскому правительству, мы узнаем из конфиденциального письма жандармского офицера Шелькинга, работавшего по агентуре в Париже.

«Считаю своею обязанностью сообщить вам, для передачи Петру Аркадьевичу¹¹⁹, следующие подробности о деле, которое грозит послужить темою к запросу в Палате депутатов, и к связанному с ним разоблачению в здешней печати, могущему вредно отразиться на моей здешней работе.

Дело идет о поручении, данном в 1904 году некоему Коковашину, купить для России миноносцы в Англии. Вначале поручение дано было ему морским министерством письмом за подписью Стронского, бывшего адъютанта адмирала Авелана. Затем переговоры перешли к гг. Шульцу (как говорят, псевдоним, коим пользовался здесь адмирал Абаз), Шателену, адъютанту великого князя Александра Михайловича, и лейтенанту Таубе, которые должны были купить эти суда на счет добровольных пожертвований. Миноносцы должны были идти под венесуэльским флагом. В уплату их барон Таубе выдал векселя на дом Ротшильда на сумму 2 с лишком мил-

лиона. Но в момент получения по чекам оказалось, что деньги у Ротшильда взяты. Мотив — несуществование будто бы объекта купли и продажи, то есть миноносцев. По этому предмету Коковашин и стоящие за ним англичане предъявили иск к нашему правительству. Посольство, а равно и морской агент в Париже, поставленные в известность в этом деле, заявили, что оно их не может касаться, так как иск и претензия предъявлены на Шульца, Шателена и Таубе — представителей комитета добровольных пожертвований.

Как видите, до сих пор дело действительно как будто не представляет особого интереса, и я не стал бы утруждать внимание Петра Аркадьевича, но иначе обстоит с его разветвлениями.

Вероятно, действуя на основании каких-либо предписаний из Санкт-Петербурга, бывший в то время чиновник особых поручений при министре внутренних дел, командированный в Париж, И. Ф. Мануйлов, как явствует из показания Наделя, его бывшего агента, приказал ему добиться возвращения в Россию Коковашина. С этой целью Надель познакомил Мануйлова с неким Витоли (в настоящее время скрывшимся). Витоли обязался исполнить желание последнего, познакомился с этой целью с Коковашиним, под видом желания вступить с ним в компанию, снабдил его деньгами для поездки в Санкт-Петербург, а тем временем «экспроприировал» некоторые из имеющихся у Коковашина документов, не зная, что стоящие за спиной последнего дельцы (Коковашин производит впечатление человека слабоумного и лица подставного) успели снять фотографии с большинства из них. По наущению их же Коковашин подал во французский суд, обвиняя гг. Наделя, Витоли в краже, и, как увидите, это обвинение может иметь некоторые шансы быть доказанным на основании свидетельских показаний. В настоящее время дело у судебного следователя Бетра, но задержано, вследствие завала в работе по делу Рошета. Помощник его, г. Бертело, говорит, что дело в высшей степени скабрзное и что, по-видимому, причастие агентов нашей полиции в Париже не подлежит сомнению.

Опасность заключается в том, что при переходе дела в руки прокурора оно делается достоянием печати и, по всей вероятности, за нее ухватятся социалисты для запроса правительству о деятельности в Париже нашей полиции. Замять его трудно, так как происшествие случилось во Франции и с французскими подданными (Витоли и Надель). Почему в него вмешалась наша полиция, на обязанности коей лежит, насколько мне известно, наблюдение над политическими, судить не берусь, но, повторяю, не считаю возможным не довести всего вышеизложенного до сведения Петра Аркадьевича, дабы дело это не было для нас неожиданным сюрпризом. Кроме того, так как я предвижу пресловутый скандал, то на

моей обязанности — предупредить о нем. Выписки из дела и свидетельские показания прилагаю в копии».

В цитированном нами памфлете находим еще свидетельства о ловкости рук Мануйлова, которой он подкупил Плеве. Достоверность сообщения остается на ответственности автора памфлета.

Во время борьбы за власть Плеве и Витте Мануйлову было поручено раздобыть документы, уличающие Витте в неблагонадежности.

Князь Мещерский, игравший тогда крупную роль в высших сферах, ввел Мануйлова к Витте. Здесь он каким-то путем выяснил, что нужные документы хранятся у одного из бывших секретарей Витте. Поместившись в номере гостиницы «Бель-Вю», смежном с номером, занятым этим секретарем, Мануйлов при помощи подобранных ключей проникает в номер последнего, вскрывает его письменный стол и снимает нужную копию с бумаг. Все это было сделано ловко, бесшумно, и результатом этого явилось увольнение Витте от должности министра финансов.

На организацию кражи документов у Витте Мануйлову была отпущена Плеве крупная сумма денег, но Мануйлов еще ухитрялся просить на «непредвиденные расходы», что приводило Плеве в бешенство. Во время этой «истории» был, между прочим, характерный случай, когда на одном из докладов Мануйлова Плеве поставил резолюцию: «Этот болван ворует не то, что нужно».

5. ВЕЛИЧИЕ И ПАДЕНИЕ РОКАМБОЛЯ. — УСТРАНЕНИЕ МАНУЙЛОВА

В середине 1905 года деятельность Мануйлова достигла кульминационной точки. В это время ему из средств Департамента полиции отпускалась круглая сумма, составлявшая в год ни много ни мало, а всего 9000 рублей и 105 000 франков, или, по курсу, всего около 50 000 рублей. По официальной справке, чиновнику особых поручений отпускалось ежемесячно 1) личное содержание — 250 руб., 2) на агентурные расходы — 500 руб.; 3) на содержание сотрудников: Белэна — 200 франков, Домбровского — 500 франков и Z. — 1500 франков; 4) на военно-разведочную агентуру: в Вене — жалование сотруднику 1500 франков и двум агентам — 1000 франков; в Стокгольме: сотруднику 600 франков; двум агентам — 700 франков; в Антверпене: сотруднику — 500 франков, одному агенту — 350 франков, и на телеграфные расходы по 300 франков на каждый пункт, всего 900 франков; в Лондоне — 500 франков. Кроме того, ему возмещались, по особым докладам, телеграфные и другие экстренные расходы в размере по 500

франков. Но этой суммой (9000 руб. и 105 000 франков в год) еще не ограничивались получения Мануйлова с русского правительства. С 22 апреля 1905 года было приказано выдавать ему из секретных сумм Департамента полиции по 4200 рублей в год в виде добавочного содержания. Кроме того, он получал еще на прессу: в 1905 году ему было выдано на сей предмет 2200 руб. из Департамента полиции и 16 000 франков из Департамента общих дел. Но и это еще не все. Мануйлов вошел в сношения еще и с Главным артиллерийским управлением, которому он взялся доставлять специальные документы, то есть чертежи орудий и тому подобное. В течение года им было получено на этот предмет 16 500 марок и 40 000 франков. Наконец, добрую часть получил Мануйлов и из крупной суммы, ассигнованной на охрану Балтийского флота. Когда Департаменту полиции, по встретившейся надобности, пришлось проверить количество и сумму переводов на счет Мануйлова, то выяснилось, что только за время с 19 октября 1904 года по 14 июля 1905 года, то есть за 9 месяцев, ему было переведено через Лионский кредит 52 628 руб. 1 коп. К этим суммам надо прибавить экстренные получки за выполнение поручений чрезвычайных и доходы от частных негоций.

На быстрых крыльях веселие летит,
А горе — тут как тут.

Высоко занесся Рокамболь, но не удержался на высоте. В момент наибольшего благополучия — у него сорвалось. На сцене появился Тортильяр и погубил Рокамболя. В 1905 году, при товарище министра внутренних дел Д. Ф. Трепове, в Департаменте полиции вновь воссиял П. И. Рачковский, который и стал руководить розыскной деятельностью Департамента. Первым делом он обратил свое внимание на Мануйлова и вспомнил об обидах, испытанных по его милости. На помощь Рачковский призвал своего, можно сказать, воспитанника Гартинга, который был назначен начальником секретного отделения Департамента полиции. Они пристально занялись Мануйловым и доказали начальству, что, во-первых, Мануйлов берет слишком дорого за свои сообщения, во-вторых, Мануйлов совершенно не церемонится с фактами. Они показали, что выписки и фотографии, которые Мануйлов выдавал за копии и фотографии японских шифров, просто-напросто взяты из китайского словаря, что военные чертежи и планы, которые продавал Мануйлов, как раз именно те планы и чертежи, которые заинтересованные агенты иностранных держав всучивали Мануйлову, работая не в пользу, а против России.

Повод к походу на Мануйлова дало дело японского полковника Акаши. Это дело характеризует приемы Мануйлова. Читатель составит понятие об этом деле по извлечению из за-

писки, составленной для министра внутренних дел и подписанной 9 мая 1905 года директором Департамента полиции Коваленским.

«27 минувшего апреля в Департаменте полиции было получено подробное донесение чиновника особых поручений Мануйлова о приезде в Париж японского военного агента в Стокгольме полковника *Акаши*, являющегося руководителем шпионско-разведочной деятельности в Европе.

По сообщению г. Мануйлова, им было установлено за Акаши наблюдение, причем ему удалось с одним агентом, из соседней с Акаши комнаты, услышать разговор его с неким Деканози, анархистом — армянским выходцем. Акаши, ссылаясь на разговоры с Деканози при предыдущих свиданиях, настаивал на неудовлетворительности настоящей формы революционного движения в России, и, по его мнению, если бы суметь организовать стотысячную вооруженную толпу, то, при содействии общества, эта вооруженная сила одержала бы победу над деморализованными солдатами, коих, по сведениям, полученным Деканози от какого-то офицера в России, в настоящее время всего от 400 и 500 тысяч человек. Далее Деканози будто бы рассказывал Акаши, что к осени можно ожидать весьма крупных беспорядков в Тифлисе, Баку и Батуме, куда уже доставлено значительное количество оружия. Из разговора Акаши с Деканози можно было вывести заключение, что у первого имеется несколько тайных сотрудников, разъезжающих в настоящее время по России. Затем разговор коснулся денежных затрат, и г. Мануйлов со своим агентом явственно будто бы слышали, что Деканози получает от Акаши 2050 франков в неделю на разные расходы.

Кажется странным, чтобы в хорошей гостинице, где жил Акаши, можно было из соседней комнаты слышать буквально все, что делалось и говорилось в комнате Акаши.

В том же донесении г. Мануйлов доносит, что ему удалось сделать у Акаши выемку письма Конни Цильякуса, известного финляндского сепаратиста, в котором он извещает Акаши о своем приезде в Париж и просит выдать ему «для других» 4000 фунтов. 29 апреля от г. Мануйлова получено новое донесение, заключающее фотографию вышесказанного письма Конни Цильякуса на имя Акаши.

1-го сего мая от г. Мануйлова получена отправленная им 30 апреля телеграмма следующего содержания: «*Avant depart*¹²⁰ Акаши Лондон агенту удалось изъять из чемодана памятную записку *suivant, écrite*¹²¹ Цильякусом: социалистам-революционерам 4000, яхта 3500, экипаж 500 000, оружия социалистам-революционерам 808 000 ружей, финляндцам 6400; 5000 ружей для Петербурга, 4500 винтовок маузера для раздачи финляндцам и социалистам-революционерам 2100; расчет *évidemment*¹²² на фунты. Подлинная записка препроводит-

ся. Possible avoir¹²³ корреспонденцию Деканози. Prie se prors geronse, vu¹²⁴ важности дела и благоприятным обстоятельствам, grâce aux quels nous pouvons être au courant¹²⁵ провокаторской деятельности японцев. Не признаете ли полезным установить за Акаши и его сообщниками широкое наблюдение pendant tous leurs¹²⁶ путешествий; на ассигнованные средства подобное дорогое наблюдение impossible¹²⁷, потому просил бы ассигновать се prors¹²⁸ особую сумму. Prie reponse telegramme»¹²⁹.

На эту телеграмму г. Мануйлову 1 мая было сообщено по телеграфу: «Impossible donner ordre demandé avant reception¹³⁰ записки Акаши et rapport détaillé continue»¹³¹ наблюдение корреспонденцией Деканози».

3 сего мая от г. Мануйлова было получено донесение, содержащее 2 телеграммы парижского городского телеграфа, писанные Цильякусом и «Фредериком» (Деканози, по заявлению г. Мануйлова). Того же числа названный чиновник телеграфировал, что 1 мая из Антверпена выбыл в Гамбург пароход «Корделия» с грузом оружия для России, выгрузка коего должна произойти на шлюпках между Кенигсбергом и Скандинавией. 4 того же мая получено новое донесение г. Мануйлова с приложением «записки», написанной, по его словам, Цильякусом, о которой он упоминает в вышеозначенной телеграмме от 30 апреля. 5 мая поступило донесение г. Мануйлова, комментирующее записку Конни Цильякуса, полученную 3 мая. Затем, 6 мая г. Мануйловым доставлено письмо на имя Деканози от некоего парижского фабриканта Дюбюк.

Вся переписка г. Мануйлова об Акаши и Деканози представляет много неясностей, и толкование ими памятной записки предполагаемого Цильякуса представляет несомненные ошибки. Так, он объясняет, что им было доложено 20 апреля за № 125 о вручении полковником Акаши 2000 фунтов Деканози» для грузин, во время беседы, которая была лично слышана г. Мануйловым. Между тем в сказанном донесении он сообщает только, что «до него донесся шелест пересчитываемых бумаг, причем Акаши заметил: «Тут на 125 тысяч франков».

На основании вышеупомянутой записки г. Мануйлов уверяет, что японское правительство, при помощи своего агента Акаши, дало на приобретение 14 500 ружей различным революционным группам 13 300 фунтов (г. Мануйлов ошибочно сосчитал 15 300 фунтов), то есть по 8 рублей за ружье, но по подобной цене невозможно приобрести какого бы то ни было ружья. В этом же донесении г. Мануйлов настаивает об отпуске сумм для учреждения специальной агентуры для наблюдения за контрабандой Японии в 7-ми наиболее важных европейских портах, помимо Антверпена и Стокгольма, на что ему отпускаются уже агентурные суммы. Подобное предложе-

ние было уже им сделано в январе месяце сего года и сообщено Департаментом полиции на заключение морского министерства, которым означенное предложение было категорически отклонено.

Чрезвычайно странным кажется факт, что Конни Цильякус, зная давно всех вожakov русских революционных партий, обращается для организации вооруженного антиправительственного движения в России к Деканози, не пользующемуся особым авторитетом среди главарей русских революционеров. Так же невероятно обстоятельство, что Деканози, получая от Акаши еженедельно по 2050 франков, то есть более 3000 руб. в месяц на разные расходы, живет в Париже в улице Fossé St. Jacques, состоящей исключительно из грязных домиков, где отдаются только меблированные комнаты по 15—20 руб. в месяц.

Департамент полиции, имея в виду сообщения чиновника особых поручений Мануйлова о происках полковника Акаши и другие сведения по тому же предмету, озабочен принятием мер для пресечения вредной деятельности Акаши, но не считает возможным ассигновать теперь же особый кредит г. Мануйлову, ранее точного выяснения действительных мер, могущих привести к желательному результату, тем более что требования г. Мануйлова по этому предмету недостаточно основательно мотивированы.

О вышеизложенном имею честь доложить вашему высокопревосходительству».

Записка по делу Акаши была первым ударом Мануйлову. Второй удар нанес ему Гартинг, представив 31 мая 1905 года по начальству следующее донесение:

«Главный морской штаб обратился недели три тому назад в секретное отделение Департамента полиции с просьбой выяснить сношения греческого подданного Константина Рафтопуло, предлагавшего свои услуги морскому министерству для выяснения и задержания военной контрабанды, отправляемой из европейских портов в Японию, и подозреваемого в шпионстве для японцев.

Названный Рафтопуло 19 мая сего года выехал из Санкт-Петербурга в Берлин одновременно со мною и в том купе, где поместился также один морской офицер. Рафтопуло вскоре разговорился с нами и понемногу стал рассказывать, что он давно помогает нашему правительству в борьбе с Японией, но что его усилия не давали до сих пор достаточно успешных результатов, так как ему приходилось иметь дело с представителем нашего правительства в Париже г. Мануйловым, человеком несерьезным, неумело пользовавшимся сообщавшимися ему сведениями военно-разведочного характера, и так далее. Заинтересовавшись рассказом Рафтопуло, я, не обнаруживая своего имени и служебного положения, продолжал с ним раз-

говор и понемногу узнал, что он сошелся в Париже осенью минувшего года с г. Мануйловым, и благодаря тому, что его шурин имеет в Антверпене экспедиционную контору Рейдт и К° (Reudt et C°), ему удавалось получать сведения об отправляемой в Японию военной контрабанде. Таким образом он получил сведения об отправке в Японию морского кабеля, а также многих судов, между прочим, «Cordelia», «Deutschland» и так далее, о чем он предупреждал своевременно г. Мануйлова. Вспомнив, что г. Мануйлов действительно докладывал о кабеле и вышеупомянутых пароходах, я добился того, что Рафтопуло показал мне печатанные на пишущей машинке копии всех его сообщений г. Мануйлову, ознакомление с которыми убедило меня в том, что он действительно доставлял г. Мануйлову сведения, сообщавшиеся последним Департаменту полиции.

Помимо всего, Рафтопуло рассказал мне, что он обращался с письмом на высочайшее имя, переданным им министру императорского двора барону Фредериксу, в котором он докладывал об услугах, оказываемых им в течение нескольких месяцев г. Мануйлову, и предлагал свои услуги для доставления в будущем сведений о контрабанде в Японию непосредственно нашему правительству, помимо г. Мануйлова. Рафтопуло был несколько раз принят 2-м генерал-квартирмейстером, генералом Поливановым, которому он показал всю свою переписку с г. Мануйловым и рассказал про некорректное поведение последнего. По словам Рафтопуло, он и его приятель — агент французского генерального штаба Эмиль Мутье (Emile Moutier) — работали для г. Мануйлова, то есть для нашего правительства, даром, получая от него только уплату расходов по разъездам и телеграммам, и г. Мануйлов должен, мол, ему еще 2975 франков за произведенные расходы. Рафтопуло рассказал также подробно про свои сношения с г. Мануйловым исполняющему должность начальника Главного морского штаба контр-адмиралу Вирениусу.

Так как Рафтопуло говорил мне о своих близких сношениях с нашим морским агентом в Берлине князем Долгоруким, то я навел у последнего справку в Берлине, и тот заявил мне, что комендант Константин Рафтопуло известен греческой миссии в Берлине как офицер греческой морской службы, уволенный за какие-то неблагоприятные проступки, и что ему, князю Долгорукому, известно об имевшихся у Рафтопуло сведениях о контрабанде для японцев, благодаря близости его к транспортной конторе Рейдт в Антверпене.

Представляя об изложенном на усмотрение вашего превосходительства, имею честь почтительнейше добавить, что сообщения Рафтопуло 2-му генерал-квартирмейстеру Поливанову и исполняющему должность начальника Морского штаба контр-адмиралу Вирениусу бросают неблагоприятную тень на

чиновника особых поручений Мануйлова, и посему навряд ли удобно продолжать Департаменту полиции передавать вышепоименованным лицам предложения и сообщения г. Мануйлова. Коллежский советник А. Гартинг. 31 мая 1905 года».

Рачковский и Гартинг ковали железо, пока были у власти. 8 июня П. И. Рачковский представил доклад Д. Ф. Трепову, бывшему в то время товарищем министра внутренних дел. В этом докладе Рачковский набросил тень на все сообщения Мануйлова и резюмировал свое прошение указанием, что Департамент полиции не извлекает почти никакой пользы из доставляемых Мануйловым документов, а получает Мануйлов за это до 50 000 рублей в год. Трепов положил на докладе резолюцию: «Обдумать, как с этим покончить». 24 июня Гартинг представил новый доклад о Мануйлове, заканчивавшийся следующими соображениями:

«Деятельность г. Мануйлова в Париже, по отношению к секретному отделению Департамента полиции, не дает никаких серьезных результатов, тогда как агентура его по одному отделению обходится Департаменту около 47 тысяч рублей. По моему крайнему разумению, получать документы разведочного характера, но с более серьезным выбором, можно было бы за сравнительно незначительную сумму (я полагаю, не больше третьей части суммы, ассигнуемой г. Мануйловым), а если бы заграничная агентура Департамента была поставлена рационально, один из помощников означенной агентуры мог бы специально заниматься деятельностью разведочного характера. Таким образом, я полагал бы, что вверенное чиновнику особых поручений Мануйлову дело должно быть передано агентуре Департамента полиции в Париже, а он — отозван из Франции, если его деятельность по отделу прессы не делает пребывание его в Париже необходимым. Я признавал бы необходимым отозвать названное лицо из Парижа тем более, что оно не пользуется достаточным уважением среди представителей французских властей, и что подобное решение вопроса уменьшит в значительной степени расходы Департамента».

28 июня Гартинг составил для Трепова еще один доклад о Мануйлове:

«Согласно представленной чиновником особых поручений Мануйловым при донесении от 22 июня сего года за № 269 справке, на разведочную агентуру за границей ему отпускается ежемесячно на расходы 8250 франков, на конспиративную квартиру 200 франков и на покрытие *особых своих расходов* (представительство) 500 рублей.

В подробном исчислении статьи 1-й («служащие») г. Мануйлов указывает, что он расходует ежемесячно на 9 лиц 4191 франк, в том числе: 1) на Поморина — письмоводителя, взятого им из Петербурга только с месяц тому назад, но пока-

занного, как постоянного сотрудника, и 2) на лицо, занимающееся просмотром и вырезками из газет (Инверниси — 375 франк; этот последний расход навряд ли кажется нужным). В статье 2-й («агентурные наблюдения») г. Мануйлов указывает на расходы по наблюдениям за миссиями в Париже 1510 франков, в Лондоне 550 франков, в Брюсселе 550 франков, в Мадриде 200 франков, в Эссене 240 франков, в Антверпене 250 франков, в Гааге 250 франков.

Входя в подробную оценку каждой из вышеуказанных статей, я считаю, что исчисляемые расходы совершенно не оправдываются, так как их незачем производить, помимо ежемесячных расходов в 200 франков переводчику французского разведочного бюро Анселю и расхода в 60 франков в гостинице, где время от времени проживает японский полковник Акаши. Наблюдение за миссиями в Париже никогда не давало серьезного результата; все выемки обрывков бумаг, в них сделанные, неинтересны; то же самое можно сказать и про наблюдение за миссиями в Лондоне, Брюсселе и Гааге. Наблюдение за германским посольством в Мадриде мотивируется г. Мануйловым тем, что он рассчитывает получить оттуда копию немецкого шифра. Наблюдение в Эссене, на заводе Круппа, совершенно бессмысленно и не может дать никакого результата; что же касается наблюдения в Антверпене за контрабандой, на что Мануйловым тратится будто бы 250 франков в месяц, то таковое бесполезно, что ему и было указано во время его последнего пребывания в Петербурге. По вышеуказанным статьям г. Мануйлов тратит, по его словам, 7741 франк, а получает 8250 франков.

Несомненно, что при серьезной постановке разведочной агентуры за границей таковую можно вести за значительно меньшую сумму.

Все представленные г. Мануйловым со времени учреждения секретного отделения документы, по просмотре их, оказывались неинтересными. Предлагаемые им документы для приобретения нашим морским ведомством были все отклонены; что же касается проданных им документов артиллерийскому ведомству, то таковые оказались неточными и неясными, вследствие чего, дабы не повторять подобной ошибки, последнее поручило доверенному лицу проверить на месте его новые предложения...

Трепов положил на этом докладе 29 июня 1905 года резолюцию: «Поручаю П. И. Рачковскому это дело привести в порядок».

Наконец П. И. Рачковский мог нанести последний удар Мануйлову. 28 июля он, за директора Департамента полиции, представил доклад об отстранении Мануйлова от работы для Департамента полиции. Извлекаем из этого доклада наиболее интересное.

«Состоявший агентом по духовным делам при императорской миссии в Ватикане, чиновник особых поручений при министре внутренних дел VIII класса коллежский асессор Мануйлов доставлял Департаменту полиции в течение последних лет сведения из Рима, за что ему выдавалось из сумм Департамента до 15 июля 1902 года 1200 рублей, а с того времени 4000 руб. в год и по 500 руб. в месяц, то есть по 6000 руб. в год, для возмещения его расходов по представляемым им докладам. Помимо поручений, исполнявшихся г. Мануйловым в Риме, он исполнял также поручения по Парижу и получал за это отдельное вознаграждение также по особым докладам.

После начала русско-японской войны названный чиновник стал доставлять склеенные обрывки бумаг на японском языке из японских миссий в Париже и Гааге, и некоторые японские депеши, получавшиеся им, очевидно, из *Sûreté générale* в Париже или от одного из служащих в этом учреждении. На приобретение указанных документов в Париже г. Мануйлов получал суммы разных размеров, согласно его требованиям. С июня по октябрь минувшего 1904 г. г. Мануйлов жил в Санкт-Петербурге, после чего был командирован бывшим директором Департамента полиции Лопухиным в Париж для доставления сведений, могущих быть полезными секретному отделению Департамента, на что ему стало отпускаться ежемесячно 8450 франков и 500 рублей. С течением времени г. Мануйлов, кроме склеенных бумаг на японском языке, стал доставлять таковые и на других языках. По многим данным является возможность предполагать, что и эти документы получаются г. Мануйловым от французской тайной полиции.

Переводы присылаемых г. Мануйловым бумаг убедили как действительного статского советника Лопухина, так и наблюдавшего прежде за деятельностью секретного отделения коллежского советника Макарова¹³² в том, что означенные бумаги не имели для нас никакого серьезного значения, в каком духе г. Макаровым и было положено на донесения названного чиновника несколько резолюций, а действительным статским советником Лопухиным было поставлено г. Мануйлову на вид, что доставляемые им сведения не соответствуют получаемому вознаграждению.

Бывший директор Департамента действительный статский советник Коваленский также обратил внимание на то, что доставляемые г. Мануйловым документы на французском, немецком и английском языках большей частью не представляют никакого значения, ввиду чего ему было предложено доставлять документы на известных ему языках с большим выбором, дабы не обременять отделение ненужной работой. Последствием сего было весьма значительное уменьшение доставления таковых, и вместо них он начал присылать переписку японского военного агента в Стокгольме полковника

Акаши с армянским выходцем — анархистом Деканози; до-
ставление же сведений разведочного характера почти прекра-
тилось, за исключением копий телеграмм японской миссии в
Париже, некоторых других неинтересных писем революционно-
го характера и фотографических снимков китайских документов,
часть которых, по просмотре, оказалась сфотографированны-
ми с китайского словаря. По отношению к Департаменту по-
лиции дело поставлено так, что у г. Мануйлова имеется аген-
тура якобы в разных столичных городах Европы.

Единственно ценным материалом, доставленным г. Ма-
нуйловым, следует считать копию дипломатического шифра
японского правительства, на расходы по приобретению кото-
рого ему было выдано 9000 франков. Можно полагать, что
шифр этот также был получен им из *Sûreté générale* в Париже.

Принимая во внимание, что сведения г. Мануйлова не
дают никакого материала секретному отделению, между тем
как содержание его в Париже вызывает для Департамента
весьма значительный расход, имею честь представить на ус-
мотрение вашего превосходительства вопрос о немедленном
прекращении г. Мануйловым исполнения порученных ему
обязанностей и отзывании его из Парижа, с откомандирова-
нием от Департамента полиции, причем на командируемого в
Париж действительного статского советника Лемтюжникова я
полагал бы возложить принятые от коллежского асессора Ма-
нуйлова все дела и переписку, каковые передать временно на
хранение в наше генеральное консульство в Париже, чинов-
нику же особых поручений Мануйлову продолжать выдачу
личного содержания до 1 января 1906 года».

После этого удара Мануйлову не удалось оправиться.
Правда, когда Витте стал председателем Совета министров, а
П. Н. Дурново был министром внутренних дел в его кабинете, —
одно мгновение показалось, что Мануйлов, как феникс из
пепла, вот-вот возродится. 26 декабря 1905 года Дурново, как
гласит официальная справка, «назначил Мануйлову, согласно
пожеланию председателя Совета министров графа Витте,
ввиду возложенного на Мануйлова графом особого поруче-
ния, из секретных сумм Департамента жалованье в размере
7200 рублей в год». Эта же справка сообщает нам, в чем со-
стояло поручение графа Витте. «Из имеющихся в Департа-
менте агентурных сведений усматривается, что в конце 1905 года
и в начале 1906 года Мануйлов был, по поручению графа
Витте, командирован за границу для секретных переговоров с
Гапоном, которого предполагалось склонить вновь давать све-
дения по политическому розыску».

Мануйлов об этом эпизоде своей жизни рассказывает так:

«Затем я был взят бывшим председателем Совета мини-
стров графом Витте в его распоряжение. Я почти не знал
графа. Он был для меня русским высоким сановником, при-

званным государем императором в тяжелый для России момент к власти. Я пошел на его призыв и не видел в этом ничего дурного, так как граф Витте вовсе не отождествляется в моем воображении с каким-либо банкиром и государственным предателем. Граф повел свою сложную политику. На меня возлагались лишь небольшие поручения, главным образом сношения с охранным отделением или же с Департаментом полиции. Выплыло дело Гапона. Граф Витте призвал меня и заявил мне, что необходимо достичь отъезда из Петербурга опасного политического авантюриста, который (это было в разгар третьей забастовки) может послужить хорошим вожаком для рабочих. Граф дал мне адрес Гапона, и я вечером отправился к нему. После долгих часов мне удалось уговорить его покинуть Россию. Далее началась эпопея с 30 тысячами. Я был тут ни при чем. Люди посвященные и честные не могут меня ни в чем упрекнуть: я только исполнял поручение русского председателя Совета министров. Нужна была жертва, и Сергей Юльевич подставил меня. Он написал П. Н. Дурново, что я ему более не нужен. Оказалось, что я также не нужен и Петру Николаевичу. Меня выбросили на улицу. В период моего пребывания у графа Витте случился эпизод, на котором я остановлюсь, так как он, несомненно, играл не последнюю роль в моих дальнейших мытарствах. Однажды к графу Витте является А. А. Лопухин и рассказывает графу о существовании в Департаменте полиции типографского станка, на котором печатаются воззвания к рабочим и солдатам, в которых они призываются к организации еврейских погромов. Граф вызвал меня и спросил меня, известно ли мне о существовании такой типографии. Я ничего не знал, так как секретным отделением заведовал в то время ротмистр Комиссаров. Витте пригласил к себе Комиссарова, который во всем сознался. Граф, однако, не указал на источник его сведений, и Комиссаров решил, что я доложил председателю Совета министров. С этой минуты охранное отделение, в котором был полновластным хозяином Комиссаров, начало против меня самую низменную кампанию, распространя всякие гадости и стараясь во что бы то ни стало сделать мне пакость».

Памфлет излагает историю Витте и Мануйлова так:

«При назначении Витте премьер-министром Мануйлов, несмотря на весьма грязную роль, которую он играл при его увольнении во время Плеве, сумел как-то вновь, при содействии всегда благоволившего ему Мещерского, втереться в доверие к Витте, и ему было поручено вести переговоры с Гапоном¹³³. По некоторым версиям, крупная часть денег, переданных ему для внесения через Гапона в кассу рабочих организаций, прилипла к его рукам. Дело это вообще очень темное, и, рассказывая в «Новом времени» о своих сношениях с Гапоном, Мануйлов, кроме самовосхваления и несколь-

ких шпилек по адресу революционеров и своих соплеменников-евреев, ничего не сообщил, замаскировав свою действительную роль в этом деле. Между тем, именно за свою мощенническую роль в истории сношения с Гапоном он и был при министре внутренних дел Дурново окончательно уволен с государственной службы и лишен права зачисления когда-либо на официальную службу. Как интересную подробность, надо отметить, что именно из квартиры Мануйлова Гапон в последний день уехал в Озерки, где он был убит.

Незадолго до этой «истории» Мануйлов свел с Витте известного Сергея *Зубатова*, которого чрезвычайно озабочивала тогда легализация его «рабочих союзов» (независимцев). Зубатов, не встречая достаточной поддержки своих проектов в Плеве, думал заручиться содействием Витте, крайне заинтересовавшегося его идеей государственного социализма. О сношениях Зубатова с Витте тот же Мануйлов не преминул поставить в известность Плеве, и результатом этого явилось неожиданное для всех, — и даже непосредственного начальника Зубатова — директора Департамента полиции Лопухина, находившегося в то время за границей, — увольнение Зубатова.

При назначении *Коковцова* министром финансов Мануйлов, зная о крайней неприязни и вражде его к своему предметнику Витте, явился к нему и, сообщив ему о некоторых якобы неблагоприятных действиях Витте во время пребывания его у власти, просил в благодарность за это о предоставлении ему должности агента Министерства финансов при одном из иностранных государств, обещая и в будущем быть ему «полезным» в этом направлении. Коковцев хотя и весьма внимательно выслушал Мануйлова, однако категорически отказался пристроить его, прекрасно, по-видимому, зная, что это за личность, и не желая компрометировать себя, имея в своем распоряжении такого субъекта.

Незадолго до увольнения Мануйлова Витте, желая как-нибудь избавиться от «навязанного» ему Мануйлова, в переписке с министром внутренних дел Дурново, между прочим, сообщает, что «он не встречает дальнейшей нужды в услугах прикомандированного к нему чиновника Департамента полиции Мануйлова», на что последовала резкая отметка Дурново: «А мне этот мерзавец никогда и не нужен был»...

11 апреля 1906 года коллежский асессор Мануйлов был уволен, согласно прошению, от службы, но продолжал получать содержание в размере 7200 рублей до 1 мая того же года, а затем бывшим директором Вуичем в июне, июле, августе и сентябре были выдаваемы Мануйлову разновременно пособия в сумме 1200 рублей.

С 1 сентября 1906 года Мануйлов уже не занимался в Департаменте.

6. РОКАМБОЛЬ НА ЗАКАТЕ. — МАНУЙЛОВ В ОТСТАВКЕ

Выставленный из своей alma mater — Департамента полиции, Мануйлов продолжал делать вид, что состоит при нем по-прежнему. Старые жертвы его обманов, молчавшие, пока он был около власти, теперь возмутились и требовали его то и дело к ответу; зато появились новые жертвы, которые, веря в его могущество, попадали вновь и вновь в его сети.

Нанятые Мануйловым агенты то и дело обращались в Департамент полиции или к министрам с жалобами на Мануйлова.

Так, в марте 1906 года проживавший в Брюсселе Эмиль Мутье обратился к графу Витте и П. И. Рачковскому с жалобой на неуплату Мануйловым причитающихся ему, жалобщику, 3750 франков, которые Мануйлов в целом ряде писем и депеш обещал ему возратить. Кроме того, из имеющейся по сему предмету переписки усматривается, что деньги эти были своевременно даны Мануйлову Департаментом полиции для передачи Эмилю Мутье.

В делах Департамента имеется письмо от 11 марта 1906 г. за № 17, Генерального штаба полковника Адабаша, работавшего по нашей военной разведке, который сообщает, что, в бытность свою в Париже, ему приходилось неоднократно выслушивать жалобы агентов Мануйлова на неуплату им денег, на его обманные действия; эти лица высказывали также и подозрение в том, что Мануйлов не все полученные от них документы доставлял своему правительству и что он даже выдавал имена своих агентов враждебным России правительствам. По мнению Адабаша, деятельность подобных Мануйлову лиц, ссылающихся чуть ли не на высочайше предоставленные им полномочия и пользующихся для внушения доверия официальными бланками, окончательно порочит доброе имя русского правительства за границей; русский военный агент в Париже, полковник Лазарев, также отзывался категорически о деятельности Мануйлова самым неодобрительным образом.

Пресловутый японский шифр был добыт Мануйловым при помощи дворецкого японского посольства в Гааге, некоего Ван Веркенса; ему Мануйлов уплатил единовременно 1000 франков и сверх того обещал выдавать в случае утраты им своего места ежемесячную пенсию в размере 125 франков.

Благодаря неосторожности Мануйлова японское правительство, по сообщению Гартинга, уже в 1905 году провело о разоблачении помянутого шифра и о причастности к сему делу Ван Веркенса, который вслед за тем и был уволен от должности дворецкого.

Не получая обещанной пенсии, Ван Веркенс стал подавать жалобы на Мануйлова, по поводу коих Гартинг высказал, что в императорское посольство в Париже постоянно являются раз-

ные лица с заявлениями о неуплате им Мануйловым более или менее крупных сумм, и что вообще проявленная Мануйловым во время пребывания его в Париже некорректность в деловых сношениях вызовет целый ряд скандальных разоблачений.

Однако, когда в конце 1907 года Веркенс обратился со своими домогательствами в Департамент, то Мануйлов дал отзыв, что Веркенс за свои услуги был вознагражден хорошей суммой, а затем, согласно условию, получал ежемесячное содержание в размере 125 франков в течение нескольких месяцев; к этому Мануйлов добавил, что увольнение Веркенса не имеет никакого отношения к оказанной им услуге, так как все имеющиеся в нашем распоряжении японские шифры действуют и по сие время. Согласно сему отзыву Мануйлова, Департамент отклонил претензии Веркенса.

В 1907 году бывший агент Мануйлова Брюккер обратился с заявлением, что за 2 года службы он доставил Мануйлову важные документы, но обещанного Мануйловым возмещения расходов не получил; кроме того, Брюккеру не было выдано Мануйловым жалованье за 1½ месяца и обещанная награда — в общем 3000 франков. На сделанное Департаментом вследствие сего сноснение Мануйлов представил расписку Брюккера в окончательном с ним расчете.

В феврале 1907 года в Департамент полиции поступила из Парижа жалоба бывшего секретаря П. И. Рачковского — Л. Гольшмана — о понуждении Мануйлова к уплате 3075 франков, взятых им, — ввиду своего официального положения, — взаимы под поручительство Гольшмана. Гольшману было объявлено, что Мануйлов в Департаменте уже не служит.

В феврале 1907 года французский гражданин Бурштейн обратился с ходатайством о побуждении Мануйлова к уплате ему, Бурштейну, долга в 2000 франков и жалованья за 33 месяца, в течение какового времени он будто бы состоял на службе у Мануйлова, считая по 300 франков в месяц. На возмещении жалованья Бурштейн, однако, не настаивает, желая лишь получить с Мануйлова означенный долг. Спрошенный по сему поводу Мануйлов уведомил, что Бурштейн на постоянной службе у него не состоял, а исполнял лишь отдельные поручения, за которые и получал своевременно условленное вознаграждение. Что же касается долга, то существования его в вышеуказанной сумме Мануйлов не отрицал и представил при своем объяснении две расписки, из коих усматривается, что в счет этого долга им уплачено уже Бурштейну 800 франков.

Ограничимся этим списком обманутых Мануйловым иностранцев; его, конечно, можно было бы увеличить. А сколько обманов так и не всплыло! Мануйлов не стеснялся ни национальностью, ни суммой, по принципу: бей сороку и ворону, нападешь и на ясного сокола. Когда жалобы доходили до начальства, Мануйлов кое-как разделялся со своими клиен-

тами: кому платил, от кого увиливал. После отставки стало совсем трудно. В департаментской справке деликатно обрисован его образ жизни по удалении из Департамента полиции: «Проживая в Санкт-Петербурге, Мануйлов распространял слухи, что благодаря занимаемому им в Министерстве внутренних дел служебному положению и обширным его связям с разными высокопоставленными лицами, он имеет возможность устраивать разные дела во всех ведомствах, а в частности — и в Департаменте полиции. Таким словам Мануйлова многие верили, так как он жил весьма богато, вел крупную игру в клубах и, не имея собственных средств, проживал, судя по некоторым указаниям, не менее 30 000 рублей в год».

И охранное отделение, и Департамент полиции были настороже. Постоянные учреждения подбирали документики, снимали допросы и так далее. Время от времени материалы докладывались начальству. Начальство принимало к сведению, но никаких активных мероприятий не совершало. И не подвинула дела даже такая резолюция Столыпина: «Забыл передать вам сегодня прилагаемые документы, касающиеся Мануйлова. Пора сократить этого мерзавца» (20 марта 1909 года). Только в январе 1910 года настало время сократить Мануйлова. В распоряжении Охранного отделения накопилось достаточно материалов о шантажной деятельности Мануйлова, а кроме того, пошли слухи о том, что Мануйлов вступил в сношение с В. Л. Бурцевым и собирается продать ему важные документы. Между прочим, Департаментом было перлюстрировано письмо небезызвестного Череп-Спиридовича следующего содержания:

«Независимо от сего мне сообщают, что бывший агент Иван Федорович Мануйлов запродавал за 150 000 франков массу документов революционеру Бурцеву и получил задаток в 20 000 франков. Бурцев уехал будто бы в Америку собирать деньги на это и на пропаганду, а Мануйлов будто бы продолжает собирать новые разоблачения».

Это было, конечно, слишком, и власти наконец решились посягнуть на невинность Мануйлова. У него был произведен обыск в ночь на 17 января 1910 года. Начальник охранного отделения донес на следующий день о результатах обыска. Протокол этот любопытен, и мы его приведем.

«Вследствие приказа товарища министра внутренних дел (то есть генерала Курлова), в ночь на 17 сего января по моему распоряжению был произведен обыск в квартире оставшего коллежского асессора Ивана Федоровича Мануйлова, причем были изъяты из его письменного стола:

- 1) Папка с тисненой надписью: «Всепоподаннейший доклад», в которой оказалась несброшюрованная тетрадь перепечатанных на пишущей машине, по-видимому, телеграмм и препроводительных бумаг из Парижа за 1904 год, частью к рус-

ским дипломатическим представителям, а часть — без указания адресатов. Привожу некоторые из копий сих документов:

«Париж, 30 апреля (13 мая) А. Н. Нелидову № 92. Позволяю себе представить вашему превосходительству статью... (в тексте пропуск заглавия), полученную мною для напечатания в здешних газетах из Министерства внутренних дел. Почтительнейше прошу ответить мне, не встречается ли препятствий со стороны вашего высокопревосходительства к напечатанию предлагаемой статьи»... «Париж 4 (17) мая 1904 год № 105. Позволяю себе представить вашему превосходительству сведения из Лондона, полученные мною от начальника французской секретной полиции». «Париж 6 (19) мая № 106. Позволяю себе представить вашему превосходительству 8 дешифрованных японских телеграмм по вопросам о Манчжурии и англо-японскому союзу». «Париж, 8 (21) мая № 110. Позволяю себе представить вашему превосходительству копии писем, адресованных на имя известного финляндского агитатора Эрика Эрштрема, проживающего в Париже. Благодаря сотруднику я надеюсь и впредь иметь корреспонденцию упомянутого Эрштрема». «15 (28) мая 1904 года № 115. В дополнение к моей телеграмме от сего 15/28 мая, позволяю себе почтительнейше представить вашему превосходительству текст двух телеграмм японского посланника в Париже г. Мотоно, адресованных в Токио, на имя Комура».

2) Тетрадь в желтом папковом переплете, представляющая собой рукописный подлинник всех документов за 1904 год, находящихся в вышеупомянутой обложке с заголовком «Всеподданнейший доклад». В этой тетради оказались копии шифрованных телеграмм от 22 и 26 июля 1904 года и копия телеграммы от 22 июля в Токио за подписью Мотоно; два листа доклада по делу Коковашина и восемь отдельных документов, относящихся ко времени служебной деятельности Мануйлова за границей.

3) Подлинное письмо г. Пешкова от 27 января 1907 года на бланке — «Чиновник особых поручений V класса при Департаменте полиции», с просьбой представить директору Департамента доклад об Огюсте Дорэ, был ли он, Дорэ, посвящен в дела заграничной агентуры, и имеются ли у него данные для серьезных разоблачений по наблюдению за японской миссией, и черновик ответа по сему поводу Мануйлова от 31 января 1907 года, а также ответ от 6 июля 1907 года об италянском подданном Инверници.

4) Черновик доклада г. Мануйлова от 29 ноября 1907 года о бывшем служащем заграничной агентуры Раковском Леониде.

5) Черновик докладной записки Якова Осиповича Маш от 5 июля 1907 года на имя директора Департамента полиции о «положении учреждений политического розыска и высшей власти на Кавказе».

6) Синяя обложка с надписью: «Разведочная агентура», в которой оказались: черновик, без подписи, подробного доклада от 20 июня (3 июля) 1905 года, 263, Париж, «Об организации разведочной агентуры за границей», с указанием фамилий или псевдонимов некоторых из агентов, и 7 документов, относящихся к деятельности заграничной агентуры.

7) Такая же обложка с надписью «Архив», в которой оказались деловые бумаги, брошюры и письма в порядке, указанном на обложке: «К изданию», «Правда о кадетях», «Медников», «Лопухин», «Скандраков», «Зубатов», «Г. Гапон» и «Чарыков».

8) докладов за 1900 г.; по-видимому, все от исполняющего должность агента по духовным делам в Риме — о настроении польских и католических кругов к политике России.

9) Рукопись и две записки «Об учреждении полуофициозного, субсидируемого правительством «Русского бюро корреспонденций» за границей».

10) Несброшюрованная тетрадь, представляющая собой рукопись о положении Индии, озаглавленная: «Очерк административной организации Индии».

11) Десять листов с фотографическими снимками писем Dekanozi и Акаши за 1905 год.

Об изложенном докладываю вашему превосходительству».

Обыск у Мануйлова произвел величайший эффект. Полетели специальные телеграммы во все крупные органы Западной Европы: «Times», «Tag», «Vossische Zeitung», «Kreuzzeitung», «Temps» и так далее. За границей появились большие статьи под сенсационными заголовками: «Un nouveau scandale dans la police russe», «Le fonctionnaire Maniloff vend de documents secrets», «Un nouveau scandalo poliziesco russo» и т. п. О впечатлениях, которые обыск произвел на русское общество и на самого Мануйлова, агент Леонид Раковский настрочил следующее любопытное донесение:

«Санкт-Петербург, 21 января 1910 г.

Много толков в обществе вызвал обыск, произведенный в ночь на 17-е января у бывшего чиновника особых поручений при Департаменте полиции Ивана Федоровича Манасевича-Мануйлова. Носятся слухи, что обыск произведен в связи со взрывом на Астраханской улице¹³⁴. По другой версии, Мануйлов якобы являлся информатором В. Бурцева, и у него обнаружена переписка с последним.

Сам Мануйлов усиленно будирует в обществе, стараясь придать обыску характер сенсационности, и для чего распускает слух об «усиленном наряде чинов полиции и жандармерии» (несколько десятков человек), назначенном при производстве у него обыска; об оцеплении чуть ли не всего квартала, где помещается его квартира, и т. п.; при этом он всячески старается выставить себя «жертвой политического произвола».

В интимной беседе с одним из своих приятелей Мануйлов

рассказывал следующее. За несколько дней до обыска к нему явился некий Филатов, рекомендовавший себя в качестве корреспондента нью-йоркских газет, и обратился с просьбой снабдить его материалом по поводу появившейся в местных газетах заметки о провокационной деятельности профессора Рейснера¹³⁵, по словам Филатова. По мнению Филатова, Мануйлов в бытность свою на службе в Департаменте полиции имел возможность кое-что знать о деятельности Рейснера. После заявления Мануйлова об абсолютном неведении о деле Рейснера Филатов сообщил ему, что он намерен обратиться за материалом по этому делу к *Е. П. Медникову*¹³⁶, московский адрес которого у него уже имеется. Уходя, Филатов обещал поделиться с Мануйловым интересным материалом по поводу предстоящего громкого процесса *Чайковского*¹³⁷ и *Брешко-Брешковской*¹³⁸, причем снабдил его своим адресом, оказавшимся, по проверке, фиктивным. С аналогичными просьбами обращался названный Филатов к Аркадию Веняминовичу *Руманову*, главному корреспонденту газеты «Русское слово», за несколько дней до ареста последнего, и Мануйлов из этого выводит заключение, что Филатов является агентом охранного отделения. Ничего предосудительного по обыску у Мануйлова, по его словам, не обнаружено; взяты лишь старые письма *С. Зубатова*, *Е. Медникова* и других.

За разъяснениями о причинах обыска Мануйлов, по его рассказам, обращался, между прочим, к брату председателя Совета министров Александру Аркадьевичу Столыпину, который рекомендовал ему к этому отнестись философски и не беспокоить никого ходатайствами о защите, так как этим он может только повредить себе; при этом А. Столыпин якобы выразился, что за последнее время, по распоряжению генерала Курлова, в Петербурге производится масса бестактных обысков. Однако, в противовес мнению А. Столыпина, Мануйлов намерен, при содействии своего покровителя, редактора «Гражданина» князя Мещерского, «поднять большой шум». Другому приятелю Мануйлов сообщил, что причиной обыска послужили неблагоприятные сведения о нем, Мануйлове, полученные в Департаменте полиции от некоего Персица из Лондона, сообщающего будто бы, что он «соблазняет» департаментских чиновников заняться разоблачениями а-ля Бакай¹³⁹.

Многие лица из общества, знакомые с закулисной стороной деятельности Мануйлова, выражают удивление по поводу обыска у него по мотивам политического характера, что, несомненно, доставит ему возможность поднять свое реноме, совершенно за последние годы павшее, тогда как была возможность и даже необходимость производства у Мануйлова обыска в порядке уголовном, за его разного рода неблагоприятные и шантажные делишки. Об изложенном считаю долгом донести».

Вести об обыске у Мануйлова взволновали и французскую тайную полицию — *Sûreté générale*. Заведовавший нашей заграничной агентурой А. А. Красильников «лично» и «совершенно доверительно» доносил директору Департамента полиции:

«Имею честь доложить вашему превосходительству, что по полученным совершенно конфиденциально сведениям, парижская *Sûreté générale* крайне озабочена имеющимися у нее указаниями на сношения Мануйлова с Бурцевым. Получив известие об обыске, произведенном у Мануйлова, *Sûreté générale* опасается, не продал ли он уже Бурцеву некоторые документы, относящиеся к русско-японской войне и сообщенные ему французской *Sûreté générale*.

Мануйлов был представлен действительным статским советником Рачковским г-ну Кавар (*mr. Cavard*), бывшему тогда директором *Sûreté générale*, после чего в течение двух лет в распоряжение Мануйлова представляли все, что он только желал: перехваченные телеграммы, письма, донесения французских чинов и т. п. Некоторые официальные бумаги были в подлинниках доверены Мануйлову, который так их никогда и не возвратил, и вообще, как выражаются в *Sûreté générale*, «недостойным образом обманул оказанное ему французскими властями доверие».

В Министерстве внутренних дел очень боятся, не попали ли уже или не попадут ли в руки Бурцева некоторые из этих документов, предъявление которых в палате депутатов, как несомненное доказательство содействия, оказанного русской полиции во время японской войны со стороны полиции французской, вызвало бы небывалый по сенсационности скандал.

Докладывая об изложенном, имею честь присовокупить, что в *Sûreté générale* очень желали бы получить сведения о результатах произведенного у Мануйлова обыска».

По приказанию генерала Курлова, *Sûreté générale* была ознакомлена с протоколом обыска у Мануйлова.

Обыск у Мануйлова не дал никаких серьезных политических результатов; Департамент полиции решил дать ход скопившимся в Департаменте и охранном отделении материалам, изобличавшим Мануйлова в шантажах, вымогательствах и так далее. Против Мануйлова было наряжено следствие, которое вел судебный следователь по важнейшим делам П. А. Александров. Следствие, как полагается, велось медленно. Мануйлов пустил в ход все ресурсы. Он двинул вперед связи, стал сам забегать к департаментскому начальству.

Не имея возможности обращаться непосредственно к П. А. Столыпину, Мануйлов изготовил обширное письмо-исповедь на имя В. А. Чумикова, заведовавшего прессой, для передачи П. А. Столыпину. Мы уже цитировали из этого письма части, относившиеся к службе Мануйлова; приводим

теперь конец этого письма. Рассказав о работе с полковником Невражиным, сообщив о том, что он «поставил» ему двух сотрудников, Мануйлов пишет:

«Некоторое время спустя, без всякой причины, мне было объявлено, что я не нужен. За время моей работы с Невражиным я был командирован в Париж и там устроил издание книги «Правда о кадетях», напечатав ее в «Nouvelle Revue». Мне пришлось снова остаться без места и без всякой материальной поддержки. Я не сделал ни одного некорректного шага; зная всю деятельность Невражина и его агентов, мне не могло прийти в голову сделать какую-либо неловкость. Невражин продолжал меня уверять, что вся организация прекращена, а люди, мною введенные в дело, говорили мне противное. Я смирился и с этим пассажем. Мои давнишние отношения с «Новым временем» дали мне возможность обратиться к Сувориным, которые приняли меня хорошо, невзирая на травлю всех левых газет, которые продолжали помещать враждебные мне заметки и считать меня деятелем Департамента полиции. До поступления в «Новое время» мне приходилось очень тяжело в материальном отношении, так как все было почти перезаложено, и я жил надеждой получить какое-либо место. Долги, сделанные мною под мое наследство (отец оставил мне более 100 тысяч рублей на срок по достижении 35-летнего возраста), докучали мне и отравляли мое существование. Я принялся за газетную работу, видя в ней одно спасение, как нравственное, так и материальное; я был свободный человек; мне думалось заработать как-либо необходимую сумму на жизнь (мне тогда приходилось жить на две семьи). В то время ко мне обращались многие лица, прося хлопотать по их делам. Будучи частным человеком, я счел возможным принять на себя некоторые хлопоты. Среди таких лиц были двое евреев — Шапиро и Минц. Первый хлопотал об открытии типографии, второй — разрешении ему права жительства. Первое дело увенчалось успехом, и я получил от него несколько сот рублей; второе дело не устроилось, и я был вынужден войти в соглашение на предмет взятого аванса (я выплачиваю и теперь по 100 рублей, уплатив уже 600 рублей; остается еще 900 рублей). Служба в «Новом времени» пошла хорошо, и я, конечно, бросил всякие дела, которые брал из нужды, выброшенный на улицу Департаментом, которому я отдал лучшие годы моей жизни, не щадя себя и подставляя все время мою голову под удары революции.

И вдруг — обыск, грубый, как у революционера-бомбиста. Обыск ничего не дал, ибо у меня ничего не было. Я узнал, что был донос некоего Рабиновича, изгнанного агента, шантажиста, торговавшего здесь, в Петербурге, своей женой. Но это не все. Я узнал о том, что следователь по важнейшим делам Александров ведет против меня дело, которое возбуждено охран-

ным отделением. Я узнал, что еврей Минц был вызываем в охранный отдел, где ему, под давлением жандармского офицера, было приказано рассказать невероятную историю; то же самое проделали с Шапиро, которому грозили новым закрытием типографии и так далее, если он не покажет против меня. Все это делалось Комиссаровым, который настоял насылке дела следователю. Я знаю о том, что П. А. Александров допрашивал многих, и думаю, что ни один честный человек не мог показать против меня. Но создается дело, желают скандала. Кому он нужен? Я не сделал ничего дурного; будучи частным человеком, я хлопотал по делам; это не возбраняется законом. Я не выдавал государственных тайн, не был в сношениях с кадетами и не изменял своей родине. Можно выгнать человека, можно его лишить материальной поддержки, но, я думаю, не к чему его преследовать ради преследования. Если бы я был прохвостом, я взял бы деньги, предложенные мне г. Б. от кадетов, а ведь они мне предлагали в то время, когда кадеты были в моде и многие сановники надеялись видеть их министрами. Всего не расскажешь. Происходит вопиющая несправедливость. Я вам всего рассказать не могу. Пусть меня позовут, и я все расскажу. Если будет неправда в моих словах, пусть карают, но нельзя же в угоду Комиссаровым создавать дела и подставлять голову и честь человека за то, что он всю жизнь оставался верным слугою того дела, которое ему было поручено. Вы хотели услышать от меня правду — я вам ее сказал. Делайте с моим письмом, что хотите. Я считаю вас честным человеком».

Соображения Мануйлова, очевидно, были убедительны, и П. А. Столыпин, прочитав это письмо, отправил его Курлову при пометке: «Довольно любопытное письмо... Что вы о нем думаете?»

В октябре 1910 года Мануйлов попробовал было сыграть на свою политическую осведомленность и нужность. Он забежал в Департамент полиции и повидался с С. П. Белецким, тогда вице-директором Департамента. Белецкий рассказал о своей беседе Н. П. Зувеву и счел нужным зафиксировать ее еще и в особом письме, нами приводимом:

«Его превосходительству г. директору Департамента полиции.

В дополнение к моему личному докладу о явке ко мне Мануйлова, по-видимому, несколько встревоженного делом Меньшикова, честь имею доложить, что Мануйлов, явившись сегодня в Департамент и доложив заранее курьеру Андрееву, что он имеет срочное, важное от редакции дело, сообщил, 1) что возвратившийся из-за границы сотрудник «Нового времени», бывший в последние дни, во время заседаний Сейма, корреспондентом «Нового времени» в Финляндии, заявил, что третьего дня в Гельсингфорс приезжал Б. Савинков вместе с Конни Цильякусом, пробыл один день и сейчас же уехал,

получив значительную денежную поддержку. Редакция «Нового времени» хотела было поместить об этом заметку, но затем, в интересах сознания обязанности, уполномочила Мануйлова заявить об этом в Департамент. 2) При этом Мануйлов добавил, что родная сестра Савинкова замужем за сотрудником «Нового Времени» Краковым и очень дружна с Савинковым, и он имеет основание думать, что ей известно постоянное местопребывание Савинкова, с которым она, бесспорно, состоит в переписке.

Вместе с тем тот же Мануйлов представил письмо доктора Поли, проживающего на Казанской ул., д. № 1, заявляющего себя сотрудником иностранных газет, хотя редакция «Нового времени» ему не доверяет, считая его австрийским шпионом. Он предлагал ему, Мануйлову, явившемуся к нему на свидание по письму в Европейскую гостиницу, 10 000 руб. За участие в трудах, могущих осветить перед иностранной прессой, в связи с предстоящим при начале открытия сессии Государственной Думы печатанием разоблачения Меньшикова, в первую очередь статьи о краже шифров, деятельность Департамента последней эпохи, путем издания особой книги.

Этим обстоятельством Мануйлов, несколько прикосновенный к этой эпохе, видимо, встревожен, что я могу судить из заявленной им готовности использовать «Новое время» для целей Департамента, путем помещения необходимых о Меньшикове в интересах Департамента статей раньше, чем появятся инсинуации Меньшикова.

Ничего ему на это не ответив, я сказал, что все, им мне сообщенное, я представлю вашему превосходительству, что и исполняю».

О своей угодливости и желании послужить родному Департаменту Мануйлов имел случай еще раз заявить в любопытнейшем письме на имя генерала Курлова от 24 декабря 1910 года:

«Ваше превосходительство, корреспондент «Русского слова» (от 16-го сего декабря) сообщает, что в непродолжительном времени предстоят разоблачения Бурцева по вопросам разведочной агентуры (наблюдения за посольствами и т. д.), по поводу коей Бурцев получил сведения от бывшего агента Леруа, находившегося на нашей службе. Ввиду того, что эти разоблачения могут вызвать значительные осложнения и газетную полемику против России, я позволяю себе доложить вашему превосходительству, что, если бы вашему превосходительству благоугодно было, я мог бы представить данные, которые могли бы до известной степени парализовать гнусную выходку Бурцева и подкупленных им агентов. Может быть, ваше превосходительство сочтет полезным приказать кому-либо из ваших подчиненных войти со мною по сему поводу в переговоры. Вашего превосходительства преданный слуга И. Мануйлов».

Между тем, предварительное следствие приходило к концу, и предстояло решить вопрос: ставить ли дело на суд? Вопрос этот должен был по закону быть решен... в Департаменте полиции. Генерал Курлов, так храбро действовавший вначале против Мануйлова, теперь приутих и остановился перед конфузом судебного разбирательства дела Мануйлова. Он поручил С. Е. Виссарионову, исправлявшему в то время обязанности вице-директора, рассмотреть предварительное следствие и дать свое заключение. С. Е. Виссарионов добросовестно исполнил свою работу и 20 апреля 1911 года доставил Курлову секретное представление, из коего мы извлекаем самое существенное.

«Вследствие личного приказа от 15 сего апреля имею честь представить вашему превосходительству краткие сведения о коллежском асессоре *Манасевиче-Мануйлове*.

6 марта 1910 года Департамент полиции за № 90.038, возвратив начальнику Санкт-Петербургского охранного отделения переписку о Манасевиче-Мануйлове, произведенную им в январе 1910 года, предложил направить ее к прокурору Санкт-Петербургского окружного суда, ввиду падающего на Мануйлова обвинения в целом ряде получений денежных сумм с разных лиц обманным путем, то есть в преступлении, предусмотренном 1666—1667 статьями Уложения о наказаниях.

Ранее по тому же поводу, в 1908—1909 гг., Санкт-Петербургским охранным отделением производилось расследование о том же Манасевиче-Мануйлове, и, несмотря на полученные в то время подтверждения его преступных деяний, дальнейшего хода переписке не было дано.

В настоящее время предварительным следствием добыты данные, не только подтверждающие сообщения Департамента полиции, но и в достаточной степени изобличающие Манасевича-Мануйлова в обманном получении денежных сумм.

Необходимо отметить, что, как видно из формулярного списка о службе коллежского асессора Ивана Федоровича Манасевича-Мануйлова, он имеет от роду 40 лет, лютеранского вероисповедания, окончил курс в реальном училище Гуревича, состоял на службе по императорскому Человеколюбивому обществу и 12 июля 1897 года переведен на службу в Министерство внутренних дел, был откомандирован для занятий в Департамент духовных дел, а 20 августа 1902 года был назначен чиновником особых поручений при министре внутренних дел VIII класса и командирован к исполнению обязанностей агента по римско-католическим духовным делам в Риме, а 19 ноября 1905 года был откомандирован в распоряжение председателя Совета министров статс-секретаря графа Витте и приказом от 13 апреля 1906 года за № 11 уволен от службы согласно прошению.

Вся преступная деятельность Манасевича-Мануйлова, согласно данных предварительного следствия, охватывает период времени, начиная с 1907 года, то есть по увольнении его с государственной службы. Для приобретения клиентуры Манасевич-Мануйлов пользовался услугами особых агентов, из коих вполне выяснен некто *Рейхер*. Последний распространял о Манасевиче-Мануйлове сведения, как о человеке, занимающем высокое служебное положение, который, пользуясь своим влиянием и связями, может проводить различные сложные дела.

Желая произвести впечатление на обращавшихся к нему лиц, Мануйлов принимал последних в прекрасно обставленной приемной, где нередко в присутствии просителей, очевидно, для внушения большего к себе их доверия, подходил к телефону и делал вид, что говорит с тем из сановников, который ему нужен по делу в данное время, после чего тут же объявлял просителю, с кем он вел беседу, и что ему уже обещано таким-то высокопоставленным лицом устроить дело просителя.

Просители верили этому и уходили в полном убеждении в успехе своего ходатайства.

Обставляя таким образом дело, Мануйлов принимал на себя ведение, по отзыву свидетеля *Родионова*, «всевозможных шантажных дел», с целью подобным путем «выманивать деньги» у доверчивых людей, склоняя их «к разным денежным операциям, при которых взятка играет видную роль».

Таким образом оказывается, что Манасевич-Мануйлов в период времени от 1907—1908 гг., заведомо ложно уверив обрашавшихся к нему лиц в своем якобы высоком положении, коего на самом деле не имел, старался внушить этим лицам, что имеет возможность исхлопотать для них удовлетворение самых сложных ходатайств, благодаря своему личному знакомству с различными влиятельными сановниками, с целью получения денег путем таких обманных заверений.

Во-первых, у мещанина Федора Ермолаева *Антонова* выманил 400 рублей, обещая устроить право жительства в столице еврею *Шефтелю*, какового обещания не исполнил; во-вторых, у еврея Вениамина Самойлова *Якобсона* выманил одновременно 500 рублей, уверив Якобсона, что он, Мануйлов, по взятому на себя поручению об организации петербургского телеграфного агентства, устроит отделение этого агентства в провинции, чего в действительности не сделал, а затем у того же Якобсона взял обманным путем 200 рублей, якобы за хлопоты по освобождению от воинской повинности приказчика *Беспрозванного*, чего в действительности не исполнил; в-третьих, у купца 2-й гильдии Меера Вениаминова *Минц* выманил 500 рублей, ложно уверив Минца, что он исхлопочет ему возвращение отнятого у его покойного отца имения в Новогрудском уезде, какового разрешения Минцу не исхлопотал, а затем у того же Минца, под видом ведения других дел,

выманил якобы за хлопоты еще 1400 рублей, и в-четвертых, у купца 1-й гильдии Манеля Нахумова *Шапиро* выманил 350 рублей, приняв от него на себя поручение ископоть открытие принадлежащей *Шапиро* типографии, закрытой по распоряжению административных властей, чего также не исполнил и денег всем помянутым лицам не возвратил.

Главным свидетелем, изобличающим Манасевича-Мануйлова, является свидетель *Родионов*, бывший его письмоводитель, впоследствии арестованный охранным отделением и принятый туда же на службу. Как указания на лиц, потерпевших от обманных действий Манасевича-Мануйлова, так и инкриминируемый материал впервые дан Родионовым после его поступления в охранное отделение. Остальные свидетели являются в то же время лицами, понесшими материальный ущерб от Манасевича-Мануйлова: *Шапиро*, *Якобсон*, *Беспрозванный*, *Минц*, *Свердлов*, *Шефтель*, *Гуревич* — евреи; *Плоткин*, *Антонов* и *Глухарев* — все подтверждают объяснение Родионова и воспроизводят, наряду с собственным легкомыслием, картину ловкого обирания не столько доверчивых людей, сколько стремившихся к достижению собственных интересов обходным путем. Претензии некоторых из них в настоящее время Манасевич-Мануйлов уже удовлетворил. Кроме свидетельских показаний, к делу приобщены в качестве вещественных доказательств расписки и письма Манасевича-Мануйлова, из коих некоторые указывают, что получение денежных сумм Манасевич-Мануйлов облекал в форму займа. Характерна отметка его на одном из писем Минца, хлопотавшего о всеподданнейшем докладе по его земельному делу: «Доклад был 19, составлена записка для государя, барон Будберг доложит дело в начале февраля, причем будет дана цена несколько меньшая; дело Цукермана идет; у министра все бумаги». Между тем, в действительности ничего подобного не было.

Затем, записка его от 8 февраля 1908 года: «Три дня занят службой и никакими делами заниматься не может». Такого рода объяснения и ответы Манасевич-Мануйлов давал наиболее докучливым клиентам, уплатившим ему уже гонорар и не имевшим от него сведений о движении дел.

Далее свидетель *Шапиро* показал (листы дела 30—32), что Манасевич-Мануйлов выманил у него 350 рублей, обещая открытие типографии; при нем просил соединить себя по телефону с товарищем министра внутренних дел, сенатором Макаровым.

Свидетель *Антонов* объяснил (листы дела 33—34), что Манасевич-Мануйлов уверил его, что государь император поручил ему составить записку о кадетской партии, что по воскресеньям днем он обедает у государя императора, и, обещая устроить в 1908 году право жительства в Санкт-Петербурге некоему еврею Шефтелю, запросил 4000 рублей, сказав, что

ему будто бы надо поделиться с начальником охранного отделения, генералом Герасимовым; сошлись на 1000 руб.

Свидетель *Якобсон* заявил (листы дела 35—37), что Манасевич-Мануйлов уверил его, что у него большие связи с министрами, и выманил у него 500 рублей.

Свидетель *Беспрозванный* показал, что Манасевич-Мануйлов утверждает, что он знаком с военным министром, будет у него обедать, звонил ему по телефону, и таким образом выманил у него денежную сумму за освобождение брата свидетеля от отбывания воинской повинности, чего в действительности не сделал. Чтобы поселить в Беспрозванном большую уверенность, Манасевич-Мануйлов вертел перед ним бумагой, говоря: «Вот уже бумага от военного министра идет к полковому командиру».

Свидетель *Плоткин* объяснил судебному следователю, что Манасевич-Мануйлов обещал дать ему место в охранном отделении при царскосельском дворце на жалованье 250 рублей и за это взял 500 рублей, выдав расписку о получении этих денег заимообразно. Затем, при свидании Манасевич-Мануйлов сказал Плоткину, что он устроит его на 170 рублей, а в следующий раз ответил, что он уже и жалование за него получил, и дал ему чек на Лионский кредит, но там денег не оказалось. После этого Плоткин написал письмо в газету «Русь». Тогда уже Манасевич-Мануйлов возвратил ему деньги, кроме 40 рублей.

Таким же путем Манасевич-Мануйлов выманил у купца *Глухарева* 1500 рублей, обещав ему выхлопотать звание коммерции советника, и с провизора *Гуревича* — 600 рублей, обещая ему достать разрешение на открытие в гор. Симферополе 6-й аптеки. В последнем случае, по словам Гуревича, Манасевич-Мануйлов обращался по телефону в медицинский Департамент, говоря, что все дело останавливается за подписью товарища министра Крыжановского; между тем, прошение Гуревича было оставлено без последствий.

Сопоставляя вышеизложенное, необходимо прийти к заключению, что с формальной стороны виновность Манасевича-Мануйлова в обманном получении различных денежных сумм с Антонова, Якобсона, Минца, Шапиро, Беспрозванного, Глухарева и Плоткина представляется вполне доказанной, причем установлены и приняты особые действия для учинения обмана: телефонные будто бы переговоры с лицами, занимающими высокое положение, распространение сведений о собственном влиянии и положении, внешняя обстановка, визитная должностная карточка в приемной на столе и так далее. Однако, обращаясь к разрешению вопроса о целесообразности постановки этого дела на суд, надлежит, казалось бы, прийти к отрицательному выводу.

Из актов предварительного следствия видно, что Манасе-

вич-Мануйлов близко стоял к полковнику Невражину, коему и доставлял свои сведения, извлекая их преимущественно из газетных заметок и каких-то рукописей. Возможно, что в случае судебного разбирательства Манасевич-Мануйлов, для собственной реабилитации, укажет на эту часть своей деятельности и, по-видимому, продолжающейся близостью к полковнику Невражину будет доказывать питаемое к нему полное доверие.

Кроме того, допущение в ряды чиновников особых поручений министра внутренних дел человека, ныне привлекаемого за мошенничество, близость его к бывшему председателю Совета министров может дать повод к толкам в прессе о необходимости более осмотрительного допуска на эти должности. Самый момент возбуждения уголовного преследования — март 1910 г., то есть почти через два года после получения первичных доказательств преступной деятельности Манасевича-Мануйлова, — также может вызвать нежелательное освещение.

Наконец, большая часть потерпевших может на суде произвести неблагоприятное впечатление, как лица, добивавшиеся нелегальным путем своих не всегда правильных ходатайств, и этим обусловить оправдательный вердикт присяжных заседателей, что в этом деле является совершенно нежелательным.

На основании приведенных соображений я полагал бы дело по обвинению коллежского асессора Ивана Федоровича Манасевича-Мануйлова, 40 лет, направить в Санкт-Петербургский окружной суд для прекращения на основании 277 статьи Устава уголовного судопроизводства».

Генерал Курлов ознакомил П. А. Столыпина с представлением Виссарионова, и 23 мая 1911 года, за подписью генерала Курлова, прокурору петербургской палаты В. Е. Корсаку было отправлено совершенно секретное письмо следующего содержания:

«Милостивый государь, Владимир Евстафьевич. Возвращая при сем, по рассмотрении, предварительное следствие о коллежском асессоре Манасевиче-Мануйлове, обвиняемом в мошенничестве, имею честь просить ваше превосходительство уведомить меня, не представляется ли возможным, ввиду нецелесообразности постановления настоящего дела на судебное разбирательство, дать ему направление в порядке 277 статьи Устава уголовного судопроизводства».

Нечего и добавлять, что прокурору Корсаку «представилось возможным» прекратить дело о Мануйлове.

Не пришло время сократиться Рокамболью. Рокамболь, совсем было погибший, воскрес для истории. Архивные материалы — пока не исследованы¹⁴⁰.

ЖАНДАРМСКИЕ «ОТКРОВЕНИЯ»¹⁴¹

I

Во главе политического розыска на всем пространстве империи накануне революции стоял Департамент полиции. Департамент полиции — учреждение весьма обширное, наблюдавшее за очень многими сторонами жизни русского человека; на функцию же политического розыска было выделено особое отделение, которое носило разные названия: последнее, перед 1917 годом, — Особый отдел. Особый отдел жил совершенно изолированной жизнью в огромном здании (Фонтанка, 16), занимая четвертый этаж. Чиновники всех остальных отделений Департамента полиции не имели права доступа в помещения Особого отдела. Хотя директор Департамента и ведал всем политическим розыском, но фактическую работу по руководству политическим розыском нес на себе заведующий Особым отделом. Последним заведующим был жандармский полковник Иван Петрович Васильев.

Служебная его карьера сложилась так. Родился он в 1872 году, учился в Санкт-Петербургском кадетском корпусе и в Александровском военном училище. Поступил по окончании курса в 1891 году в 254-й Темир-Хан-Шуринский резервный батальон подпоручиком. В 1900 г. перешел в Отдельный корпус жандармов и начал здесь службу с адъютанта при московском губернском жандармском управлении; в 1902 году он числился в резерве по этому управлению, в 1903 году состоял помощником начальника управления по Клинскому и Волоколамскому уезду; в 1907 г. прикомандирован к Московскому жандармскому управлению с откомандированием для занятий в Московское охранное отделение. В 1909 г. он был прикомандирован к Санкт-Петербургскому жандармскому управлению, отсюда на короткое время к Лифляндскому и затем вновь к Санкт-Петербургскому, с откомандированием для занятий в Департамент полиции. Во время войны работал в контрразведывательном отделении Главного управления Генерального штаба, а с января 1917 года он был назначен заведующим Особым отделом. Васильев не был особенно близок практической жандармской работе по розыску, а большую часть службы провел в канцелярской работе по учету, контролю и руководству политическим розыском. Он был усидчив,

аккуратен, хорошо знал свое дело; единственным его недостатком в глазах начальства было пристрастие к выпивке.

День 27 февраля 1917 года был последним днем службы Васильева. 1 марта он был арестован. 13 марта члену Комиссии по обследованию мест заключения в городе Петрограде С. Виленскому он дал ответы на вопросы и объяснения, собственноручно изложив их в следующем протоколе № 87.

Имя — Иван. *Отчество* — Петрович. *Фамилия* — Васильев, 45 лет.

Род занятий — полковник Отдельного корпуса жандармов, прикомандированный к Петроградскому губернскому жандармскому управлению и находившийся в откомандировании для занятий к Департаменту полиции Министерства внутренних дел.

Местожителство — Петроград, улица Жуковского. Д. 8, кв. 5. *День задержания* — 1 марта 1917. *Кем задержан*. — Добровольно лично явился в Государственную Думу (военную комиссию). *Причины задержания*. — Передал себя в распоряжение Временного правительства ввиду признания нового государственного строя и в целях выражения своей лояльности.

К этим ответам Васильев присоединил и следующие объяснения:

«27 февраля сего года с утра я находился на обычных занятиях в Департаменте полиции, который оставил, когда последовало разрешение директора Департамента служащим окончить занятия и разойтись. При этом, однако, никаких директив о дальнейшем со стороны начальства не последовало. Не было также дано никаких указаний и начальством Отдельного корпуса жандармов, каковое обстоятельство не дало мне возможности тотчас передать себя в распоряжение новой власти. Когда же 1 марта я прочитал приказ председателя Государственной Думы офицерам гарнизона города Петрограда о явке в собрание армии и флота, я явился в последнее, где получил пропуск в военную комиссию Государственной Думы. Из этой комиссии я был препровожден в посольскую ложу Государственной Думы, где и находился до 2 марта вместе с другими жандармскими офицерами; 2 марта я был переведен в буфетную комнату, а 6 марта в городской арестный дом.

О том, что я по своей инициативе решил передать себя в распоряжение Временного правительства, могут засвидетельствовать лица, названные мной. Явясь в Государственную Думу, я встретил капитана Гурко, служившего в Главном управлении Генерального штаба, который и докладывал о моей явке коменданту.

К изложенному позволяю себе присовокупить, что, в случае освобождения моего, я желал бы принести пользу службой по контр-шпионажу, ибо до июня 1917 года я два года служил в контрразведывательном отделении Главного управ-

ления Генерального штаба, где службой моей были весьма довольны, о чем известно генеральному штабу генерал-майору Николаю Михайловичу Потапову, служившему во время войны в названном управлении...

В Департаменте полиции я с июня сего года (то есть с 1916-го — *П. Щ.*) исполнял по поручению начальства отдельные письменные работы по составлению докладов, бумаг и тому подобное. С 15 января на меня было возложено заведование так называемым Особым отделом — то есть тем делопроизводством Департамента, где сосредоточена переписка по политическому розыску. Особый отдел являлся простой канцелярией по выполнению резолюций и распоряжений директора Департамента. Об организации как этого отдела, так и других политических частей Департамента (IV и V делопроизводств) и о функциях их я представил записку В. Л. Бурцеву, которому я по своей инициативе предложил свои услуги осветить все, что мне известно по моей службе в Департаменте.

Об организации расстрелов из пулеметов чинами полиции мне ничего не известно. Считаю долгом пояснить, что со времени вступления в должность министра внутренних дел Протопопова роль Департамента полиции, в частности, Особого отдела, была сведена к нулю.

У всех служащих сложилось, на основании отдельных признаков, мнение, что существует как бы «параллельный» Департамент, в лице генерала Курлова, Комиссарова¹⁴², сенатора Белецкого и полковника Бергольда, при участии директора А. Т. Васильева: лица эти были в оживленнейших сношениях с Протопоповым и, — почти наверное можно сказать, — являлись главными вдохновителями его и советчиками в его безумных выступлениях. Не было секретом, что Бергольдт, являвшийся осведомителем о всем, происходящем в Государственной Думе, все силы употреблял, чтобы поддерживать в Протопопове раздражение против Думы: некоторые сведения им давались безусловно в тенденциозном освещении, и даже в разговорах с офицерами Бергольдт не стеснялся высказывать, что порядок может водвориться лишь с «разгоном» Думы.

Добавляю, что среди чинов Департамента существовало убеждение, что провокационные выпады, вроде организации ничем не объяснимой забастовки в октябре, разбрасывания прокламаций и тому подобное, являлись результатом деятельности Комиссарова. Это обстоятельство, в связи с общим направлением деятельности Комиссарова, дает основание предполагать, что в деле организации расстрела едва ли не он играл выдающуюся роль. По крайней мере, он хвастливо рассказывал, что близость его к Протопопову породила слух, что его, Комиссарова, назначат на 14 января «диктатором Петрограда».

Когда возникли уличные беспорядки в Петрограде, сопро-

вождавшиеся столкновениями толпы с полицией и войсками, Особый отдел составлял, на основании поступающих из охранного отделения по телефону сведений о происходящих эксцессах, записки для министра, а ночью по такой записке составлялся проект телеграмм от Протопопова Воейкову в ставку. Хотя в записках все было изложено строго объективно, без всяких уклонений в ту или другую сторону, тем не менее 25 и 26 февраля проекты телеграмм возвращались от Протопопова с требованием оба раза смягчить содержание телеграмм, причем никакие возражения составителей, что такое «смягчение» может представить в ставке события в ложном виде, во внимание не принимались. Помню, что последняя телеграмма (26 февраля) уже после переделки ее Особым отделом была еще «смягчена» перед отправкой Протопоповым».

2

Хотя Васильев очень осторожно и уклончиво говорил о своей работе («так, мол, занимался канцелярскими переписками») и о деятельности Особого отдела, но и из этого показания было видно, что товарищеской солидарности он не чувствовал. И действительно, через три дня, 21 марта, он подал специальную записку под заголовком: «О провокационной деятельности некоторых розыскных деятелей». Эта записка занимает особое место среди жандармских воспоминаний, и ее необходимо противопоставить голубым мемуарам как пресловутого жандармского историка генерала А. И. Спиридовича, недавно переизданным в СССР, так и генерала П. П. Заварзина. Оба генерала — борцы и певцы жандармских подвигов — сложили хвалу жандармскому корпусу. Васильев же выступил обличителем провокационных затей своих коллег по розыску, а уж ему-то в точной осведомленности отказать нельзя. Он черпал материал не только из своих личных воспоминаний, но из документальных расследований Департамента полиции. Просматривая в 1917 году дела Особого отдела (особенно по инспекторскому отделению), я встретил немало количество секретных досье о возмутительно-провокационных делах и проделках жандармских офицеров.

Привожу целиком записку Васильева.

«В широких кругах общества сложилось убеждение, что провокация в деле политического розыска является результатом требований такого преступного приема, предъявляемых к розыскным органам Департамента полиции.

Между тем, беспристрастное рассмотрение дел названного Департамента, в частности, Особого отдела, покажет (так! — *П. Ш.*), что Департамент, со своей стороны, не только не требовал и не поощрял провокации, но всемерно боролся с таким гнус-

ным явлением. Это с несомненностью может быть установлено путем рассмотрения целого ряда циркуляров и указаний Департамента полиции, преподанных розыскным органам и отдельным представителям розыска на местах со времени удаления из Департамента печальной памяти Зубатова и его присных. Кроме того, в Департаменте, Особом отделе, в особом железном шкафу хранится журнал заседаний съезда представителей политического розыска, бывшего в ноябре—декабре 1912 года в Петрограде, в каковом журнале содержится прямое осуждение провокации¹⁴³. Указания по такому поводу давались до самого последнего времени в каждом случае, когда получались сведения о возможности применения провокации тем или иным розыскным деятелем (последнее было дано начальнику Харьковского губернского жандармского управления, кажется, в декабре 1916 года или январе сего года).

Несмотря на это, провокационные приемы все же имели довольно широкое применение в розыске, что происходило благодаря снисходительному отношению к такому злу не Департамента, в лице Особого отдела, а высшего начальства, в лице директора Департамента и товарищей министра внутренних дел, ведавших Департаментом¹⁴⁴. Подобное попустительство проявлялось в особенности в отношении «корифеев» розыска, сделавших блестящие карьеры почти исключительно благодаря применению провокации в целях создания «блестящих» же дел. Должно оговорить, что попустительством это было, так сказать, молчаливым, в противоположность явному покровительству провокации, оказывавшемуся во времена Зубатова. Выражалось «молчаливое» попустительство тем, что лица, даже изобличенные в применении провокационных приемов, не предавались суду, а лишь перемещались на другие должности, и только в исключительных случаях делались попытки к удалению их со службы (иногда с назначением «добавочной» пенсии из секретных сумм Департамента, о чем будет упомянуто ниже).

Может быть, такое странное отношение к явным преступлениям объясняется боязнью начальствующих лиц, что «пострадавшие» провокаторы отомстят им. По крайней мере известно, что бывший товарищ министра Макаров, безусловно отрицательно относившийся к провокации и безусловно убежденный в том, что деятельность генерала Герасимова носила определенно провокационный характер, не только не удалил такого офицера, но убедил только что вступившего в должность Столыпина исхлопотать Герасимову назначение пенсии в 3600 рублей «на всякий случай», независимо от того, когда тот уйдет со службы и какая ему будет причитаться пенсия по закону, в момент оставления службы добровольно или вынужденно. Столыпин понял, что этим можно подкупить Герасимова, и приложил все старания добиться высочайшего

соизволения на такое явно абсурдное назначение пенсии задолго до оставления службы Герасимовым. В дальнейшем Столыпин, по-видимому, в тех же целях «подкупа» Герасимова осыпал его наградами. Однако Столыпин не верил, что Герасимов не использует и его лично в качестве объекта для террористического покушения, и вынужден был, для личной своей безопасности, ездить в Царское не иначе, как в сопровождении Герасимова, справедливо рассчитывая, что последний не захочет погибнуть от той же бомбы, которая будет приготовлена для него, Столыпина. Герасимову же было объяснено такое сопровождение министром желанием последнего принимать от него доклады именно в эти более или менее свободные часы, когда Столыпин мог вполне отдалиться свободной беседой с корифеем розыска, от которого зависело благополучие и императорского дома, и самого министра.

Другую причиной оказанного попустительства было нежелание предавать гласности то, что могло бы дискредитировать розыск в глазах общества.

Громадным материалом, заключающимся в делах бывшего Департамента полиции¹⁴⁵, и показаниями соответствующих служащих в розыскных органах можно установить провокационную деятельность нижеследующих лиц: генерала Герасимова, генерала Комиссарова (бывший друг Герасимова и женатый на разведенной жене последнего, служившей, как говорят, сотрудницей в Харьковском охранном отделении под его, Герасимова, начальством; по-видимому, эта сотрудница и положила своими сведениями начало карьере Герасимова). Комиссаров слишком известен, чтобы останавливаться на нем подробно. Можно лишь упомянуть, что едва ли не он является инициатором расстрела из пулеметов во время последних событий в Петрограде. Во всяком случае, он хвастался своим значением при Протопопове и говорил, что его хотели назначить «диктатором» Петрограда на 14 февраля, когда ожидалось грозные выступления народа.

Затем идет полковник Заварзин, бывший начальник Варшавского и Московского охранных отделений и Одесского жандармского управления. Особенно преступна деятельность Заварзина в Варшаве, где он положил основание системы «выбивать» показания от арестованных и тотчас же производить ликвидацию по этим показаниям, а зачастую и самих «откровенников» (как он называл свои жертвы)¹⁴⁶, причем ликвидации производились, как говорят, иногда путем расстрела указанных «откровенниками» лиц, а также и самих «откровенников» по миновании в последних надобности¹⁴⁷.

В Одессе при помощи «активного» сотрудника Заварзина, «Американца», был организован «Союз черноморских моряков».

Достойнейшими учениками Заварзина были его помощни-

ки — подполковник Сизых (ныне ведает контрразведкой в штабе Западного фронта) и Леонтович (ныне ведает контрразведкой в штабе IX армии). Омерзительную деятельность Сизыха в качестве начальника Пермского охранного отделения может подробно описать его бывший начальник, ныне начальник Минского губернского жандармского управления, полковник Бабчинский, который в свое время производил расследование по своей инициативе о преступлениях Сизыха, представленное им, по его словам, бывшему вице-директору Департамента полиции Виссарионову (в дела Департамента полиции это расследование, кажется, не попало). «Работа» Сизыха также залита кровью — и неудобных свидетелей, и потерявших интерес сотрудников. Да и теперешняя деятельность Сизыха в качестве контрразведчика, ввиду применения им тех же методов в борьбе со шпионажем, как в области политического розыска, вселяет ужас и отвращение среди обычных (начальству он умеет «втирать очки», тем более, что военное начальство мало компетентно в деле контрразведки).

Особого внимания заслуживает «розыскная» деятельность чиновника Квицинского, построенная сплошь на провокации (кажется, Квицинский вышел из рядов «сотрудников»). Он служил в Петроградском охранном отделении, на Кавказе (при Ширинкине), был начальником туркестанского районного охранного отделения, оттуда удален в Лифляндское жандармское управление, а в последнее время служил в Московском охранном отделении, где вел «общественную» агентуру. Полная уверенность в его преступной деятельности начальствующих лиц имела последствием для него лишь перемещение его с места на место, ибо начальство опасалось, что Квицинский в случае увольнения «передастся» в революционный лагерь и начнет «разоблачения». Кроме того, он, как и почти все упомянутые здесь лица, крайне свободно обращался с бывшими в его распоряжении казенными суммами.

Определенно провокационно служил и генерал Кременецкий, бывший начальник Екатеринославского и Петроградского охранных отделений (при нем разыгрались события 9 января), Иркутского губернского жандармского управления и ныне начальник Пензенского губернского жандармского управления. Особенно преступна его деятельность в Екатеринославе, где он «ставил» и «брал» типографии; даже в Пензе, уже уходя со службы, в прошлом году он проявил провокационную деятельность, «поставив» при помощи сотрудника социал-революционерскую типографию. Последнее обстоятельство, по которому производил расследование чиновник для поручений 4-го класса Митрович, понудило бывшего товарища министра Степанова просить Штаб корпуса жандармов об увольнении Кременецкого со службы. При этом, однако, директор Департамента Васильев исходатайствовал назначение

Кременецкому добавочной пенсии из секретных сумм в 900 рублей в год.

Столь же крупным провокатором являлся и полковник Шульц, ныне начальник Витебского губернского жандармского управления, а раньше начальник Екатеринославского охранного отделения. Насколько доказана была провокационная деятельность Шульца, можно судить по тому, что даже такие личности как Сипягин и Дурново писали на докладах о Шульце, что такой офицер не может быть терпим в корпусе жандармов. Однако это не помешало генералу Джунковскому, благодаря близости Шульца к адмиралу Казнакову и генералу Дедюлину, приказать предать дело о Шульце забвению.

Не чужд был провокационных приемов и начальник Московского охранного отделения полковник Александр Мартынов. Во всяком случае, он не препятствовал своей агентуре проявлять инициативу в этом направлении. Деятельность его сотрудника «Пелагеи» обращала на себя внимание своею активностью начальников других розыскных органов, так как этот сотрудник появлялся с прокламациями во владимирском фабричном районе (очень загадочна его роль в истории иваново-вознесенских печальных событий в начале войны). Явно инсценирована и социал-демократическая конференция в Туле в 1916 году, которая вызвала недоумение в партийных кругах.

Перечень наиболее крупных, притом вполне сознательных провокаторов был бы не полон, если не упомянуть подполковника Андреева, бывшего начальника туркестанского районного охранного отделения, затем ведавшего розыском в Риге, где особенно, благодаря ему, провокация расцвела пышным цветом, что и заставило удалить его со службы. Ранее Андреев служил в заграничной агентуре и фигурировал в качестве свидетеля в деле В. Л. Бурцева. Об этом офицере упомянуто, несмотря на то, что он не служил уже в корпусе жандармов, потому что он отличается германофильством, а между тем он командирован ныне штабом Одесского военного округа за границу в «разведывательных» целях, — каковое обстоятельство представляется довольно опасным для наших государственных и военных интересов.

Нельзя не упомянуть и об особом типе провокаторов, так называемых «в силу усердия не по разуму». К таким можно отнести бывшего начальника Костромского губернского жандармского управления (ныне симбирского) генерала Бабушкина, который, в целях отличиться, занимался при помощи «агентуры» чинов общей полиции фабрикацией бомбы; полковник Николаев (ныне в контрразведке Морского генерального штаба), который в бытность начальником Пензенского губернского жандармского управления «организовывал» учащуюся молодежь. Фамилии остальных из этого разряда можно установить по делам Департамента. Кроме того, много было и

таких «руководителей», которые, чувствуя свою несостоятельность в деле розыска, всецело отдавались в руки низших служащих, в большинстве филеров «медниковской школы», причем, конечно, бессознательно вдавались в провокации.

Быть может, здесь уместно будет сказать, что дело политического розыска после реакции 1906—1907 годов пришло в значительный упадок. Помимо общих причин, в виде распыления революционных сил, думается, в данном случае имела значение все же и та борьба, которую Департамент старался вести с нечистоплотными приемами розыска, благодаря чему «отличия» по розыску не были столь щедро вознаграждаемы чинами и орденами, как было во времена Зубатова, а явно преступные деяния во всяком случае не возводились в «заслуги», как это было в те же времена «расцвета» розыска, да и сами представители того мрачного периода, достигнув возможного, предпочитали отдыхать на лаврах, заметив, что мода на них проходит и что в лучшем случае они только терпимы по вышеуказанным причинам. Исключение составляет время заведования Департаментом Трусевичем и Курловым¹⁴⁸, при коих последний не стеснялся еще поощрять провокаторов, хотя бы в лице Кулябко¹⁴⁹.

Отмеченный упадок розыска составлял постоянную заботу Департамента и вызвал при директоре Белецком созыв упомянутого в начале съезда представителей розыска, но работы этого съезда практического результата, в смысле выработки новых приемов розыска, не имели. Окончательно розыск захирел благодаря отмене при генерале Джунковском¹⁵⁰ агентуры в войсках, но с подъемом общественного движения в 1915—1917 годах и с образованием рабочих групп при временных правительственных комитетах розыск «оживился» вследствие того, что движение происходило не при прежней конспиративной обстановке, вышло из подполья, каковое обстоятельство дало возможность даже мелкой агентуре быть в курсе течения событий.

Почти все время розыск стоял на одинаковой высоте лишь в Московском охранном отделении, благодаря наличию в нем старой агентуры. Это отделение и служило главнейшим источником осведомления Департамента полиции¹⁵¹.

Любопытно, что разоблачения Васильева, данные им в Комиссию по обследованию мест заключения и сообщенные затем в Чрезвычайную следственную комиссию, не вызвали решительно никакого расследования, и если кое-кто из жандармских офицеров и был арестован, то не надолго, и ни против кого из них не было возбуждено никакого дела. И жандармские чины, получая заверения от представителей Временного правительства, что оно не будет «мстить» им за их службу, не чувствовали особого беспокойства, и только после 25 октября 1917 года, как от лица огня, они моментально испарились из пределов Советской республики и обнаружили на том берегу.

ПЕРВОЕ МАЯ У ЖАНДАРМОВ

(из жандармских писем)

1

Празднование 1 мая вкореняется в революционный быт русского рабочего класса к концу последнего десятилетия прошлого века, а с первых лет настоящего века теряет интимный, подпольный характер и выливается в формы открытого политического выступления. Устройство первомайской демонстрации становится неперменным и излюбленным делом революционных комитетов и рабочих организаций. Демонстрация в день 1 мая утверждает революционное сознание рабочих и является проверкой роста революционных сил. Задолго до первого мая начиналась оживленная подготовка к демонстрации как на местах, так и в центре. Надо было готовить агитационную литературу — брошюры, листовки, лозунги, — получить из центра или отпечатать и размножить у себя, распространить ее, организовать рабочие группы и руководство самой демонстрации. Долг революционной чести требовал приложения всех усилий к тому, чтобы демонстрация вышла на славу, не провалилась бы еще до 1 мая и сопрождалась бы наименьшими потерями.

Но к первому мая готовились не только революционеры и рабочие — готовились и враги. Задолго до первого мая мобилизовались все вражеские силы: наружная полиция, и, так сказать, общегражданская, и специальная политическая, агенты наружного наблюдения — филеры, секретные сотрудники, чины корпуса жандармов, — от рядовых жандармов до жандармских генералов. И все эти охранные и жандармские чины и власти своим профессиональным долгом ставили — не допустить демонстрации, засадить вовремя в тюрьму руководителей, перехватить литературу и так далее. Наиболее дальновидные жандармские офицеры для предупреждения демонстрации уже с января прекращали освобождение из тюрем политических заключенных, а для содержания их в тюрьме не было никаких оснований, кроме одного — жандармской боязни, что, освободи их, они сейчас же и организуют первомайскую демонстрацию.

Особливую планомерность жандармская борьба против революционного движения и против празднования 1 мая получила в первые годы XX века, после реформы политического

розыска, проведенной пресловутым Зубатовым. Во всех крупных городах империи были созданы охранные отделения (розыскные пункты), подчиненные непосредственно Департаменту полиции. Начальники охранных отделений должны были поставить внутреннюю агентуру, то есть завести секретных сотрудников в революционных и рабочих организациях. Верховный надзор по розыску принадлежал Зубатову, а руководство наружным наблюдением было сосредоточено в руках его ближайшего помощника и другого знаменитого специалиста — Евстратия Павловича Медникова. Питомец зубатовско-медниковской школы, известный охранный деятель Спиридович в своих воспоминаниях пишет: «Из летучего отряда Медникова были назначены заведующие наружным наблюдением во вновь открытые отделения. Подчиняясь начальникам, эти старшие филеры сохраняли самую тесную связь со своим Евстратием Павловичем и писали ему подробные письма обо всем, что делалось в отделениях. Начальники последних фактически попадали под самый бдительный надзор и контроль Медникова. Они должны были писать ему обо всем частными письмами. Доклад директору — письмо Медникову, а кто знал хорошо Зубатова, то писал и ему. Своеобразно, но впервые Департамент полиции взял в свои руки все нити политического розыска в стране и стал фактически и деловито руководить им».

Медников пользовался колоссальным авторитетом среди подчиненных. Он был на редкость домовитый и хозяйственный. О том, как ставил он наружное наблюдение, можно судить по следующим его инструкциям, преподанным им своему ближайшему помощнику, матерому филеру Никите Тимофеевичу Сотникову. Медников пишет: «Тимофеевич, так как за наружное наблюдение отвечает Департамент, то и организацию наружного наблюдения взяли на себя, для чего нанесли достойных людей заведовать названным наблюдением в розыскных отделениях, т. е. старших филеров, которые ведут наблюдение, черновые дневники, пишут согласно правил дневники заведующему наружным наблюдением в империи, то и старшему вменяется в обязанность и выбирать на службу в свое отделение людей, а также распределять им жалованье, а также проверять счета расходным деньгам, израсходованным по делам службы. Пример, на одесское отделение полагается 25 человек наблюдательных агентов (теперь филерами не называют), которые получают жалованье 1500, т. е. на округ по 50 руб. в месяц, да еще полагается 4500 руб. на 25 человек на расходы, т. е. по 15 руб. в месяц. Эта сумма отпущена на 25 человек, но надо сообразоваться, всем жалованья по 50 руб. равно платить нельзя, то надо делать так: тебе сто, следовательно, уже 10 человек получают по 45 руб., Байкову 60 руб., еще двоим 45 руб.; я думаю, надо принимать

сперва на 30 руб., потом добавлять лучшим по 5 руб. в полугодие, но держать цифру всегда с остатчей, экономя от жалованья. По-моему, надо так: 5 человек на 30 рублей, 5 чел. на 35 руб., 5 на 40, 5 человек на 45 руб., а остальные на большем содержании, а лучшим надо тотчас же и добавлять. Из 25 двоих держи для справок по городу, вроде полицейских надзирателей, но они всецело в твоём распоряжении, т. е. работают по установкам и под твоим руководством, и кроме этого ничего не должно быть. Теперь расходы полагаются по 15 руб. на каждого, но не надо так делать, чтобы эти 15 руб. и давать филерам на руки, а пусть они делают так, как мы в Москве. При приеме на сведениях пишут, сколько кто затратил в течение дня, и в итоге не должно превышать 15 руб. на каждого, т. е. у кого будет 7 руб., у кого 15 руб., а у кого и 25 руб., но у кого и совсем будет мало. Вот этот расход надо вести равномерно и аккуратно, в каждом месяце тратить не более 375 руб., т. е. ежедневно 12 руб. 50 коп. Ты сделай список на каждый день и отмечай ежедневно графы. Ты будешь иметь итоги и будешь знать, сколько у тебя остается экономии. Когда много, тогда будь потароватее, а когда в обрез, тогда поскупее, и всегда у тебя должен быть запас экономии рублей в 100 для экстренных надобностей, или в усиленное время побольше давать на расходы. А на жалованье у тебя в месяц полагается 1250 руб.; то ты сделай список людям и веди на эту сумму жалованья, т. е., как сказано выше, по расчету, дабы хватило и с остаткою рублей 20 до 1250 руб. В таком роде ты всегда будешь в курсе своих денег, будешь лавировать превосходно, даже из остатка от экономии можно выдавать хотя к Рождеству награды людям.

Людей представляй начальнику к зачислению молодых, красивых, развитых, умных и прямо из военной службы, т. е. самых дисциплинированных; если будут хороши, то и на первое время должен дать не 30 руб., а 35 руб., как лучшему. Будут хорошие филеры — будешь сам лучше работать, значит, по заслугам и награда».

2

В нашем распоряжении находятся некоторые материалы интимного медниковского архива, как раз те самые «частные» письма, о которых говорит Спиридович. Документы чрезвычайно поучительные, в полном смысле интимные. Все эти жандармские поручики и ротмистры, все эти филеры и оберфилеры писали действительно интимно, не стесняясь, и распоясывались вовсю. Из этих частных писем выбираем сообщения о жандармских тревогах и хлопотах вокруг 1 мая. Известно, что в 1903—1904 годах первомайские листовки, ис-

ходящие от центральных партийных органов, печатались за границей, и затем огромные транспорты переправлялись через границу, в разных пунктах, и, между прочим, через Финляндию. В конце марта — начале апреля (1903 года) начинает тревожиться жандармский офицер, посаженный в Выборг. 3 апреля 1903 года он пишет «глубокоуважаемому Евстратию Павловичу» на условном блатном наречии: «Местная торговля (торговлю надо дешифровать как революционную работу) здесь обширная, но насколько она соприкасается с общей, без внутреннего освещения сказать трудно. Сергей Васильевич (т. е. Зубатов) говорил, что можно пока заняться и местными делами, но особенно увлекаться ими не рекомендовал. Яков Григорьевич слышал, что из нашей страны к нему везут пудов 20 товару, хорошо было бы его перекупить, только средства наши малы. Может быть, дадите какой-нибудь добрый совет. Садовник мой кое-что пишет, но я не могу сказать, чтобы это было существенно». Товар — это транспорт первомайских прокламаций. Но выборгский розыскной пункт был очень скудно обставлен, не было сотрудников и было мало филеров. Потому и перехватить («перекупить») транспорт не удалось.

Любопытно признание генерала Герасимова. Он прославился связями своими с секретными сотрудниками эсеровских боевиков (от них же первым был Азеф) в такой мере, что министр Столыпин, охраняя свою жизнь от террористических покушений и укрываясь от эсеров, всегда брал с собой в вагон царскосельского поезда Герасимова: только имея его бок о бок, он чувствовал себя гарантированным от покушения. В 1904 году Герасимов — тогда начальник Харьковского охранного отделения — тоже готовился к 1 мая: «Моя революционная братия, как пуганные вороны, бегают, а толку, по видимому, мало. Впрочем, есть типография, которую предполагают хорошо оборудовать и затем, конечно, передать в охранное отделение. А вот нелегалы одолевают, не даются наблюдению, придется по приезде их немедленно водворить в тюрьму, а то с этими гастролерами лишняя трата времени».

Подробное и любопытное с бытовой точки зрения сообщение о первомайской расправе в 1903 году с подготовлявшейся первомайской демонстрацией дает начальник Саратовского охранного отделения Бобров: «Глубокоуважаемый Евстратий Павлович. Позволяю себе обратиться к вам с покорнейшей просьбой. Дорогие и вашему и моему сердцу филеры грустят, что, невзирая на трудности розыскной службы в г. Саратове, осложняющейся отсутствием дворников, скверною постановкою дела ведения домовых книг и привычкою местных жителей выстраивать по несколько десятков флигелей во дворе чужого дома, имеющего с флигелями одну и ту же нумерацию, но различные книги, — нам удалось все-таки

вырвать как главных руководителей революционного движения, так равно и предупредить подготавливавшуюся на 1 мая демонстрацию как в самом Саратове, так равно в Покровской слободе Новоузенского уезда Самарской губ., и на станции Ртищево Сердобского уезда Саратовской губернии. Поручиться за то, что демонстрации не будет, — окончательно нельзя, но есть большие основания предполагать, что май пройдет спокойно.

Предупреждение демонстрации увенчалось следующими успехами филеров.

20 апреля мы взяли на вокзале транспорт изданий для Ртищева, который вез руководитель ртищевского кружка Потап Скородумов для распространения его перед 1 мая. 27 апреля мы взяли рабочего Андрея Дмитриева, который получил за городом от интеллигента большой тюк воззваний, призывающих к празднованию 1 мая. Тюк этот он там же зарыл в землю, намереваясь частями разнести его по заводам, и, таким образом, издания эти в обращение не попали, а интеллигент филерами установлен и ныне находится под наблюдением. К сожалению, обстоятельства так сложились на месте, что им не удалось захватить Дмитриева и интеллигента в момент передачи тюка, но возможно, что последний мы еще разыщем.

30 апреля филеры Чебанов и Курдюков, при посредстве проходившего по улице станционного жандарма, задержали главного агитатора среди рабочих Александра Киреева, который, по агентурным сведениям, должен был везти издания на 1 мая в Покровскую слободу. Трудность для выбора момента задержания была в том, что Киреев ни в руках, ни в карманах ничего не имел, а лишь по выходе из одного дома начал подтягивать брюки, оборачиваться и так далее, и тем самым дал возможность безошибочно решить, что он вынес все оттуда, что и подтвердилось по осмотре его в жандармском управлении.

Того же числа по агентурным сведениям предполагал разбросать по городу первомайские воззвания столяр Александр Филиппов, намеревавшийся убить каждого, кто посмеет к нему подойти.

Для задержания его были назначены Широков и Егоров, причем Широкову пришлось взять другое направление, а Егорову удалось захватить Филиппова на разброске и отобрать от него, кроме воззваний, пятиствольный револьвер системы Смита и Вессона, заряженный пятью боевыми патронами, за которые Филиппов едва не успел ухватиться (наш извозчик перерезал ему дорогу; на козлах сидел Гудушкин). Произведенная же вслед за тем ликвидация дала возможность захватить тех немногих деятелей, которые особенно агитировали за производство 1 мая уличного беспорядка.

Изложенные результаты, в связи с прежней деятельностью чинов отделения, дают мне смелость обратиться к вам, дорогой Евстратий Павлович, с ходатайством о поощрении «начальническим спасибо» как названных Широкова, Егорова, Гудушкина, Курдюкова и Чебанова, так равно и остальных чинов отделения, в равной мере потрудившихся на пользу нашей трудной деятельности. Позволяю себе рассчитывать, что об изложенном вы доложите как его превосходительству господину директору Департамента полиции, так и глубокоуважаемому Сергею Васильевичу (Зубатову), перед которыми и поддержите мое ходатайство».

Керченскому розыску было тоже немало хлопот в апреле 1903 г. Руководитель розыска писал Медникову: «Глубокоуважаемый Евстратий Павлович, покорнейше вас благодарю за память, выразившуюся в поздравлении с праздником и в отпуске квартирных и суточных денег. Я не ожидал этого. Для меня это быстро поможет, совокупно с крымским воздухом, восстановить пошатнувшееся здоровье. Все это лекарство я мог получить от вас. Я и семейство мое не находим слов отблагодарить вас за оказанные чисто родительские отношения к подчиненному. Будем молиться Богу, да укрепит он ваше здоровье на многие, многие годы и пошлет он счастье и радость в жизни.

Имею честь доложить вам, что 26 сего месяца разбросаны реклам, в которых приглашают на 1 мая гулять, за подписью «Керченская рабочая организация революционных социалистов». Торговля идет порядочная, хотя не в центре, но все-таки близко этого. Сотруднику дадут сегодня новых реклам, т. е. выпущенных 26-го. Я полагаю, что если не «Заяц» и «Кудрявый», то, пожалуй, и не в Керчи «отшлепывают». Это и недостоверно, а только заключаю из дела. Вот беда, я теперь совершенно сбит с толку, поэтому вынужден обратиться к вам, Евстратий Павлович, как к главному руководителю, с некоторыми вопросами, касающимися торговли».

Дальше идет изложение «торговых» вопросов. Главный из них — отношение к «Филиппам». Филиппы на охранном жаргоне — внешняя полиция, которая также выступала на борьбу с первомайскими демонстрациями и не прочь была взять на себя все лавры победителя. Для жандармов полиция была конкурентом, досадным и неприятным. В особенности неприятно было жандармам обращаться к внешней полиции за помощью в «установке», т. е. в раскрытии фамилий лиц, за которыми велось наблюдение. Отсутствие установки влекло часто замедление в «распродаже», т. е. в аресте.

«Я не напирал на установку, — жалуется керченский жандарм. — У меня хоть сейчас делать распродажу можно, 15 человек первого сорта, да человек 10—15 подготовлено так, что в один день можно узнать, которых не напирал устанавли-

вать». О столкновении интересов жандармских с полицейскими потугами говорит в жаргонных выражениях и начальник Симферопольского охранного отделения Трещенко¹⁵², получивший впоследствии громкую и проклятую известность виновника Ленского расстрела. Напомним, что торговцы-жандармы занимались торговлей-расправой с революционным движением.

«Глубокоуважаемый и дорогой Евстратий Павлович, — рапортовал Трещенко Медникову. — Давно не писал вам, а так хотелось поговорить, да и знал, что вы торгуете в Москве и вам не до писем. Послал вам поздравление в Питер, так как не знал тогда, что вы в Москве. Конечно, вы знаете об окончании торговли в Симферополе. Надо было видеть фигуру Филиппа нашего (полицмейстера), когда получили прибыль, тем более, что он страшно желал, чтобы мы поторговались, и даже меня предупреждал, что ничего не выйдет, на что я любезно отвечал: «Может быть и...» На другой день он вдруг меня спрашивает, кого можно освободить, на что я опять-таки любезно ответил, что «если вам угодно, то с разрешения господина директора (Департамента полиции) всех, каковое, если ему угодно, я спрошу телеграммой». Но зато теперь мы друзья: я ведь купил у него велосипед. С губернатором отлично лажу, он странно любезен и даже рассказал мне, что Филипп ему сообщил, что я собирал полицию, но теперь он убедился в неверности сообщения. Теперь у нас затишье, но боюсь, что в тихом омуте кой-кто водится, и не перед бурей ли это»...

3

Особенную лихость в борьбе с революционным движением проявил Спиридович, в бытность свою начальником охранного отделения в Киеве в 1903—1904 годах. Спиридович со своими сотрудниками был в контрах с начальником Губернского жандармского управления генералом Новицким, но молодые жандармские силы одержали верх. С каким торжеством он телеграфировал 12 апреля 1903 года Медникову: «Ночью на 11-е в Бердичеве обыскано тридцать две квартиры, арестовано тридцать человек, у восьми поличное, в том числе около четырех тысяч бундовских майских прокламаций, библиотечка, более ста нелегальных книг, около ста разной нелегальщины, заграничная переписка; у минского мещанина Арона Грузмана 10 двухаршинных картонных трафареток для печатания «долой самодержавие» и других русских и еврейских революционных надписей на флагах». А в частном письме к Медникову Спиридович сообщал подробности: «Дорогой Евстратий Павлович! На 11 произведена в Бердичеве ликвидация. Спи-

сочек, как успели составить, шлю. В подготовку демонстрации, видимо, попали как следует. Филеры очень трудную работу, по отзывам Ингатия Николаевича, выполняли отменно хорошо. Сам он вынес ликвидацию на своих плечах. Александр Михайлович работал очень хорошо, вымахивается офицер; а Васильев так вел себя, что сегодня его в управлении Беклемешев и Ермолов¹⁵³ заклевали: «Что это, вы охранником хотите быть», и т. д. 4000 прокламаций доволен очень губернатор и прокурор. Управление надуту, трафаретки очень интересные. Видимо, публика смаковала свой будущий праздник. Теперь получил телеграмму из Кишинева, что туда из киевского района едет много еврейской молодежи. У нас сегодня на ночь аресты. Вчера была полицейская облава на беспаспортных евреев. Таких сделают еще штуки три. Вообще готовимся. Хотя Департамент и думает, у нас не будет демонстрации, но это едва ли так. Очень уж публика развращена. Они-то ведь целый год работают и раз в году пробуют свои результаты, а мы лишь три месяца». В конце письма, из которого взят вышеприведенный отрывок, Спиридович сообщает кратко: «Публика наша сегодня за 30 верст уехала на сходку». На другой день Спиридович писал: «О действиях наших доношу официально. Настроение масс пало; про социалистов-революционеров ничего не слышно. Вчерашняя сходка — та горсть, которую они в конце концов готовы были выставить на демонстрацию. Что теперь у них, пока не знаю. Социал-демократы сегодня вечером в числе 5 (один наш) собираются для окончательных переговоров. Сегодня у них за Днепром имела быть сходка оставшихся руководителей, но ночью большинство было арестовано. Сегодня задача взять одну акушерку, которая уже раз была арестована на сходке социал-демократов нами, но которую Новицкий, конечно, освободил. В массе боязнь и полиции, и погромов»... А через несколько дней Спиридович дополнительно и частно сообщал: «Теперь хотим развязаться с социалистами-революционерами. Они достаточно слякотили, надо огоршить их. Возьмем что — слава богу; а нет — хвосты подожмут, а нам руки развяжут и дадут хоть месяц времени все силы направить на социал-демократов. Какая чудная теперь группа. Просто прелесть. Вчера сходка — один восторг. Видимо, публика очень готовится сообщая со студентами отпраздновать 1 мая. Тогда же думают подготовить забастовки железнодорожных мастерских, арсенала, типографии — и устроить повсю. Вот и это заставляет теперь более, чем когда-либо, желать единства действий нас — здешних гасителей просвещения». Политехники, конечно, в предстоящей весне сыграют важную роль. В управлении теперь дознание о них. Необходимо многих попридержать под стражей. С января же всех арестованных ни в коем случае по дознаниям не выпускать до июня. Прошу под-

держки Особого отдела, ибо здесь о «предупреждении» никто, кроме нас, не думает. Необходимо провести такой пункт: управление никого по дознанию не освобождает, не запросив предварительно охранное отделение, не имеется ли препятствий к освобождению. Если у нас есть препятствия, — освобождать не должны они» и т. д. Дальше идут дела семейные, распри между жандармами из охранного отделения и жандармами из жандармского управления. Затем Спиридович вновь возвращается к текущим делам: «После вчерашней сходки понятен и «Лысый», что идет как один из шести членов киевского комитета. Сие — Дижур. Уж поистине лысый, стоит только на карточку взглянуть. Дом его не раз посещался «Рундучным», «Гусаком», забежал и «Зубастый». (Клички, данные революционерам — П. Ш.). Теперь все это понятно. Мы почему-то считали, что Дижур только лишь боевик. Но ведь он, кажется, истый «искровец». Значит, тут попали в цель. Вот прелесть наблюдения. Дал бы Бог хлопнуть все это по-хорошему, да на хорошенькое дознание. Только уж без апофеоза одиннадцати бежавших. Предвкушаю ликвидацию — Дижура и К°... Пришлите филеров-то временно. Надо бы уж обставить всю эсдек. Был бы хороший хлопок затем для всей организации: а то одними нашими не совладеть».

Но никакие ликвидации, никакие шлепки по организациям не могли остановить победного шествия 1 мая, и все рвение Спиридовичей было тщетно.

СЕКРЕТНЫЕ СОТРУДНИКИ В АВТОБИОГРАФИЯХ¹⁵⁴

Жизнь секретных сотрудников жандармских офицеров была несладка. Платили, за ничтожными исключениями, гроши, держали в черном теле под постоянной угрозой ареста, высылки, предания суду, разоблачения перед революционерами. Опасностей приходилось ждать и слева, и справа: среди сотрудников бывали и такие, которым в случае предания их суду грозила смертная казнь, и в случае их разоблачения перед партией грозила та же смертная казнь. «Провал» висел над головой; до провала секретный сотрудник имел ту или иную определенную ценность, после провала — никакой. Он уподоблялся тогда выжатому лимону. Некоторое время им платили жалованье, затем они переходили на единовременное пособие, и так заканчивались их отношения к охране. Жандармы не сразу выбрасывали их на улицу: первые боялись со стороны последних разоблачений и шантажа на этой почве. В «Инструкции по организации и ведению внутреннего агентурного наблюдения» 29-й параграф гласил: «Расставаясь с секретным сотрудником, не следует обострять личных с ним отношений, но вместе с тем не ставить его в такое положение,

чтобы он мог в дальнейшем эксплуатировать лицо, ведающее розыском, неприемлемыми требованиями».

Начальники охранных и жандармских учреждений после отставки сотрудника уже не имели права выдавать им деньги, поэтому с ходатайствами о выдаче пособий секретные сотрудники обращались, непосредственно или через свое начальство, в Департамент полиции. Если личность сотрудника была Департаменту известна, то вопрос о выдаче пособия разрешался немедленно же; если личность не была известна, посылался запрос в отделение. Сами сотрудники, обращаясь с прошениями, обстоятельно описывали в них свою деятельность и отмечали свои заслуги. Эти автобиографические, неоспоримые признания — совершенно исключительные «человеческие документы». С объективным равнодушием рисуют они бытовую обстановку предательства и вскрывают непонятную для нас, но весьма несложную психологию секретного агента. Выбираем из кипы признаний наиболее красноречивые; авторы их принадлежат к разнообразным общественным группам. Тут и рабочие, и учитель, и газетный сотрудник, и военный писарь и т. д. Стиль признаний оставляем без исправлений. К автобиографическим признаниям мы присоединяем авторитетные документы, составленные в Департаменте полиции, — так называемые «справки» о двух выдающихся сотрудниках, Кулагине и Батушанском. Все приводимые нами документы не нуждаются в комментариях.

1. Секретный сотрудник на пенсии

23 июля 1910 года исправляющий должность директора Департамента полиции С. П. Белецкий представил следующий доклад товарищу министра внутренних дел П. Г. Курлову.

Мещанин местечка Дубоссары, Херсонской губернии, Берко Янкелев Батушанский (псевдоним «Бабаджанов») состоял секретным сотрудником Екатеринославского охранного отделения до начала 1904 года. На службу в названное отделение он был приглашен в начале сентября 1902 года. Несмотря на кратковременное его пребывание в Екатеринославе, куда он приехал лишь в августе, в конце октября того же года он уже стал сообщать начальнику отделения ценные сведения в смысле освещения противоправительственной деятельности местной еврейской интеллигенции, а в декабре, когда он устроил в Екатеринославе зубоврачебный кабинет, Батушанский сделался положительно центром, которому были известны самые конспиративные замыслы социал-демократической и социально-революционной организации, действовавших в Екатеринославе, а также «Организационного

комитета Екатеринославского высшего горного училища». Лично Батушанский ни к одной из организаций не принадлежал, несмотря на усиленное приглашение его принять активное участие в одной из таковых. Продолжая в 1903 году по-прежнему стоять вне организации, Батушанский с начала года сообщал самые подробные и обстоятельные сведения о происходившем в социал-демократической организации расколе и затем разделении ее на «рабочую группу» и «группу искровцев», с указанием выдающихся деятелей в обеих группах. В начале марта 1903 года он доставил начальнику отделения в рукописи те воззвания, которые вновь образовавшийся «Организационный комитет Российской социал-демократической рабочей партии» предполагал издать по поводу демонстративного празднования дня 1 мая 1903 года. Благодаря ему же начальник Екатеринославского охранного отделения имел возможность немедленно выяснить всех делегатов упомянутого «Организационного комитета», приехавших в Екатеринослав для организации местной группы «искровцев», а равно благодаря ему же были немедленно по прибытии в Екатеринослав выяснены супруги Азриель и Сара Кушель, приехавшие для постановки в Екатеринославе тайной типографии, которая и была арестована 24 мая 1903 года. Заключенный 27 того же мая в тюрьму сроком на 4 месяца по делу, по которому Батушанский привлекался в 1902 году в Кишиневе, он и во время нахождения в тюрьме всеми зависящими мерами содействовал выяснению деятельности преступных организаций и предупредил своим сообщением замысел политических арестованных отравить мышьяком чинов тюремной администрации и затем совершить общий побег. Произведенным под благовидным предлогом осмотром тюремных помещений действительно было обнаружено $\frac{1}{2}$ фунта мышьяку, но дело не возбуждалось, так как власти не могли установить, кому этот мышьяк принадлежал. Освобожденный из тюрьмы 27 сентября 1903 года, Батушанский, несмотря на сильное расстройство нервной системы, благодаря 4-месячному тюремному заключению, немедленно занялся разработкой состава местных преступных организаций и к половине октября выяснил более видных из них, а также и местонахождение тайной типографии социалистов-революционеров, а затем сообщал весьма ценные сведения о действовавшем «Екатеринославском социал-демократическом комитете», относительно самых конспиративных сношений и задач комитета.

При всем этом Батушанский, как сотрудник, проявлял весьма ценное качество — фотографическую точность передачи всех сведений, с крайне осторожными и всегда основательными личными предложениями, и, кроме того, глубокую обдуманность каждого своего шага и действия. При таких качествах Батушанский представлялся не только весьма по-

лезным и достойным полного доверия сотрудником, но и лицом, безусловно способным работать вполне самостоятельно, без непосредственного контроля, так как вполне усвоил себе задачи розыска, и имел навык быстро и всегда верно ориентироваться в окружающих обстоятельствах.

Ввиду изложенного, Департамент полиции возбудил перед г. министром внутренних дел ходатайство о предоставлении Батушанскому права ходатайствовать о назначении ему пожизненной пенсии в размере одной тысячи двухсот (1200) рублей в год, если он будет скомпрометирован в революционной среде не по своей вине. Означенный доклад 15 января 1904 года получил утверждение покойного статс-секретаря Плеве, о чем был поставлен в известность начальник Екатеринбургского охранного отделения телеграммой следующего содержания: «Объявите Бабаджанову, что доклад по делу обеспечения его министром утвержден», а вслед за сим 17 января 1904 года отправлено письмо полковнику Шульцу для объявления Батушанскому такого содержания: «15 сего января Департаментом полиции был представлен его высокопревосходительству г. министру внутренних дел доклад о предоставлении секретному сотруднику вверенного вам отделения «Бабаджанову» (с обозначением его действительного звания, имени, отчества и фамилии) права ходатайствовать о назначении ему пожизненной пенсии в размере одной тысячи двухсот (1200) рублей в год, если он, «Бабаджанов», будет скомпрометирован в революционной среде не по своей вине. На этом докладе г. министр изволил положить резолюцию: «Согласен».

По получении указанного уведомления, Батушанский ликвидировал устроенный им в г. Екатеринославе зубо-врачебный кабинет, который давал ему определенное положение в обществе, и, сообразно с интересами политического розыска, выехал за границу, где первоначально работал в партии социал-демократов, а затем, вследствие благоприятно сложившихся для него обстоятельств, получил возможность освещать преступную деятельность максималистов¹⁵⁵, и одним из наиболее важных дел, данных им, является приезд его из-за границы в Россию с несколькими максималистами; результатом представленных по сему делу Батушанским сведений были произведенные по Москве и Санкт-Петербургу ликвидации местных групп социалистов-революционеров-максималистов (Людмила Емельянова, княжна Мышецкая, Иван Коломейцев и др.).

Осенью 1909 года получились указания, что Бурцев, продолжая свои поиски в деле раскрытия секретных сотрудников заграничной агентуры, предъявил обвинение в провокаторстве Батушанскому, о котором ему удалось получить некоторые указания от бывшего наблюдательного агента Леруа, под-

твержденные, по заявлению Батушанского, бывшим секретарем Лопухина.

Ввиду сего состоялся товарищеский суд, имевший 17 заседаний, на которых свидетельскими показаниями, документами и собственным сознанием Батушанского он был признан провокатором, причем в постановлении суда обращает на себя внимание следующее место: «Будучи, по-видимому, напуган открывшимися разоблачениями провокаторов (например, максималиста Кенсицкого, его знакомого по группе), Батушанский отдалился от всяких революционных кругов, для чего переехал на правый берег Сены. После этого, по его собственному рассказу, подтверждающемуся представленными им письмами, начинаются усиленные побуждения его со стороны начальника заграничной полиции Гартинга, с угрозами, также и с предложениями крупных денежных вознаграждений, продолжать прерванную деятельность тайного агента».

По прибытии ныне в Санкт-Петербург, Батушанский был спрошен по последнему обстоятельству о предъявлении суду писем заведующего заграничной агентурой, и он дал объяснение, что при этом имел целью доказать суду, что действительно действительный статский советник Гартинг пытался склонить его к службе в агентуре, но он от предложений этих отказался.

Принимая во внимание в высшей степени полезную и продуктивную деятельность Батушанского в течение семи лет в качестве секретного сотрудника, а равно то обстоятельство, что разоблачение его службы правительству последовало не по его вине, Департамент полиции полагал бы справедливым назначить Берке Батушанскому, получавшему по одной тысяче франков в месяц жалованья: 1) единовременное пособие в размере 350 рублей, так как со времени возбуждения о нем революционерами дела он от заграничной агентуры содержания не получал, и 2) пожизненную пенсию в размере 600 рублей в год.

На приведение означенных предложений в исполнение Департамент полиции имеет честь испрашивать разрешение вашего превосходительства».

Товарищ министра положил резолюцию «Согласен», а С. П. Белецкий приписал: «Доложено, предварительно исполнения, по приказанию г. товарища министра внутренних дел, г. министру внутренних дел, который изволил одобрить предложение Департамента, раз было дано обещание одним из его предшественников, и таковое было объявлено просителю».

Таким образом, П. А. Столыпин счел нужным исполнить обещание В. А. Плеве, но при исполнении образцового сотрудника все-таки обошли: вместо обещанной пенсии в 1200 рублей дали всего 600 рублей.

2. Обещанная награда

24 июня 1910 г. начальник Санкт-Петербургского охранного отделения полковник фон Коттен представил директору Департамента полиции следующую записку:

«Крестьянин Тверской губернии и уезда Владимир Павлов Кулагин с 1898 по 1907 год состоял секретным сотрудником при Санкт-Петербургском охранном отделении, причем в начале службы занимал положение организатора и члена петербургского комитета местной организации Российской социал-демократической рабочей партии, а в 1905 году перешел в партию социалистов-революционеров, в которой был также организатором и членом петербургского комитета этой партии.

В следующем, 1906 году, по указаниям начальника отделения, Кулагин вошел в боевую организацию партии социалистов-революционеров, в качестве члена боевых дружин.

В 1904 году, по сведениям Кулагина, было произведено несколько удачных ликвидаций местной организации Российской социал-демократической рабочей партии, которые, в связи с арестом типографии петербургского комитета во время печатания нелегальной литературы, сильно понизили преступную деятельность этой партии в столице.

Начиная с 1905 года, Кулагин дает отделению ценные сведения о деятельности партии социалистов-революционеров, и последующие ликвидации: 8 января, 25 февраля и в декабре того же года, когда были арестованы члены Исполнительного комитета Санкт-Петербургского железнодорожного узла, подготавлившие повторение октябрьской забастовки железных дорог, сильно ослабили и эту преступную партию.

В следующем, 1906 году он выяснил состав местных боевых дружин партии, места хранения оружия, взрывчатых веществ и снарядов, благодаря чему 20 сентября того же года одновременно с арестом членов боевых дружин арестованы и 22 участника, подготовившие вооруженное ограбление казначей корпуса пограничной стражи ротмистра Месаксуди, причем по обыскам у них было обнаружено: много оружия, боевые припасы, взрывчатые вещества и большое количество прокламаций.

Того же 20 сентября, в числе прочих, был арестован и Кулагин. Военно-окружной суд приговорил его к каторжным работам на 4 года, а 11 апреля 1908 года государь император даровал полное помилование Кулагину, и он, просидев 18 месяцев в тюрьме и не имея более возможности работать в отделении, уехал к себе на родину. Деревенская молодежь, узнав о его службе в охранном отделении, стала его преследовать, и однажды, напав на него, нанесла ему две раны в левую руку, и только бегством Кулагин спас свою жизнь. Из опасения

дальнейших покушений и поджога Кулагин принужден был продать за бесценок свое имущество и отправился в Санкт-Петербург, надеясь найти какую-либо работу.

Приехав в Петербург, он заболел, и в настоящее время, истратив на лечение все свои сбережения, остался совершенно без всяких средств к существованию, — больной, имея на руках жену, двоих малолетних детей и старуху мать.

Из имеющейся в делах отделения переписки видно, что вице-директор Департамента полиции, статский советник Виссарионов письмом от 23 июня 1908 года за № 134166 сообщил начальнику Санкт-Петербургского охранного отделения, что Кулагин обратился к директору Департамента полиции с просьбой о выдаче 4000 рублей, обещанных ему генералом Герасимовым в награду за содействие и сведения, благодаря которым 20 сентября 1906 года было предупреждено ограбление казначея Штаба Отдельного корпуса пограничной стражи ротмистра Месаксуди, и что он, Кулагин, принял участие в этом деле, заручившись от генерала Герасимова гарантией, что получит прощение и упомянутую денежную награду.

Генерал Герасимов письмом от 2 июня 1908 года за № 142 донес, что: 1) Кулагин был арестован с его согласия, причем имелось в виду, что после приговора суда он останется сотрудником отделения; 2) после состоявшегося приговора военно-окружного суда, которым Кулагин был присужден к 4 годам каторжных работ, последний согласился, чтобы отделение не ходатайствовало о полном помиловании, а лишь о смягчении наказания, т. е. о замене каторжных работ — ссылкой на поселение, каковое и было ему исходатайствовано; впоследствии он изменил первоначальное решение и настаивал на полном его помиловании, которое и было, несмотря на неоднократные уговоры, ему также исходатайствовано; и 3) ходатайство о выдаче ему за оказанные услуги особой крупной суммы не заслуживает уважения, так как в продолжение почти 1½ лет, со дня его арестования и по день помилования, Кулагину продолжалось выдаваться жалование по 75 рублей в месяц, что в течение одного года и семи месяцев составляет 1425 рублей.

Между тем, в настоящее время Кулагин доложил, что согласие на арест им было дано лишь при неременном условии — окончания дела в административном порядке, после чего генерал Герасимов обязался выдать ему денежную награду в 4000 рублей, и в дальнейшем, если он, Кулагин, останется сотрудником отделения, то жалование будет ему увеличено до 300 рублей в месяц.

Предание военно-окружному суду и присуждение к 4 годам каторжных работ, с лишением всех прав состояния, по словам Кулагина, явилось для него полной неожиданностью, и, убедясь, что с прежним доверием относиться к отделению

он не может, он и возбудил ходатайство о полном помиловании. Согласия на ходатайство о смягчении наказания он также не давал.

В настоящее время Кулагин дал при Санкт-Петербургском губернском жандармском управлении свидетельские показания, вполне изобличающие преступную деятельность лиц, арестованных 20 сентября 1906 года по делу боевого коллектива партии социалистов-революционеров (Чернов, Прокофьев, Рутенберг и др.) и арестованного в настоящее время Михалевича.

Докладывая о вышеизложенном, покорнейше прошу ваше превосходительство, ввиду оказанных Кулагиным ценных услуг правительству, принять во внимание его настоящее безвыходное положение, испытанные им нравственные и физические страдания во время 18-месячного тюремного заключения, потерю места на заводе «Вестингауз», где он, служа токарем, зарабатывал от 80 до 100 руб. в месяц, что со дня его ареста и до настоящего времени составляет 4050 рублей, назначить ему денежное пособие, тем более, что, по имеющимся у меня вполне достоверным сведениям, Кулагину действительно была обещана от отделения единовременная награда в 4000 рублей, которой он не получил.

Эта записка была доложена заведующим Особым отделом Департамента полковником А. М. Ереминым директору Н. П. Зуеву. Директор «приказал оставить до приезда товарища министра и доложить ему. Мнение директора выдать не более 1000 рублей». 10 июля дело было доложено товарищу министра, и П. Г. Курлов приказал выдать 1000 рублей.

3. Покушение на самоубийство

22 февраля 1910 года в Обуховскую больницу был доставлен от здания Сената с признаками отравления крестьянин Эстляндской губернии Ревельского уезда Эдуард Эльмаров Орнфельдт. При отравившемся было найдено три письма: на имя полиции, на имя вице-директора Департамента полиции и на имя начальника финляндского жандармского управления в Гельсингфорсе полковника Утгофа. Письма дошли по назначению. Второе из названных писем было следующего содержания:

«Его превосходительству господину вице-директору Департамента полиции. Сотрудника Эдуарда Орно-Орнфельдта.

Простите, ваше превосходительство, что я еще имею одну просьбу после моей смерти. Я приехал в Санкт-Петербург ноябре месяце и начал искать к себе занятий но никакого занятий я не нашел, и денег мне кончил, страшно я голодал и

нуждал и остался тоже без квартиру и не мог никак вытерпеть больше такого тяжелого положения. Кроме того меня окружает опасность из революционной организации по делу Стокгольма, и некому своему знакомому я не могу обратиться; и без места и без всяких помощь я не мог никак вытерпеть такого безвыходного положения. Я подал прошение к вашему превосходительству, но я никакого ответа я не получил и за этого я решил покончить с собою самоубийством, чтобы все мое мучение было уже кончено, хотя бы жалко умирать, но нет выхода никакого. Так как я единственный помощь к своему матери и несовершеннолетний брату и сестре, и теперь они остаются без помощи, поэтому имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не найдете ли возможным выдать малейший помощь к моему матери. Эдуард Орно. Бывший секретный сотрудник».

О сотруднике Орно была затребована и составлена следующая справка:

«По имеющимся в делах Департамента полиции сведениям, Эдуард Орно состоял на службе в качестве секретного сотрудника у начальника Эстляндского губернского жандармского управления, а затем, ввиду обнаружения его деятельности революционерами, — принужден был покинуть гор. Ревель и искать себе подходящей работы в другой местности.

Рекомендуя названного Орно с самой лучшей стороны, как отличного работника и знающего шведский язык, полковник Мезенцев направил его в распоряжение Департамента, который предложил начальнику Санкт-Петербургского охранного отделения принять Орно в число наблюдательных агентов финляндского отряда. Ввиду выяснившейся невозможности для Орно служить на финляндской границе, где стала известна его деятельность по гор. Ревелю, Орно не был принят в число сотрудников отделения. В сентябре месяце 1906 года Департамент полиции рекомендовал Эдуарда Орно подполковнику Валабину для использования его при наблюдении за ввозом оружия в пределы Прибалтийского края. Подполковник Балабин командировал Орно на остров Готланд (Швеция), причем уплачивал ему ежемесячно по 60 рублей. В январе месяце 1907 года, вследствие замерзания портов острова Готланда, Орно был отозван, и полковник Балабин рекомендовал его, как лицо, владеющее эстонским и немецким языками, начальнику Рижского охранного отделения подполковнику Васильеву. Последний принял Орно в качестве сотрудника по гор. Юрьеву на жалованье 45 рублей в месяц, а затем он перешел на службу к начальнику Финляндского жандармского управления и командирован в гор. Стокгольм.

Из отчета о деятельности Орно в г. Стокгольме видно, что он не только был осведомлен о готовившемся покушении на

жизнь государя императора в бытность в Стокгольме, но и лишил революционеров возможности осуществить свой преступный замысел, заблаговременно сообщив об этом нашему посланнику в Стокгольме.

Начальник Финляндского жандармского управления, донося Департаменту полиции об изложенных обстоятельствах 19 июля 1909 года за № 970, возбудил ходатайство о вознаграждении Орно за действительно серьезные услуги, оказанные им нашему правительству, а равно об освобождении его от наказания за неявку к отбыванию воинской повинности, тем более, что к этому он был вынужден обстоятельствами розыска.

По докладу об изложенном товарищ министра назначил Орно пособие в размере 200 рублей.

По вопросу же как об освобождении Орно от обязанностей по отбыванию воинской повинности, так и от судебного преследования за неявку его в воинское присутствие последовал всеподданнейший доклад министра внутренних дел, на каком-то собственною его императорского величества рукою начертано «Съ» (согласен). В Ливадии 27 октября 1909 года».

Благодаря своевременной медицинской помощи Эдуард Орно не умер, и 3 марта он обратился к директору Департамента с прошением:

«Нахожусь в настоящее время в крайней нужде, не имею квартиру и страшно голодаю, кроме того окружает меня опасность из революционной организаций и некому своему знакомому обратиться я не могу а также никакого места я не мог получить, поэтому имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать мне выдать денежное пособие, чтобы я мог вырваться с этого тяжелого положения и уехать в заграницу. Покорнейше прошу ваше превосходительство не оставить мою просьбу без внимания, я не могу сейчас существовать больше».

По докладу директора Департамента полиции товарищ министра разрешил выдать Орно сто рублей.

4. Старый заслуженный провокатор

«Его высокоблагородию г-ну начальнику Санкт-Петербургского охранного отделения.

Прошение.

В 1894 году я начал работать в мелких рабочих кружках, состоящих более из интеллигенции, так называемых Плехановцы, сперва в Нарвском районе, а потом в Невском, преимущественно на Семянниковском заводе. Проработав так до 1896 года, во время усиленной агитационной деятельности в то время в городе Кронштадте революционной организации как среди солдат и также местных портовых рабочих, по про-

сьбе начальника полковника Секеринского, я был командирован в 1896 году в город Кронштадт в распоряжение местного полицеймейстера полковника Шафрова, где, проработав три месяца на пароходном механическом заводе, я успешно окончил возложенное на меня поручение, взошел в местный Кронштадтский комитет, который был весь своевременно ликвидирован, причем было арестовано несколько матросов и рабочих и взят склад нелегальной литературы. По возвращении моем в Петербург я стал усиленно работать в Василеостровском районе, где большинство членов организации, главное интеллигенции, было в 1898 году арестовано и обнаружена тайная типография на Васильевском острове. После этого в том же 1898 году я перешел работать в Выборгский район, где одновременно работал в двух организациях под названием Искровцы и Знаменцы. После Лондонского съезда в 1900 году, когда все организации слились в общую социал-демократическую партию, я работал при Санкт-Петербургском комитете до 1904 г. Работая в партии социал-демократов, я по просьбе Владимира Францевича Модль одновременно обслуживал и партию социалистов-революционеров, из которой дал знаменитого организатора рабочих кружков партии социалистов-революционеров, бывшего студента Санкт-Петербургского университета юридического факультета Всеволода Вахенбаума (Чернова), дело 18 социалистов-революционеров. Во время усиленных беспорядков в 1905 году, когда выделились из социал-демократических организаций боевые дружины, я по просьбе господина начальника взошел в боевой коллектив и, работая до 1906 года, когда закончилось крупными арестами, мною было дадено: в Василеостровском районе и Невском районе склад бомб и оружия и в Выборгском районе на Оленбургской улице в квартире Пульмана склад бомб и оружия (дело 44 социал-демократов) и на Большом Сампсониевском проспекте в аптекарском магазине Третьякова д. 18 целый склад оболочек для бомб, где приготавливались для вооруженного восстания. В начале 1906 года, когда из боевых дружин откололась часть самых передовых боевых работников, задавшись целью производить террор на должностных лиц, одним из которых, рабочим Котловым, был убит помощник директора Путиловского завода, и когда он бежал в поезде Николаевской железной дороги, был задержан по указанию моему. Несколько лиц, из которых я знал по фамилии: Иван Седьмой, Андрей Львов, Иван Михайлов, Александр Эрко, Сестер. Один из видных работников этой группы под партийной кличкой Степан был уехавши в город Тулу для приобретения из тульских заводов револьверов системы нагана, где на месте отправки в городе Туле с транспортом револьверов был арестован. При арестах вышеуказанных лиц этой группы и всей организации был обнаружен большой

склад бомб на Знаменской улице и за Невской заставой. После крупных всех этих арестов я окончательно провалился. Как много лет работавши в партии, так обширно знают меня все рабочие на заводе, мне пришлось покинуть навсегда. Были которые прикованные деньжонки, я прожил все и остался без всяких средств. Притом же обременен тяжелым семейством. Пятью детьми один одного меньше, самому старшему 10 лет, еще старушка мать и сам восьмой. Я по ремеслу хороший слесарь, заработавши раньше по 90 рублей в месяц. Посему покорнейше прошу вас, господин начальник, не откажите ходатайствовать перед Департаментом полиции о денежном пособии, на которое я мог бы открыть слесарно-механическую мастерскую, или какую-либо торговлю, в котором мое семейство могло бы существовать. Я долго с этим боролся, чтобы не беспокоить вас, но меня заставило мое безвыходное бедное положение, для жизни нет больше никакого существования. Еще раз покорнейше прошу вас, господин начальник, примите мою просьбу и пожалейте моих малолетних детей и престарелой моей матери, и надеюсь, что вы не откажете, где покорный и верный ваш слуга. Сам.

Я начал работать в 1894 году при полковнике Секеринском. В 1898 году работал с Леонидом Андреевичем Квицинским и другими. В 1904 году работал с Владимиром Францевичем Модль и в 1906 году с Владимиром Николаевичем Кулаковым и господином начальником полковником Герасимовым.

Это прошение было представлено начальником охранного отделения полковником фон Коттенем директору Департамента полиции при следующем рапорте:

«Представляя при сем прошение бывшего секретного сотрудника вверенного мне отделения, под кличкою «Сам», крестьянина Василия Карпова Чистова, ходатайствующего о выдаче ему денежного пособия, докладываю, что все, изложенное в прошении Чистова, соответствует действительности, и бывшая действительность его, по моему мнению, заслуживает поощрения».

Директор Н. П. Зуев положил резолюцию: «Полагал бы выдать двести рублей». Товарищ министра Курлов утвердил представление Департамента, и 200 рублей «Самому» были выданы в апреле 1910 года.

5. Секретный сотрудник «Петербургский»

«Его превосходительству господину директору
Департамента полиции

Прощение.

В 1902 году известный работник Радченко, который руководил всей социал-демократической организацией, им было задумано поставить типографию для Петербурга, но он решил

ее поставить в городе Пскове, куда он и уехал, и где мною был даден под наблюдение, и где была обнаружена большая типография (Американская Бостонка), которая должна была обслуживать не только Санкт-Петербург, но и другие города. При аресте типографии было задержано несколько нелегальных работников.

В конце 1902 года и начале 1903 года мною было оповещено отделение, что на Галерной улице д. 42 помещается нелегальная типография, которой заведовал Карпенко со своею женою, а остальные были нелегальные, которые и были задержаны во время работы, и совместно был арестован Санкт-Петербургский комитет социал-демократической партии и при нем взят склад нелегальной литературы. В конце 1905 года мною было оповещено отделение о состоявшемся собрании рабочих Петербургского района, входящих по одному человеку с заводов и фабрик, которое и было арестовано на Ораниенбаумской улице в помещении социал-демократического клуба. (Клуб закрыт). В то же время мною было дадено знать о состоявшемся собрании боевой дружины Петербургского района, который и был арестован на Теряевой улице, и о состоявшемся собрании в это же время боевой дружины Выборгского района в помещении клуба на Ораниенбаумской улице, при аресте были забраны бомбы и другие взрывчатые вещества, которые были вещественным доказательством на суде. В том же году мною был даден под наблюдение студент-медик Иохильсон, который и был арестован на улице у клиники со взрывчатым веществом — динамитом. Потом еще мною был даден студент Санкт-Петербургского университета М. Тверский, как организатор Василеостровского района.

При аресте Петербургского района боевой дружины, и как член ее, был совместно с другими арестован, при аресте у меня ничего не было найдено, а также при обыске в квартире, занимаемой мною, нелегального ничего не было обнаружено. В 1907 году мною был даден склад оружия, помещающийся в Лесном, при аресте было взято 25 шт. револьверов и масса боевых патронов. Находясь под следствием в предварительном заключении по делу 44-х, я просидел до суда 1 год и четыре месяца, но на суде по недоказанности улик против меня я был оправдан. Находясь так долго в заключении и имея от роду очень слабое здоровье, а посему в тюрьме я получил туберкулез легких и частые падучие припадки, почему с такою болезнью меня на работу никуда не принимают. А посему, находясь все время без определенного занятия и имея большое семейство, я очень страдаю в материальном отношении, и полученное мною пособие в триста рублей в 1910 году, я давно уже его прожил, и, находясь теперь в безвыходном положении, осмеливаюсь еще раз обратиться к вашему превосходительству с всепокорнейшей просьбой помочь мне и моему

бедному семейству в столь критическую минуту моей жизни, сколько будет милость вашего превосходительства. Всегда верный и преданный вам слуга. Петербургский».

Это прошение поступило в Департамент 22 ноября 1911 года, и так как «Петербургского» смешали в Департаменте с «Самим», то просьба «Петербургского» осталась без рассмотрения, 14 августа 1912 года «Петербургский» обратился с новым прошением:

«Служа в качестве агента-сотрудника с 1903 года при охранным отделении, был привлечен по делу 44-х и, просидев год в предварительном заключении, я после оправдания моего, по выходе из предварительного заключения, ввиду полученного мною сильного нервного расстройства и малокровия, со мною очень часто стали повторяться нервные припадки, а посему я в заводе нигде работать не могу. Находясь теперь в очень критическом положении, без работы, с большою семьей на руках, я еще раз осмеливаюсь обратиться к вам, ваше высокопревосходительство, с всепокорнейшей просьбою не отказать мне помочь в трудную минуту внести залог для поступления на дело в Санкт-Петербургскую консерваторию в качестве капельдинера, где я могу, не надоедая вам, зарабатывать себе хлеб. Послужной список и отзыв охранного отделения находятся в Департаменте полиции. Пособие получал 1 раз в 1910 году 300 рублей. Для залогу нужно 200 рублей. Остаюсь верный вам слуга «Петербургский».

На прошении имеется следующая надпись: «Г. Директор приказал запросить начальника Санкт-Петербургского охранного отделения, действительно ли «Петербургскому» удастся получить должность капельдинера, и в утвердительном случае предложить внести за него залог от третьего лица, и последний будет возвращен Департаменту полиции». Так по резолюции и было все выполнено.

6. Неисправный сотрудник

«Его высокоблагородию г-ну заведующему Особым отделом Департамента полиции полковнику Еремину.

Бывшего филера Санкт-Петербургского охранного отделения мещанина местечка Мстибова Волковического уезда Гродненской губернии, Мовши Абрамова Каплана (нелегально Адольфа Барковского).

Прощение.

24 января сего года (1910) я уволен от службы филера Санкт-Петербургского охранного отделения за позднее явление к наряду в немного выпившем виде.

Увольнение от службы поставило меня в самое тяжелое и безвыходное положение, как в материальном отношении, так вообще и для дальнейшей моей жизни ввиду прошлой моей службы.

Поступил я на службу правительству с 1902 года, в качестве сотрудника при Одесском охранном отделении, коим в то время заведовал ротмистр А. Васильев, и работал до 1904 года, причем дал много ценного материала, а именно были взяты: типография партии социалистов-революционеров, склад литературы; в том же году во время временного заведования вашим высокоблагородием Одесским охранным отделением мною была раскрыта вся боевая дружина, покушавшаяся на жизнь бывшего одесского градоначальника генерала Нейгардта, и по моему указанию был задержан глава этой дружины, зарезавший филера Крайнего¹⁵⁶, кроме этого, мною было предупреждено вторичное покушение на жизнь генерала Нейгардта и одесского полицеймейстера; лица, имевшие покушение, были арестованы чиновником названного отделения Сачковым.

Будучи провален в партии, я был ранен, после чего меня отправили в г. Варшаву для тех же целей, но ввиду того, что одесской организацией было сообщено в Варшаву о моем приезде туда, мне не удалось войти в сношение с варшавской организацией. Из Варшавы был отправлен в Вильно в распоряжение ротмистра, ныне полковника Климовича, а из Вильно в город Ригу, где я вошел в организацию партии социалистов-революционеров, указал типографию и всех членов этой партии, а также и военной организации.

Из Риги я был принят на военную службу и по ходатайству начальника Виленского охранного отделения подполковника Шебеко назначен в город Вильно, где вошел в военную организацию группы «анархистов-коммунистов», но был провален Ригой и Вильной, и на меня было организовано покушение, которое было предупреждено начальником Рижского охранного отделения, бывшим одесским ротмистром Васильевым, приезжавшим в Вильно специально для этой цели.

Прослужа на военной службе около пяти месяцев, по ходатайству того же подполковника Шебеко, был от военной службы освобожден и перешел на нелегальное положение, и находился в отделении около трех недель безвыходно. Высочайшего же указа об увольнении меня от военной службы не было, и я по настоящее время дезертир.

Из Вильны я был отправлен в Москву, в охранное отделение к полковнику Климовичу, и был зачислен филером. Из Москвы в разное время был командирован в Курск, Севастополь и в Самару; в последнем, оставив наружное наблюдение, вошел в самарскую социал-демократическую партию и рас-

крыл комитет означенной партии и боевой дружины этой же партии.

Из Самары я был командирован в Бузулук, Самарской губернии, где был ранен, в Саратов, Вольск, в Пензу; в последнем для получения связей был посажен в тюрьму, где был подвергнут со стороны политических пытке; в тюрьме мною был предупрежден побег арестантов и обнаружен подкуп.

По освобождении из тюрьмы был вторично послан в Самару, а оттуда в Одессу; из Одессы подполковником Ледниковым был послан в город Аккерман, для раскрытия лаборатории бомб. В Аккермане я вошел в организацию партии социалистов-революционеров и для конспирации был арестован и бежал, дабы не потерять связи и явки с одесским комитетом, после чего мною были открыты и указаны: «Областной комитет социалистов-революционеров», «Общий городской комитет» той же партии с его типографией, «Портовый комитет» той же партии и его боевая дружина, «Боевой партизанский отряд» с его типографией; лаборатория бомб и летучий боевой отряд при Южнорусском областном комитете той же партии, только что тогда организовавшийся.

Цель всех этих партий была взорвать дворец и убить командующего войсками барона Каульбарса и других должностных лиц, ограбить пароход «Батум», где можно было взять 400 000 руб. У рулевого этого парохода Борленко были обнаружены в значительном количестве взрывчатые вещества.

После этого раскрытия я был ранен, и в начале 1908 года отправлен в Санкт-Петербург, в охранное отделение, где служил филером до 24 сего января и уволен за вышеупомянутый проступок.

Ввиду вышеизложенного и глубоко раскаиваясь в своей ошибке, покорнейше прошу ваше высокоблагородие войти в мое несчастное положение и во внимание моей прежней службы, не признаете ли возможным защитить меня и оставить на прежней службе филера, или же предоставить мне должность в другом каком-либо охранном отделении.

Я шесть лет живу на нелегальном положении и по военной службе числюсь дезертиром; находясь в настоящее время в таком положении для меня несчастном, я положительно не знаю, что делать и как быть; на легальное положение ни в коем случае перейти не могу, потому что буду убит, а также преследуем властями как дезертир; начальник же охранного отделения дал мне срок прожить в Петербурге до 1 февраля сего года; в противном случае буду выслан из столицы официально этапом. Кроме того, у меня остаются голодными родители, которые мною отправлены за границу и находятся на моем иждивении.

Ваше высокоблагородие, умоляю вас, пощадите и заступите

тесь, так как после всего этого для меня один исход — «Нева», окажите ваше милосердие надо мной.

Если же будет признано невозможным принять обратно меня на службу, то не признаете ли возможным выдать мне какое-либо денежное пособие, которое я никогда не получал, служил же искренней правдой своему делу, а также осмеливаюсь просить разрешить остаться мне в Петербурге на более продолжительное время для устройства дел и своего положения.

Раскаиваясь глубоко в своей ошибке, смею надеяться на милость вашего высокоблагородия, что буду обратно принят на службу, которой я так много отдал своих сил. Проситель искренно преданный вам, ваш слуга Мовша Каплан».

Получив прошение Мовши Каплана, Департамент полиции обратился к начальнику Петербургского охранного отделения полковнику фон Коттену с просьбой «уведомить о причинах увольнения от службы филера Адольфа Барковского и сообщить сведения о личных и служебных его качествах». Фон Коттен дал следующий ответ: «Филер Барковский (Каплан, он же Каган) уволен мною от службы за пьянство. Он неоднократно, бывая на службе по наблюдению, напивался пьян и оставлял службу, и в таком виде являлся в сборную филеров к докладу, за что не раз был заведующим наружным наблюдением удаляем из сборной. В служебном отношении Барковский ничем от других филеров не выделялся, считался малоопытным и назначался всегда лишь в помощь опытным филерам. Кроме того, Барковский — еврейского происхождения, что инструкцией г. министра внутренних дел по организации наружного наблюдения совершенно не допускается».

Отрицательный отзыв начальника о Барковском не помешал Барковскому. Департамент полиции в своем представлении товарищу министра, изложив заслуги Барковского по секретному сотрудничеству, дал следующее заключение: «Признавая причины увольнения Барковского от должности филера основательными, но находя в то же время, что услуги его делу политического розыска являются весьма существенными и ценными, что ходатайство Барковского о пособии вполне заслуживает удовлетворения. Департамент полиции *полагал бы справедливым* выдать ему из секретных сумм Департамента, в виде единовременного пособия, 300 рублей и на проведение означенного предположения в исполнение испрашивает разрешение вашего превосходительства».

Справедливость восторжествовала, его превосходительство согласился с мнением Департамента, и 300 рублей были выданы Мовше Каплану.

7. Обидное недоразумение

«Его превосходительству господину директору Департамента полиции.

Причисленного к штату Киевского губернского правления бывшего помощника пристава 1 части гор. Бердичева Константина Мартыновича Преображенского.

Прошение.

В 1907 году мною была раскрыта преступная шайка социалистов-революционеров, покушавшаяся на жизнь бывшего военного министра генерала от инфантерии А. Ф. Редигера, а также на взрыв Военного совета.

Наравне с этими преступниками, во избежание всяких со стороны их подозрений о том, что я их выдал в руки правосудия, я также был арестован и осужден в каторжные работы, а затем по высочайшему повелению, состоявшемуся в 8-й день мая 1909 года, был помилован и, во избежание преследования со стороны революционеров, мне была пожалована фамилия «Преображенский» вместо прежней «Римша-Берсевич».

Со дня моего ареста и до 10 июля 1909 года я состоял при охранном отделении в качестве писца, получая от отделения жалованье по своим заслугам, и никаких наград, кроме купленного мне за 25 руб. статского пальто и отданного мне старого поношенного костюма, я не получал.

29-го же июля 1907 года я был зачислен полицейским надзирателем Санкт-Петербургского охранного отделения, и, опасаясь далее оставаться в Петербурге, я, по рекомендации его высокопревосходительства генерала от инфантерии А. Ф. Редигера, был назначен помощником пристава 1 части гор. Бердичева.

В Бердичеве я прослужил с 22 сентября 1909 года по 26 января 1910 года и за это время успел получить две благодарности от его превосходительства г. киевского губернатора, объявленные в приказе г. бердичевского полицеймейстера, за успешное взыскание дополнительного промыслового налога, а также городского и земского сбора, и был на хорошем счету у начальства, но затем отношения начальства ко мне изменились к худшему. Причина сему следующая: после убийства в Петербурге начальника охранного отделения полковника Карпова в петербургских и киевских газетах начала фигурировать фамилия Преображенского, который являлся участником во многих политических делах и известен как охранному отделению, так равно и мне по делам отделения. Начальство стало допрашивать меня по этому поводу, но я ответил, что личности Преображенского, про которого так много пишут в газетах, я не знаю, и те обвинения, которые

упоминаются в газетах, ко мне не относятся. Иначе говоря, что, хотя личность эта мне была и известна по делам охранного отделения, так как в то время, когда он однажды был арестован за ограбление бани за Нарвской заставой, я производил некоторые по канцелярии расследования, но, между прочим, не желая, в силу долга присяги, разоблачать или посягать на полицейское начальство в тайны охранного отделения, я отозвался полнейшим незнанием как личности Преображенского, так равно и всех его преступных деяний, не предполагая, что этим я могу навлечь на себя какое-либо подозрение со стороны своего начальства.

Но вскоре в одном из номеров «Биржевой газеты» прямо было указано, что я причастен к взрыву в кафе Централь на Невском пр. и после взрыва назначен помощником пристава 1 части г. Бердичева.

Подобного рода газетная печать окончательно заставила начальство причислить меня к штату Киевского губернского правления, мотивируя свое причисление тем, что я якобы не пригоден к полицейской службе и не соответствую своему назначению.

Ко всем же делам, по которым упоминался в печати Преображенский, я вовсе не причастен и пострадал совершенно напрасно, лишившись со своей женой и 9-летним сыном насущного куска хлеба, так как фамилия «Преображенский» мне высочайше пожалована 8 мая 1909 г., а взрыв в кафе Централь был в 1908 году, т. е. до пожалования меня этой фамилией, и, безусловно, этот случай может относиться к тому Преображенскому, который проходил по делам Санкт-Петербургского охранного отделения под кличкой «Реалист» по социал-демократической партии.

Принимая во внимание, что в связи с новой фамилией я потерял место, и в данное время без рекомендации трудно устроиться, и приходится со своим семейством испытывать всякие лишения и нужды, так как за 4 месяца моей службы в Бердичеве я не успел сделать каких-либо сбережений, а наоборот, благодаря болезни моей жены (воспаление слепой кишки 1¹/₂ месяца) и затем отъезда из Бердичева у меня образовалось около 200 руб. долга частным лицам, и теперь ко мне предъявляются гражданские иски, осмеливаюсь покорнейше просить ваше превосходительство войти в мое в данное время безвыходное и крайне тяжелое положение и об оказании мне материальной поддержки с выдачей пособия по усмотрению вашего превосходительства. Покорнейше просит: К. Преображенский».

8. Сотрудник-«откровенник»

«Господину товарищу министра внутренних дел генерал-лейтенанту Курлову.

Бывшего сотрудника Варшавского охранного отделения Михаила Вольгемута.

Прошение.

В начале 1908 года, при арестах членов польской социалистической партии в городе Седлеце и губернии, я дал откровенные показания относительно моего участия в партии, вследствие чего было задержано по моим показаниям и приговорено Варшавским военно-окружным судом 44 человека к смертной казни, затем казнено 18 человек. Остальные сосланные в бессрочную каторгу. Не включая лиц сосланных в порядке государственной охраны. А также был обнаруженный по моим показаниям склад оружия с 6 пистолетов Маузера, 14 пистолетов Браунинга, 1 бомба, 4 динамитные петарды и до трех тысяч патронов. А также прибор до сложения бомб, бомба в разобранном виде. А также было обнаружено несколько партийных библиотек. Отбыв затем наказание по суду в течение 1 г. 9 м. Варшавской крепости, я, желая чистосердечными показаниями облегчить себе судьбу и принести пользу правительству, согласился быть сотрудником Варшавского охранного отделения, причем начальник последнего полковник Заварзин, в присутствии покойного генерала Вырголица, агента отделения Литвина и полковника Мрочкевича, обещал мне обеспечить материально по окончании трехкратного заключения. Со времени моего поступления в охранное отделение я дал ряд ценных откровенных показаний по местному краю и получал до 1 сентября сего года содержание по 45 руб. в месяц, не включая времени, когда я был под стражей в крепости; в это время я получал по 10 руб. в месяц на тюремные расходы. По моим указаниям, в 1909 году было задержано и привлечено к судебной ответственности до 50 лиц. Кроме того, в том же году за ряд серьезных задержаний полковник Заварзин выдал мне 500 рублей, из коих 200 руб. я получил только ныне. 1 сентября я окончательно уволен от службы Варшавского охранного отделения, причем мне передано было, что о выдаче мне единовременного пособия сделано представление в Департамент полиции. Ныне за уплатой имевшихся долгов по г. Варшавы у меня осталось около 50 руб. И я вынужден поселиться в г. Одессе с целью приискания, как слесарь, какого-либо заработка; оставаться в родном крае я не могу, так как неминуемо буду убит сторонниками партии. Имеющихся денег хватит на жизнь на один месяц. Приискать место на какой-либо фабрике здесь мне весьма трудно, так как я не имею никаких аттестаций. Не отказываясь от мысли дальнейшим личным трудом содержать

себя, я все же внезапным отказом Варшавского охранного отделения от исполнения обещаний, данных полковником Заварзиним, поставлен в безвыходное положение. А потому покорнейше прошу ваше высокопревосходительство во внимание к тем фактическим заслугам, кои я оказал правительству в борьбе с польской социалистической партией и кои известны Департаменту полиции, войти в мое положение, приказав временно обеспечить меня материально до той поры, пока я не подыщу себе настоящего заработка. Ответ настоящего прошения покорнейше прошу адресовать Станиславу Владиславовичу Островскому в Одесское охранное отделение, под этим именем я проживаю ныне в Одессе. Михаил Вольгемут. 12 сентября 1910 года г. Одесса».

Об авторе этого прошения была составлена следующая справка:

«Вольгемут Михаил Францев, 21 года, мещанин г. Седлеца, холост, слесарь, имеет отца 77 лет, братьев и т. д. Из донесения начальника жандармского управления Седлецкого, Венгровского и Соколовского уездов от 29 декабря 1907 г. за № 1804 усматривается, что в ночь на 28 декабря на денежную почту при станции Соколов произведено разбойное нападение, причем взрывом бомбы убит один нижний чин и 7 человек ранено, кроме того, стрельбой из револьверов было тяжело ранено 3 человека. Организованной погоней было задержано из числа преступников двое — женщина Овчарек и Михаил Францев Вольгемут.

Из донесения начальника Варшавского охранного отделения от 16 января 1908 г. за № 762 усматривается, что Вольгемут дал по означенному делу откровенное показание, объяснив, что нападение совершено членами боевой организации Седлецкого округа революционной фракции Польской социалистической партии. По его указаниям арестовано 5 участников нападения и 8 прямых пособников, кроме того, выяснен и арестован целый ряд лиц (в числе 40 человек), принадлежащих к Седлецкой организации революционной фракции Польской социалистической партии. Из числа задержанных 13 человек уже привлечены в качестве обвиняемых по упомянутому делу.

Из протокола допроса Вольгемута от 22 декабря 1908 года видно, что он в конце ноября 1904 года вступил в качестве члена Польской социалистической партии в агитационный ее отдел в гор. Седлеце, под кличкой «Ружа».

По существу означенного протокола начальник Седлецкого губернского жандармского управления 23 января 1909 г. за № 138 дал следующий отзыв: «Протокол этот заключает в себе систематическое описание деятельности революционной фракции Польской социалистической партии в районе Седлецкой губернии с ноября 1904 года по 27 декабря 1907 г., по

которой Вольгемутom разновременно уже были даны неоднократные показания, как чинам жандармского, так и судебного ведомства; показания эти послужили материалом для постановки дела (о нападении на денежную почту при станции Соколов) в Варшавском военно-окружном суде. По приговору этого суда 12-ти обвиняемым были вынесены смертные приговоры, и 26 лиц приговорены к каторжным работам. Кроме того, показание Вольгемута, охватывающее не только сторонников бывшей боевой организации партии, в громадном большинстве уже сликвидированных, но и агитационных деятелей таковой за 1905—1907 гг., представляет собой, хотя и устаревший, но все же весьма ценный агентурный материал, тем более, что в нем упоминаются такие местные жители, о преступной деятельности коих имелись в распоряжении моего предместника и моем лишь отрывочные и неопределенные сведения».

Из сведений о лицах, осужденных Варшавским военно-окружным судом за политические преступления, усматривается, что Вольгемут приговором названного суда, состоявшимся 6 июня 1908 г., признан виновным в укрывательстве разбойного нападения и присужден к ссылке в каторжные работы на 13 лет 4 месяца. По конфирмации, назначенное судом наказание было заменено отдачею Вольгемута в исправительные арестантские отделения сроком на 2 года. 7 июня 1908 г. приговор обращен к исполнению.

4 июля 1908 г. за № 10844 начальник Варшавского охранного отделения представил копию воззвания революционной фракции Польской социалистической партии, в которой Михаил Вольгемут назван провокатором.

В докладе г. вице-директора Департамента полиции статского советника Виссарионова от 14 июля 1910 г. по делу ознакомления с постановкой политического розыска в Привислинском крае значится, между прочим, следующее: «Во время пребывания моего в Седлеце находился в этом городе откровенник Вольгемут, вызванный из Варшавы на допрос судебным следователем, и был помещен в канцелярии ротмистра Григорьева с ведома полковника Тржецяка. Мною было выражено пожелание немедленного удаления Вольгемута из упомянутого помещения».

Такова биография откровенника Вольгемута. Немудрено, что на приведенном выше прошении его мы видим карандашную надпись: «Разве Вольгемут может быть на свободе?» Тем не менее, он не только был оставлен на свободе, но еще был обрадован пособием. Вопреки своей обычной скупости, Департамент, по приказанию товарища министра П. Г. Курлова, выдал Вольгемуту 300 рублей.

9. Секретный сотрудник из народных учителей

Без всяких комментариев печатаем три письма некоего учителя Алексея Кутасова, адресованные полковнику А. М. Еремину, заведовавшему в то время Особым отделом Департамента полиции.

I

«Пользуясь вашим разрешением, данным мне вашим высокоблагородием в личном разговоре с вами 18 сего августа сего года (1910), имею честь почтительнейше просить Вашего ходатайства пред кем следует о выдаче мне единовременного пособия, каковое мне было обещано полковником г. Засыпкиным за мою работу на Северном Кавказе по секретным сведениям, но не получалось мною, между тем в настоящее время крайне нуждаюсь с семьей. Учитель Алексей Кутасов. Санкт-Петербург, 19 августа 1910 года. Адрес: Кубанское областное жандармское управление. В станицу Нбанскую Кубанской области. Вере Кутасовой».

По этой просьбе Кутасову было выдано из Департамента 100 рублей.

II

«Ваше высокоблагородие г. полковник. Позвольте обратиться к вам, как к отцу.

Я вчера не мог подробно говорить с вами, т. е. ваш отказ помочь мне так подействовал на меня и убил, что я совершенно упал духом и разнервничался.

Простите меня, но вы имеете какое-то предубеждение ко мне, тогда как я совершенно этого не заслуживаю: я прежде всего человек дела, могу это с гордостью сказать.

Конечно, я ошибался, это создано мной, а главное выстрадано, и больше этого повторяться, конечно, не будет. Вы полагаете, что я совершенно провален: смею вас уверить моей дальнейшей работой, что это не совсем так, впрочем, тюрьма бы меня давно убила, и Кубанское жандармское управление отлично знает, что 2-летнее заключение только укрепило мои связи и значение, а помилование ничуть не удивило всех, так как я судился очень конспиративно и еще конспиративней вел себя в тюрьме.

Сам себя я не стану обманывать, т. к. смерть — серьезная вещь.

Письмо относительно Манчжурии писалось не мной, и за редакцию его я не могу по совести отвечать.

Очень прошу вас поддержать меня и семью мою в настоящих трудных обстоятельствах. Покорнейший слуга Алексей Кутасов.

Р. S. По прочтении настоящего письма не оставьте принять меня лично. Ал. Кутасов. Санкт-Петербург 1910 г. 19 августа».

III

«Покорнейше прошу Ваше высокоблагородие настоящую мою докладную записку не отказать препроводить г. начальнику Петербургского охранного отделения, а также, и главным образом, прошу вашего ходатайства пред названным выше г. начальником о зачислении меня на службу в Петербурге, и таким образом вы закончите и другую половину вашего доброго дела относительно меня.

Должен здесь перечислить вкратце все то, чем я могу быть полезен сейчас и далее, умалчивая о сделанном мной, так как моя деятельность известна вам, причем прошу простить мне мои ошибки, за которые я так жестоко пострадал, и которые уже не повторятся:

1) Как учитель и журналист, работающий десять лет по педагогике, журналистике и среди партий, я, конечно, имел, имею и буду иметь громадные связи среди интеллигенции.

2) Почти все связи социалистов-революционеров и анархистов на Северном Кавказе мне известны.

3) Я поддерживаю связи с границей (Париж) через г. Адамовича и Логвиненко, екатеринодарских анархистов.

4) Я имею связи с бывшим депутатом Государственной Думы г. Герус, бывшим учителем и моим товарищем, а также и теперешним, г. Покровским, избранным из моего родного города Темрюка, Кубанской области, а равно с г. Бардижем (депутат от казаков Кубанской области).

5) Я имею массу знакомых на Кавказе, а также и в Петербурге, принадлежащих к разным партиям.

6) Как журналист, имею самые широкие связи в литературном мире: состою в переписке и знаю лично: М. Горького. Л. Андреева, Петрищева, Короленко, Битнера и даже А. Толстого, не считая массы провинциальных и столичных мелких работников печати.

7) Я был бы весьма полезен своей литературной работой.

8) Живя в Петербурге и работая здесь среди революционеров, а также и в литературе, я дал бы массу материала по Кавказу, особенно по Кубанской области (список этого материала вашему высокоблагородию представлен мной через Кубанское областное жандармское управление в начале августа нынешнего года).

В заключение этих кратких сведений осмелюсь добавить, что я горю самым искренним и серьезным желанием принести и далее пользу, и прошу вашего ходатайства об оставлении меня в Петербурге, а своей деятельностью я заслужу ваше доверие.

Учитель Алексей Кутасов.

Р. S. Мной сейчас же может быть дан самый подробный и

точный перечень всего материала, который может быть дан в настоящее время по Кавказу и Санкт-Петербургу и за границей. Ал. Кутасов. Санкт-Петербург. Гостиница Пале-Рояль. 1910 г. 19 августа.

Примечание. С высшими учебными заведениями Петербурга и Москвы у меня многочисленные связи, т. е. многие учителя или товарищи учатся там, как-то: университет, высшие женские курсы и т. п. Ал. Кутасов».

10. Откровенный рассказ секретного сотрудника

«Его Высокопревосходительству г-ну директору Департамента полиции в Санкт-Петербурге.

От Андрея Евтихиевича Чумакова, Екатеринодар, Пospолитакинская, № 98, кв. Кальжановой.

Революционную работу в партии социал-демократов я начал в 1902 г., когда «Д. К.»¹⁵⁷ Российской социал-демократической рабочей партии в Ростове-на-Дону усилил свою деятельность, организовав ряд стачек и демонстраций.

«Врагом правительства», членом революционной партии сделали меня, как и многих других, несколько прочитанных брошюр запрещенной макулатуры, и горячая кровь, экзальтированность и, главное, неспособность рассуждать тогда так, как теперь, дополнили все остальное, и я очутился в смрадном болоте нравственного растреления — в революционной социал-демократической организации.

Эти же индивидуальные качества и желание вот сейчас же видеть «плоды» своей работы заставили меня пойти в «технику», которая требовала людей, обладающих известной долей бесстрашия, т. к. правительственное возмездие за эту сторону вещественной революционной деятельности отличалось особенной щедростью, а пригодных и желавших пользоваться исключительным вниманием Плеве было немного.

И вот потекла моя жизнь между службой в конторе и самой разносторонней «технической» революционной возней, стряпаньем «духовной пищи» — прокламаций, и прочим, вплоть до исполнения роли гида для приезжавших в наш город важных партийных работников.

Равнодушный сначала к расколу в партии, потом я сделался большевиком.

Чтобы проветриться, мне изредка случалось выезжать в округ в качестве пропагандиста, в тех случаях, когда тема беседы не касалась раскола.

Как вам известно, большевики в «Донском комитете» никогда не имели преобладающего влияния, а потому естественно вырастает вопрос, почему я, большевик, работал в меньшевистской организации. Очень просто, не хотел расстаться

с «божественным созданием», относившимся довольно скептически к прелестям бродяжества, с его неразлучным спутником, лишениями, и часто и с голодовками. По этой же причине из ссылки я поехал в Ростов-на-Дону, а не в какой-либо другой город. Ради этого пояснения я отступил от сути и теперь продолжаю о работе.

В июне 1905 г. я оставил ростовскую организацию, вступил в военно-техническую, оборудовав в г. Новочеркасске химическую лабораторию для изготовления взрывчатых веществ. Впрочем, деятельность моя в военной организации продолжалась недолго и выразилась в приготовлении 2 фунтов гремучей ртути, нескольких фунтов динамита, пироксилина, да в «изготовлении» 4 пудов динамита, который похитили на одном из Александровско-Грушевских рудников.

Работая, я, к великому сожалению, был скромнен, как верная исламу женщина Востока, не смел поднять глаза и дернуть завесу тайны, чтобы знать больше, чем то позволялось «правилами конспирации», из которых я создал себе фетиш, и что впоследствии мне сильно повредило.

Потом, когда наступили бурные дни свободы, работа подполья стала ненужной, и я освободился. Освободился, конечно, номинально, разумея под этим возможность выходить на люди. Готовились к вооруженному восстанию. В этих приготовлениях принял участие и я, обучая отряд бомбистов метанию бомб, обращению с ними и пр.

Во время же вооруженного восстания на Темернике¹⁵⁸ я ведал защитой северной баррикады и командовал отрядом бомбистов.

Когда вооруженное восстание было подавлено, дружина разгромлена, я вступил в комитет боевой дружины, целью которого было создание новой дружины. Заведовал я ростовским районом.

Но, как говорит пословица: повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить, — в одну ненастную февральскую ночь 1906 г. меня случайно арестовали. Производили обыск в квартире, где я за поздним временем остался ночевать. Обыск производили плохо, т. к. не нашли полномочий комитета боевой дружины, которые выдавались членам его на право конфискации оружия у дружинников старой дружины и частных лиц, и которые я хранил у себя в коробке со спичками. Не нашли и «браунинга», который лежал на печной задвижке.

На допросе мне предъявили 100 и 101 статьи¹⁵⁹, но за отсутствием веских улик только выслали в Вологодскую губернию, в уездный город Кадников.

Арест и высылка имели для меня решающее значение в смысле душевного перелома, в смысле отрезвления. И не потому, что это была суровая кара, а потому, что виденное в

тюрьме и по этапам заставило призадуматься над содеянным, начать переоценку ценностей.

Богатый материал для этого дала Бутырская тюрьма, тогда переполненная ссыльными самых различных партий, и Вологда, где в то время этих господ было тоже немало. Всего там было: рабочие, простодушные и доверчивые, крестьяне — «аграрники», темные, малоподвижные и жавшиеся от «чистой политики» в отдельные кружки, откуда часто слышались тяжелые вздохи и молитвенное «О Господи, помилуй нас». Со многими из них мне часто приходилось беседовать. И постоянно в их рассказах о том, как попали сюда, проскальзывала злоба, открыто высказывалось сожаление, что попались на удочку безбожников-социалистов, страх за свое и своих семейств будущее, которые, оставшись без работников и опоры, осуждены на голод и холод. А самим им уже в тюрьме вологодской приходилось трудно, сидя на хлебе и воде, и довольствуясь изредка скудными подачками, перепадавшими от «борцов за народ и свободу». «Красный крест» в изобилии доставлял продукты питания и одежду, а все эти «страдальцы за народ»: жида, поляки, финляндцы, грузины, армяне, охамевшие русские, набивая свои мамоны¹⁶⁰, безраздельно пользуясь всем, показали и резко подчеркнули, чего стоит их народолоубие. И мне, монашествовавшему революционеру, странно было слышать, как все эти нагло-циничные, развратные и превращенные в паразитов профессиональной деятельностью социалисты-революционеры и социал-демократы, анархисты, бундисты и пр. и пр. при этом вещали о догматах своих учений, а в интимных беседах смаковали, сколько кто получал от организации на жизнь, и как потом прокручивались эти деньги, собранные по копейкам у рабочих и крестьян, которых они вовлекли в кровавую авантюру и распяли на Голгофе общегосударственного бедствия, ими устроенной.

И вся эта разнужданно-откровенная мерзость революционных теорий и их апостолов, дышащих ненавистью к вековым устоям нашей государственности, национальности и порядку, поселила в моей душе разлад, приведший меня к прежнему, дореволюционному политическому идеалу, по которому Россия немыслима без монарха.

Уходя из ссылки, я уже решил оставить революционную работу, уничтожил зашифрованные адреса, явки. Приехал в Ростов. «Товарищи» — эти волки с лисьими хвостами — стали предлагать снова начать работу. Я отказывался, мотивируя отказ усталостью. Меня упрекнули в трусости. О, думаю, я не трус, и это сумею доказать. Тогда как раз господствовали крайние идеи «максималистов», сводившиеся к проповеди открытого грабежа и убийства правительственных чиновников и агентов. «Большевики» носились с идеей «партизанских выступлений». Настроение такое, что если бы

было реализовано, — принесло бы на первых же шагах до-вольно ощутительный вред. «Донской комитет» влачил жал-кое существование, был опутан внутренней агентурой, и там мне делать было нечего. Поэтому я направился в сторону непосредственной опасности, вошел в группу анархистов-коммунистов, состоявшую из людей, бывших под моим ве-дением во время вооруженного восстания. Затем вошел в сношения с начальником Ростовского охранного отделения, теперь покойным С. Г. Карповым, заявив, что убеждения мои изменились, что, вследствие этого, я хочу загладить свои прежние преступления, действительно послужить народу и царю, против которых раньше много согрешил. Я объяснил, что буду оперировать в среде анархистов и тут же дал самые точные сведения насчет членов группы, в которую вступил. Группа совершила ряд мелких экспроприаций и нападение на некоего, если не ошибаюсь, Федорова, которого ранили из револьвера, приняв его за филера охранного отделения. Потом эта же группа ограбила экспортную контору Фриде-берга на 12 тысяч рублей, при этом ранили в ногу швейцара, и кажется, лошадь под городовым, который их преследовал. Четверых из этой шайки расстреляли, а остальных часть вы-слали впоследствии в отдаленные места Сибири. Это было в октябре 1906 г. Последовательно я перебивал в трех группах, вожаки которых арестовывались, а группы распадалась, об-разуя новые.

Четвертая группа была вместе с тем и последней. Я прова-лился. И вот каким образом это произошло. Как-то запозд-нился у двух членов этой группы. Не зная, что в ту ночь ре-шено было ликвидировать эту квартиру, я остался там ночевать. Не помню точно, предупреждали меня относитель-но того, что агентам нельзя ночевать на квартирах лиц, отно-сительно которых даны сведения охранному отделению, или нет.

Ночью нагрянула полиция. Арестовали, разумеется, и меня, вместе с двумя, фамилии которых я не помню. На место ареста и обыска прибыл С. Г. Карпов и незаметно со-общил мне, что устроит для меня побег. Повели нас в участок в Нахичевани-на-Дону, так как и квартира, где нас взяли, была в Нахичевани. В участке С. Г. Карпов подкупил городо-вого, чтобы он меня отпустил, когда поведет для отправления естественной надобности. Так и было сделано. Но не успел я выбежать за ворота, как городской, выводивший меня, начал стрелять из револьвера. Моментально образовалась погоня, что называется, по пятам. Я метнулся в первый двор. Забежал затем в дом. Городовые за мной. Схватили. Околодочный Кривобоков, который теперь, кажется, служит в петербург-ской полиции, начал в упор стрелять в спину. Револьвер был системы «С и В»¹⁶¹, 32 калибра и обыкновенно заряжался пат-

ронами для браунинга, а на этот раз по счастливой случайности был заряжен патронами с черным порохом и свинцовыми пулями. Когда Кривобоков начал стрелять, меня городовые держали уже под руки.

Затем, когда повели к участку, тот же Кривобоков продолжал бить меня по шее, и Бог весть, чем кончилось бы все это, если бы не жандарм, вовремя подоспевший и остановивший Кривобокова. Подвели к участку. Карпов, пристав и другие в один голос заявляют: не тот, и меня отпускают. Напуганный всем происшедшим, с болью в спине от сильных контузий (только благодаря тому, что на мне было ватное пальто, а то, пожалуй бы, тоже несдобровать), я кое-как поплелся по улице. Встречает городской, всматривается в лицо, останавливает и спрашивает: куда идешь? Домой, — отвечаю. — Идем в участок, — командует городской. Мною овладела апатия, удивительная безучастность ко всему, и я повиновался, тем более, что бежать сил не было, да это было бы бесполезно, а к тому же и опасно: мог пристрелить. Отправили в тюрьму, а дня через три или четыре судили военно-полевым судом. Меня оправдали, а тех двоих осудили на каторжные работы на 4 года каждого. Это было 11 ноября 1906 г.

После этого я был конченый человек, и сотрудником больше не мог быть, хотя знавшие меня «старики», революционеры социал-демократы удивлялись, что я пошел к каким-то анархистам, в провокатуру мою не верили, но держались от меня в стороне.

О всем здесь описанном, т. е. об истории провала знает Н. В. Ильешев, помощник С. Г. Карпова, который, кажется, и теперь служит в Ростовском охранном отделении.

Мои попытки спустя некоторое время вновь войти в какую-нибудь группу, в социал-демократическую ростовскую организацию, успехом не увенчались. Меня объявили провокатором. Я уехал на Кавказ.

На Кавказе я никакой революционной деятельностью не занимался, жил в станице Кореновской, Кубанской области, где служил на лесном складе вместе с отцом.

С 1908 г. мне удалось пристроиться к журналистике в г. Екатеринодаре. Работать начал в «Кубанском курьере», а так как редактором этой газеты был жид Финкельштейн, — я перешел в «Новую зарю», в которой работал с некоторыми перерывами вплоть до последнего времени. О моем политическом прошлом никто из товарищей по перу не знал ничего, да и вообще никто не знал.

Но в августе, в последних числах, старая история провала, о которой я и сам стал забывать, вдруг всплыла неизвестно по чьему желанию наружу, и стала злобой дня среди газетчиков. Историю страшно раздули, по свойственной журналистам привычке преувеличили, и мне деликатно, но настойчиво

предложили убраться из редакции, а когда пошел я по другим редакциям (там 4 газеты), мне вежливо отказывали, сожалея, что какой-то досужий повеса распустил про меня вздорную, нелепую историю.

Так как провинциальный журналист — тип «перекати-поле», кочующий из одного города в другой, то уже через короткое время в г. Баку мне пришлось слышать от одного журналиста эту печальную историю скандала со мной. Вообще дорога в прессу для меня закрыта навсегда, и во всяком случае, на долгие, долгие годы.

Пытаться найти работу в каком-нибудь другом городе и газете — безрассудно, потому что если будешь разоблачен в одном, да и в другом месте, — в конце концов попадешь на столбы газет, а это, безусловно, смерть.

Между тем я успел себе составить известное положение в прессе за эти два года. Можно уже судить по тому, что заработок мой в месяц достигал в среднем 100 рублей; что в этом году я получил серьезный пост представителя и сотрудника гор. Новороссийска от газеты «Новая заря». Таковы отклики этой несчастной истории.

Безвыходность моего положения, с одной стороны, сознание, что я еще мог быть полезен правительству, — с другой, заставляют меня обратиться к вашему высокопревосходительству со следующей просьбой: не найдете ли вы возможным оказать мне одновременную денежную поддержку в сумме четырехсот руб. (400 руб.) для того, чтобы я мог подготовиться к специальному экзамену на звание народного учителя, а затем, поступив в учителя, начать агентурную деятельность, давая сведения о тайных и вообще об учительских союзах, куда я, конечно, беспрепятственно войду как совершенно новый, никому не известный человек.

Положение мое во всех смыслах не «выдерживает самой слабой критики», как говорят обыкновенно, и действительно, ума не приложу, как быть, если ваше высокопревосходительство откажете в просьбе. Сейчас уже нуждаюсь, и довольно основательно, а впереди темно, ничего не видно. Андрей Евтихийев Чумаков. В отделении имел кличку «Чуркин». Военно-полевым судом судился под фамилией «Аверьянова Алексея».

Р. S. Глубоко извиняюсь перед вашим высокопревосходительством за небрежность и несистематичность этого прошения. Объясняется это тем обстоятельством, что пишу его в гостинице, в общем зале; надо кончить, пока мало публики, а у знакомых, где я остановился, уж очень много грамотных, да еще и любопытных. Это прошение я посылаю из Ростова, куда приехал позондировать почву насчет работы. Результаты самые плачевные: нигде ничего. Разумею конторы, а о газетах и не помышляю».

Прощение Чумакова было препровождено начальнику

Донского охранного отделения с предложением сообщить об авторе подробные сведения. Ротмистр Леонтьев 11 октября 1910 года донес Департаменту: «По имеющимся данным в делах отделения и объяснению состоящего в моем распоряжении титулярного советника Ильяшева, крестьянин Воронежской губернии Андрей Евтихийев Чумаков действительно состоял в качестве секретного сотрудника, под кличкой «Чуркина» в 1906 году при вверенном мне отделении, в бытность начальником сего отделения полковника Карпова. Личность Чумакова лично мне не известна, но, по словам чиновника Ильяшева, он в свое время давал весьма ценные и правдивые сведения по «группе анархистов-коммунистов», и изложенные в его прошении все факты, вплоть до его провала и полевого суда, которым он судился под фамилией мещанина Алексея Петрова Аверьянова, — соответствуют истине».

Чумакову было выдано 200 рублей.

ШКОЛА ФИЛЕРОВ¹⁶²

При охране «существующего государственного и общественного порядка» Департамент полиции, «в целях освещения замыслов вожakov революционного движения», пользовался, с одной стороны, «внутренней агентурой», а с другой — «наружным наблюдением»; наиболее ценные сведения доставлялись Департаменту именно «внутренним» наблюдением, которое осуществлялось при помощи разного ранга «сотрудников», иногда весьма крупных провокаторов, проникавших в самую глубь революционных организаций, причем для замаскирования истинного характера своей деятельности этим полицейским агентам приходилось принимать иногда самое серьезное участие в работе революционных организаций. Дегаев¹⁶³, Геккельман-Ландезен, Азеф, Малиновский¹⁶⁴ иногда шли в своей революционной работе так далеко, что это совсем не соответствовало планам их руководителей, так как ни Судейкин¹⁶⁵, ни Плеве, конечно, не предполагали, что на них обрушатся удары их агентов; однако опасность такой игры с огнем не могла заставить Департамент полиции отказать от услуг своих секретных «сотрудников», так как все же благодаря им получались весьма обстоятельные сведения и о личном составе противоправительственных партий, и об организации их, и о методах борьбы, принимавшихся в тот или иной момент, и о важнейших планах революционных деятелей. Сведения эти представлялись руководителям политического розыска настолько существенными, давали им, по видимому, такую надежную опору для охранения «исторических устоев» от всяких злонамеренных покушений, что

из-за их добывания стоило идти и на явный риск, как это разъяснял Столыпин по поводу разоблачения азефовщины.

Конечно, с материалом, доставляемым этой внутренней агентурой, не могли ставиться рядом те сведения, которые получались при помощи наружного наблюдения; тем не менее, пренебрегать подобными сведениями Департамент не считал возможным и, напротив, прилагал все время серьезнейшие усилия к тому, чтобы расширить круг деятельности агентов наружного наблюдения, настаивая, что именно благодаря наружному наблюдению, умело поставленному, он мог во многих случаях достигнуть весьма успешных результатов в своей борьбе с различными революционными организациями; наружным наблюдением, без содействия даже иногда внутренней агентуры, раскрывались опаснейшие предприятия революционных кружков, излавливались пропагандисты противоправительственных учений, накрывались тайные типографии, захватывались транспорты революционной литературы, фабрики взрывчатых веществ, в корне подрывались террористические акты и т. п. Такие плодотворные результаты получались вследствие умственного развития агентов наружного наблюдения, вследствие серьезной теоретической и практической их подготовки опытными, авторитетными руководителями политического розыска. Однако, наряду с достоинствами, Департамент находил в агентах наружного наблюдения и довольно много существенных недостатков, а поэтому, кроме обстоятельной инструкции, признавал необходимым озаботиться серьезным обучением и воспитанием филеров, т. е. агентов наружного наблюдения. Особенно внимательно отнесся к этому вопросу Департамент полиции во времена Столыпина, когда выдвинулась даже на очередь идея основания специальной школы филеров.

Как видно из представленного в 1909 г. генералу Курлову краткого исторического обзора, озаглавленного «Записки для памяти», план правильной организации наружного наблюдения, организации, при которой достигалось бы соответствующее целям розыска «воспитание и обучение филеров», давно уже составлял предмет забот Департамента. Уже в 1894 г. Департамент, как сообщается в записке, «вынужден был озаботиться приобретением соответствующей агентуры в целях освещения замыслов вожаков революционного движения, а для разработки получаемых сведений выдвинулся вопрос о необходимости формирования при Московском охранном отделе, как центральном по месту своего положения, летучего отряда наблюдательных агентов, в числе 30 человек, которые командировались, по указаниям Департамента полиции, в разные местности империи для наблюдения за неблагонадежными лицами». Деятельность этого отряда дала настолько «благоприятные результаты», что в январе 1901 г. его состав

был увеличен на 20 человек, а на содержание отряда стало отпущаться 31 800 рублей. Но в 1902 г. летучий московский отряд был расформирован, причем «большая часть личного его состава была распределена по образованным в означенном году в разных местностях империи охранным отделениям, а 20 человек вошли в состав летучего отряда при Департаменте».

«Сосредоточение руководств центральным розыском в Департаменте полиции представляло, — как утверждает «Записка для памяти», — значительные преимущества, так как давало возможность центральному правительственному органу пользоваться полной осведомленностью в преступных замыслах представителей противоправительственного движения и в то же время контролировать деятельность подчиненных розыскных органов, но нельзя также умолчать о некоторых неудобствах, вызывавшихся подобной постановкой дела, а именно: направленные в провинцию секретные сотрудники иногда наталкивались на местную агентуру, что по большей части вызывало провал сотрудников, а командированные филеры нередко делались предметом для установления их личностей со стороны местных властей, и иногда даже подвергались задержанию».

Вероятно, вследствие этих недостатков организации П. Н. Дурново решил в 1906 г. упразднить летучий отряд при Департаменте; но тогда же ему был представлен доклад «о восстановлении при Департаменте полиции летучего отряда филеров» с указанием, что с широким развитием боевой деятельности революционных организаций все чаще и чаще возникают случаи острого положения революционного движения в той или другой местности, вызывающие необходимость немедленного и осторожного наблюдения посредством опытных агентов. В местностях, где не имеется охранных отделений и где жандармские управления ведут дело наблюдения исключительно посредством жандармских унтер-офицеров, в большинстве случаев хорошо известном местному населению, с особенной силой выступает необходимость спешной посылки туда наблюдательных агентов, опытных и никому не известных. При отсутствии летучего отряда приходится в таких случаях прибегать к командировкам агентов из охранных отделений, иногда далеко отстоящих от подлежащей обследованию местности. Но такая мера приводит к необходимости ослаблять поставленное уже наблюдение в районах охранных отделений, снимать людей с налаженного дела, а с другой стороны, весьма естественно, что охранные отделения в собственных интересах стараются посылать людей худшего сорта и мало надежных, хотя серьезные обстоятельства в таких случаях требуют именно лучших сил. Личные качества филеров бывшего летучего отряда Департамента представляются особенно цен-

ными потому, что большинство из них — люди давно служащие (некоторые служили более 20 лет), прошедшие хорошую школу, дисциплинированные, хорошо знающие многих революционных деятелей, и в большинстве случаев могущие вести наблюдение самостоятельно. Обращаясь к вопросу о дороговизне содержания летучего отряда, нельзя не принять в соображение, что серьезные поручения, возлагаемые на филеров, нередко представляются вместе с тем и весьма опасными для них, а вышеприведенные свойства филеров отряда приводят к необходимости хорошей оплаты их полезного и опасного труда. Перемещение же их для усиления в местные охранные отделения в действительности не принесет никаких выгод в материальном отношении, так как при строгой определенности кредитов охранных отделений, содержание при них лишних людей должно пасть по-прежнему на секретные суммы Департамента полиции».

Приняв во внимание все эти соображения, П. Н. Дурново приостановил расформирование летучего отряда, а 9 июля 1906 г. товарищ министра Макаров, ввиду того, что «находящиеся при Департаменте полиции филеры летучего отряда с января месяца фактически состоят в прикомандировании к Санкт-Петербургскому охранному отделению, приказал передать начальнику названного отделения отпускаемые по смете на содержание отряда деньги».

Однако вопрос об улучшении постановки наружного наблюдения этим не был вполне разрешен, и 5 июля 1907 г. заведующий Особым отделом Департамента полиции обратился к начальникам охранных отделений со следующим циркуляром:

«Его превосходительство господин директор Департамента (М. И. Трусевич — *Ред.*), озабочиваясь улучшением подготовки филеров и полицейских надзирателей и предполагая в ближайшем времени организовать для этой цели специальные курсы, поручил мне обратиться к вам с покорнейшею просьбой сообщить из вашей практики наиболее характерные и выдающиеся эпизоды наружного наблюдения, в коих, благодаря проявленной филерами личной инициативе и сообразительности, наблюдение, несмотря на особую трудность обстановки, достигало намеченных целей, а равно и примеры отрицательного характера, где наблюдение проваливалось от неумения филера уйти от рутинных приемов и применить тот или другой чисто сыскной прием. Интересны также случаи и приемы задержания филерами выдающихся преступников, их находчивости при вооруженных сопротивлениях, во время производства обысков и т. п. В этих целях, независимо от ваших личных воспоминаний, благоволите предложить заведующему наружным наблюдением и филерам освежить в памяти все подобные и заслуживающие внимания поучительные

примеры и записать их, не стесняясь изложением и формой, с указанием по возможности времени, места и действующих лиц; к рассказам филеров были бы очень желательны ваши личные комментарии.

Господин директор выражает надежду, что к настоящей просьбе его превосходительства вы не отнесетесь формально и не откажете уделить некоторое время этому делу, так как вопрос о лучшей подготовке филеров к их трудным обязанностям давно уже стоит на очереди, а как показал опыт, лучшим приемом для их обучения является ознакомление их с практическими результатами предстоящей им деятельности и, так сказать, историческими примерами, составление сборника которых является действительно необходимым.

Вместе с сим, не изволите ли признать возможным с своей стороны не отказать сообщить ваши соображения о том, как должно быть поставлено дело обучения филеров, чтобы они не ограничивались рутинными приемами неотступного наблюдения, а сделались настоящими филерами, которые, пользуясь тонкими нитями наружного наблюдения, умели бы найтись во всякой обстановке и не останавливались в случае надобности и перед чисто сыскными приемами.

Было бы очень желательно воспользоваться ценными указаниями опыта и примерами практики находящихся уже ныне на покое бывших деятелей и работников политического розыска, проживающих в вашем районе, от которых не откажите почерпнуть нужные сведения и включить их в вашу записку с указанием источников»¹⁶⁶.

Этот циркуляр вызвал со стороны начальников охранных отделений целый ряд сообщений, с большими подробностями характеризующих службу филеров и полицейских надзирателей по наружному наблюдению. Начальники отделений весьма иногда обстоятельно развивали свои соображения об организации подготовки филеров, характеризовали свою собственную практику и порой приводили рассказы самих филеров. Перед нами разворачивается яркая картина тех усилий, которые прилагались по всей России к установлению сложной системы наружного наблюдения. Особенно в этом отношении важными являются сообщения начальника Московского охранного отделения фон Коттена, который с достоинством признает, что его отделение было «школой для филеров», так что его ученики разбирались нарасхват другими охранными отделениями.

«При выборе людей, — докладывает фон Коттен, — я обращал главное внимание на умственное развитие; затем обращал внимание на: 1) возраст, выбирая по возможности людей не старше 30 лет; 2) рост, безусловно не принимая людей высокого роста и отдавая предпочтение лицам ниже среднего роста; 3) зрение, выбирая людей с хорошим зрением (практи-

ка показала, что гоняться за особенно острым зрением бесполезно, так как и из лиц, обладающих довольно слабым зрением, выходили прекрасные филеры); 4) отсутствие каких-либо явно заметных физических недостатков, как, например, хромота, горбатость и т. п., как показала практика, лучшие филеры вырабатывались из казаков, мелких торговцев, приказчиков и тюремных надзирателей».

Набранных таким образом людей фон Коттен тренировал сперва в так называемом «комнатном обучении», которое он описывает таким образом:

«Теоретическое обучение начиналось с заучивания того порядка, в котором мною требовалось изложение примет, дабы не было беспорядочного изложения примет, вроде следующего: «штен, в резиновой накидке, среднего роста, с бордой, в руках палка, лет 27, носит пенсне, худошавый». С этою целью я требовал, чтобы приметы излагались в следующем порядке: пол, лета, рост, телосложение, цвет волос, национальность; в дальнейшем я требовал изложения, начиная сверху вниз, сначала физических примет, затем примет одежды, а именно: длина и волнистость волос, лоб, брови, глаза, нос, усы, подбородок или борода, особые приметы, как-то: сутуловатость, горбатость, хромота, кособокость, беременность и т. д.; одежда — головной убор, верхнее платье, брюки, ботинки или галоши; особые приметы: пенсне, палка, зонтик, муфта, сумочка и пр.

Для облегчения запоминания мною была изготовлена большого формата таблица, на которой вышеприведенный порядок был изображен с помощью наклеенных букв, а для облегчения усвоения — таблицы с характерными носами и ушами. При этом обучаемым параллельно объяснялась примерная терминология, которой следует придерживаться при описании примет; так, например, я требовал обозначения цвета волос словами: брюнет, штен, блондин, рыжий, седой, и не допускал употребления слов: каштановый, темно-русый, светло-русый и т. п.; обозначения роста словами: высокий, средний и малый, не допуская — большой, низкий и пр.

Далее я последовательно вызывал каждого из обучаемых на середину комнаты и заставлял остальных описывать письменно его приметы, причем добивался однообразия в оценке отдельных примет, т. е. того, чтобы, если вызванный был, например, штен, выше среднего роста, то чтобы все обучаемые обозначали его приметы именно этими терминами, а не называли его темным блондином, среднего роста или высокого роста. После некоторой практики в письменном изложении примет я вызывал двух из обучаемых и заставлял одного из них словесно описывать приметы другого, а затем предлагал кому-нибудь из остальных обучаемых указать на ошибки в сделанном описании. Этот прием вызывал всегда очень живое

и внимательное отношение к делу обучаемых. Далее я заставлял описывать приметы кого-либо из отсутствующих лиц, принадлежащих к составу отдела, и теми же приемами добивался точного описания его примет.

Затем я переходил к ознакомлению обучаемых с различными формами одежды, наиболее часто встречающимися при ведении филерского наблюдения, особенно с формами учащих в высших учебных заведениях, с каковой целью у меня были изготовлены особые картонные таблицы, на которых были прикреплены отличительные части каждой формы, а именно: значки на фуражках, петлицы, наплечные знаки, пуговицы, а далее на той же таблице были написаны цвета околышей, цвета воротников, брюк и кантов.

Наконец, я приступал к обучению так называемому «взятию по приметам». С этой целью я вызывал двух-трех человек в соседнюю комнату и приказывал им описать приметы того или другого из оставшихся в сборной комнате их товарищей (каждому разного). Составленные ими описания я приносил в сборную (оставляя писавших в другой комнате), и, прочтя какое-либо описание, предлагал одному из обучаемых решить, чьи приметы описаны. Кстати заметить, что при этом приеме обучения я иногда ограничивался описанием лишь физических примет, не допуская описания одежды, как примет переменных. Если вызванный пытался «угадать» по двум-трем первым приметам, я доводил его до такой приметы, которая резко не подходила к названному им лицу, и этим заставлял признать ошибочность ответа. Первое время дело подвигалось слабо, но через пять-шесть занятий некоторые из обучаемых стали безошибочно определять лицо, чьи приметы им были прочитаны. Тогда я перешел к описанию таким же образом примет лиц, служащих в отделе, но в данное время отсутствующих, не говоря, здесь ли это лицо, или нет, и вскоре добился того же результата. Иногда решения бывали очень оригинальные: отвечающий говорил, что, «по-видимому, хотели описать такого-то, но в такой-то примете ошиблись».

Рядом с «комнатным обучением» шла, по терминологии фон Коттена, «практическая подготовка», которая тоже представляется весьма любопытною по своим подробностям.

«Практическую подготовку, — рассказывает фон Коттен, — я вел, посылая обучаемых наблюдать за мною или за кем-либо из опытных филеров, причем последнему внушалось первое время ходить спокойно по улицам, делая лишь изредка так называемые «проверки», т. е. внезапно поворачиваясь в обратную сторону, делая остановки за углами и т. п. После того, как обучаемые приучались ходить, не напирая на наблюдаемого, последнему приказывалось замешиваться в толпу, переходить с конки на конку, ездить на паромовых, курсирующих вдоль рек и каналов, пользоваться проходными дворами и

проч., постепенно усложняя применяемые для «сбрасывания наблюдения» приемы.

Все это проходило лишь в общих чертах, преследуя цель только ознакомить обучаемых с наиболее характерными приемами наблюдения, а затем обучаемые посылались уже и в настоящее наблюдение на вокзалы. При вечерних докладах, каковые я принимал всегда лично, обучаемым разъяснялось, правильно ли они поступили в том или ином случае; объяснялись признаки, по которым можно было догадываться о месте жительства наблюдаемого и о том, приезжий ли он или постоянный столичный житель; как определить, случайная ли встреча произошла у него, или заранее условленная; тяжел ли сверток, несомый наблюдаемым, или легкий; в каких случаях можно бросить своего наблюдаемого, и когда филер обязан сделать это; как поступать в случае потери наблюдаемого. Независимо от этого, мною производилась проверка наблюдения на постах лично, или через заведующего наблюдением и опытных филеров, и наблюдение старых филеров за молодыми без ведома последних (это имело значение и для контроля над представляемыми счетами)... Кроме того, так как мои надзиратели ежедневно обходили все свои гостиницы и меблированные комнаты, проходя таким образом по весьма большому числу улиц, то мною был установлен порядок, что каждый из них при ежедневном приходе в отдел давал справку, кого из филеров и где он видел и при каких обстоятельствах, т. е. стоящим на месте, идущим или едущим, что также служило и для проверки денежных счетов.

Для поддержания интереса к занятиям мною широко практиковалась система мелких наград в 1—5 рублей, а иногда и штрафы.

Понятно, что все вышеперечисленные приемы обучения применялись не строго в такой последовательности, как описано: комнатное обучение чередовалось с практическим, и, кроме того, к каждому последующему вопросу программы я старался переходить естественным путем, по мере встречи на практике того или иного вопроса, хотя бы этим и нарушалась вышеприведенная последовательность».

Столь же сложная система педагогических приемов применялась и при обучении второй категории агентов наружного наблюдения, полицейских надзирателей; эту отрасль охранной педагогики фон Коттен поручил своему помощнику Загоровскому, который, по его аттестации, являлся «в полном смысле мастером этого дела».

Пройдя первоначально тот же курс обучения, что и филеры, затем надзиратели в виде испытания посылались навести две-три справки в качестве частного лица в частные дома или гостиницы, причем предварительно обязаны были доложить, каким способом они предполагают узнать требуемое сведение.

Если их способы представлялись удовлетворительными, то обучаемым разрешалось их применять; в противном же случае им разъяснялись недостатки их способов и указывались два-три других, более подходящих к данному случаю.

Затем они посылались за ранее поступившими надзирателями присутствовать при наведении ими в качестве агентов полиции справок. Надзирателям разъяснялось, на какие стороны жизни наблюдаемого необходимо обращать особое внимание; цель приезда, откуда получает письма, куда сам пишет, кто его посещает, уносит ли с собой ключ от комнаты, позволяет ли прислуге убирать комнату в свое отсутствие, надолго ли приехал, щедро ли дает на чай, какие именно вещи привез с собой, какие читает газеты и проч. При этом объяснялись также признаки, по которым можно было приблизительно разрешить все вышеприведенные вопросы.

Вообще надзирателям рекомендовалось поставить дело так, чтобы прислуга сама сообщала им о всем, заслуживающем внимания, а в спешных случаях доставляла сведения даже на квартиру надзирателя, причем понятно, что все расходы на извозчиков в этих случаях оплачивались надзирателями. Рекомендовалось, чтобы после отъезда жильца все записки и клочки бумаги из его номера предъявлялись ему для просмотра.

Наконец, по мере усвоения себе сущности дела, обучаемым поручалось уже наблюдение за проживающими в определенных гостиницах лицами и наведение там справок. При этом надзирателям настойчиво внушалось наводить справки таким образом, чтобы расспрашиваемые дворник, швейцар или прислуга не могли догадаться, о ком наводилась справка, или, точнее, чтобы они полагали, что их расспрашивали об Иванове, тогда как справка наводилась о Петрове.

Это достигалось установлением дружественных отношений с гостиничной прислугой и приучением прислуги к ежедневным приходам надзирателя, благодаря чему прислуга охотно болтала с ними. Умелой же постановкой вопросов и сообщением иногда по секрету, что «меня очень интересует такой-то (конечно вымышленный) жилец», маскировка справок достигалась вполне. Особенное внимание уделялось значению хороших отношений с гостиничной прислугой и администрацией. Для этого прислуге давались мелкие чаевые, администрации оказывались мелкие услуги полицейского характера: справки в градоначальстве, бесплатный билет для входа в сад, ходатайство перед приставом в случаях мелочных нарушений обязательных постановлений и пр. Хорошим отношениям я всегда придавал особое значение, и мне случалось переводить надзирателя в другой район, если ему не удавалось перевести, или если установившиеся уже отношения случайно портились.

Для контроля над конспиративностью своих надзирателей я в тех случаях, когда, ввиду экстренности, справка поручалась надзирателю чужого района, приказывал местному надзирателю узнать, о ком наводилась справка, и не было ни одного случая, чтобы ответ был верен.

В общем необходимо признать, что обучение надзирателей гораздо сложнее и требует значительно большего времени, чем обучение филеров. Кроме того, встречаются лица, безусловно непригодные к этой службе, несмотря на вполне удовлетворительное умственное развитие и желание работать».

Как видно из этой записки, фон Коттен все свое внимание сосредотачивает на чисто деловой стороне сыска, на обучении филеров и полицейских надзирателей таким приемам, при помощи которых они с большим успехом могли бы обнаруживать те или иные проекты действий революционных организаций. Те же приемы обучения рекомендуются и другими начальниками охранных отделений, причем главное значение придается ими практическому обучению, которое один из них прямо даже называет «натаскиванием». Без этого натаскивания обойтись, по мнению охранных педагогов, невозможно, так как филеры в большинстве случаев не отличаются интеллигентностью и служат из-за материальных выгод. Подобная выучка филеров должна производиться, как утверждают многие начальники охранных отделений, на местах, потому что центральное управление не может подготовить людей, пригодных для всяких местных условий, и скорее приучить своих филеров к известным рутинным и шаблонным приемам. С особенной категоричностью восстает против специальной филерской школы начальник Рижского охранного отделения Балабин, который пишет Департаменту: «Воспитание и выучка филера должны лежать исключительно на заведующем наружным наблюдением, — конечно, если последний на своем месте. Учреждение особой школы для филеров нахожу совершенно излишним. Обучение филеров может быть только практическое, показом на месте... Я положительно убежден, что школа филеров, кроме вреда, ничего не принесет: теоретическое преподавание серьезной подготовки не может дать, но воспитает в людях привычку к шаблону и даст почву для непослушания старшим (ответы: «У нас так учили»), т. е. получают те же результаты, которые дали все подобные школы (учебный унтер-офицерский батальон, школа квартирмейстеров морского ведомства, учебная кавалерийская кузница, офицерские школы, академия генерального штаба (!!) и т. п.). При существовании школы несомненно затруднится и порядок увольнения филеров, негодных для службы».

Придавая такую высокую ценность выучке практического свойства, некоторые из охранных педагогов останавливаются на вопросе о моральном воспитании филеров, и с пафосом

говорят о возвышенном предназначении филеров и о тех прекрасных нравственных свойствах, которыми должны обладать эти «гороховые пальто». Так, начальник Харьковского охранного отделения Попов пишет: «Относительно общей постановки дела обучения филеров считаю нужным высказать свое мнение, что помимо сноровок и способов наблюдения крайне желательны занятия с филерами на тему о нравственной подкладке их службы, необходимо им внушать, что служба их вовсе не позорна, что многие из них думают, а наоборот, спасает жизнь многих людей, предотвращает злодеяния преступных лиц; в особенности это необходимо оттенять, когда будут при ликвидации взяты бомбы, оружие и другие предметы для террористической деятельности революционеров, и таким образом воспитать в сознании филеров чувство долга, полезности их деятельности, а не только соображения материальные, по которым ныне большинство из них служит».

Еще красноречивее о честности высокой говорит начальник киевской охранки, известный Кулябко¹⁶⁷: «О хорошей постановке дела по обучению филеров можно сказать следующее: принимать на службу в филеры нужно людей честных, а потому о поступающих необходимо собирать справки, как официальным путем по месту их родины и службы, так и негласным. При поступлении *развивать в нем честность и прямоту* и постепенно знакомить с инструкцией, которая за последнее время обогатилась своим содержанием, и в ней есть темы для преподавания. Разбираться в инструкции может филер, уже прошедший несколько практически наблюдение; вновь же поступившему должен объяснять инструкцию опытный филер. Кроме сего, необходимо *доказать филеру, что он полезен для страны, и вообще вести разговоры на эти темы*. Прежде в этом, может быть, и не было особой надобности, но теперь, когда везде говорят о политических делах, нужно, чтобы филер *служил сознательно, чтобы никакой агитатор не мог сбить его, что он приносит пользу государству*, а не вред, и в чем эта польза заключается, чтобы филер знал, что *скрывает свою профессию только для пользы службы, а не из-за стыда за профессию, и первым долгом развивать в филере честность и откровенность*, не допускать лжи и строго поддерживать дисциплину. Принимать в филеры нужно с большим разбором, чтобы увольнять как можно реже. Прослуживший непродолжительное время и уволенный, узнав технику наблюдения, может разгласить, тогда как прослуживший долгое время секретов не продаст, так как проникнут преданностью делу и дисциплиной. Вновь принятое лицо в филеры необходимо оставить на некоторое время при отделении по поручениям, но отнюдь не возлагать обязанности служителя при канцелярии, так как прислужники, как показал опыт, всегда выходят хуже в служебных отношениях не прислуживавших.

Кроме того, обязанность прислуги и обращение к нему не только начальствующих лиц, но и канцелярских служащих по имени унижает нравственно. Если скажут: «Нужно выработать филера, частная же его жизнь и нравственные качества ни при чем», — ошибаются, так как человек безнравственный и плохой в частной жизни будет и плохим филером. Филера нужно приохотить к делу, чтобы он рвался к делу и исполнял свои обязанности разумно и охотно, так как только разумной настойчивостью он может достичь благоприятных результатов».

С таким же увлечением распространяется о работе полицейских надзирателей другой киевский охранник, Зеленев. «Чтобы улучшить состав надзирателей, нужно, — говорит он, — начинать с того, что в надзиратели принимать людей только честных, неподкупных, старательных, расторопных, более трезвых, более грамотных, вообще — безукоризненного поведения, потому что на него особенное внимание обращает полиция и обыватели. Надзиратель должен быть солидным представителем от охранного отделения. Кажется, нужно, чтобы надзиратель не принимал так называемых «праздничных», а в особенности каких-либо взяток. А для того, чтобы он не брал ни того, ни другого, его нужно обеспечить материально, чтобы он был похож на полицейского, не был бы одет хуже, чем наружный околотовый надзиратель. Как известно, местная наружная полиция почти всегда и всюду берет «праздничные», а потому имеет квартиру лучше, чем надзиратель охранного отделения, и одевается приличнее. Это пример из московской полиции. Нужно отдать справедливость, что надзиратели московского охранного отделения больше половины не брали ни «праздничных», ни «месячных». Но зато они были похожи на какие-то жалкие существа, а в особенности семейные бедствовали. Жалованье получали 49 рублей в месяц; нужно нанять квартиру, нужно иметь полицейскую форму и штатское платье, а квартиры недешевы уже давно. Раз надзиратель выглядывает таким забитым существом, то инструкция здесь мало поможет.

Еще вот главный вопрос в чем: какое назначение должен иметь надзиратель в участке? Следить ли за тем, чтобы никто не проживал без прописки, как в номерах, так и в домах, следить, чтобы правильно велись домовые книги? Конечно, в то же время делает справки и исполняет разные поручения. Или полезнее будет, если надзиратель будет входить вглубь, т. е. больше знать, что делается в гостиницах, номерах и домах? Конечно, почти каждое начальствующее лицо скажет: «Ну, понятно, надзиратель должен делать то и другое, т. е. следить за пропиской и все знать»; на первый взгляд оно так и кажется, но на деле оно двоятся или же троится.

Возьмем, например, такого надзирателя, который, будучи

прикомандирован к участку, стал требовать точной прописки, чтобы достигнуть большего совершенства, стал доносить о не-прописке, а также поздней отметке. Содержатели номеров и домовладельцы периодически стали подвергаться штрафам. Прописка пошла лучше, но только этого надзирателя стали опасаться; содержатели гостиниц сказали своим управляющим и швейцарам, чтобы они перед этим надзирателем не разевали ртов, ибо он узнает что-либо, и будет наложен штраф. С таким надзирателем разговаривают только официально, и редко скажут: кто ходит к поднадзорному, и никогда не скажут, кто у него ночует. В то же время в другой участок прикомандирован другой полицейский надзиратель, который, обойдя все гостиницы, номера и некоторые дома, говорил держателям гостиниц и управляющим приблизительно следующее: «Господа, я прошу быть со мною откровенными, ничего не скрывать; скажите вашим управляющим, дворникам и швейцарам, чтобы они были со мной тоже откровенны. Я не враг вам, а блюститель порядка, — меня не бойтесь». Такой надзиратель говорит: «Стоит ли штрафовать, если какая-то кухарка не отмечена неделю?» Он тоже требует, чтобы прописывались жильцы, но не штрафую. Так как он не подводит обывателей, ему говорят все и о всех. Говорят: «К тому-то ходят такие-то лица, а иногда и ночуют». Следовательно, этот надзиратель знает больше, чем первый, но у него немного больше неотмеченных и непрописанных. Какой из них полезнее?

Один из управляющих гостиницей, довольно интеллигентный, сказал надзирателю, уже переведенному в другой участок: «Вы, господин надзиратель, заставили себя бояться, потому что не брали «праздничных»; поэтому мы с вами не были так откровенны, как мы откровенны бывали со своим околоточным надзирателем, который у нас за своего человека». Быть может, некоторые скажут: «Что за разговор с обывателями! Требовать от них исполнения, и больше ничего». Но это выйдет ошибочно. Ошибочно потому, что обыватели большею частью думают, что охранное отделение, что захочет, то и сделает. Следовательно, надзиратель должен быть справедливым, его слово — закон. А если надзиратель будет брать взятки и праздничные, тогда справедливость захромает, он под штрафы будет подводить тех, кто не дает «праздничных» и «месячных».

Известно, что у надзирателей уже есть инструкция, но большею частью надзиратели живут и делают не по инструкции, а как начальство приказывает. При одном начальнике служат и делают так, а при другом начальнике уже делается по-другому. Следовательно, вместе с инструкцией служит и дух начальства, а потому инструкции мало, а нужен хороший лектор. Главное, нужно приучить, чтобы надзиратели относи-

лись к службе сердечно, а не отбывали бы формально; в этом весь и успех в службе. Надзиратель должен уметь, как делать разные справки и собирать сведения. Получив от отделения поручение, он должен немедленно отправиться в тот дом или гостиницу, поручить кому что можно, научить, как нужно делать. Через некоторое время, может быть, через день-два заходит и спрашивается, что у него готово и чего не хватает; он снова дает указания, как действовать дальше, он раза два, три зайдет в дом, чтобы сделать указание, и потом у него получается справка полная, более точная. А надзиратель-свистун делает справки совсем иначе. Получив поручение, он не пошел в дом, где нужно делать справку, а продержал у себя справку уже несколько дней, а затем отправился по домам, где нужно наводить справки; сделав выписки из домоводной книги, поговорив с управляющим или дворником, таким образом он получил скороспелую справку, довольно бледную. У старательного надзирателя всегда дела очень много, а свободного времени очень мало. У надзирателя-свистуна, наоборот, всегда много свободного времени».

Так как Департамент полиции в числе средств улучшения подготовки филеров указал и составление сборника примеров их деятельности, то начальники охранных отделений сочли своим долгом высказаться о значении подобного сборника. Они почти все находили, что он принесет большую пользу для руководства наружным наблюдением, и с особенною обстоятельностью этот взгляд был развит в докладе начальника Саратовского охранного отделения Мартынова, который писал: «Составление сборника «Исторических примеров» из практики филерского наблюдения нельзя, конечно, не признать отвечающим самой настоятельной в том необходимости; молодой филер, из правильно сгруппированных, по соответствующим группам фактов, конечно, легче всего усвоит те «известные» уже приемы наблюдения, которые иначе он будет вырабатывать самоучкой, доходя до необходимости применения их на собственном опыте, что поведет к различным частичным неудачам. С этой стороны сборник, конечно, принесет свою, и большую пользу. В настоящее время роль этого сборника выполняется, так сказать, изустной передачей, в разговорах, общих обсуждениях, рассказах старших филеров, заведующего наружным наблюдением и других старших и начальствующих лиц».

Однако тут же Мартынов выставлял и некоторые соображения об отрицательных сторонах издания сборника исторических примеров. «Нельзя, — говорил он, — не отметить следующего нежелательного явления, которое, несомненно, будет иметь место при рассылке на места составленного сборника, а именно, он может стать достоянием публики. Сохранить же конспиративность сборника едва ли удастся; доказа-

тельством служат постоянные в последнее время провалы таких конспиративных вещей, как ключи к шифрам. Кроме того, я полагаю, что никакая указка, хотя бы хорошо затверженная, не поможет малорасторопному человеку найтись в соответствующей обстановке, и наоборот, человек разумный, сознательно и добросовестно исполняющий свое дело, в нужный момент найдет каждый раз новый выход из подчас трудного положения, в которое попадают филеры при осуществлении наружного наблюдения, условия которого постоянно меняются».

Признавая огромную пользу сборника, начальники охранных отделений сообщили для его составления обильнейший материал из своей практики. Отозвались и «старые, опытные работники», как Сачков, воспоминания которого приводим с сохранением его орфографии.

«В конце 1891 года в город Кострому, — рассказывает Сачков, — были командированы филеры Московского охранного отделения для поимки известного государственного преступника Сабунаева, который в то время вел усиленную пропаганду по всему Приволжью. Поимка его была тем выдающая, что он более двух лет вел пропаганду на берегах Волги и был не уловим. В городе Костроме он жил в глухой местности, дом стоял в середине сада окружен забором и проживал не в доме, а на чердаке этого дома; чердак имел четыре слуховых окна, выходящих в сад, изнутри чердак закрывался люком; идти к нему на обыск с полицией мало было шансов застать его дома, по этому была устроена из четырех филеров засада, так как Сабунаев получал обед и чай с другой квартиры. С темнотой вечера сели в засаду, около 7 часов вечера горничная другой квартиры пронесла два стакана чая где жил Сабунаев т. е. на чердак а через некоторое время пришла и забрала их порожними. Этим мы воспользовались и прошли на чердак, где было совершенно темно и невозможно было двигаться вперед, но Сабунаев полагал, что горничная несет чай, отворил свою освященную комнату и вместо чая явились четыре сыщика и Сабунаев до того растерялся, что никакого сопротивления не сделал; с Сабунаевым был другой мужчина, который впоследствии оказался чиновником губернского правления тоже проживал вместе с Сабунаевым. Тут же мы обеих их обыскали, нашли в сундуке пять париков, два револьвера, после чего один из филеров дал знать в жандармское управление и через 30 минут приехал наряд полиции. В эту ночь было сделано шестнадцать обысков и все с хорошими результатами. Всем наблюдением руководил Медников.

В октябре месяце 1893 года были командированы филеры Московского охранного отделения в город Тверь для наблюдения за кружком присяжного поверенного Барыбина. Последствием чего была взята большая комитетская типография

в собственном доме Барыбина и большой архив; характерно то что в городе Твери барыбинской работы литература не распространялась, а отправлялась в другие города Российской Империи и все транспорты сопровождалось фелерским наблюдением. Сам обыск типографии очень интересный. К Барыбину и другим пошли в 11 часов вечера и до трех часов ночи ничего не нашли, тогда был сделан перерыв до 6 утра, с 6 до 12 часов дня нашли один валик, две банки красок и два камня, после чего обыск производился в саду, но до 3 часов ночи ничего не нашли, после этого стали ломать беседку стоящую в углу сада заросшего травой и не всякого подозрения, по снятии пола земля оказалась рыхлой и повыворотии в $\frac{1}{2}$ аршина ямы оказалась доска в виде люка запертая на замок, по вскрытии доски оказался большой погреб посреди не коей стоял большой стол на котором лежала большая рама со шрифтом, а по сторонам полки на которых лежала литература, всей литературы с типографией было два воза. В городе Твери по этому делу было 16 обысков, и все с хорошими результатами и в других городах сделано по этой же группе около 150 обысков тоже с хорошими результатами. Все время наблюдением и обыском руководил Сачков».

Из сообщений других руководителей охранного сыска отметим прежде всего эпизоды, которые должны иллюстрировать «находчивость и сообразительность» филеров:

1. Саратовский охранник Машков рассказывает: «В 1894 году я находился в числе прочих филеров, командированных в гор. Смоленск, где нами была обнаружена и ликвидирована тайная типография и взята революционная группа, именовавшая себя «Партией народного права». Наблюдение нами велось при таких условиях: мы прежде всего установили главное лицо из упомянутой группы, которому дана была кличка «Бычок», выяснили его квартиру и изучили его обычные выходы и пути. На той улице, где он проживал, была пивная с бильярдом, в которую мы ежедневно стали ходить в числе трех человек, причем двое играли на бильярде, а третий смотрел через окно за выходом наблюдаемого. Благодаря этому приему нам пришлось взять типографию без провала наружного наблюдения».

2. Саратовский охранник Егоров пишет: «С 1904 г. в гор. Саратове поселилась дворянка Тамбовской губернии Елизавета Адриановна Дьякова, занявшаяся революционной деятельностью, отдававшая свою квартиру для нелегальных сходок и печатания революционных воззваний. По данным наружного наблюдения, у Дьяковой неоднократно производились обыски, остававшиеся, однако, безрезультатными; тогда мне было поручено завести связи через прислугу Дьяковой; оказалось, что прислуга, жившая у Дьяковой, выросла у ней с малых лет. Я познакомил ее с молодым человеком, и даже удалось по-

венчать их; они стали жить у ней в квартире, и через них я узнал весь состав кружка Дьяковой, направление его, и была обнаружена нелегальная типография».

3. Письмоводитель Саратовского охранного отделения Попов сообщает: «В 1903 г. начальник Саратовского охранного отделения, ротмистр Бобров два раза одновременно поручал местной полиции произвести обыски в квартире зубного врача Бернекера, каждый раз подробно указывая, что в этой квартире имеется шкаф, с особо устроенным тайником, в котором хранится нелегальная литература и подложные паспортные книжки. Оба эти обыска результатов открытия тайника не дали. На третий обыск ротмистр Бобров назначил меня. В 11 ч. ночи я явился к Бернекеру, последний разразился страшным негодованием, что уже два раза беспокоили его обысками, и никогда ничего не найдено, что все эти обыски не больше, как придирка и издевательство власти. При этом Бернекер заявил, что двое детей его сильно больны, и просил бесшумно производить обыск. Спрошенная секретно от Бернекера прислуга ответила, что дети здоровы, что и породило особое подозрение по отношению детской комнаты, после чего я предварительно до начала обыска осмотрел всю квартиру и заметил в детской два шкафа, совершенно одинаковых по размеру, а также и по рисунку и окраске, такой же шкаф находился в передней комнате. При осмотре шкафов в детской комнате Бернекер снова стал просить бесшумно производить обыск, ссылаясь на болезнь детей, которые в это время спали. Заподозрив, что Бернекер этой проделкой мнимой болезни отвлек внимание первых двух обысков от положительного осмотра упомянутых шкафов, осмотр которых без особого стука немыслим, после этого я распорядился вынести их в зал, где свободно стал осматривать их. По измерении внутренней высоты шкафов, что один менее другого в вышину на 3 вершка, это дало возможность определить, в котором из них находится тайник. По снятии колонок с верхней части шкафа и по снятии наличника с лицевой стороны, который держался на карнизе шкафа посредством особо устроенных шалнеров, был обнаружен тайник шириною в 1 аршин 3 четверти, и в вышину $2\frac{1}{2}$ вершка, в котором обнаружена была нелегальная литература и паспортные незаполненные бланки».

4. Тот же Попов рассказывает: «В бытность мою полицейским надзирателем Московского охранного отделения мне было поручено (приблизительно в 1900 г. в марте) задержать на улице нелегального еврея, по указанию филеров, когда он выйдет со сходки (у Мясницких ворот). В 12 ч. ночи упомянутый еврей вышел оттуда и направился к Сретенке, усиливая с каждой минутой шаг и постоянно оглядываясь по сторонам и назад. Медлить было нечего, надо было арестовать, чтобы

не упустить, но этого я сделать не мог, так как начальником было сделано приказание вывести его в безлюдное место, и тогда лишь только задержать, — боялись, что публика может отбить его. Нелегальный шел все быстрее и быстрее, и я с филером стали отставать. Тогда мы решили, во что бы то ни стало, арестовать его, не допустив до Сретенки, и, быстро догнав его, взяли сзади за руки, сказав ему, что приказано доставить его в охранное отделение; еврей оказал сопротивление, вырываясь от нас; быстро собралась толпа. Еврей стал кричать, что его ни за что тащат сыщики в охранку, просил публику, в которой было 2—3 студента, помочь ему отбиться, но в это время он был уже втискан нами в сани нашего извозчика. Толпа обступила нас, требуя дать ей объяснение, по какому поводу задерживаем «ученика». Тогда я обратился к публике со словами: «Господа, оставьте нас, ради Бога, в покое, разве вы не видите, что он помешанный и бредит сыщиками? Ведь он сын нашего хозяина, и мы его ищем 4 дня. Мать и отец его в отчаянии». Из публики послышались разного рода комментарии, извозчик же наш, улучив минуту, погнал, и мы благополучно доставили его в отделение, где произвели личный обыск, но находившиеся при нем чугунные часы не отобрали. После чего к нему вышел ротмистр Сазонов, которому он заявил, что «сыщики» везли его, как собаку, положивши поперек саней. Ротмистр Сазонов, по всей вероятности, улыбнулся на эту фразу, а еврей моментально сорвал с себя часы, бросил их со страшной силой в лицо ротмистра, но, к счастью, промахнулся».

5. Писарь Саратовского охранного отделения Мошков докладывает: «Во время декабрьского 1905 года мятежа в Москве, в бытность мою в то время на службе в Московском охранном отделении, со мной был следующий случай. После взрыва революционерами охранного отделения и нападения на дом градоначальника, я сдал дежурство по канцелярии и вместе с другим товарищем по службе отправился, с разрешения начальника охранного отделения, к себе на квартиру, к своей семье, которая, услышав о взрыве в отделении и отправлении дежурного надзирателя в больницу, была в отчаянии, зная, что я был в это время дежурным. Перед выходом из отделения мы намеренно оделись в очень плохую одежду, чтобы нас не мог признать кто-либо из революционеров, которые большей частью нас знали, потому что мы оба находились на приеме публики в охранном отделении. Пробравшись из отделения как можно незаметнее и сделав в прилегающих переулках несколько поворотов, пришлось выходить из Леонтьевского переулка на Тверскую улицу. На углах всех переулков, выходящих со стороны дома градоначальника на эту улицу, стояли толпы боевых дружин, следивших за выходом из дома градоначальника и охранного отделения полицейских чинов

и агентов. В Леонтьевском переулке мы увидели нечаянно заехавшего туда и не бывшего в состоянии выехать легкового извозчика и велели ему везти нас. Только что мы подъехали на угол Тверской улицы, к стоявшей там толпе боевой дружины, как из толпы, показывая на нас, закричали: «Стой! Ни с места! Кто вы?» Первоначально, не обращая на их крик внимания, мы, сердито замахиваясь на извозчика, стали намеренно громко ругать его, говоря: «Разве можно быстро ездить мимо товарищей, не спрося их разрешения на проезд, да еще в таком месте, — так, мол, ты черт знает кого провезешь!» Этим мы сразу дали понять им, что мы не кто иные, как свои же — «товарищи». Затем, опять-таки намеренно извинившись перед «товарищами» за извозчика, мы поспешно спросили у них разрешения на проезд: «По важному делу, товарищи», а для большей замаскировки попросили «проводжатога», чтобы нас пропустили и на соседнем пункте. По получении ответа: «Отправляйтесь, теперь пропустят везде», — мы отправились дальше на том же извозчике, никем более не останавливаемые, так как дружины, стоявшие на ближайших углах переулков, видя, что нас пропустили на первом пункте остановки, уже не решались останавливать нас. Таким образом нам пришлось беспрепятственно и благополучно доехать до квартиры, несмотря на выстрелы войск, стоявших на улицах».

6. Начальник Ярославского охранного отделения Гинсбург сообщает о случае, «когда филерами была проявлена особая сообразительность и обдуманная осторожность»: «В конце мая 1907 г. мною были получены агентурные сведения о нахождении в селе Балабанове, в 13 верстах от Рыбинска, тайной типографии рыбинской организации Российской социал-демократической рабочей партии, типография должна была помещаться в особом подполье в церковном доме, занимаемом дьяконом Восторговым. Для разработки этих сведений, а частью и для проверки их мною командированы были два филера отделения, которые, почти не показываясь днем на улицах села и объяснив любопытным о цели своего приезда в село Балабаново закупкой хлеба для хозяина-подрядчика, в течение почти двухнедельного срока по ночам из-за изгороди огородов наблюдали за домом дьякона Восторгова. Несколько раз наблюдению удалось заметить приезд на лодках к селу молодых людей со свертками, а также подозрительный свет в светелке дома, который появлялся в неурочное ночное время, и, наконец, ими было обращено также внимание на промелькнувший два раза огонек в нижних отдушинах дома; все эти мелочные данные, в связи с указаниями агентуры, и дали мне возможность ликвидировать в ночь на 6 июня типографию названной выше организации».

7. Начальник варшавского отделения Варшавского жан-дармского полицейского управления железных дорог Тржецяк

сообщает: «В 1905 году, летом, получены были от местной заграничной агентуры указания на то, что какая-то слушательница Санкт-Петербургских женских курсов выехала в Москву с целью организовать убийство бывшего московского градоначальника, барона Модема, и других начальствующих лиц, причем имелось лишь указание на то, что личность эта будет жить в Петровском парке. Собранными справками установлено было несколько курсисток, проживающих в Петровском парке, причем учрежденное за ними наблюдение вполне точно указало, что личности эти не имеют никакого отношения к местным революционным организациям. По прошествии шести недель от Департамента полиции получены были указания на то, что полученные сведения могут относиться к известной революционерке Коноплянниковой. В числе наблюдаемых лиц действительно оказалось лицо, соответствующее приметам Коноплянниковой и имевшее кличку наблюдения «Семейная». Дальнейшее наблюдение за Семейной не дало положительных результатов и дало лишь установить, что Семейная умышленно конспирирует свое пребывание в Москве и проживает по чужому паспорту. Вскоре наблюдаемая из Петровского парка переехала в Москву и в течение 2 недель переменила шесть квартир. Ввиду этого наблюдение за Семейной было установлено, и вскоре она выехала в гор. Саратов. Выехавшими агентами было, между прочим, установлено, что по приезде в Саратов она поселилась у студента Морозова, у которого безвыходно пробыла двое суток. На третий день одним из агентов наблюдения замечен был рано утром, на рассвете, студент Морозов, выходящий из своей квартиры. По местным условиям и во избежание провала наблюдавший за ним агент не мог сопровождать Морозова и вынужден был находиться от него на весьма значительном расстоянии. Выйдя за город, Морозов отправился в близлежащий лес, и наблюдающий агент вскоре вполне отчетливо слышал вдали звук от какого-то взрыва. Эти результаты наружного наблюдения дали уже вполне точные указания на то, что Морозов производил опыты со взрывчатыми веществами, и что Семейная прибыла к нему за получением таковых. Вскоре Семейная с корзиною в руках выехала из Саратова в Москву. Ввиду этого приступлено было к ликвидации всех результатов наблюдения и произведены были одновременно аресты и по обыскам по всей группе, причем в Саратове у сотрудника Морозова в квартире обнаружена была полная мастерская взрывчатых снарядов. Так как по приезде в Москву Семейная, посетив некоторых серьезно наблюдаемых лиц, выехала немедленно в Смоленск, то арест ее был осуществлен в поезде, причем при ней обнаружена была корзина, привезенная из Саратова, в которой находились в разобранном виде метательные снаряды. Одновременно с этим были арестованы в Мос-

кве и Саратове все лица, с коими имели сношения Семейная и Морозов».

8. Заведующий наружным наблюдением Варшавского охранного отделения Гурин сообщает: «Летом 1892 года я случайно зашел в Саксонский сад. Там я обратил внимание на неизвестного человека с большой бородой, ходившего без определенной цели и был сильно чем-то озабочен. Я его взял в наблюдение и привел на квартиру по Мостовой улице. На вечернем докладе начальник отделения объявил филерам, что в Варшаву прибыл для какой-то весьма серьезной работы неизвестный, приметы которого и передал нам. Сопоставив приметы встреченного мною в Саксонском саду с приметами, сообщенными начальником отделения, я пришел к заключению, что это будет одно и то же лицо. На следующий день мне приказано было найти его и установить. Я отправился в городской Саксонский сад и снова встретил его там. Наблюдая за ним несколько недель, он совершенно ни с кем не встречался, я выходил из дома, шел в сад, пробыл там 2—3 часа и возвращался домой. Наконец от него удалось взять неизвестного, которого я и взял в наблюдение, передав первого другим филерам. Месяца через два неизвестный с бородой скрылся от наблюдения, но через неделю снова появился в Варшаве, уже чисто обритым (без бороды и усов) и одетым в крестьянское платье. 26 августа я его встретил в Саксонском саду, к нему пришел второй неизвестный (по профессии, как оказалось, слесарь), причем первый неизвестный имел какой-то небольшой сверток; посидев несколько минут, они расцеловались, и неизвестный (бывший с бородой) отправился в церковь на Медовой улице (это было в воскресенье), причем по пути зашел в ворота одного из домов, развернул сверток из платка и спрятал таковой под полу. Войдя в церковь, он намеревался положить предмет в угол, но я успел схватить его за руку, в руках оказалась бомба с зажженным фитилем. К счастью, вблизи находился артиллерийский офицер, который и вырвал фитиль, не дав бомбе взорваться. Сам он тут же проглотил имевшийся у него во рту яд и умер. По связям его обнаружена была лаборатория бомб, где обнаружено 7 готовых снарядов и литература. Бомбы эти предназначались специально для покушения на жизнь государя императора, когда его величество прибудет в Варшаву и Ивангород (27 августа)».

9. Тифлисский филер Вечерин вспоминает: «Августа 3 — 1904 г., около девяти часов вечера на вокзал приехали два извозчика: на первом сидели неизвестный студент и барынька, на втором штатский господин и дворник, у них было две корзины, одна побольше, другая поменьше. Навлекли они на себя подозрение тем, что не позволили носильщикам снимать корзины, которые оказались довольно тяжелыми; их снес приехавший дворник; затем, когда корзины были внесены в

вагон II класса, то ни дворник, ни привезший их господин не сели в вагон, а возле корзин сели студент и барынька. Наме-реваясь задержать в пути, я пригласил двух жандармов сесть в поезд, чтобы на пути осмотреть корзины. Чтобы избежать неприятностей при вскрытии в случае неудачи, я написал телеграмму под видом копии с телеграммы со станции Х. начальнику станции Тифлис: «Прошу задержать 2 корзины, забытые пассажиром, в малой корзине сверху лежат сапоги с длинными голенищами, поезд 5, вагон 2 класса 120, второе купе от конца поезда» и вручил жандармам, которые сперва обошли вагон, затем согласно телеграмме жандарм спросил: «Чьи это корзины?», на что студент ответил: «Мои»; когда же жандармы попросили открыть их, то студент заявил, что ключ утерян, но барынька, услышав про сапоги, уверенно сказала, что их нет, и чтобы уверить в этом, моментально открыла корзину и тотчас же хотела снова закрыть, но жандарм в это время уже успел вынуть оттуда одну пачку патронов. Студент, видя, что дело проиграно, заявил, что корзины не его, а что его попросил какой-то господин посмотреть несколько времени за ними. Оба они были арестованы. В этих двух корзинах оказалось 5000 ружейных патронов».

10. Тот же филер Вечерин рассказывает: «31 июля 1906 г. было предупреждено покушение на наместника Кавказа и на генерала Ширинкина. Главный бомбист был Давид Хачатури — «Гнилонос», который временно поместился в гостинице «Грандотель»; номер имел на 4 этаже, окнами во двор. За ним было усиленное наблюдение, особенно с 29 по 31 июля. Главная задача была возложена на меня и заключалась в том, что нужно было выследить, когда принесут бомбы, когда их будут заряжать, когда они будут готовы, но не будут в руках преступников, дабы не пострадать во время ареста. Необходимо было помешать запереть дверь, чтобы войти возможно скорее и схватить бомбистов. Я нанял номер против номера Хачатури, откуда следил через замочную скважину за тем, что делалось. Эта трудная задача удалась мне вполне. В 6 часов утра пришел молодой человек с курчавыми волосами, постучал в дверь, из номера послышался голос: «Кто там?» Пришедший ответил: «Это я, Датику», затем он вошел в номер; спустя 5 минут пришла барынька в белом платье, вошла таким же способом, затем пришел еще неизвестный молодой человек высокого роста, оказавшийся метателем бомб. Спустя 40 минут пришел еще студент (заряжатель бомб). Через 1 час «Гнилонос» вышел из номера с засученными рукавами (из чего я заключил, что заряжают бомбы), прошелся по коридору и обратно вошел в номер. Через 30 минут он позвал номерного и велел убрать номер. Через 10 минут номерной вышел и вынес много помятой разноцветной бумаги; из этого я заключил, что бомбы готовы. Затем «Гнилонос» попросил пива. Когда

номерной принес пиво и стал выходить из номера, то я подошел к дверям «Гнилоноса» под видом товарища их, взялся за дверную ручку, как бы намереваясь войти в номер, тем и помешал номерному притворить дверь. Когда дверь была обеспечена, то я дал условный знак полиции. Полиция скоро подошла, я сразу отворил дверь и первый вбежал в номер бомбистов. При этом были арестованы 4 человека, взято 7 бомб и 4 револьвера».

11. Любопытно сообщение начальника Тифлисского охранного отделения Засыпкина: «Считаю нужным отметить в тот же период (1903 г.) факт находчивости и смелости со стороны двух филеров, проявленных ими при нахождении в охране главноначальствующего на Кавказе, князя Голицына во время нападения на него и нанесения ран ему членами организации «гичакистов». Отделением велась охрана князя Голицына, как во дворце, так и во время его выездов, причем пренебрежение князя к опасности, о которой его предупреждали, делало эту задачу крайне тяжелой, при условии, что организация имела в своем распоряжении целую армию так называемых «джан-федаев», обязанных по их уставу по первому требованию комитета отдать хотя бы свою жизнь. За выехавшим с супругой своей князем на прогулку за город в Ботанический сад, занимающий громадную площадь, выехали 4 филера, разделившиеся по два для наблюдения двух входов в сад, находящихся в расстоянии около 2 верст, причем со стороны, выходящей за городом в горы, находились два филера — Курченко и терский¹⁶⁸ казак Поляков; последние филеровали по крайне извилистой горной дороге, с которой наблюдали за гулявшим в саду князем с супругой. Когда князь сел в экипаж и направился к выходу, то оба филера направились навстречу ему, и когда огибали скалу, за которой находился вход в сад, услышали внезапно раздавшиеся выстрелы; оказалось, что при выезде из сада из прилегающего ущелья выскочило три вооруженных револьверами и кинжалами армянина и, вскочив на подножки экипажа, стали наносить князю кинжалами удары; соскочивший с козел выездной казак выхватил браунинг, но, растерявшись, забыл отвернуть защелку, но тем не менее принудил соскочить с экипажа злоумышленников, чему помогло и то обстоятельство, что кучер погнал лошадей (все это заняло момент); тогда злоумышленники открыли огонь по экипажу, причем ранили выстрелом успевшего вскочить на таковой казака; в этот момент навстречу экипажу из-за скалы выскочили оба филера и на бегу открыли из револьверов огонь по злоумышленникам, причем к ним присоединился соскочивший с козел казак. Видя отпор, злоумышленники кинулись в ущелье и побежали по таковому. Экипаж с князем усакал; раненый казак, расстрелявший притом все патроны, не в со-

стоянии был преследовать; один из филеров также расстрелял все патроны. Тем не менее оба филера, сообразив, что злоумышленники, уверенные в том, что за ними будет достаточно сильное преследование, не посмеют остановиться и вступить в борьбу, и что важно не упустить их из виду до прибытия подкрепления, — вдвоем, Поляков с револьвером с оставшимися 6—7 патронами, а другой со взятой у раненого казака шашкой, пускаются по пятам по краю ущелья преследовать троих хорошо вооруженных злоумышленников, продолжая таковое бегом на протяжении трех верст, причем Поляков по временам посылал из револьвера вдогонку преследуемым пулю в ответ на производимую злоумышленниками в них стрельбу; в конце ущелья, видимо, изнемогшие злоумышленники, имея, по-видимому, одного пораненного, вдруг остановились и засели под скалой; в то же время также изнемогшие филеры, у одного из которых, Полякова, горлом пошла кровь, с одним оставшимся патроном, заметили наверху горы скакавшую верхами на лошадях в другом направлении полицейскую стражу, и, чтобы привлечь внимание таковой, филер Поляков выпускает последний патрон по направлению к страже. Выстрел обратил внимание конных полицейских, и таковые повернули обратно и быстро спустились к филерам. На предложение и крики сдать злоумышленники открыли огонь, на каковой спешившиеся полицейские ответили тем же, и все три злоумышленника были смертельно ранены. За сказанное оба филера были награждены князем каждый золотыми часами с золотой цепочкой, и небольшою денежной наградой от отделения».

12. Начальник Рижского охранного отделения Балабин сообщает: «8 января 1906 г. были получены сведения о том, что несколько членов рижской боевой организации собираются ограбить транспортную контору «Надежда». Двум филерам приказано было вести наблюдение и своевременно дать знать воинской части, находившейся в засаде в ближайшем доме. В шестом часу вечера, 9 января, к дому, в котором расположена контора «Надежда», явились восемь молодых людей и стали ходить взад и вперед. Местные условия были чрезвычайно невыгодны для наблюдения, и филерам только и оставалось гулять вместе с боевиками. Последние скоро обратили внимание на филеров и стали за ними наблюдать, а затем окружили филеров с разных сторон, так что им уже не было возможности и уйти. В это время проходила по тротуару какая-то девица. Филеры сделали вид, что именно ее они и ожидали. Как только она подошла к дверям конторы, филеры остановили ее и стали дружески с нею беседовать. Этот маневр был так удачно исполнен, что боевики сразу успокоились и перестали обращать внимание на филеров, а затем, в 8 час. 30 мин. вечера, один за другим вошли

в контору. Вслед за ними туда вошла, по условному знаку филеров, воинская часть, и 4 боевика были задержаны, прежде чем они успели проникнуть в контору. У них были отобраны топор, пистолет и свеча. Остальные четыре успели убежать и, преследуемые филерами и солдатами, вскочили во двор синагоги, где трое было задержано, а четвертый, пытавшийся бежать, застрелен».

Если в приведенных примерах выдвигаются докладчиками удачные действия охранных агентов, то рядом с ними встречаются, хотя в значительно меньшем числе, и такие эпизоды, в которых охранники не оказывались на высоте тех требований, что предъявлялись им их начальством. Укажем для образца следующие случаи:

1. Заведующий наружным наблюдением Саратовского охранного отделения Машков рассказывает: «В 1905 году в июне месяце я был командирован по распоряжению Департамента полиции в г. Одессу в распоряжение начальника Одесского охранного отделения для несения службы. 14 июля того же года я был назначен за старшего на службу: мне в помощь дали 6 человек филеров, от начальника я получил распоряжение, что в 7^{1/2} утра в известный дом должны привезти не меньше 12 готовых бомб, за которыми должны прийти несколько человек, по числу бомб. Каждое лицо должно было взять по бомбе и уйти по заранее данному назначению. Мне было приказано, во что бы то ни стало, задержать то лицо, которое привезет бомбы. Получив это приказание, я тут же распорядился, чтобы те филеры, которые даны мне в помощь, вышли к 7 ч. утра к назначенному дому и стали в указанных местах. Около 8 ч. утра в упомянутый дом стали приходить поодиночке неизвестные лица без вещей. До 9 ч. приносу и привозу подходящих вещей никаких не было, в 9 ч. 30 м. из упомянутого дома вышли сразу 8 человек, которые, перейдя на другую сторону тротуара и простояв 15 минут, стали расходиться; тогда я из числа 6 человек филеров четверых послал в наблюдение за упомянутыми неизвестными, а сам с двумя филерами остался у того же дома. По уходе наблюдаемых, спустя 15 минут, к назначенному дому подъехал на извозчике молодой человек в форме коммерческого училища и имел при себе два свертка неопределенной формы; он вошел в упомянутый дом. Через пять минут вышел, имея один сверток и пустую смятую газету, сел на того же извозчика и поехал по направлению к собору. Тогда я и филер Гроц взяли другого извозчика, дали наблюдаемому отъехать на два квартала и, догнав его, быстро соскочили с извозчика и с обеих сторон вскочили к нему в пролетку, крепко схватили за обе руки, а извозчику приказали ехать в Бульварный участок. По доставлении в участок у него произвели обыск, по которому в карманах его оказались 7 новых револьверов, а в свертке 6 ре-

вольверов и несколько пачек патронов. Этого же числа мне и другому филеру было приказано к 9 часам вечера стать у одного дома, из которого должен был выйти молодой человек, грязно одетый, и пойти в другой дом, откуда он должен был вынести готовую бомбу, с которой приказано его задержать. В 9 ч. 30 м. из указанного дома вышел подходящий молодой еврейчик, который, пройдя квартал, сел на извозчика и по-минутно стал смотреть вслед за собой. Доехавши до указанной нам улицы, свернул в нее, тогда товарищ мой поехал дальше, а я соскочил с извозчика и побежал бегом вслед за наблюдаемым. Это я сделал ввиду того, чтобы стуком колес извозчика не обратить внимание наблюдаемого, так как эта улица была глухая, а время было позднее. На этой улице наблюдаемый остановился против одного дома и обернулся лицом в ту сторону, откуда ехал. В это время я шел уже шагом и, не доходя до него, стал на противоположной стороне у парадного крыльца, где сделал вид, что звоню. Наблюдаемый, рассчитав извозчика, быстро вбежал в парадную одного дома. Когда пришел мой товарищ, мы стали смотреть за наблюдаемым, который через 30 минут вышел, имея при себе какой-то предмет, в виде небольшой коробки, завернутый в бумагу, который он держал в согнутой правой руке; прижавши свою ношу к груди, он направился к собору. Мы сами не решились его взять, так как тогда в Одессе была всеобщая забастовка, настроение публики было особенно возбуждено против тайной полиции, которая для нее означалась «сыщиком». Ввиду того я своего товарища послал предупредить первого попавшегося из чинов полиции, с указанием задержать наблюдаемого и предупредить его, что наблюдаемый несет бомбу, а поэтому не допустить его ее бросить. Когда наблюдаемый подошел к собору, то он пошел площадью собора, где стоял городской, которого предупредил мой товарищ обо всем вышесказанном. Когда мы указали городскому наблюдаемого, он за ним пошел быстрыми шагами, наблюдаемый также шел быстро, — тогда городской побежал бегом, чем и обратил окончательно на себя внимание наблюдаемого; как только городской, подбежав, схватил его, то от толчка произошел взрыв снаряда, причем наблюдаемого отбросило вперед шагов на 9 и оторвало ему правую руку, а городской взрывом был раздроблен. От места взрыва я находился в 15 шагах, к стороне собора; взрывом я был сшиблен с ног, оглушен и забрызган кровью».

2. Помощник начальника Александровского отделения Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог фон Дрейлинг сообщает: «Могу отметить случай поимки лица, кажется, 9 мая 1905 года, предполагавшего подбросом бомбы совершить покушение на жизнь варшавского генерал-губернатора¹⁶⁹, долженствовавшего в этот день

проезжать по Медовой улице на молебн в собор. Лицо это (фамилии не помню) находилось под наблюдением филеров с утра и таким образом проведено до кондитерской на Медовой, где таковой потребовал себе чаю, уселся за столом в прилегающем на тротуаре ко входу в кондитерскую палисаднике, а затем, спустя минут 10—15, к нему подошли наблюдавший филер, городской, переодетый и состоявший тогда при охранном отделении, — некий Михайловский, — и схватили бомбиста за руки, но настолько неудачно, что таковой успел оборвать висевшую у него на бечевке под пиджаком бомбу (формы коробки продолговатой) и бросить таковую, вследствие чего произошел взрыв, после коего оказались убитыми бомбист, филер и городской. Случай этот, хотя и увенчавшийся успехом в отношении предупреждения покушения на жизнь генерал-губернатора, но в смысле дальнейших результатов и по количеству жертв возможно отнести к числу отрицательных: не было проявлено достаточного хладнокровия и спокойствия, а затем вследствие этого и моментальной ориентировки и должной находчивости, а рубилось сплеча. Правда, что много в этом напортил Михайловский, отличавшийся большой горячностью. Насколько помню, он, единственно оставшийся из наблюдавших в живых, объяснил, что захватить бомбиста с тылу было нельзя, так как он сидел спиной к стене; но ведь возможно было и выждать момент, когда бы он встал с намерением выйти из кондитерской, и тогда сзади захватить, тем более, что Михайловскому было известно об отмене поездки в собор генерал-губернатора, и стало быть, бояться опоздания в захвате бомбиста не приходилось. Тут должен заметить, что соревнование хорошо, но тогда, когда оно не дает ущерба делу и не ограничивается исключительно желанием личного отличия, что в данном случае и имело место со стороны распоряжавшегося поимкою бомбиста Михайловского. Затем следовало для поимки одного человека, и притом, насколько помню, по описанию, небольшого роста, входить всем трем в кондитерскую, давая возможность легче быть замеченными, а достаточно было бы и одного, а двум остальным следовало находиться по сторонам дома, где помещалась кондитерская, откуда во всякий момент и возможно было бы своевременно явиться в случае надобности на помощь, тем более, что палисадник, где сидел бомбист, был открытым, и за сидящим там легко было бы наблюдать».

3. Полковник Засыпкин рассказывает: «Около апреля 1905 г. мной были получены агентурные указания на местонахождение центральной типографии, универсальной для всего Закавказья, Кавказского социал-демократического союза, и лаборатории для снаряжения разрывных снарядов, причем агентура дала такие сведения о чрезвычайной законспириро-

ванности помещения типографии под землей и входа в таковое, что невольно явилось желание путем наблюдения стать на более реальную почву, тем более, что сам сотрудник помещения и входов не видел, и кроме того, было желательно выяснить связь с организацией и руководителями этого технического предприятия. Раньше были указания агенты на означенных руководителей и на местность, где должна находиться типография; руководители были наблюдением установлены, но проникнуть наблюдению в малодоступную для такового местность не удавалось. По получении вышеизложенных сведений за указанным агентурой домом, помещающимся совершенно за городом, было установлено наблюдение с находящегося напротив кладбища, каковое поручалось наиболее опытным филерам. Несмотря на совершенно не соответствующую для наблюдения обстановку, в пустынном месте, за городом, дружными усилиями филеров в течение 2 недель были установлены как проживающие в означенном доме лица, так и их связь с организацией и руководителями техники, после чего решено было произвести ликвидацию. Но внезапно один ничтожный случай невыдержки одного из филеров повел к тому, что проживающие в наблюдаемом доме внезапно поспешили скрыться; дело в том, что филер столкнулся на углу с одним из наблюдаемых, который особенно чуток к наблюдению, и, несмотря на то, что наблюдаемый приостановился и пристально посмотрел на филера, последний не сумел себя законспирировать и, пройдя несколько шагов, обернулся, причем увидел, что наблюдаемый стоит и пристально смотрит на него. В ту же ночь, на 15 апреля, типография и лаборатория, действительно в полуфантастической конспирации, с грандиозным материалом, бомбами, адской машиной и документами, была захвачена, причем в тот же день, 15 апреля, благодаря тому же наблюдению, был захвачен на сходке весь социал-демократический коллектив, с документами, установившими связь с названной типографией и лабораторией, но никого из проживающих при названной типографии лиц задержать не удалось. На другой после того день филер, проваливший наблюдение, был убит на улице революционерами.

Материал, доставленный для «сборника», был изучен в Департаменте полиции и предложен в ноябре 1909 г. на обсуждение особой комиссии по реорганизации наружного наблюдения, под председательством начальника Санкт-Петербургского охранного отделения генерал-майора Герасимова. Школы филеров не учредили, но, приняв во внимание указания опыта, выработали пять инструкций по наружному наблюдению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Владимир Львович Бурцев (1862—1942), известный историк освободительного движения, литератор, журналист, издатель. Многие годы успешно занимался разоблачением секретных сотрудников Департамента полиции, действовавших в рядах революционных партий.

² Евно Фишелевич Азеф (1869—1918), один из основателей партии социалистов-революционеров, член ЦК, глава Боевой организации, многолетний секретный сотрудник российской политической полиции.

³ Упомянутая инструкция была утверждена министром внутренних дел П. А. Столыпиным в 1907 году еще до разоблачения Азефа.

⁴ В распоряжении министра внутренних дел имелось несколько секретных смет, в том числе три миллиона рублей, выхлопотанные столичным генерал-губернатором Д. Ф. Треповым, для «усиления тайного фонда Департамента полиции», секретная смета «на известное его императорскому величеству употребление» и другие. Кроме того, отчетность в выдачах денег секретным агентам была предельно упрощена. Поэтому точные суммы, тратившиеся на содержание секретной агентуры, установить практически невозможно.

⁵ Алексей Николаевич Хвостов (1872—1918), действительный статский советник, камергер, Вологодский и Нижегородский губернатор, в 1915—1916 годах министр внутренних дел, уволен по требованию Г. Е. Распутина.

⁶ Степан Петрович Белецкий (1873—1918), тайный советник, в 1909—1912 годах вице-директор, в 1912—1914 годах директор Департамента полиции, в 1915—1916 годах товарищ министра внутренних дел.

⁷ Борис Михайлович Ржевский, журналист. Служа в Нижнем Новгороде, выполнял мелкие поручения А. Н. Хвостова, в 1914—1917 годах помощник уполномоченного Красного Креста северо-западного района. Зимой 1915 года секретно командирован А. Н. Хвостовым в Швецию к бежавшему туда бывшему иеромонаху Илиодору (Труфанов) для переговоров с ним об организации убийства Распутина. По другой версии, более правдоподобной, Ржевскому поручалось купить у Илиодора письма Распутина, компрометировавшие членов царской семьи. По распоряжению Белецкого, узнавшего об этой поездке от И. Ф. Мануйлова, Ржевский был арестован на границе при возвращении в Россию.

⁸ Жученко, о ней подробно в следующем очерке.

⁹ Владимир Николаевич Коковцев (1853 — после 1927), граф, действительный тайный советник, статс-секретарь, член Государственного совета, министр финансов.

¹⁰ Александр Александрович Макаров (1857—1919), действительный тайный советник, член Государственного совета, в 1906—1909 годах товарищ министра внутренних дел, в 1911—1912 годах министр внутренних дел, ближайший сподвижник П. А. Столыпина и его преемник.

¹¹ В 1894 году в Москве возник кружок радикальной молодежи во главе со студентом университета И. Распутиным, не скрывавшим своих антиправительственных взглядов и приверженности к террору. По документам Департамента полиции (см.: Официальный отчет о деле Распутина // Былое. 1912. № 14. С. 183—194) ему удалось организовать группу боевиков и химическую лабораторию для изготовления бомб с целью покушения на Николая II, предполагавшего посетить Москву в 1895 году. Помощник начальника московской охранки С. В. Зубатов внедрил провокатора Жученко в распутинский кружок, и после получения от нее необходимых сведений, в мае 1895 года, арестовал всех членов кружка.

¹² Аркадий Михайлович Гартинг (Геккельман, Ландзен), действительный статский советник. Будучи студентом столичного Горного института, поступил секретным сотрудником в охранное отделение, был заподозрен товарищами, переехал в Ригу и оттуда в 1884 году бежал за границу. Учась в Цюрихском политехникуме, завербовался в русскую заграничную агентуру. В 1900 году перешел на легальную работу и возглавил русскую агентуру в Берлине, в 1905 году работал в Особом отделе Департамента полиции, в 1905—1909 годах до разоблачения В. Л. Бурцевым руководил заграничной агентурой.

¹³ Евгений Константинович Климович (1871—1897), генерал-лейтенант по армейской пехоте, в 1906—1907 годах начальник Московского охранного отделения, в 1908—1909 годах заведующий Особым отделом Департамента полиции, в 1816 году директор Департамента полиции.

¹⁴ Михаил Фридрихович Коттен (1870—1917), генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, в 1905—1909 годах начальник Московского охранного отделения, до 1912 года — Петербургского.

¹⁵ Константин Георгиевич Семякин («Жорж»), служил в полиции с конца 1870-х годов, до 1884 года был делопроизводителем третьего делопроизводства, затем вице-директором Департамента полиции.

¹⁶ Сергей Васильевич Зубатов (1864—1917), статский советник, один из столпов политического сыска. В 1886 году дал согласие на сотрудничество с Московским охранным отделением, через год, после разоблачения товарищами, перешел на легальное положение и вскоре занял должность помощника, а с 1896 года начальника Московского охранного отделения. Им разработаны система вербовки в секретные сотрудники и правила филерского наблюдения. В 1902 году переведен начальником Особого отдела Департамента полиции, произвел реорганизацию всего политического сыска империи, создал всероссийскую сеть охранных отделений. В 1903 году неожиданно уволен в отставку, в начале марта 1917 года застрелился.

¹⁷ Дознанием установлено, что Жученко содействовала ознакомлению членов кружка с иностранной литературой, описывающей способы приготовления взрывчатых веществ.

¹⁸ Жученко не работала как сотрудник, но получала от Департамента полиции ежемесячно по 100 рублей, с мая 1904 года ей установили ежемесячное вознаграждение за услуги в размере 150 рублей, а с 1 ноября 1906 года увеличили до 500 рублей.

¹⁹ Ça у est, *фр.* — все в порядке.

²⁰ Е. К. Климович и А. М. Гартинг.

²¹ Micheew ist bekannt den Historiker Brief folgt. Zina, нем. — Михеев известен через историка. Письмо следует. Зина.

²² Ich werde sie selbst schiessen, vielleicht wird diese Bande dich doch nicht toten, нем. — Я ее застрелю, может быть, эта банда тебя все же не убьет.

²³ Шпитцель, нем. — шпик.

²⁴ Леонид Петрович Меньшиков (1869—1932), народоволец, после ареста в 1887 году дал согласие на сотрудничество с Московским охранным отделением, в 1889 году перешел на легальную работу в политическую полицию, пользовался исключительным доверием С. В. Зубатова, в 1902—1906 годах служил в Особом отделе Департамента полиции. После увольнения в 1906 году выехал в Финляндию, затем во Францию. Меньшиков вывез два чемодана сделанных им копий секретных документов, благодаря которым бывший чиновник Департамента полиции написал интереснейшую книгу «Охрана и революция: к истории тайных политических организаций в России» (ч. 1—3. М., 1925—1932). Содействовал В. Л. Бурцеву в разоблачении полицейских провокаторов.

²⁵ Дальнейшую жизнь З. Ф. Жученко проследить пока не удастся. Свидание с Жученко В. Л. Бурцев описал в статье, опубликованной под псевдонимом Волков в «Русских ведомостях» (1910. №№ 293 и 295. 19 и 22 декабря).

Автор очерка не всегда выдерживает верный тон при описании своей героини. З. Ф. Жученко окончила Смольный институт благородных девиц (см.: Заварзин П. П. Работа тайной полиции. Париж, 1924. С. 16), сотрудничала с охранкой из идейных соображений.

²⁶ Биттер-Монэн, французский гражданин, владелец «Справочного бюро в Париже». После шумного скандала, связанного с разоблачением руководителя заграничной агентуры А. М. Гартинга, политический сыск официально как бы прекратил свое существование — его секретные агенты формально перешли на службу в бюро Биттер-Монэна, деньги на их содержание перечислялись Департаментом полиции.

²⁷ После появления реальной угрозы разоблачения камуфляжа с Биттер-Монэном два старейших сотрудника заграничной агентуры Г. Бинт и Самбен, французские граждане, по просьбе руководителя заграничной агентуры А. А. Красильникова образовали «частное сыскное бюро», в которое перешли 14 наиболее надежных и опытных агентов русской политической полиции.

²⁸ Борис Викторович Савинков (1879—1925), известный социалист-революционер, член ЦК, один из активных сторонников политического террора.

²⁹ Петр Владимирович Карпович (1874—1917), социалист-революционер, в 1901 году убил министра просвещения Н. П. Боголепова, приговорен к 20 годам каторги, бежал из Сибири, участвовал в террористических актах Боевой организации.

³⁰ Виктор Михайлович Чернов (1873—1952), теоретик и один из лидеров партии социалистов-революционеров, член ЦК, министр земледелия Временного правительства.

³¹ Афанасий Николаевич Матюшенко (1879—1907), минный машинист броненосца «Князь Потемкин-Таврический», восставшего 14 июня 1905 года, руководитель восстания, эмигрировал в Румынию, вернулся в Россию, был арестован и судим.

³² Первая публикация: Былое. 1918. № 4—5. С. 305—307.

³³ Николай Иванович Рысаков (1861—1881), народоволец, 1 марта 1881 года был первым метальщиком. Его бомба разнесла царский экипаж, Александр II не пострадал, он пересел в другой экипаж и был смертельно ранен И. И. Гриневицким.

³⁴ Смысл этой реплики Н. И. Рысакова заключался в том, что он видел второго метальщика И. И. Гриневицкого, готового бросить бомбу.

³⁵ Григорий Прокофьевич Исаев (1857—1886), член Исполнительного Комитета партии «Народная воля», участник покушений на Александра II.

³⁶ Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1825—1888), граф, генерал-адъютант, в 1880—1881 годах министр внутренних дел.

³⁷ Николай Михайлович Баранов (1837—1901), известный деятель первых лет царствования Александра III, петербургский градоначальник, участвовал в следствии над первомаковцами.

³⁸ А. Ф. Добрынский, товарищ прокурора Петербургской судебной палаты, ведущий следователь по делу первомаковцев.

³⁹ Софья Львовна Перовская (1853—1881), член «Земли и воли» и «Народной воли», руководитель покушения на Александра II 1 марта 1881 года.

⁴⁰ П. В. Тычинин (Тычинский), студент Медико-хирургической академии, народоволец, на его квартире происходили встречи С. Л. Перовской с участниками слежки за Александром II. После ареста бросился в пролет с верхней галереи Дома предварительного заключения.

⁴¹ Андрей Иванович Желябов (1850—1881), выдающийся революционер-народник, один из создателей и руководителей партии «Народная воля», организатор покушений на Александра II. Желябов был арестован 27 февраля 1881 года и поэтому непосредственного участия в последнем покушении принять не мог. Но Желябов направил Александру III требование причислить его к цареубийцам, был с ними судим и казнен.

⁴² Николай Петрович Коновкин, знакомый Рысакова.

⁴³ Вера Николаевна Фигнер (1852—1942), член «Земли и воли» и «Народной воли», одна из ее руководителей.

⁴⁴ Александр Александрович Черкесов (1839—1908), в 1862 году привлекался по делу о сношениях с «лондонскими пропагандистами» (А. И. Герцен и Н. П. Огарев), в 1867 году открыл книжный магазин и библиотеку, около которой группировалась радикально настроенная молодежь, в 1869 году привлекался по нечаевскому делу, выступал защитником на процессе 193-х.

⁴⁵ Иваницкий, партийная кличка Николая Ивановича Кибальчича (1853—1881), члена «Земли и воли» и «Народной воли», участника покушений на Александра II. В заключении разработал схему летательного реактивного аппарата.

⁴⁶ Далее Рысаков назвал известных ему рядовых членов партии «Народная воля».

⁴⁷ Азеф закончил образование в Дармштадте, куда переехал в 1895 году и получил диплом инженера-электрика Политехнического института.

⁴⁸ Михаил Рафаилович Гоц (1866—1906), член московских народных кружков, выдан Зубатовым и арестован в 1887 году, в 1888 году по высочайшему повелению выслан в Восточную Сибирь, участвовал в якутской драме 22 марта 1889 года, был тяжело ранен и предан военному суду. В 1889—1895 годах находился в тюрьмах Восточной Сибири, в 1895 году отправлен на поселение, в 1899 году переехал в Одессу, с 1901 года жил в Париже и Женеве. Один из основателей партии социалистов-революционеров.

⁴⁹ Григорий Андреевич Гершуни (1870—1908), один из основателей и вождей партии социалистов-революционеров, создатель и первый руководитель Боевой организации.

⁵⁰ Здесь ошибка: Азеф стал руководителем Боевой организации после ареста Гершуни в 1903 году.

⁵¹ Вячеслав Константинович Плеве (1846—1904), действительный тайный советник, статс-секретарь, член Государственного совета, в 1902—1904 годах министр внутренних дел.

⁵² Сергей Александрович (1857—1905), великий князь, четвертый сын Александра II, родной дядька Николая II, генерал-адъютант, генерал-лейтенант по гвардии, член Государственного совета, генерал-губернатор Москвы.

⁵³ Петр Иванович Рачковский (1853—1911), действительный статский советник, крупный деятель политического сыска, в 1885—1902 годах руководил заграничной агентурой, вице-директор Департамента полиции. В борьбе с противниками и соперниками применял любые методы, вплоть до уголовных.

⁵⁴ Леонид Александрович Ратаев (Рихтер), действительный статский советник, заведующий Особым отделом Департамента полиции, в 1902—1905 годах руководитель заграничной агентуры.

⁵⁵ Александр Васильевич Герасимов (1861 — после 1934), генерал-лейтенант Отдельного корпуса жандармов, крупный деятель политического сыска, в 1905—1909 годах начальник Петербургского охранного отделения, последний руководитель Азефа.

⁵⁶ Петр Аркадьевич Столыпин (1862—1911), статс-секретарь, гофмейстер, член Государственного совета, в 1906—1911 годах министр внутренних дел и председатель Совета министров, покровительствовал Герасимову и Азефу.

⁵⁷ Адольф Дрейфус (1859—1927), еврей, офицер французской армии, в 1894 году был ошибочно обвинен в шпионаже в пользу Германии и отправлен в военную тюрьму. В 1895 году был обнаружен

офицер французской армии Эстергазен, виновный в том, за что отбывал наказание Дрейфус. Шовинистические силы Франции до 1906 года не давали справедливо пересмотреть дело.

⁵⁸ Первая публикация: Былое. 1917. № 3. С. 196—209.

⁵⁹ Владимир Григорьевич Чертков (1854—1936), сосед по имению Л. Н. Толстого, его единомышленник, помощник в издательской деятельности.

⁶⁰ Душан Петрович Маковицкий (1866—1921), личный врач Л. Н. Толстого, его доверенное лицо.

⁶¹ Валентин Федорович Булгаков (1886—1966), последний личный секретарь Л. Н. Толстого.

⁶² Первая публикация: Былое. 1917. № 4. С. 108—145.

⁶³ *Deus ex machina*, лат. — Бог из машины. В античном театре бог, появлявшийся на сцене из машины, вмешивался в сюжет пьесы и приводил ее к развязке. П. Е. Щеголев применил это выражение в смысле: вывести из затруднения; разрешитель всех вопросов, возникших в жизни, то есть объяснение революционной ситуации в России вмешательством всемирного масонства.

⁶⁴ Казанский телеграф. 1911. 28 мая.

⁶⁵ Русское знамя. 1911. 25 января, 8 февраля; Земщина. 1912. 18 января.

Александр Иванович Гучков (1862—1936), один из основателей партии «Союза 17 октября» (октябристов), военный и морской министр Временного правительства. Гучков никогда не был масоном.

⁶⁶ Вестник Союза русского народа. 1911. 24 ноября.

⁶⁷ *Signé de détresse, франц.* — сигнал бедствия, тревоги.

⁶⁸ Русский стяг. 1909. 18 января.

⁶⁹ С.-Петербургские ведомости. 1912. 13 января.

⁷⁰ Московские ведомости. 1912. 10 апреля; Земство. 1912. 18 января.

⁷¹ Вече. 1908. 16 декабря.

⁷² Виленский вестник. 1912. 28 января.

⁷³ Русское земство. 1909. 10 января.

⁷⁴ Анатолий Павлович Каменский (1876—1941), журналист, редактор.

⁷⁵ См.: Колокол. 1911. 15 декабря.

⁷⁶ Мариавиты — подражающие жизни девы Марии — религиозная секта в Польне и Литве, основана в 1893 году. Члены секты не признавали непогрешимости Папы Римского.

⁷⁷ Новое время. 1908. 28 ноября.

⁷⁸ Павел Григорьевич Курлов (1860—1923), генерал-лейтенант по армии, шталмейстер, в 1909—1911 годах товарищ министра внутренних дел, командир Отдельного корпуса жандармов. Им организовано «изучение» масонства.

⁷⁹ Александр Иванович Дубровин (1855—1918), врач, основатель «Союза русского народа», редактор черносотенной газеты «Русское знамя», расстрелян осенью 1918 года.

⁸⁰ Г. Г. Мец, жандармский подполковник, организовавший в 1908 году

в Департаменте полиции сбор информации о масонстве, в марте 1909 года откомандирован в распоряжение дворцового коменданта. Извлечения из газет, приведенные в начале этого очерка, заимствованы П. Е. Щеголевым из бумаг Меца, собиравшего вырезки о масонах.

⁸¹ М. Т. — вероятно, Максимилиан Иванович Трусевич (1863 — после 1927), тайный советник, член Государственного совета, в 1906—1909 годах директор Департамента полиции.

⁸² Борис Кириллович Алексеев (1882 — после 1927), надворный советник, выпускник Александровского лицея, с 25 февраля 1910 года старший помощник делопроизводителя второго делопроизводства Департамента полиции, затем чиновник особых поручений Министерства внутренних дел.

Б. К. Алексеев был приглашен вместо Г. Г. Меца после разговора П. А. Столыпина с великим князем Николаем Михайловичем, в котором двоюродный дядька Николая II сообщил министру внутренних дел, что император выражает «тревожные опасения» по поводу деятельности масонов. Царю и его окружению казалось, что революционная опасность исходит главным образом от масонов. Столыпин дал распоряжение П. Г. Курлову организовать сбор сведений о масонских ложах в странах Западной Европы и о существовании масонов в России. Таким образом, инициатором отправки Алексеева был великий князь Николай Михайлович.

⁸³ Un immense attrait, *фр.* — неизмеримая привлекательность.

⁸⁴ Bête noire, *фр.* — пугало.

⁸⁵ Comte, *фр.* — граф.

⁸⁶ Sociétaires, adhérents, *фр.* — единомышленники, соратники, члены одной организации,

⁸⁷ Affaire de fiches, *фр.* — дело с ярлыками.

⁸⁸ Entente cordiale, *фр.* — сердечное соглашение, понимание.

⁸⁹ Chargé de cours à l'Ecole russe des Hautes Etudes, *фр.* — ведущий курс в русской высшей школе.

⁹⁰ Fiches, *фр.* — ярлык, фишка, жетон.

⁹¹ Choses de Russie, *фр.* — материал из России.

⁹² Перевод обращения Турмантена:

«Государь, франк-масонство сделало французскую революцию и погубило династию, Франция — жертва этой темной секты, которая испортила духовное состояние нашей несчастной страны. Кажется, что сейчас франк-масонство направило свои усилия против России. Как человек рассудительный, я взываю о помощи. Уже много лет парижские ложи принимают русских подданных. Я уже давал доказательства этому. Вот новое: 13 марта 1907 года на собрании парижской ложи «Масонский авангард» поднялось ликование в честь одного Ф., недавно избранного в Думу, члена ложи «Авангард». По этому случаю президент провозгласил о том, что многие масонские ложи скоро будут образованы в России. Это указание заслуживает особого внимания, и друг России и ее монарха позволяет себе адресовать, государь, вам эти строки в знак уважения, к преданности вашему величеству» (перевод П. Е. Щеголева).

⁹³ Петр Николаевич Дурново (1845—1915), действительный тайный советник, статс-секретарь, член Государственного совета, в 1884—1893 годах директор Департамента полиции, в 1900—1903 годах товарищ министра внутренних дел, в 1905—1906 годах министр внутренних дел.

⁹⁴ По стилю донесений и их содержанию видно, что Б. К. Алексеев — вымогатель и плут, он явно привирал, передавая слышанное, если не все им сообщенное было чистым вымыслом. Во Франции аббат Турмантен имел репутацию проходимца, и этого не могли не знать в Департаменте полиции. В его архиве сохранились документы, позволяющие предполагать, что Алексеев и Турмантен, вымогая деньги у русского правительства, состояли в сговоре. Но Министерство внутренних дел вполне устраивала миссия Алексеева: правительство не бездействовало, информация поступала такая, какую желали получить — «тревожные опасения» монарха не напрасны, таинственное сообщество ему угрожает.

После отказа правительства в передаче крупных денежных сумм Турмантену и возвращения Алексеева в Россию, они не прекратили сношений и сделали еще одну совместную попытку возобновить вымогательство денег у русского правительства, обратившись к министру внутренних дел А. А. Макарову, сменившему на этом посту убитого П. А. Столыпина. Но и она оказалась безуспешной. Руководители политического сыска искренне верили в масонскую угрозу, но за сомнительную информацию запрашивалась слишком большая сумма.

Алексеев продолжал заниматься масонами до конца 1912 года, пока его не выжил из Департамента полиции Г. Г. Мец, возвратившийся в родные Пенаты. Погоня за масонами предпринималась и позже, но в менее крупных масштабах. И не так шумно.

В отечественной и зарубежной историографии периодически всплывает тема российского масонства и масонского заговора в период Февральской — Октябрьской революций (см., например: Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1974; Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; Старцев В. И. Революция и власть. М., 1978). В 1990 году в Москве вышла книга историка А. Я. Авреха «Масоны и революция». Изучив все доступные ему архивные материалы и печатные источники, касающиеся российского масонства, автор делает следующий основной вывод: «Масонский парадокс в описываемое время представляет собой противоречие, состоявшее в том, что почвы для развития сколько-нибудь действенного политического масонства в России не было, а причина для игнорирующей реальные факты истеричной и иррациональной масонофобии правящих верхов, начиная от носителя верховной власти и кончая Департаментом полиции, была» (с. 340). Автор не отрицал существования в начале XX в. российского масонства, но доказал отсутствие масонского заговора и, уж во всяком случае, влияния масонов на Февральскую и Октябрьскую революции. П. Е. Щеголев описал один из эпизодов поиска следов российского масонства. Один аферист встретился с другим, но им не удалось втя-

нуть в свои дела правительство. Несколько режет слух иногда тон автора, но принципиальных расхождений у П. Е. Щеголева с новейшими исследованиями не имеется.

Алексеев продолжал заниматься масонами до конца 1912 года, пока его не выжил из Департамента полиции Г. Г. Мец, возвратившийся в родные Пенаты.

⁹⁵ Предшествующие публикации: Былое. 1917. № 5. С. 236—286; [Кобецкий И. Я., Щеголев П. Е.] Русский Рокамболь: (Приключения И. Ф. Манасевича-Мануйлова). Л., 1925. Подп.: К. Бецкий, П. Павлов.

⁹⁶ Человеколюбивое общество основано в 1802 году рескриптом императора Александра I, в котором он писал: «Для вспомоществования истинно бедным в столице составить особое благотворительное общество». Общество ставило своей целью «воспитание и обучение сирот и детей бедных родителей, призрение дряхлых, увечных и неспособных к труду, оказание временной помощи даровым и дешевым помещением, пищей и одеждой, оказание медицинской помощи». К моменту поступления И. Ф. Манасевича на службу в Человеколюбивое общество оно имело 131 заведение, их услугами пользовались около полутора миллионов человек.

⁹⁷ Понсон-дю-Террайл Пьер Алексис (1829—1871), известный французский писатель, автор серии бульварных детективных романов, в том числе «Похождения Рокамболя».

⁹⁸ Ганзен, советник Министерства иностранных дел.

⁹⁹ Секеринский, генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, начальник Петербургского охранного отделения.

¹⁰⁰ Артур Павлович Моренгейм (1824—1907), барон, в 1884—1898 годах русский посол во Франции.

¹⁰¹ Петр Иванович Рачковский.

¹⁰² Георгий Константинович Семякин.

¹⁰³ «Alexandre III et son entourage», par Nicolas Notovich, *фр.* — «Александр III и его окружение», автор Николай Нотович. «L'entente», par E. de Cuan, *фр.* — «Соглашение», автор Е. де Кун.

¹⁰⁴ Lettre suit, *фр.* — письмо прилагается.

¹⁰⁵ Текст письма: «Дорогой Борис, простите меня, что я не ответил на ваше последнее письмо, но я крайне занят и для удовлетворения вашей просьбы я должен был повидаться с известным лицом. Желаемые деньги будут вам в скором времени переведены. Займитесь делом, и мы вас не оставим. У меня к вам просьба, которую извольте исполнить сейчас же по получении письма. Отправьте прилагаемую при сем телеграмму. Надеюсь, вы не замедлите исполнить мою просьбу. Я буду очень скоро. Постарайтесь поискать мне квартиру. (На В-d Hausmann или на Елисейских полях, в 4 комнаты, хорошо меблированные). Остановлюсь в Hôtel Continental, но о дне приезда я вам пришлю телеграмму из Берлина, и, надеюсь, вы меня встретите на вокзале. Ваш И. Мануйлов». Текст телеграммы, которую по просьбе Мануйлова Надель должен был отправить из Парижа: «Petersburg, Fontanka, 56 Polak partez samedi. Argent transit Credit Lyonnais vous attends gare Nord Brettaner».

Перевод: Петербург, Фонтанка, 56. Полак. Выезжайте субботу. Деньги транзит Леонский кредит вас ждут вокзал Северная Бретань.

¹⁰⁶ En courant, *фр.* — в курсе.

¹⁰⁷ Владимир Михайлович Пирамидов (не установлен — 1901), полковник Отдельного корпуса жандармов, начальник Петербургского охранного отделения.

¹⁰⁸ Пропаганда — миссионерское учреждение, основанное в 1622 году папой Григорием XV для распространения католичества среди язычников и уничтожения еретиков.

¹⁰⁹ Николай Федорович Бурдуков, камергер, действительный статский советник, чиновник особых поручений Министерства внутренних дел.

¹¹⁰ Дмитрий Иванович Засядко, самарский и родомский губернатор.

¹¹¹ Манифест 26 февраля 1903 года — О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка (Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. 1903 год. Отделение I. СПб., 1905. С. 113—114). Манифест призывал к «снятию круговой поруки» с крестьян, «кредитованию сельского хозяйства». Далее в нем говорилось: «<...> к утверждению в семье, школе и общественной жизни нравственных начал, при которых под сенью самодержавной власти только и могут развиваться народное благосостояние и уверенность каждого в прочности его прав <...>».

¹¹² Письмо написано 6 июля 1910 года.

¹¹³ Сергей Юльевич Витте (1849—1915), граф, действительный тайный советник, статс-секретарь, член Государственного совета в 1892—1903 годах, министр финансов, в 1903—1906 годах председатель Комитета (Совета) министров.

¹¹⁴ Владимир Петрович Мещерский (1838—1914), князь, камергер, действительный статский советник, публицист, беллетрист, редактор-издатель реакционной газеты «Гражданин». Оказывал сильнейшее влияние на Николая II.

¹¹⁵ После увольнения П. И. Рачковского в 1902 году на его место руководителя заграничной агентуры был назначен Л. А. Ратаев.

¹¹⁶ Петр Дмитриевич Святополк-Мирский (1857—1914), князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии по Генеральному штабу, в 1904—1905 годах министр внутренних дел.

¹¹⁷ 22 октября 1904 года во время войны с Японией русская эскадра по пути из Кронштадта к театру военных действий близ английского порта Гулля открыла огонь по рыболовецкой флотилии, приняв ее за японские миноносцы.

¹¹⁸ Sûreté générale, *фр.* — Тайная полиция.

¹¹⁹ Петр Аркадьевич Столыпин.

¹²⁰ Avant depart, *фр.* — Перед отъездом.

¹²¹ Suivante, écrite, *фр.* — Написанную.

¹²² Evidemment, *фр.* — Очевидно.

¹²³ Possible avoir, *фр.* — Иметь возможность.

¹²⁴ Prie se propos reponse, *ви, фр.* — Прошу ответ по этому поводу, из-за...

¹²⁵ Grâce aux quels nous pouvons être au courant, *фр.* — Благодаря которым мы можем быть в курсе.

¹²⁶ Pendant tous leurs, *фр.* — Во время всех его.

¹²⁷ Impossible, *фр.* — Невозможно.

¹²⁸ Ce propos, *фр.* — Для этой цели.

¹²⁹ Prie reponse telegramme, *фр.* — Просьба дать ответ телеграммой.

¹³⁰ Impossible donner ordre demandé avant reception, *фр.* — Невозможно дать распоряжение до получения.

¹³¹ Et rapport détaillé continue, *фр.* — И подробного донесения.

¹³² Николай Александрович Макаров (1863—1906), статский советник, в 1902—1906 годы заведующий Особым отделом Департамента полиции, протестовал против применения полицейской политической провокации. Вскоре после ухода в отставку неожиданно скончался.

¹³³ Георгий Аполлонович Гапон (1870—1906), священник церкви Петербургской пересыльной тюрьмы. На деньги Департамента полиции образовал Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга, возглавил 9 января 1905 года шествие с петицией к царю. Во время эмиграции летом 1905 года дал согласие стать секретным агентом Департамента полиции, повешен рабочими.

¹³⁴ В сентябре 1909 года на конспиративной квартире Департамента полиции в доме номер 25 по Астраханской улице Александр Алексеевич Петров убил начальника Петербургского охранного отделения полковника Отдельного корпуса жандармов Сергея Георгиевича Карпова (1864—1909). Петров, будучи секретным агентом Карпова, оставался членом партии социалистов-революционеров.

¹³⁵ Михаил Андреевич Рейснер (1868—1928), профессор Томского университета, правовед, отец известной революционерки Л. М. Рейснер. В 1909 году В. Л. Бурцев со слов Л. П. Меньщикова, не назвавшего фамилии профессора Томского университета, распространил слух о том, что Рейснер предлагал свои услуги Департаменту полиции.

¹³⁶ Евстафий Павлович Медников (около 1850 — после 1917), основатель школы московских филеров, ближайший сподвижник С. В. Зубатова, служил его помощником в Московском охранном отделении, в 1902—1906 годах руководил наружным наблюдением Департамента полиции.

¹³⁷ Николай Васильевич Чайковский (1850—1926), один из основателей кружка революционной молодежи, известного под названием «кружка чайковцев», с 1904 года член партии социалистов-революционеров, судился в 1910 году и был оправдан Петербургской судебной палатой.

¹³⁸ Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844—1934), урожденная Вериге, «бабушка русской революции», входила в народнические кружки, неоднократно подвергалась репрессиям, в начале 1900-х годов примкнула к социалистам-революционерам, в 1910 году сослана в Восточную Сибирь.

¹³⁹ Михаил Ефимович Бакай (около 1878 — после 1931), чиновник особых поручений Варшавского охранного отделения, сотрудничал с В. Л. Бурцевым по разоблачению полицейских провокаторов, в 1907 году вышел в отставку, после ареста и высылки в административном порядке, в 1908 году бежал из Сибири в Финляндию, затем переехал в Париж, помог Бурцеву доказать, что Азеф — секретный агент Департамента полиции.

¹⁴⁰ Обыск, произведенный по распоряжению П. Г. Курлова 21 января 1910 года, был связан с желанием Мануйлова продать В. Л. Бурцеву секретные документы Департамента полиции. Сделка не состоялась, и у Мануйлова искали эти документы. В 1914 году Бурцев приехал в Россию из эмиграции, был арестован на границе, судим и отправлен в ссылку. В 1915 году он вернулся в Петроград и их встречи с Мануйловым возобновились. В это время Мануйлов был личным информатором С. П. Белецкого и входил в окружение Г. Е. Распутина. С конца 1915 года Мануйлов выполнял поручения министра внутренних дел, затем председателя Совета министров Б. В. Штюрмера.

В августе 1916 года товарищ директора Московского соединенного банка И. С. Хвостов обратился к директору Департамента полиции Е. К. Климовичу с жалобой на Мануйлова, вымогавшего у него 25 тысяч рублей за обещание предотвратить ревизию деятельности банка. По совету Климовича Хвостов передал требуемую сумму, предварительно записав номера кредитных билетов. В тот же день вымогателя арестовали на улице и при обыске обнаружили все полученные им от Хвостова деньги. Началось предварительное следствие, но по высочайшему повелению оно было прекращено. После тщетной попытки убедить Николая II в незаконности его повеления министр юстиции А. А. Макаров 19 декабря 1916 года получил отставку. Но преемнику Макарова, Н. А. Добровольскому, удалось уговорить императора на слушание дела Мануйлова. Петроградский окружной суд заседал 13—18 февраля 1917 года, вердиктом присяжных заседателей он был признан виновным в мошенничестве. 27 февраля 1917 года при пожаре в Доме предварительного заключения Мануйлов был освобожден. До Октябрьской революции он сотрудничал с В. Л. Бурцевым в его журнале «Общее дело». При попытке эмигрировать был задержан на финляндской границе и расстрелян летом 1918 года.

После появления в декабре 1917 года первой публикации очерка о И. Ф. Манасевиче-Мануйлове, только один человек упрекнул П. Е. Щеголева за очерк об аферисте. Заступником оказался В. Л. Бурцев, превосходно знавший героя очерка. Находясь в тюрьме, Бурцев писал Щеголеву:

«Многоуважаемый Павел Елисеевич!

Только что увидел 5—6 книгу «Былого».

Надо ли Вам говорить, как поразила меня в этой книге статья о Мануйлове?!

Вы меня легко поймете...

Я говорил Вам лично незадолго до моего ареста, что тема о Ма-

нуйлове в такой злобной форме, так односторонне освещенная, рассказанная с такими ошибками и умолчаниями, как это сделано в данном случае, неприемлема для меня, как для одного из редакторов «Былого».

И вот, когда я сидел в тюрьме, эта статья Вами напечатана. Напечатана без моего ведома!

Я даже не видел корректуры этой книжки «Былого», несмотря на то, что я просил ее не раз через моего товарища В. Г. Финка. Корректурa была мне обещана, и доставить ее в тюрьму было так легко. Тем не менее, несмотря на ряд обещаний, она не была мне доставлена. В списке статей, который был мне в тюрьме предоставлен, об этой статье не было упомянуто.

Вы знали, Вы прекрасно знали и не могли не знать, что эта статья меня очень интересует и задевает. Доставить ее для моего просмотра Вы были обязаны, если только считали нужным считаться с моим мнением.

Статья о Мануйлове во многом несправедлива и злобна. Это — раз. Она не полна и не ко времени. Не с Мануйловым надо теперь нам драться! Это — два.

Статья косвенным образом направлена против меня: я один из всех вас имел мужество протестовать против преступлений и мерзостей, которые совершили в деле Мануйлова сначала Рубинштейны и охранники Климовича, а потом Муравьевы и Керенские.

Те и другие делали по отношению Мануйлова гнуснейшие преступления. Вы все молчали по поводу этого и нашли в себе только мужества и политического такта наброситься на Мануйлова, когда он был безвреден.

Во всех своих изданиях, в том числе и в «Былом», с 1900 года я хлестал тех, кого считал вредным, и хлестал их до тех пор, пока они были вредны. Хлестать кого-нибудь для галерки, без всякой нужды, я считал не только праздным занятием, но даже вредным. Я поэтому никогда не хотел, чтобы дорогое для меня «Былое» из серьезного политического органа, преследующего государственные интересы, хотя бы отчасти превратилось бы в издание, напоминающее уличные листки.

Если Мануйлов — фигура и его дело — дело русской государственной важности, — его надо раскрыть полно и без какой-либо злобности» (Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР. Ф 627. Оп. 4. Д. 446).

Дмитрий Львович Рубинштейн (1876 — после 1929), банкир, прославился крупными финансовыми спекуляциями, входил в окружение Г. Е. Распутина.

Николай Константинович Муравьев, присяжный поверенный, в марте 1917 года возглавил Чрезвычайную следственную комиссию для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц, как гражданских, так военных и морских ведомств.

Александр Федорович Керенский (1881—1970), присяжный поверенный, выступал защитником на многих политических процес-

сах, министр юстиции и министр-председатель во Временном правительстве. Чрезвычайная следственная комиссия подчинялась Керенскому.

Письмо Бурцева переполнено эмоциями, оно чрезвычайно субъективно, и поэтому не каждому слову в нем следует доверять. Но автор письма безусловно прав, если в очерке допущены сокрытия важных фактов. Разумеется, недопустимы искажения и передергивания по отношению к кому бы это ни относилось. Однако фактов, хоть сколько-нибудь обеляющих фигуру нашего героя, обнаружить не удалось. Поэтому образ Мануйлова, созданный П. Е. Щеголевым, представляется правдивым.

¹⁴¹ Первая публикация: Каторга и ссылка. 1929. № 5 (54). С. 96—106.

¹⁴² Михаил Степанович Комиссаров (1870 — после 1927), генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, с 1904 года занимался политическим сыском, отличался поразительной безнравственностью. После Октябрьской революции ему позволили эмигрировать, находясь в странах Западной Европы, выполнял отдельные поручения Ф. Э. Дзержинского и других руководителей ВЧК.

¹⁴³ Все руководящие указания Департамента полиции по производству розыска и дознаний были собраны генерал-майором Отдельного корпуса жандармов Петром Ксенофонтовичем Поповым и подготовлены им к печати. К сожалению для исследователей истории политического розыска, этот труд Попова не дошел до нас ни в одном экземпляре. Погиб или сознательно уничтожен самими охранниками в момент революционного взрыва и журнал конференции по политическому розыску (примечание П. Е. Щеголева).

¹⁴⁴ Васильев субъективен, никто провокацию всерьез не запрещал. Начальство требовало результатов борьбы с законспирированными противоправительственными сообществами, допуская при этом применение любых средств. Если провокаторские приемы не предавались гласности, то за их использование никого не преследовали. Эффективные результаты поощрялись, даже раскрытие типографии, организованные при участии секретных сотрудников, то есть провокаторов.

¹⁴⁵ Главным образом в докладе чинов, ревизовавших розыскные органы, и в справках, составленных Особым отделом для начальствующих лиц на отдельных офицеров (примечание И. П. Васильева).

¹⁴⁶ Особенно известен «откровенник» Сукенник, имевший за душой до 20 убийств. «Откровенники» обычно в сопровождении филеров водились по улицам и указывали якобы известных им революционеров, которые тут же и ликвидировались (примечание И. П. Васильева).

¹⁴⁷ Деятельность Заварзина в Варшаве в 1910 или 1911 году подробно обследована Виссарионовым, который обнаружил при этом потрясающие вещи и сам высказывал, что «розыск» Заварзина имел явно преступный характер (примечание И. П. Васильева).

¹⁴⁸ П. Г. Курлов исполнял должность директора Департамента полиции летом 1907 года во время отсутствия М. И. Трусевича в Петербурге.

¹⁴⁹ Николай Николаевич Кулябко (1873—1920), полковник Отдельного корпуса жандармов, в 1907—1911 годах начальник Киевского охранного отделения, отстранен от должности после убийства его секретным агентом Д. Г. Багровым председателя Совета министров П. А. Столыпина.

¹⁵⁰ Владимир Федорович Джунковский (1866—1938), генерал-майор свиты его величества по гвардейской пехоте, в 1913—1915 годах товарищ министра внутренних дел, уволен от должности за выступление против Г. Е. Распутина, переведен в действующую армию, после Октябрьской революции работал в ВЧК. Джунковский — один из немногих лиц, служивших в системе Министерства внутренних дел, боролся с провокаторскими приемами, применяемыми в политическом сыске.

¹⁵¹ Оценка И. П. Васильева не отвечает действительности. Московское охранное отделение занимало ведущее положение до 1905 года стараниями С. В. Зубатова и его учеников, затем первенство перешло к Петербургскому охранному отделению благодаря его начальнику А. В. Герасимову и удачной перевербовке Е. Ф. Азефа. В своих действиях Герасимов даже не отчитывался перед руководителями Департамента полиции.

¹⁵² Николай Викторович Трещенков (1875—1915), ротмистр Отдельного корпуса жандармов, в мае 1911 года назначен помощником начальника Иркутского губернского жандармского управления. Во время вспыхнувшей в марте 1912 года забастовки на Ленских золотых приисках командирован по распоряжению Департамента полиции на прииски с подчинением ему всей местной полиции и жандармерии. По его распоряжению 5 апреля произведен расстрел рабочих. Трещенкова освободили от должности и возбудили против него преследование, затянувшееся до начала первой мировой войны. Погиб на фронте.

¹⁵³ Игнатий Михайлович, Александр Михайлович (Еремин) и Васильев — подчиненные А. И. Спиридовича; Беклемешев и Ермолов — офицеры жандармского управления.

¹⁵⁴ Первая публикация: Былое. 1917. № 2. С. 232—261.

¹⁵⁵ Группа максималистов выделилась из партии социалистов-революционеров в 1905 году, в октябре 1906 года они организационно оформились в Союз социалистов-революционеров максималистов. Максималисты требовали не только «социализации» земли, но и промышленных предприятий, не признавали легальных методов борьбы с монархией и придавали решающее значение «пропаганде действием» — террору. Они выступали за непрерывную партизанскую войну путем проведения «политических и экономических» (экспроприации) террористических актов.

¹⁵⁶ В Д. Б. Нейгарта 9 сентября 1904 года стрелял В. Поляков, руководил покушением эсер Е. Ильин. Поляков промахнулся. 28 сентября Ильин при аресте выстрелил в участкового надзирателя Крайнего и нанес ему шесть ударов кинжалом, от которых полицейский скончался на месте.

¹⁵⁷ Д.К. — Донской комитет.

¹⁵⁸ Темерник — окраина Ростова-на-Дону. После разгона полицейскими властями митинга, на котором обсуждался Манифест 17 октября 1905 года о даровании гражданских свобод, его участники собрались в Темернике и оказали вооруженное сопротивление войскам.

¹⁵⁹ Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. Статья 100: «Виновный в насильственном посягательстве на изменение в России или в какой-либо ее части установленных законами основ правления или порядка наследования престола <...>». Статья 101. «Виновный в приготовлении к тяжкому преступлению, статьей 100 предусмотренному <...>».

¹⁶⁰ Мамона — бог богатства и наживы (у сирийцев); злой дух, олицетворяющий стяжательство, алчность, обжорство (у христиан). В данном случае — занимались стяжательством.

¹⁶¹ «С и В» — револьвер фирмы Смит—Вессон. США.

¹⁶² Первая публикация: Былое. 1917. № 3. С. 40—67.

¹⁶³ Сергей Петрович Дегаев (1857—1921), народоволец, в 1882 году был завербован столичной охранкой. Находясь около полутора лет в руководстве партии и располагая сведениями обо всех провинциальных и столичных народовольческих кружках, включая Военную организацию, С. П. Дегаев предавал охранке своих товарищей и явился основным виновником разгрома партии «Народная воля».

¹⁶⁴ Роман Вацлавович Малиновский (1876—1918), вор-рецидивист, рабочий; член ЦК РСДРП, с 1905 года состоял секретным сотрудником Московского охранного отделения, затем Департамента полиции. В 1912 году был избран в IV Государственную думу, руководил ее социал-демократической фракцией. В мае 1914 года по распоряжению товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского был уволен из числа секретных сотрудников Департамента полиции с выплатой годового содержания и выдачей заграничного паспорта. В день отъезда из России Малиновский передал председателю Думы М. В. Родзянко заявление об отказе от звания ее члена. В 1915 году вступил в русскую армию на французском фронте, но вскоре попал в плен к немцам, в 1918 году приехал в Петроград, был судим и расстрелян.

¹⁶⁵ Георгий Порфирьевич Судейкин, подполковник Отдельного корпуса жандармов, инспектор Петербургского охранного отделения, склонил С. П. Дегаева к сотрудничеству, много сделал для внедрения провокаторских методов в политический сыск. Убит 16 декабря 1883 года на квартире Дегаева народовольцем Николаем Петровичем Стародворским (1863—1918), впоследствии провокатором.

¹⁶⁶ Циркуляр появился в результате распоряжения М. И. Трубеви-ча от 6 июня 1906 года: «Надо немедленно заняться организацией курсов для филеров и полицейских надзирателей. По этому предмету обсудить следующие вопросы: 1. Где удобнее устроить курсы: Петербург или Москва? 2. Нельзя ли привлечь к инструктированию Медникова и других старых опытных работников, устарелых для несения активной службы, вроде Сачкова, Продеуса и др.? 3. Каким образом

организовать обучение филеров и полицейских надзирателей сыскному делу, чтобы они не оставались узкими рутинерами? 4. Намечить программу занятий. 5. Как установить вознаграждение тем, кто поступает на курсы? — поручаю это подполковнику Беклемешеву и В. И. Лебедеву, которых прошу выяснить путем подлежащих сношений тех лиц, которые могут быть привлечены в качестве инструкторов» (примечание П. Е. Щеголева).

¹⁶⁷ Позже Н. Н. Кулябко сидел в тюрьме за растрату казенных денег.

¹⁶⁸ Казак из Терской области, одной из административных единиц дореволюционной России. Она располагалась на северных склонах Кавказского хребта и в Прикавказье, входила в состав Кавказского наместничества, главный город Владикавказ. Территория области разделена между Кабардинской и Северо-Осетинской АССР, Грозненской областью и Ставропольским краем.

¹⁶⁹ Варшавским генерал-губернатором был Георгий Антонович Скалон (1847—1914), генерал-адъютант, генерал от кавалерии.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Учреждения политического сыска и их первый историк	5

Агенты, жандармы, палачи

Секретная агентура	35
Мелочи охранного быта	39
I Сколько стоила секретная агентура	39
II Жандармский образ жизни	41
III Сердечность и формализм	43
IV Возникновение газетной агентуры	46
Героиня охраны	50
I Два документа	50
II Разоблачение	53
Петербургские филеры за границей	61
Царское богомолье	65
Палач Алексей Иванович Жекмаки	69
Палач Ричард Фремель	74

Охранники и авантюристы

Предисловие	80
Страх смерти	81
Исторический Азеф	87
Блондинка в Ясной Поляне в 1910 году	93
Охота за масонами или похождения асессора Алексеева	107
Русский Рокамболь (И Ф Манасевич-Мануйлов)	145
Жандармские откровения	196
Первое мая у жандармов (из жандармских писем)	205
Секретные сотрудники в автографах	213
Школа филеров	243
Примечания	271

Павел Елисеевич Щеголев

ОХРАННИКИ, АГЕНТЫ, ПАЛАЧИ

Редактор *В. Постоянцев* Художественный редактор *И. Марев* Технический редактор
Л. Платонова Корректор *Л. Веселова* Компьютерная верстка *А. Мынко*

Изд. № 0204087 Подписано в печать 28.06.04 г. Формат 60х90^{1/16} Бумага офсетная
Гарнитура «Таймс» Печать офсетная Усл. печ. л. 18,0 Уч.-изд. л. 19,35
Заказ № 0410420

ТЕРРА—Книжный клуб 115093, Москва, ул. Щипок, 2

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в
ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ТАЙНЫ

«Внутренняя жизнь революционных организаций, действующих в подполье, это совсем особый мир, абсолютно недоступный для тех, кто не входит в состав этих организаций. Они там в глубокой тайне вырабатывали планы своих нападений на нас. Мне ничего не оставалось, как на их заговорщицкую конспирацию ответить своей контрразведкой, — завести в их ряды своих доверенных агентов, которые прикидывались революционерами, разузнавали об их планах и передавали бы о них мне».

Начальник Петербургского охранного отделения.

П. Е. Щеголев не ставил перед собой задачу писать историю политического сыска в России. Он был реалистом и превосходно понимал, что ему не позволили бы этого сделать. История политического сыска не опубликована до сих пор. Но Павел Елисеевич заложил основы для ее написания.

ИСТОРИИ

ISBN 5-275-01092-3

9 785275 010923